О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Воспоминания, очерки, статьи современников

Дорогой

Пользуясь слу
Вам в половин
нашей армии (1
с вашим вечар
дружба день
Пишет вновь
узнав о луч
вам, они д

Владимир Ильич.

…чали сонце…

…ми день в ранн…

…)и подивитися

…земля. На

…в одном. Лі…

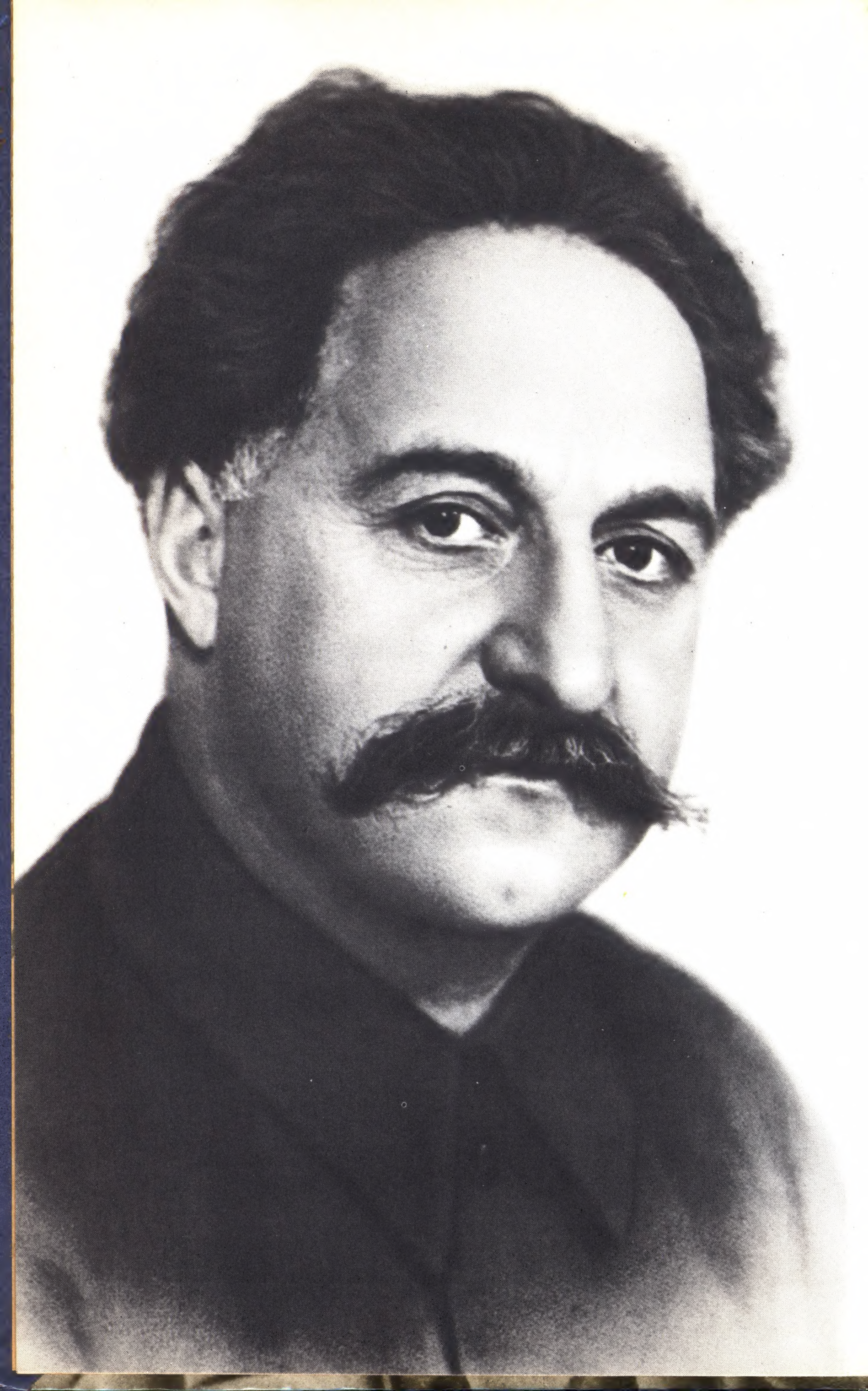
…ю не буря. Он…

…— тем ліщино…

…його з рі…

О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Воспоминания, очерки, статьи современников



О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Воспоминания, очерки, статьи современников

Издание второе, дополненное

Москва
Издательство
политической литературы
1986

66.61(2)8
О-11

Составитель
Ф. Г. Сейранян

О-11 **О Серго Орджоникидзе:** Воспоминания, очерки, статьи современников/Сост. Ф. Г. Сейранян.— 2-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1986.— 304 с., ил.

Воспоминания, очерки, статьи, включенные в книгу, рассказывают о жизни и деятельности верного революционера-ленинца, выдающегося партийного и государственного деятеля Советской страны Г. К. Орджоникидзе: о его участии в трех революциях, о борьбе за Советскую власть на Украине, Дону, Северном Кавказе, в Белоруссии и Закавказье, о работе на посту председателя ВСНХ, наркома тяжелой промышленности в годы социалистического строительства. Авторами выступают соратники Орджоникидзе, писатели, журналисты. Второе издание (предыдущее выходило в 1981 г.) предпринято к 100-летию со дня рождения Г. К. Орджоникидзе и дополнено новыми материалами.

Рассчитано на массового читателя.

О $\frac{0902030000-072}{079(02)-86}$ 235—86

66.61(2)8
ЗКП1(092)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Григория Константиновича Орджоникидзе (партийный псевдоним — товарищ Серго) навсегда вошло в историю Коммунистической партии, Советского государства. Он принадлежал к славной когорте большевиков-ленинцев, к числу тех, кто готовил социалистическую революцию, защищал ее от внутренних и внешних врагов, строил социализм, боролся с его противниками, прокладывал путь к светлому зданию коммунизма. Их жизнь — это подвиг, великий пример служения делу партии, делу революции.

В кабинете Серго на столе под стеклом лежал лист бумаги, на котором он записал своей рукой слова Феликса Дзержинского: «Я не умею наполовину ненавидеть или наполовину любить. Я не умею отдать лишь половину души. Я могу отдать всю душу или не дам ничего». В сущности, это было святым правилом всей жизни Серго. Жизни большой и прекрасной, могучей как песня.

Родился Г. К. Орджоникидзе в 1886 г., в горах Имеретии, где круглый год вскипают волной и звонко дробятся о камни студеные реки, в краю гордых и справедливых людей. Серго, ученик двухклассного Хорагоульского училища, сорвал со стены портрет царя. Прилюдно растоптал его — в знак протеста против исключения из училища Самуила Буачидзе, сына крестьянина-бедняка.

С осени 1901 г. Серго в Тифлисе. По незавидной привилегии круглого сироты учится на казенный счет в фельдшерской школе при Михайловской больнице. Участвует в

работе нелегального социал-демократического кружка, а в 1903 г. вступает в ряды РСДРП. По поручению Тифлисского комитета партии Серго руководил подпольным «ученическим центром», работал в нелегальной типографии, распространял запрещенные издания на предприятиях, доставляя прокламации, воззвания в сельские местности. Он ведет работу вместе с видными кавказскими революционерами, которые знакомят его с русскими социал-демократами, сосланными на Кавказ. В подпольной типографии он встретился с непревзойденным конспиратором Камо (Симоном Тер-Петросяном). Серго обрел редкую возможность получить уроки неистощимой выдумки, изобретательности, находчивости, незаурядного мастерства. Обучение было больше практическим. И не без озорства, не без молодой бесшабашной удали. Одно из первых занятий состоялось на... премьере «Гамлета». Дождавшись условного момента, Камо и Серго запустили с галерки увесистый тюк с прокламациями. Метили в полицмейстера — угодили в голову сидевшего через два кресла помощника главноначальствующего на Кавказе. Утром по городу разнесся слух: «В Казенном театре покушение на самого Фрезе... С центральной люстры метнули бомбу!»...

Семнадцатилетний Серго и двадцатилетний Камо становятся близкими друзьями. Долгие годы им предстоит идти вместе по полной опасностей дороге профессиональных революционеров.

Боевую закалку Г. К. Орджоникидзе получил в революционных боях 1905 г. Закончив фельдшерское училище, он работал в гудаутской больнице, близ Сухуми. Здесь Серго организовывал большевистские кружки, разъяснял абхазским рабочим и крестьянам программу большевиков, добывал оружие, сколачивал боевые дружины.

В декабре 1905 г. Орджоникидзе был арестован, заключен в Сухумскую тюрьму. За неполных шесть месяцев он трижды проводил голодовки. После последней, особенно упорной, друзья на воле собрали большую сумму денег для залога и оплаты «человеколюбия» господина про-

курора. Серго до суда выпустили на поруки. Он поспешил в Тифлис.

Снова нелегальные кружки, листовки, митинги. И агенты охранки, филеры — за спиной. Чтобы избежать нового ареста, Серго пришлось уехать за границу. В Берлине он намеревался было поступить в университет. Но пришла весть о разгроме большевистских организаций Кавказа. И не без помощи меньшевиков...

«Скорее в родные края, какая бы опасность ни угрожала!» — одна мысль владеет Серго.

Через короткое время на нефтяных промыслах в Баку появился новый фельдшер Григорий Орджоникидзе. Прием он вел круглосуточный. Особенно по делам партийным. Серго — член восстановленного Бакинского большевистского комитета.

В начале ноября 1907 г. — четвертый по счету арест. Приговор судебной палаты — лишение всех «прав состояния», ссылка на вечное поселение в Сибирь.

Енисейский губернатор, осведомленный о личных качествах и характере ссыльного, приказал отправить его в глухомань со зловещим названием Потоскуй. Три черные избы с одной стороны просеки, четыре — с другой. Где-то слева — стан Погорюй, справа — заимка Покукуй.

Увы! Орджоникидзе, по сведениям начальника губернского жандармского управления, вовсе не был склонен ни тосковать, ни горевать. Он занят «учрежденным лично им союзом политических ссыльных на Ангаре и Енисее... Орджоникидзе и его единомышленники,— говорилось в полицейском донесении,— насаждают школы агитаторов, пропагандистов и организаторов для того, чтобы по окончании ссылки водворенные возвращались бы на места хорошо подготовленными партийными работниками».

И далее: «...стараниями Орджоникидзе сорганизовалась также небольшая особая группа, которая приняла на себя обязанность устройства побегов политических ссыльных, снабжая последних паспортами, явками и даже деньгами; группа эта приняла название «Бюро помощи ссыль-

ным», причем в г. Красноярске учреждается филиальное отделение этого бюро».

Безотлагательно дается предписание: «Начальнику экспедиции полковнику Комиссарову принять строжайшие меры. Дело особо опасного государственного преступника Григория Константинова Орджоникидзе изъять из общего порядка подсудности и передать на рассмотрение военного суда».

И если военный суд не состоялся, то только потому, что в конце августа 1909 г. Серго бежал из ссылки. На челне, сработанном своими руками, он рискнул пройти до совсем глухой, даже по восточносибирскому понятию, заимки Дворец. Оттуда, по чуть приметной тропке между двумя трясинами, выбрался к деревушке Червянка. Серго упорно двигался на юг. На юг! От быстро увядавшего сибирского лета, от настигших его в Челябинске холодных дождей к благодатной, щедрой кавказской осени. Не задержался он ни в Тифлисе, ни в Баку. Орджоникидзе спешит в истекающий кровью Иран, где под влиянием русской революции 1905 г. разгорелось пламя освободительной борьбы. Серго едет в Иран, чтобы быть там, где бушуют революционные страсти. Закавказский подпольный центр большевиков рекомендовал его руководителем боевой дружины, которая должна помочь иранским повстанцам.

Из Решта (Гилянская провинция) идут письма Серго в большевистский центр в Париже, к В. И. Ленину, в редакции большевистских изданий. А в тифлисских демократических газетах и журнале «Схиви» («Луч») печатаются фельетоны Орджоникидзе, окрашенные сочным имеретинским юмором, подписанные псевдонимами: Гурджи Серго — грузин Серго и Серго Клдисдзирели (с самого рождения Серго жил у тетки на горе Клдисдзири). Транспортировка через Иран заграничной большевистской литературы в глубь России, бесплатное преподавание русского языка в школах, создание интернациональных клубов, перевод на персидский язык «Коммунистического манифеста» — всем этим занимался Серго в Иране.

В Решт приходила и ленинская газета «Социал-демократ». В одном из номеров ее Орджоникидзе увидел лаконичное сообщение: в Париже готовится к открытию партийная школа, профессиональные революционеры смогут там пополнить свои теоретические познания. Решение пришло сразу. Серго пишет в Париж:

«Товарищи, имейте в виду, если здесь мне удастся собрать предполагаемую мною сумму, то, несмотря на то, что я в настоящее время в Персии, все же по открытии школы приеду, и вы должны будете допустить в школу меня в числе других».

В 1911 г. Серго становится вольнослушателем партийной школы в Лонжюмо, близ Парижа. Здесь он впервые встречается с Владимиром Ильичем. «С тех пор,— писала Н. К. Крупская,— он стал одним из самых близких товарищей».

Но в школе Серго пробыл недолго. Это был период ожесточенной борьбы большевиков против ликвидаторов, отзовистов, троцкистов и других оппозиционеров, за очищение и укрепление партии. В. И. Ленин предложил Орджоникидзе отправиться в Россию для подготовки VI Всероссийской конференции РСДРП, которая должна была покончить с разбродом и шатаниями, возродить революционную большевистскую партию.

— Будьте очень осторожны, — предупреждал Серго Ленин.— Царское правительство имеет густую сеть провокаторов, работать в России сейчас очень трудно.

Да, это было действительно так. Полиция следила за каждым шагом Орджоникидзе. Серго еще оставался во Франции, а департамент полиции уже располагал сведениями, что он «командирован Лениным с особыми инструкциями в Россию». Бакинский же филер по кличке Фикус доносил, что разыскиваемый департаментом Серго, он же Николай, лицо ему хорошо известное, его давний подопечный, бывший фельдшер Орджоникидзе с промыслов Шамси Асадуллаева.

А вот строки депеши из Баку в департамент полиции: «В Баку должно было состояться в конце сентября сове-

щание по поводу конференции. На этом совещании должны были присутствовать приезжие из Петербурга. Один из них приехал 25 сентября, Серго — 26 сентября и третий арестован по дороге, в Москве; этот последний имел бакинские адреса, данные ему Серго при первом его выезде».

Но, заполучив желанные адреса, охранка проявила слишком большое нетерпение. Полицейский наряд, посланный для захвата Серго, нагрянул на квартиру его родственника Николая Орджоникидзе, едва в бакинской бухте зажглись первые огоньки. Так рано Серго никогда не приходил ночевать. Он появился лишь после полуночи. Еще издали увидел — угловая комната освещена. Свет означал: «У нас нежеланные гости, уходи!»

Где же разместить делегатов, прибывших на заседание Российской организационной комиссии (РОК) по подготовке конференции?

В запасе у Серго была еще одна конспиративная квартира. Там 29 сентября 1911 г., на дальнем нефтяном промысле в Сабунчах, и открылось заседание РОК. Орджоникидзе сообщил, что за неотложный созыв партийной конференции высказались Петербург, Киев, Москва, Екатеринбург, Тифлис, Екатеринослав, Ростов, Баку, Нижний Новгород и Сормово. Об этом он написал в газету «Социал-демократ», которую редактировал Владимир Ильич.

За долгие годы Серго не то чтобы привык, но как-то сжился с мыслью о неизбежности борьбы с царской охранкой. Несравненно болезненнее, горше он воспринимал удары в спину, западни, втайне подготовленные мнимыми единомышленниками. И чуть было не угодил в капкан, поставленный быстро делавшим карьеру провокатором Мироном Черномазовым.

...Конная и пешая полиция окружила клуб общества «Наука», где были Степан Шаумян и Серго Орджоникидзе. Жандармы врываются внутрь.

— Именем закона, руки вверх! — требует ротмистр Кулинский.— Руки вверх! Ни с места!!

Ротмистр внимательно вглядывается в лицо каждого

арестованного. Со многими он встречался не раз. «Прекрасно! Вот Шаумян. Но почему один, без Орджоникидзе?! Мирон божился, что на ночное заседание придут оба».

Серго и на этот раз вырвался из рук полиции. Уходит и продолжает то дело, которое поручил ему Ленин. Переправляет всех делегатов РОК в Тифлис. Дает им явку на Андреевскую улицу, дом номер тринадцать. К живущей там учительнице Елене Дмитриевне Стасовой.

Елена Дмитриевна, давно привыкшая к подобным неожиданностям, радушно приняла всех. В ее доме делегаты продолжали работу.

Серго сумел в тифлисской подпольной типографии во многих тысячах экземпляров отпечатать прокламацию. «Товарищи рабочие! — говорилось в ней.— Организуйтесь в единую нелегальную революционную партию!.. Нам необходима *подпольная* работа... Везде, повсюду в России сознательные пролетарии неустанно ведут трудную, тяжелую работу по воссозданию и укреплению РСДРП... Долой ликвидаторство!»

Прокламация была распространена по всему Кавказу. Затем в изложении Ленина появилась и на страницах «Социал-демократа». Владимир Ильич с гордостью писал: «...прокламация отпечатана в собственной типографии тифлисских большевиков».

Все, чем Орджоникидзе занимался долгие недели, месяцы,— его хлопоты, мытарства, поединки с полицией и тайной агентурой,— превышает обычные человеческие возможности. Такое мыслимо совершить только во имя очень-очень светлой цели. И когда Серго на Пражской партийной конференции в январе 1912 г. закончил свой доклад о деятельности РОК, Владимир Ильич предложил в резолюции высказать «*признание* громадной важности сделанного дела...» [1]. На конференции Серго избран членом ЦК партии.

Возвратившись в Россию, он объезжает партийные организации, разъясняет решения Пражской конференции.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 481.

В апреле 1912 г. в Петербурге Орджоникидзе был снова арестован. В октябре состоялось заседание Петербургского окружного суда. Прокурор, а затем председательствующий долго перечисляли, в чем повинен перед империей Николая II член Центрального Комитета партии социал-демократов ленинцев Орджоникидзе, двадцати шести лет от роду.

«...В 1905 году перед большим стечением народа открыто провозглашал: «Дзирс Николози!» — «Долой Николая!»

...Бежал с места водворения.

...Противозаконно переходил государственные границы.

...Издавал и распространял нелегальную литературу.

...В целях, направленных на ниспровержение существующего в государстве строя, учредил Российскую организационную комиссию по созыву партийной конференции.

...Представлял собой делегата от Тифлисской организации.

...При формировании нового Центрального Комитета вошел в таковой с обязательством руководить работой в России».

«Посему,— вынес приговор суд,— за совершенные преступления... к трем годам каторжных работ с последующим поселением в Сибирь пожизненно».

Невольный очевидец, одновременно с Орджоникидзе отбывавший свой срок в Шлиссельбурге, Федор Николаевич Петров, член РСДРП с 1896 г., рассказывал: «Независимый, гордый духом, Серго участвовал во всех протестах. Не подчинялся режиму и не раболепствовал перед администрацией, не снимал шапки по команде, не отвечал «здравия желаю» начальнику тюрьмы и его помощникам». Уверенный в неизбежной победе революции, он жадно накапливал знания. Много читал, пожалуй, как никто другой.

При малейшей возможности Серго пополнял свои знания. Тюрьмы и ссылки тоже стали для него настоящими университетами жизни.

На третий месяц заточения Орджоникидзе получает немного денег от брата Папулия и мачехи Деспине. Он использует их надлежащим образом — все до последней копейки переправляет в лавки Санкт-Петербурга. Чтобы по неотложной надобности доставили ему величайшую драгоценность — книги.

Заказывает отпечатанные в 1905—1910 гг. труды английского экономиста Адама Смита, французских социологов Жана Жореса и Жюля Геда, воспоминания парижского коммунара Аллемана «С баррикад на каторгу», книгу Плеханова о Чернышевском, «Очерки истории Римской империи», «Лекции по истории Греции», книги «Древний Восток и эгейская культура» Виппера, «История Европы» Кареева, «Начало и конец абсолютизма во Франции» Днепрова, «История Соединенных Штатов» Чаннинга.

Так Серго поступал и в дальнейшем, до самой отправки в бессрочную ссылку поздней осенью 1915 г.: как только получит от родственников пять или десять рублей — более крупных сумм набирать не удавалось,— немедля посылает их в книжные лавки. Книги! Не расстанется Серго с ними, повезет в далекую Якутию, а после революции — в Петроград, Баку, Тифлис, Ростов, Москву. И станут они первым вкладом в его личную библиотеку.

Всю жизнь — самое дорогое имущество, одна «собственность» — книги. Пять тысяч томов в личном собрании...

Сохранилась тюремная тетрадь Серго за № 2. Черный клеенчатый переплет. Сто девяносто четыре листка в одну линейку, пронумерованных и прошитых цветным шнуром,— на концах большая сургучная печать с двуглавым орлом. Несколько овальных штампов: «Проверена 13/XII 1913 г.», «Проверена 23/IV» (год не проставлен) и т. д.

Орджоникидзе аккуратно заносит в тетрадь название прочитанной книги и фамилию автора. Из русских прозаиков и поэтов чаще всего: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Достоевский, Лев Толстой, Тургенев, Герцен, Чернышевский, Гончаров, Короленко, Горький, Леонид Андреев, Бунин, Гарин-Михайловский, Мельников-Печерский, Вересаев, Помяловский, Сергеев-Ценский, Телешов. Из ино-

странных авторов: Байрон, Шекспир, Гете, Мольер, Мирбо, Бурже, Шиллер, Франс, Бомарше, Бальзак, Ибсен, Стендаль, Жорж Санд, Золя, Стринберг, Гауптман, Уэллс, Джек Лондон.

Почти всегда Серго высказывает свое мнение о прочитанном, полемизирует с авторами или подкрепляет их мысли наблюдениями, доводами, суждениями. Его записи свидетельствуют о большой политической зрелости. Вот одна из них:

«Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазно-империалистическо-династической войны. Борьба за рынки и за грабежи стран, стремление одурачить, разъединить, перебить пролетариат всех стран, направить наемных рабов одной страны против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственно реальное значение войны...»

А вот что он писал о социал-шовинистах:

«Оппортунисты давно подготовляли крах 2-го Интернационала, отрицая социальную революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с превращением ее в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов. Проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества».

В свое время В. И. Ленин и другие лекторы партийной школы в Лонжюмо не успели проэкзаменовать Орджоникидзе — он экстренно уехал в Россию. Прочитай Владимир Ильич эту шлиссельбургскую тетрадь, он наверняка поставил бы Серго наивысший балл.

Однажды сквозь толщу крепостных стен, каким-то окольным путем, проникает к Орджоникидзе копия первоначальных тезисов Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». С радостью и некоторой долей гордости Серго убеждается, что написанный им крохотными, очень разборчивыми буквами реферат «Русско-германская война и социал-демократия» (листки постепенно обойдут все камеры — у политических своя «почта»!) полностью совпадает с ленинской оценкой вой-

ны. Пишет он и второй реферат — о национальном вопросе. По мнению Серго, также совершенно обязательный для того, чтобы одолеть заблуждения иных каторжан, навеянные войной, писаниями социал-шовинистов.

После трехгодичного заключения в Шлиссельбургской крепости Орджоникидзе выслан в Якутию. Лишь Февральская буржуазно-демократическая революция освободила его. В июне 1917 г. он приезжает в Петроград. Входит в Петербургский комитет большевиков, в исполком Петроградского Совета. Выступает на заводах, в солдатских казармах — ведет ожесточенную борьбу с меньшевиками и эсерами, отстаивает ленинские идеи о мире, о земле, о социалистической революции.

В период разгула контрреволюции в России, когда партия укрыла В. И. Ленина в подполье, по поручению ЦК Серго дважды ездил к вождю в Разлив. На VI съезде партии, взявшем курс на вооруженное восстание, делегат Петербургской большевистской организации Орджоникидзе — докладчик по вопросу, всех особенно волновавшему,— о явке Ленина на суд разъяренных контрреволюционеров. Серго гневно заявил: «...им важно выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина» [1]. Съезд единогласно высказался против явки Ленина к контрреволюционным властям.

Вскоре после VI съезда ЦК направляет Серго в Закавказье. Он руководит работой большевиков Тифлиса и Западной Грузии. 24 октября возвратился в Петроград. С вокзала — сразу в Смольный. Слышит призыв Ленина: «Да здравствует социалистическая революция!» Орджоникидзе предстояло сразу же отправиться в расположение третьего батальона самокатчиков — самой большой надежды Керенского.

В лесу, вблизи станции Новинка, машину Серго задержало боевое охранение самокатчиков. Встретили недру-

---

[1] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958, с. 31.

желюбно. Орджоникидзе, взобравшись на броневик, говорил на стихийно собравшемся митинге полтора часа. Недоверие к большевикам солдат, обманутых офицерами, удалось сломить.

Впоследствии три с лишним года провел Серго на фронтах гражданской войны. Испытал горечь поражений и радость побед. Но всего охотнее вспоминал он сражение, выигранное без выстрела, без крови и жертв в среду двадцать пятого октября у станции Новинка. Грозный, отлично вымуштрованный, прекрасно вооруженный батальон самокатчиков, затребованный Временным правительством для разгрома Смольного, отдал себя в распоряжение Военно-революционного комитета.

В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое октября делегаты самокатчиков, предводительствуемые Орджоникидзе, появились на заседании съезда Советов.

«Под необузданные взрывы восторга,— записано в протоколе съезда,— огромного роста самокатчик с двумя Георгиевскими крестами заявил: «Среди геройского третьего батальона нет никого, кто согласился бы пролить братскую кровь. А господину главноуговаривающему Керенскому даем предупреждение — не трожь съезд Советов и Военно-революционный комитет! Кишки выпустим!!»

В конце октября 1917 г., когда войска Керенского — Краснова создали непосредственную угрозу революционному Петрограду, партия направила Орджоникидзе на разгром мятежников — на первый фронт Советской республики.

Пулковские высоты, Царское Село, Гатчина... Орджоникидзе — руководитель фронтовой группы агитаторов Центрального Комитета. Он выполняет важнейшее партийное задание — доносит до сердец простых людей правду о большевиках, о Ленине.

В. И. Ленину хорошо были известны твердая, непоколебимая воля Серго, его организаторские способности. Посылая Орджоникидзе на ответственнейшие участки гражданской войны, он был уверен, что тот не пожалеет жизни, чтобы выполнить поручение партии.

1918 год. Страна похожа на осажденную крепость. Не-

мецкие и австрийские дивизии шли по степям Украины. На севере они подкатывались к Курску, на юге — к границам Донской области. Судьбу Украины разделяли Белоруссия, Прибалтика, Финляндия, Закавказье. Англичане и американцы высадились в Мурманске и Архангельске, японцы — во Владивостоке. На Волге поднял мятеж чехословацкий корпус. А Красная Армия еще только формировалась.

Орджоникидзе — на передовых рубежах этой осажденной крепости. Он в Ростове. В ответе за Крым, Донскую и Кубанскую области, Ставропольскую и Черноморскую губернии, за Черноморский флот и весь Северный Кавказ до Баку. В мандате, присланном Лениным в Ростов, говорилось, что все совнаркомы, совдепы, ревкомы, военно-революционные штабы должны действовать под началом представителя центральной Советской власти, чрезвычайного комиссара Орджоникидзе. Весь штат Чрезвычайного Комиссариата — четверо петроградских рабочих с Выборгской стороны.

Украина... Юг России... Закавказье... Средняя Азия... Неизменно, где сверхнатянуто, сверхгорячо — там Серго. Чрезвычайный комиссар огромных территорий... Член Революционного Военного совета армий и фронта... Председатель ревкома... Руководитель Бюро ЦК... Глава специальной комиссии ЦК по военно-политическим и партийно-организационным вопросам Туркестана. Всегда полномочный представитель своей партии. Партии большевиков!

В конце 1918 г. деникинцы окружали Владикавказ — город, ныне гордо носящий имя Орджоникидзе,— четырьмя многотысячными колоннами. У красных же на всех участках фронта было не больше двух тысяч бойцов.

В ночь с 10 на 11 февраля 1919 г. к деникинцам подошли две свежие дивизии и эшелон с английскими броневиками. Около полудня, под прикрытием густого тумана, броневики и конница Улагая прорвались к центру Владикавказа. Перед Орджоникидзе, писал А. И. Микоян, «возникает вопрос: отступать ли ему вместе с войсками на Астрахань или остаться с местными партизанскими отря-

дами рабочих и горцев и продолжать борьбу здесь, на месте?

Серго решает остаться и сражаться до конца, хотя надежд на победу мало: в тылу — меньшевистская Грузия, враждебная Советской России, наступают озверелые банды белогвардейцев.

Однако честь революционера подсказывает Серго: надо остаться! Он посылает телеграмму Ленину: «Будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством».

В этих словах — весь Серго.

Прошло полгода, прежде чем он смог вернуться в Россию и проявить свой талант на других фронтах гражданской войны.

Когда же примерно через год он возвратился с частями Красной Армии на Северный Кавказ, горцы встречали его как своего народного героя. Доверие к нему с их стороны было безграничным...»

В начале 1920 г. Г. К. Орджоникидзе был назначен членом Реввоенсовета Кавказского фронта и председателем Северо-Кавказского ревкома. Совместно с С. М. Кировым, М. Н. Тухачевским, С. И. Гусевым он руководил ликвидацией белогвардейских войск на Северном Кавказе. Г. К. Орджоникидзе был верным проводником ленинской политики в этом крае, создавал и укреплял советские республики горских народов, умело решал крайне сложные в условиях Северного Кавказа национальный и земельный вопросы.

Велик вклад Орджоникидзе в установление Советской власти в Азербайджане, Армении и Грузии. Одним из проявлений государственного суверенитета республик Закавказья должно было стать создание национальных формирований Красной Армии. «...Немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян, создавая крепкую грузинскую Красную Армию» [1],— писал Ленин сразу после получения телеграммы Серго «Над Тифлисом реет Красное знамя». Азербайджанские, грузинские и армянские дивизии по-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 367.

служили прекрасной школой подготовки национальных военных кадров Красной Армии. Создавал их Серго.

19 мая 1921 г. Президиум ВЦИК, отмечая заслуги Г. К. Орджоникидзе в годы иностранной интервенции и гражданской войны, наградил его орденом Боевого Красного Знамени. А несколькими неделями раньше в Баку члены Азербайджанского ревкома, уполномоченные нефтяных промыслов, перегонных заводов, воинских частей и Каспийского флота вручили Серго орден Красного Знамени своей республики, изготовленный из червонного золота.

Более шести лет Г. К. Орджоникидзе возглавлял Кавказское бюро ЦК РКП(б), а затем Закавказский краевой комитет партии. С большевистской настойчивостью он проводил в жизнь ленинскую национальную политику в Закавказье, был одним из организаторов федерации Закавказских республик. Под непосредственным руководством Г. К. Орджоникидзе в крае была восстановлена нефтяная, марганцевая и создана каменноугольная промышленность, развернуты большие работы по электрификации, восстановлению и подъему сельского хозяйства. Значительно повысился уровень материального благосостояния и культуры трудящихся Закавказья.

На X съезде партии Г. К. Орджоникидзе был избран в состав Центрального Комитета РКП(б), в 1926 г.— кандидатом, а в 1930 г.— членом Политбюро ЦК ВКП(б). Он входил в штаб партии до последнего дня своей жизни.

3 ноября 1926 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) избрал Серго Орджоникидзе председателем Центральной контрольной комиссии. Постановлением Президиума ЦИК СССР он был назначен заместителем Председателя СНК СССР и наркомом РКИ. Рабоче-крестьянская инспекция — Рабкрин — одна из самых больших забот Ленина в последние месяцы его жизни. Орджоникидзе занял этот ответственный, чрезвычайно сложный пост. Сердечный к друзьям и беспощадный к врагам, вспыльчивый и мгновенно прощающий, как только человек говорил: «Я понимаю свое заблуждение, искуплю

свою вину»,— таким был Серго. Он был непоколебим, когда приходилось принимать большие принципиальные решения, отстаивать единство партии на основе марксизма-ленинизма.

Таким он, Орджоникидзе, был в самом начале своей революционной деятельности — в пору горячих схваток с грузинскими меньшевиками, таким остался до конца. Он оставался самим собой — убежденным ленинцем. И по твердому своему убеждению, по велению сердца, самым деятельным образом участвовал в разгроме троцкистов, «рабочей оппозиции» и тех, кто забирал непоправимо «влево», и тех, кто безнадежно сбивался вправо.

Через год с небольшим после того, как Всесоюзный съезд Советов утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства, 10 ноября 1930 г. Президиум ЦИК СССР назначил Орджоникидзе председателем Высшего совета народного хозяйства (с 5 января 1932 г. после реорганизации ВСНХ Серго — нарком тяжелой промышленности). Под началом Орджоникидзе все стройки, все заводы, недра и леса от реки Урал до Заполярья и Кавказского хребта, от Приазовья до озера Балхаш. По его «ведомству» — «пафос строительства и пафос освоения», как говорили в ту пору. Новое назначение вполне отвечает динамичному характеру Серго. Он сочетает в себе бешеную энергию и настойчивость в достижении намеченных планов, непримиримость к отступникам с глубокой сердечностью к людям труда.

Каждый новый завод — его большая любовь, частица его души, предмет его гордости.

Каждый из работников тяжелой промышленности — от землекопа до академика, от подручного сталевара до начальника главка — одинаково уверенно и любовно говорил: «Наш Серго!» По глубокому убеждению металлургов, он — первый в стране сталевар. Угольщики клялись — он заправский шахтер. Добытчики золота настаивали: он наш таежный старатель. Для химиков он знаток тонких и редких синтезов. А в кругу машиностроителей — технолог и конструктор высшего класса.

Американский консультант, проработавший более пяти лет на Днепрострое, полковник Купер и тот напечатал в «Нью-Йорк таймс»: «Каждый месяц работы с Орджоникидзе увеличивает мое восхищение его прекрасным характером. Его умение схватывать детали и его понимание проблем, которые в большинстве своем были новы для него, поистине феноменальны!» Человек блестящего организаторского таланта, чуткий и внимательный к людям, прямой и непоколебимый большевик, Серго завоевал огромный авторитет и любовь трудящихся масс.

Он был замечательным воспитателем кадров руководителей социалистической индустрии. Орджоникидзе лично знал не только директоров крупнейших предприятий, но и многих инженеров, техников и рабочих, следил за их работой, по-партийному критиковал, помогал им, выдвигал на ответственные посты честных, преданных партии, знающих свое дело людей. Он показывал пример большевистской принципиальности, учил подходить к любому делу с государственных и партийных позиций. «Что необходимо для самих работников промышленности?» — спрашивал Орджоникидзе. И отвечал: «...прежде всего, *дисциплина* и *партийность... Партийность — это главное... Партийность — прежде всего и раньше всего»* [1].

Одним из первых Серго оценил и поддержал славный почин Алексея Стаханова. Недаром рабочие называли его «наркомом стахановцев».

Жизнь и деятельность Серго Орджоникидзе, его пламенное служение народу, беззаветная борьба за ленинские идеалы являются вдохновляющим примером для советских людей, строящих коммунизм.

В сборнике воспоминаний современников о Г. К. Орджоникидзе воссоздан жизненный путь этого выдающегося деятеля ленинского типа.

Книга состоит из двух разделов. *Первый охватывает дореволюционный период жизни Серго, а также его деятельность в первые послеоктябрьские годы.* Воспоминания

---

[1] *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи. М., 1957, т. 2, с. 443, 444.

жены и друга Г. К. Орджоникидзе Зинаиды Гавриловны, первого учителя В. Х. Цицкишвили, товарищей по революционной борьбе и подполью, боевых соратников по гражданской войне характеризуют условия, в которых формировались революционные взгляды Орджоникидзе, рассказывают о его участии в подготовке Великого Октября, защите Советской Республики.

Во второй раздел вошли воспоминания о деятельности Орджоникидзе в период социалистического строительства. На страницах сборника выступают академики Б. Е. Веденеев, И. П. Бардин, А. Ф. Иоффе, рабочие А. Г. Стаханов, И. И. Гудов, М. Н. Мазай, директора заводов С. П. Бирман, С. С. Дьяконов, журналисты С. Р. Гершберг, Г. Л. Вайс и другие.

При подготовке сборника использован большой круг разнообразных источников, как опубликованных, так и неопубликованных. В книгу вошли материалы из фондов Музея Революции СССР, статьи и очерки из книг, журналов и газет. Некоторые из них подверглись сокращению. В конце книги приводятся краткие справки об авторах воспоминаний.

I

...В сердцах миллионов строителей социализма,
в сердцах грядущих поколений будет жить,
никогда не умирая, образ верного друга трудящихся,
неукротимого борца за счастье народов,
настоящего строителя социализма
Григория Константиновича Орджоникидзе.

К. Е. Ворошилов

З. Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ

ДЕТСТВО

В двенадцати километрах от станции Хорагоули, среди имеретинских гор и холмов, раскинулось селение Гореша. В нем пятьсот дворов, или, как говорили в старину, «дымов». Селение Гореша разбросано по горам; иногда один дом отстоит от другого на два-три километра. В глубине ущелья шумит незамерзающая речка Квадаура.

В селении Гореша находился дом и маленькое хозяйство обедневшей грузинской дворянской семьи Орджоникидзе.

В начале восьмидесятых годов прошлого века хозяйство по наследству перешло к Константину (Котэ) Николаевичу Орджоникидзе, вскоре женившемуся на Евпраксии Григорьевне Тавзарашвили, девушке скромной, трудолюбивой, но болезненной. В 1882 г. у молодых супругов Орджоникидзе родился первый ребенок — Павел (Папулия), а 28 октября 1886 г.— второй [1]. При крещении ему в честь деда было дано имя Григорий. Однако все родные и близкие с детства называли его Серго. Впоследствии это имя стало его партийным псевдонимом.

Отец Серго — Константин (Котэ) Орджоникидзе хотя и происходил из дворянского рода, но имел всего лишь небольшой участок земли, который он засевал кукурузой. Урожая с этой земли едва хватало на несколько месяцев, и Константин, чтобы прокормить семью, вынужден был уходить на заработки в Чиатуры, где он возил на быках марганцевую руду из Чиатур в Зестафони.

Мать Серго — Евпраксия скончалась от тяжелой болезни через шесть недель после рождения Серго.

«Когда умирала тетя Евпраксия,— пишет в своих воспоминаниях Катия Мачавариани,— она подозвала к себе свою сестру Эку и сказала: «Я умираю, сестра, и поручаю

[1] Г. К. Орджоникидзе родился 12 (24) октября 1886 г.— *Ред.*

тебе своего маленького мальчика. Ты должна его воспитать. Знаю, что тебе будет трудно, но у тебя есть дочь Катия. Она девочка большая и поможет тебе».

Старожилы вспоминают, что Серго был добрым, сердечным и отзывчивым мальчиком.

Серго ненавидел всякую несправедливость. Когда старшие мальчики избивали своих младших товарищей, Серго заступался за малышей и много раз возвращался домой с разбитым носом.

Не любил он плакс и сам старался никогда не плакать. Один раз он на полном скаку упал с лошади. Сосед нашел его лежащим без сознания. Когда Серго пришел в себя, сосед смыл с его лица кровь и отвел домой. Мальчик от боли кусал губы, но не плакал и даже старался не хромать, хотя сильно ушиб ногу.

Серго был трудолюбив: помогал взрослым собирать виноград, давить вино, вместе с другими малышами пас коз, гонял в ночное лошадей.

Когда Серго исполнилось восемь лет, Эка отдала его в местную школу. В те годы на весь Шорапанский уезд было всего четыре школы. Одна из них находилась в Гореша.

Учителем Серго был вдумчивый, влюбленный в свое дело, опытный педагог Виссарион Цицкишвили.

Серго учился хорошо. За зиму он сделал значительные успехи и по арифметике и по языкам. Он даже помогал отстающим товарищам. Приходил Серго в школу за полчаса до начала уроков и проверял у своих друзей тетради.

Летом в Гореша приехал Симон Георгиевич Орджоникидзе, прогрессивно настроенный грузинский интеллигент, народный учитель из Хоби (Мингрелия). Он обратил внимание на способности Серго, стал заниматься с ним русским языком. Осенью, уезжая в Мингрелию, он взял с собой Серго и Сания — сына другого своего родственника, Абесалома.

— Мальчики очень дружны,— говорил Абесалом.— Вместе им будет веселее.

Симон Георгиевич оказал на Серго немалое влияние. Он познакомил его с классиками грузинской литературы: Руставели, Чавчавадзе, Пшавела, Церетели, Казбеги, Ниношвили. Серго читал запоем. Все свободное время он не расставался с книгами. Особенно любил «Витязя в тигровой шкуре». Наизусть декламировал он Сания великолепное описание единоборства Автандила с тигром.

В белогорской школе Серго познакомился с Ноем Буа-

чидзе. Это был серьезный, очень начитанный юноша. Их сблизила любовь к книгам. Ной Буачидзе хорошо знал историю Грузии и часто рассказывал Серго о героической борьбе народа с иноземными поработителями, о патриоте Георгии Саакадзе. От Ноя Серго впервые услышал имена великих русских писателей — демократов и революционеров: Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

В 1898 г. Серго окончил белогорскую школу. Его товарищ Ной Буачидзе уехал в Кутаис и поступил в сельскохозяйственное училище; Сания Орджоникидзе готовился стать педагогом.

Серго мечтал о профессии медика. Его двоюродный брат Тарасий работал тогда неподалеку от Тифлиса на станции Караязы (он был телеграфистом) и обещал устроить Серго в тифлисскую фельдшерскую школу, организованную при городской Михайловской больнице.

Осенью 1901 г. Серго был принят в фельдшерскую школу.

В год поступления Серго в фельдшерскую школу в ней организовался ученический социал-демократический кружок.

Серго стал бывать на собраниях школьного кружка и познакомился там с деятелями революционного рабочего движения. В 1903 г. вступил в РСДРП.

Вскоре Серго сблизился с деятелями русского и грузинского революционного рабочего движения, в частности с находившимися в Тифлисе ссыльными русскими социал-демократами, оказавшими на него большое влияние.

Большую помощь Серго и его товарищам по фельдшерской школе в их общем и политическом развитии оказали прогрессивно настроенные учителя Гедеванишвили, Натадзе, Потемковский и начальник школы доктор Гурко.

Однажды на уроке географии Потемковский живо и образно рассказывал о строении Вселенной, о происхождении Земли и человека.

В конце урока Серго спросил учителя:

— Где же место бога во всем мироздании?

Учитель не сразу ответил на вопрос Серго. Посмотрев внимательно на учеников и не выдержав взгляда горящих глаз, он заявил:

— Наука не нуждается в боге!

В марте 1902 г. в Батуме вспыхнула забастовка, закончившаяся политической демонстрацией. Вскоре после демонстрации сотни батумских рабочих, вчерашних кре-

стьян, были высланы этапом к себе на родину и начали вести пропаганду среди своих односельчан.

Под непосредственным влиянием высланных на родину батумских рабочих, а также приезжавшего из Тифлиса Серго ожила политическая жизнь и в селении Гореша.

Ученический кружок фельдшерской школы, в которой учился Серго, был одним из низовых звеньев Российской социал-демократической рабочей партии. Кружок подчинялся непосредственно общетифлисскому ученическому центру. Отсюда присылали руководителей и лекторов, отсюда получались партийные директивы, решения и подпольная литература.

Связь кружка с ученическим центром осуществлялась через представителя, который выбирался членами кружка. В 1903 г. кружок избрал своим представителем Серго. Семнадцатилетний юноша навсегда связал свою жизнь с большевистской партией.

В том же 1903 г. Тифлисский комитет поручил Серго сложную ответственную партийную работу — быть пропагандистом в железнодорожных мастерских.

Рассказы об Орджоникидзе, М., 1968, с. 3—6.

В. Х. ЦИЦКИШВИЛИ

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕРВОГО УЧИТЕЛЯ

В селении Гореша была единственная школа, в двух крохотных комнатенках которой занималось 60 учеников. Одним из четырех учителей был я, начавший преподавать в Гореша с 1890 г. Преподавать на грузинском языке нам было строжайше запрещено, наш родной язык царское правительство называло «собачьим языком». Лишь первое полугодие — до зимних каникул мы могли пройти с детьми грузинскую азбуку, а все остальное время обязаны были учить на русском языке.

Серго Орджоникидзе обратил на себя внимание с первых же дней появления в школе и своими способностями и изобретательными шалостями. Он был даровитым мальчиком, легко и быстро усваивал все предметы, любил и умел слушать и сам исключительно красочно и увлекательно рассказывал. Он был внимательным, любознательным учеником.

Помню его бесконечные расспросы, необычайную для его возраста пытливость, поразительную память. Если

вчера у него осталась какая-либо неясность, то не позже чем сегодня он непременно вернется к этой теме и не оставит в покое учителя, пока не получит исчерпывающий ответ. Он любил читать сам и слушать мое чтение. Он любил писать. Любил рассказы о природе.., страстно увлекался историей, географией, естествознанием.

Но был один предмет, который Серго ненавидел,— это закон божий. Серго обычно не приходил на уроки закона божьего. Но если и появлялся в это время в школе, то всегда долго и упорно добивался, чтобы его отпустили.

Уже с начала учебы он стал значительно выделяться среди детей своими способностями, развитым умом, наблюдательностью. Школьники очень любили Серго. Их влекло к умному, правдивому мальчику, к хорошему товарищу, к талантливому организатору детских игр и шалостей. А пошалить он умел!

До сих пор помню, как несколько раз по пути из дому он ловил козу и, важно восседая на ней, верхом подъезжал под ликующий хохот сверстников к школе.

Серго пробыл в горешской школе всего два с половиной года, окончив три группы, потом он уехал из этого селения. С большим сожалением расставались и учителя и ученики с Серго. Все к нему привязались, полюбили, для всех он был очень дорог. Прошло несколько лет. Мы услышали о первом аресте Серго Орджоникидзе, и начались скитания нашего ученика по тюрьмам и ссылкам.

...Сейчас мне уже 65 лет. Из них я отдал делу народного просвещения всю свою сознательную жизнь — 46 лет. Я преподаю, но уже не в Гореша, а в Хуневской неполной средней школе. Я горжусь тем, что обучил грамоте многих людей, успешно работающих теперь на благо нашей прекрасной Родины. Но с особенной гордостью и счастьем вспоминаю я о нашем любимом командарме тяжелой промышленности — Серго Орджоникидзе, первым учителем которого в маленькой горешской школе был я.

1936 г.

Печатается впервые.

А. Г. ДОЛИДЗЕ, К. И. ХОМЕРИКИ

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

В 1907 г. мы как большевики впервые встречаемся и знакомимся с товарищем Серго в Баку. Будучи еще совершенно молодым, он, со свойственными ему темперамен-

том и энергией, вел революционную партийную работу в рабочих районах пролетарского центра Закавказья.

В Баку, в течение 1907 г., товарищ Серго... беспощадно боролся и разоблачал меньшевиков и эсеров. Он активно выступал на всех специально проводимых дискуссиях и собраниях.

Вспоминаем несколько таких дискуссий.

...На одном из собраний в числе большевиков присутствовали Михо Бочоришвили, Павел Сакварелидзе, пишущие эти строки, и другие. Здесь же был товарищ Серго.

С непокрытой курчавой головой, с накинутым на плечи пиджаком и засученными рукавами сидит он в углу и «ястребиными» глазами впивается в выступающего противника. Оратор, как истый меньшевик, и здесь, конечно, прибегает к обычному, испытанному меньшевиками приему — демагогии.

— Мы здесь собрались рабочие,— говорит он,— а вы все интеллигенты,— мы не понимаем того, что доступно вам, и вы хотите этим воспользоваться.

Нужно было видеть вспылившего Серго, узнавшего в этом жалком демагоге меньшевика-интеллигента. Он тотчас же разоблачил его и между прочим сказал:

— Спросите-ка этого господина, кто он такой?

Демагог совершенно растерялся, онемел, и это вконец подорвало его «авторитет».

Вот еще многолюдное собрание в Балаханах: происходит ожесточенная дискуссия с эсерами. Серго и здесь наступает на противников. Насколько помнится — собрание не было доведено до конца. Причиной срыва послужило, кажется, распространение кем-то из противников провокационных слухов о возможности провала собрания.

Как только все разошлись, Серго, энергичный и жизнерадостный, бросился к нам навстречу, начал оживленно говорить по адресу эсеров, потом взял нас обоих под руку и повел к себе в Романовку, на нефтяной промысел Асадуллаева, где в то время он жил и работал в качестве фельдшера.

Нужно было видеть, с каким теплым и искренним чувством приветствовали товарища Серго рабочие, когда он вместе с нами проходил главные ворота промысла.

— Алла сахласын, алла сахласын иолдаш,— с улыбкой отвечал Серго по-тюркски рабочим, среди которых он пользовался большим авторитетом и горячей любовью.

Мы вошли в комнатку товарища Серго.

В это время кто-то прошел по коридору и заглянул к

нам. Это был буровой мастер, о котором рабочие имели сведения как об агенте полиции и смотрели на него с подозрением.

— Что этому проклятому нужно было здесь? — с негодованием воскликнул Серго.

Был летний вечер. Серго зажег электричество, предварительно прикрыв окно, и начал заваривать чай.

Но даже и это время Серго использовал для большевистской пропаганды и агитации среди рабочих. Заметив стоящую невдалеке группу знакомых рабочих, он энергично помахал им рукой. Рабочие поняли и быстро направились к дому. Товарищ Серго втащил их в комнату через довольно-таки высокое окно, и вскоре завязалась политическая беседа.

Одной из характерных черт революционной работы Серго являлось то, что он не довольствовался большевистской пропагандой и агитацией только на массовых собраниях и специально проводимых дискуссиях,— большевистские взгляды и убеждения он прививал каждому рабочему отдельно. Этот вечер товарищ Серго посвятил именно такого рода беседе с рабочими.

Бакинская жандармерия с помощью шпиков напала на след товарища Серго, и к нему в квартиру пожаловали царские сатрапы, произвели обыск, арестовали Серго и заключили в Баиловскую тюрьму.

Об аресте Серго мы узнали от человека, специально посланного к нам промысловыми рабочими.

У всех рабочих, партийных и непартийных, без различия национальности, одинаково, беспредельной любовью озарялись лица при воспоминании о Серго. Они, бывало, говорили:

— Какой прекрасный он, стойкий, и непоколебимый товарищ, друг и человек!

— Чох яхши адамди, чох яхши адамди (очень хороший человек он),— добавляли рабочие-тюрки...

Да, Серго, как лучший товарищ и активный работник, пользовался общей любовью и доверием в рабочей массе. Он был ее душою, он понимал чаяния рабочих и, как борец за их интересы, как настоящий ленинец, родственным чувством откликался на их нужды.

Передовые рабочие с нетерпением ждали установленного дня, чтобы пойти в тюрьму — повидаться с товарищем Серго. Целые группы рабочих готовились к этому дню.

Серго и в тюрьме выглядел таким же стойким, жизнерадостным и непоколебимым, как всегда.

Вспоминается один эпизод. Мы вместе с рабочими пришли на свидание к Серго. Ждем в тюремном дворе выхода политических заключенных. Наконец показались наши товарищи, среди них и товарищ Серго, но все они — за железной решеткой. Раньше нам разрешали разговаривать с ними во дворе, а теперь, видимо, администрация тюрьмы это запретила.

Мы подошли было к железной решетке, но Серго крикнул громовым голосом:

— Не хотим такого свидания, товарищи, откажемся!..

С этими словами он дернул железные ставни и с шумом, лязгом закрыл их...

После этого, через несколько же минут, политические заключенные появились во дворе. Серго подошел к нам и стал расспрашивать о нашей работе...

— Мы здоровы, передайте товарищам привет, будьте бодрыми и мужественными,— говорил он, прощаясь.

Через несколько месяцев Серго был приговорен к ссылке в далекую губернию на несколько лет.

В тот день, когда царские сатрапы собирались расправиться с лучшим революционером, в зале суда собралось немало рабочих. Вместе с ними пришли и мы и видели Серго, державшегося гордо и с достоинством перед лицом царского суда. И здесь, как всегда, он выглядел непоколебимым и стойким революционером-большевиком.

После приговора, когда товарища Серго вывели на улицу, мы воспользовались минутной остановкой и подошли к нему попрощаться. Стража не препятствовала.

Серго весело пожимал нам руки.

Серго Орджоникидзе.
Сборник, посвященный 50-летию Г. К. Орджоникидзе.
Тбилиси, 1936, с. 153—156.

Б. А. БРЕСЛАВ

МОИ ВСТРЕЧИ С ТОВАРИЩЕМ СЕРГО В ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ В ЛОНЖЮМО И В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

I

Годы реакции были, пожалуй, наиболее тяжелым периодом в истории нашей партии и в истории рабочего движения России. «Контрреволюция в России внесла силь-

ное разложение в ряды нашей партии. На пролетариат обрушились самые неслыханные, бешеные репрессии»[1].

В эти годы Париж стал центром всей русской политической эмиграции и местом пребывания уцелевших центральных учреждений партии. Париж был тогда и местом пребывания В. И. Ленина. Сюда сходились все нити, связывающие центральные учреждения партии, находившиеся за границей, с партийными организациями и кружками на местах, в России. В Париже в те годы концентрировались все сведения о жизни и деятельности организаций партии со всех концов России, оттуда поддерживалась постоянная связь со всем тем, что было тогда живого и здорового в нашей партии, в рабочем движении России. Рабочие с мест писали корреспонденции в ЦО партии, а большевистская гвардия со всех концов необъятной страны вела интенсивную переписку с Ильичем. Пребывание Ленина в Париже делало этот город и центром теоретической мысли нашей партии, центром, откуда Ленин вел ожесточенную борьбу за партию, за ее сохранение в качестве самостоятельной политической силы рабочего класса, со всеми видами попыток ее разложения и ликвидации, будь то в области философии или в области тактики. Благодаря этому Париж был тогда местом, притягивавшим неутомимых борцов-большевиков, которые, вырвавшись из тюрьмы, каторги и ссылки, временно бывали вынуждены оказаться на положении политических эмигрантов.

В эти годы и мне пришлось после побега из ссылки сравнительно недолго жить в эмиграции в этом большом и культурном европейском центре. В Париже я поселился в Латинском квартале, на шестом этаже старого дома, без отопления и без электричества.

Осенью 1910 г., вырвавшись из ссылки, приехал в Париж больной, измученный Семен Шварц[2], который поселился у меня. В декабре 1910 г. или в январе 1911 г. (точно сейчас не помню) к нам зашла Надежда Константинов-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 208.

[2] Шварц Исаак Израилевич (парт. псевдоним — Семен) (1879—1951) — член Коммунистической партии с 1899 г. Участник революционного движения в России. Принимал участие в подготовке VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. Семь раз подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции вел партийную работу на Украине. В годы гражданской войны — один из руководителей партийного подполья и партизанского движения на Украине. В дальнейшем — на партийной и хозяйственной работе.

на и познакомила нас с новым, только приехавшим товарищем, назвавшимся Серго, прося помочь ему устроиться, так как товарищ Серго не знает французского языка. С того же вечера мы стали жить втроем в моей комнате, составив нечто вроде «коммуны», «завхозом» которой оказался я. И, надо признаться, «коммуна» наша была в достаточной степени бедняцкой, и «хозяйство» наше вести было довольно сложным делом. Помню, как однажды пришел товарищ Серго и говорит:

— Захар[1], я очень голоден, нет ли чего-либо поесть?

— Садись, покормлю. Как раз кстати я купил и пожарил три больших бифштекса из конского мяса, хлеб есть, есть и немного вина.

— Из конского мяса?! — серьезно и настороженно переспросил Серго, впившись в меня своими ясными и расширившимися глазами.

— Ну да, конское мясо здесь продают в специальных мясных лавках, оно дешевле всякого другого мяса, к тому же оно очень вкусное; мы все время им питаемся.

— Нет, не могу его есть,— категорически заявил Серго. Увидев мое удивление, он добавил:

— Тут действует только привычка и больше всего психологический момент. Рассудком я понимаю, что никакой принципиальной разницы нет между конским мясом или каким-нибудь другим, а вот когда ты сказал, что бифштекс из конского мяса,— не могу есть, понимаешь? Если бы ты мне этого не сказал, конечно, съел бы и, может быть, нашел бы твой бифштекс очень вкусным, а когда сказал — не могу.

Пришлось при наших более чем скудных ресурсах подумать над тем, чтобы чем-нибудь другим накормить голодного Серго. Зато в другой раз я поступил с ним по его же совету: накормил его такими же бифштексами, не сказав ему заранее, из какого мяса они сделаны. Но когда Серго поел, запил вином, признал бифштексы вкусными, а меня похвалил за вкусное приготовление, я ему сказал:

— А знаешь ли ты, какое мясо ел и какое мясо ты хвалишь?

— Наверное, «лошадку»? — удивленно спросил меня Серго.

— Да, «лошадку».

Через несколько секунд удивление на его лице сменилось улыбкой, и Серго добродушно прибавил:

---

[1] Захар — партийный псевдоним Б. А. Бреслава.— *Ред.*

— Хорошо сделал, что «открыл мне тайну» после того, как я поел это мясо. Теперь буду есть и «лошадку», психологическое препятствие сломлено.

Приехав в Париж из Персии, в первые дни товарищ Серго увлекательно рассказывал нам о событиях и о множестве чисто экзотических эпизодов совершившейся тогда персидской революции [1], в которой активную и руководящую роль играла группа кавказских большевиков. Факт участия в персидской революции группы кавказских большевиков был для нас важным явлением. В то время как царский полковник Ляхов с вооруженной сотней казаков разгонял персидский меджлис, восстанавливая неограниченную деспотическую власть шаха, кавказские большевики участвовали в революции на стороне персидских трудящихся масс в их борьбе с деспотизмом шаха и с их закрепощением персидскими феодалами. Серго обещал нам, что скоро приедет в Париж один товарищ, грузин, прекрасный оратор, активный участник персидской революции, и он сделает в Париже публичный доклад о ней.

— Вот он вам расскажет еще больше интересного,— сказал нам однажды Серго.

Рассказы Серго о персидской революции были настолько живы и интересны, что мы с Семеном Шварцем с нетерпением ждали приезда докладчика и самого доклада.

Для нас, большевиков, переживших поражение революции 1905 г. и готовившихся к новому революционному подъему, персидские революционные события представляли тогда интерес больше всего своей тактикой практического захвата власти на местах, хотя мы понимали, конечно, что общественные условия, в которых совершалась персидская революция, нельзя сравнивать с нашими.

Веселый, жизнерадостный, мягкий, заразительно смеявшийся, Серго буквально приходил в ярость, когда замечал грубое и нечуткое отношение к людям.

У Серго тогда болели уши, и ему приходилось регуляр-

---

[1] Иранская революция 1905—1911 гг.—антифеодальная и антиимпериалистическая буржуазная революция. Вызвана ростом противоречий между реакционной правящей феодальной кликой, поддерживавшими ее империалистами, с одной стороны, и зарождавшейся иранской национальной буржуазией, крестьянами, ремесленниками и рабочими — с другой. Большую помощь иранским революционерам, боровшимся против реакции, оказали отряды добровольцев-большевиков из Закавказья во главе с Г. К. Орджоникидзе, находившиеся в Иране до осени 1910 г.

но, кажется через день, посещать коммунальную поликлинику. Для лечения у частных врачей или в частной лечебнице требовалось много средств, которых тогда не было ни у него, ни у нас.

Так как Серго не знал французского языка, мне очень часто приходилось его сопровождать в эту поликлинику. Во французских коммунальных лечебных заведениях лечится исключительно беднота, и отношение там всего персонала к пациентам, которые не платят и не дают хороших чаевых, самое хамское и самое бездушное. Возмущению Серго не было границ, когда он замечал это бездушное отношение к больному бедняку; Серго очень возмущался, и мне приходилось сдерживать его, да и он сам делал над собой невероятное усилие, чтобы удерживать себя от скандала. После посещения поликлиники у Серго испорчено бывало настроение на целый день, а иногда и на два дня,— в эти дни он только и говорил о «возмутительном отношении культурных людей, врачей по профессии, к больному бедняку».

II

...Еще до приезда Серго в Париж мы с Шварцем задумали вернуться в Россию на подпольную работу и к этому возвращению стали постепенно готовиться. С приездом товарища Серго и в значительной степени под его влиянием наше решение приняло более определенную форму.

Характерная особенность Серго тогда уже заключалась в том, что все его мысли были заняты исключительно жизнью партии, положением дел внутри партии и практическими задачами момента,— необходимостью действенной борьбы с ликвидаторами справа и слева (и с примиренчеством тоже) путем восстановления большевистских организаций на местах и создания руководящих центров большевистской партии на основе полного разрыва с ликвидаторами.

С приездом в Париж товарища Серго и с того момента, как он поселился вместе с нами, мы трое почти ежедневно обсуждали в нашем узком кружке внутрипартийное положение, создавшееся к тому времени.

— Нельзя нам теперь сидеть здесь в Париже и ничего не делать. Надо ехать в Россию и начать восстанавливать организации партии на местах, надо созвать конференцию и восстановить центральные учреждения партии. За реше-

ние этой неотложной задачи должны взяться теперь такие рядовые работники, как мы,— сказал однажды Серго.

Исключительно добрый человек, полный простоты и непосредственности в своих отношениях с товарищами, Серго поражал своей суровостью и даже жестокостью по отношению к лучшему другу, если этот последний изменял делу партии, переставал быть большевиком.

Помню, когда летом 1911 г. в одном из меньшевистских органов легальной печати появилась статья Кнунянца-Радина[1], в которой последний солидаризировался с тактикой ликвидаторов, Серго, прочтя статью, пришел в такое возмущение, что с глубокой досадой и горечью сказал нам: «Живым он (Кнунянц) был с нами, большевиками, а теперь, мертвого, пускай его берут себе ликвидаторы».

В апреле—мае 1911 г. в Париже должна была открыться партийная школа под руководством Ленина для передовых рабочих, делегированных местными организациями партии. И наша тройка — Серго, Шварц и я — решила до поездки в Россию на партработу прослушать курс лекций в школе, получить хорошую теоретическую зарядку.

Большевистский центр — редакция «Пролетария», куда мы обратились с просьбой о зачислении нас в число учеников школы, охотно согласилась принять нас в качестве вольнослушателей с непременным условием: по окончании курса поехать в Россию на подпольную работу.

В восемнадцати километрах от Парижа, по Тулузскому шоссе и по дороге в красивую местность Франции — Аркашан, расположено маленькое французское селение Лонжюмо. В этом местечке в мае 1911 г. была организована первая партийная школа революционного марксизма для небольшого числа передовых рабочих наших тогдашних подпольных организаций крупных пролетарских и промышленных центров... Затащить школу в такое место пришлось по конспиративным соображениям, чтобы поменьше глаз могло видеть приехавших из России, из подполья, учеников. Имелось также в виду переселить в Лонжюмо и весь лекторский состав, чтобы таким образом до

---

[1] Богдан Кнунянц (1878—1911) — деятель революционного движения в России, большевик. В 1897 г. вступил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Принимал участие в организации Союза армянских социал-демократов, в первой русской революции, в работе Штутгартского конгресса II Интернационала и IV конференции РСДРП (Гельсингфорс, 1907). Работал в Баку. В сентябре 1910 г. был арестован, умер в тюрьме.

окончания намеченного курса школы сохранить максимум возможной в тех условиях конспирации. Полностью этого намерения осуществить не удалось. Из всех лекторов школы на жительство в Лонжюмо переехали В. И. Ленин, Инесса Арманд и некоторые другие.

Один маленький старенький домик, второй или третий от края, когда въезжаешь в Лонжюмо со стороны Парижа... оказался случайно свободным, и он был нами заарендован до конца лета. В нем и был образован «центр» нашего первого коммунистического партийного университета, работавшего под непосредственным руководством В. И. Ленина.

Внизу, в кухне и в тесном коридорчике — передней, была устроена общая столовая — «коммуна». Товарищ Катя (Мазанова) стряпала обеды, ужины, варила кофе и тут же в уголочке помещалась со своими двумя детьми. Наверху, в одной маленькой комнатушке поселилась товарищ Инесса Арманд со своим двенадцатилетним сыном Андрюшей. Под самой крышей, буквально в двух дырах поместились три вольнослушателя школы — Серго, Семен (Шварц) и Захар (Бреслав).

Мебели у нас, конечно, не было никакой, и товарищ Инесса Арманд кое-что наскребла для школы в своей парижской квартире. Эту «мебель» — несколько стульев, пару столов, две узеньких и сломанных железных кровати, пару кушеток — мы вдвоем с товарищем Серго взвалили на тележку и тащили почти через весь Латинский квартал для отправки ее багажом на паровом трамвае, связывавшем Лонжюмо с Парижем.

Во дворе нашего «центра» был небольшой сарай с глухой стеной к огороду хозяйского дома и полустеклянной тонкой стенкой во двор. Раньше там помещалась, как нам говорили, столярная мастерская. Мы общими силами, под руководством Инессы Арманд, устроили нечто вроде субботника по очистке сарая; в этом субботнике активное участие принимал и товарищ Серго.

В первых числах июня 1911 г. школа была открыта. По основным вопросам читал лекции В. И. Ленин: 1) Политическая экономия: К. Маркс и буржуазные теории политической экономии... 2) Аграрный вопрос... 3) Теория и практика социализма в России... Семинарскую работу по политической экономии вела Инесса Арманд.

Лекциям Владимира Ильича, как основным, были уделены утренние часы нашего рабочего дня — с восьми утра... Свои лекции Ленин вел большею частью в форме бесед,

задавая нам ряд вопросов и незаметно втягивая нас всех в разговор, споры. В этих спорах Серго играл всегда самую активную роль, стремясь увязывать теорию марксизма с основными задачами момента, стоявшими тогда перед рабочим движением России. Этим Серго лучше всего втягивал всех учеников в оживленную беседу, а Ильич одобрительно посматривал на него и, внимательно прислушиваясь ко всему, что говорили ученики, точно отчеканенными маленькими замечаниями всех нас поправлял. Самую заметную роль Серго играл и на семинарских занятиях у товарища Инессы Арманд, поднимая все новые и новые вопросы и все требуя разъяснений.

Однако наибольшую активность Серго проявил в школе в деле объединения в одну товарищескую семью всех съехавшихся из разных мест России, с разным уровнем развития и подготовленности и с разными индивидуальными характерами учеников. Серго как-то всегда умел их втянуть в оживленные споры о положении дел в партии, о роли ликвидаторов, впередовцев и т. д. В этих спорах одинаково оживлялись как вечно веселый, жизнерадостный Белостоцкий, так и хмурый Владимир Козлов.

III

Окончить курс лекций в партийной школе в Лонжюмо нам, трем вольнослушателям — Серго, Шварцу и мне,— не удалось. Внутрипартийные события развивались очень быстро, и положение дел в партии все больше и больше ухудшалось и в июне 1911 г. дошло, как нам тогда казалось, до крайних пределов.

В конце июня или в начале июля 1911 г. Мартов и Дан подали заявление о своем уходе из редакции ЦО «Социал-демократ», а представитель польских с.-д. в редакции, Ледер, предложил большевистской части редакции ЦО написать письмо Мартову и Дану и просить их вернуться обратно в редакцию, на что Ленин, конечно, не согласился. Тогда и сам Ледер подал заявление об отставке. Таким образом, ликвидаторы при помощи «суперарбитра», представителя польских с.-д. в редакции, Ледера, взорвали ЦО партии, единственный орган, который имел еще право говорить от имени всей партии.

В июне того же 1911 г. Ильичем было созвано так называемое совещание членов ЦК партии, живших за границей. На этом совещании были созданы Организацион-

ная комиссия (ОК) по созыву общепартийной конференции и Техническая комиссия (ТК) для ведения хозяйственных партийных дел...

По окончании совещания Ленин делал доклад о нем очень узкому кругу партийных товарищей, человек в 15 — 20, не больше, среди которых был и товарищ Серго. На докладе присутствовали участники совещания от польских с.-д. — товарищи Тышка и Дзержинский.

Во время доклада произошла интересная сцена. Товарищ Серго с места задал Ленину вопрос:

— Товарищ Ленин, хорошо, что мы здесь, под боком, имеем товарища Ленина, который разъясняет нам смысл принятых совещанием решений, а ведь на местах, в России, Ленина нет под боком, и эти решения будут там пониматься так, как они сформулированы.

— Товарищ Серго,— сказал ему Ленин,— у нас имеются страницы ЦО «Социал-демократ», и мы будем в нем так же разъяснять смысл принятых решений, как это делаем здесь, за границей.

При этом ответе Ленина товарищ Тышка вскочил с места, побагровел и, обращаясь к Ледеру, сказал:

— Мы дадим указания товарищу Ледеру строго следить за тем, чтобы такие комментарии к решениям совещания в ЦО не пропускались...

...Трое вольнослушателей школы в Лонжюмо — Серго Орджоникидзе, Семен Шварц и Бреслав,— придя с последнего доклада Ильича об итогах совещания членов ЦК, обсудили между собой создавшееся внутрипартийное положение, решили не дожидаться окончания курса в школе, а немедленно поехать в Россию на подпольную работу, для организации созыва партийной конференции.

— Совещание решило созвать партийную конференцию в трехмесячный срок, а ведь кто-то, какие-то живые люди должны взяться за осуществление этого решения, за организацию этого созыва. Если большевики-ленинцы будут сидеть и ждать, пока конференцию созовут без них, то или конференция вовсе созвана не будет, или будет созвана ликвидаторская конференция,— горячо говорил в тот вечер Серго.— Когда-то для организации созыва наших съездов и конференций посылались заграничными центрами в Россию Лядовы и тому подобные высококвалифицированные профессионалы — партийные работники, а теперь их нет — они ушли от нас. Плакать о них не будем. Очередь теперь за нами, рядовыми работниками партии — Захарами, Семенами, Серго и многими другими. Этих ря-

довых работников теперь у нас значительно больше, чем их было в 1903—1904 гг.

На второй день мы втроем пошли к Ильичу и объявили ему, что мы решили ехать в Россию на подпольную работу до окончания школы. Ильич одобрил это решение.

Очень долго примиренческое большинство в ОК не хотело отправлять нас на работу в Россию. Только после угрозы, что мы все равно поедем, и поедем тогда от группы «Пролетария», ОК согласилась послать своим официальным представителем одного Серго, а меня и Семена Шварца только на работу, снабдив нас денежными средствами лишь до границы.

Отголосок этой борьбы с ОК за нашу поездку в Россию имеется у Ленина в статье «Развязка партийного кризиса»: «Вопрос встал так: и деньги и посылка агентов в руках Тышки и Марка (вожак парижских примиренцев); большевикам обеспечено лишь то, что и их соглашаются отправлять на работу» [1]...

Во второй половине июля 1911 г. мы все трое покинули Париж; сначала выехал Серго, а потом я и Шварц... Договорились мы так, что я еду в Питер, Семен — на Урал, а Серго — на юг и на Кавказ. Для связей, для писем и телеграмм Серго мне дал адрес какой-то торговой конторы в Баку.

В России, взявшись за исключительно тяжелую задачу восстановления нелегальных организаций нашей партии, мы встретились не только с объективными трудностями — с полицейскими преследованиями, но и с колоссальным сопротивлением всех «легалистов» — наших русских шейдемановцев...

Зато другое отношение мы встретили в рабочей среде...

Числа 15—16 сентября Серго приехал в Питер, и мы с ним встретились. К тому времени по вызову Серго приехал и Семен Шварц. В Питере мы уже встретили и группу учеников школы, окончивших курс и вернувшихся обратно в Россию. Восстановление организации в Питере и выбор от нее делегатов на конференцию были, таким образом, обеспечены...

Ни у меня и ни у Серго не было ночевки... Зная Питер, я повел Серго в «дворянскую» ночлежку Макокина, на 7-й роте Измайловского проспекта. Этой ночлежкой я частенько пользовался в трудные минуты подполья, в ней

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 5.

не спрашивали паспортов и не требовалось прописки: переночевал и ушел.

В этой ночлежке за 30 копеек с человека мы с Серго и переночевали. Однако наутро Серго мне категорически заявил, что больше ни за что не пойдет ночевать сюда. На мой вопрос: «Почему?» — он ответил:

— Я почувствовал себя рабом этих стен ночлежки, как будто я добровольно пошел в тюрьму.

На следующий день, посовещавшись втроем, решили, что Семен, Серго и выбранный питерской организацией делегат-рабочий едут в Баку на совещание, я же еду в Москву для восстановления московской организации.

В Москве я пробыл с конца сентября до конца октября. Связался с рабочими кружками, связал их между собою, провел ряд собраний. Числа 23—24 октября, после совещания в Баку, в Москву заехал Семен Шварц, который и передал мне отпечатанные решения и обращение к организации Р. орг. ком.[1] по созыву общероссийской конференции. От Шварца я узнал, что я введен в состав РОК и что от Москвы необходимо также делегировать представителя в РОК. Он передал еще, что за границей примиренцы хотят закрыть ЦО, так как в его редакции имеется ленинское большинство, и Серго поэтому просит, чтобы я и московский представитель в РОК, если такой будет выбран, послали туда свой протест против подобных безобразных действий примиренцев. Такой протест за моей подписью и подписью товарища Присягина, выбранного от Москвы в РОК, был послан.

От Шварца же я узнал, что в Баку совещание было провалено, он и Серго случайно уцелели, и что питерский делегат до Баку не доехал — его по дороге, в Москве, арестовали с бакинским адресом, что послужило поводом к обыскам и арестам в Баку и т. д.

В «Сводке» агентурных сведений о Баку по партии «социал-демократов» за октябрь месяц 1911 г. говорится:

«В Баку должно было состояться в конце сентября совещание по поводу конференции. На этом совещании должны были присутствовать приезжие делегаты из Петербурга. Один из них приехал 25 сентября, Серго — 26 сентября и третий арестован по дороге, в Москве; этот последний имел бакинские адреса, данные ему Серго при первом его выезде.

В день обыска в клубе «Наука» Серго находился на

[1] Российская организационная комиссия по созыву VI Всероссийской конференции РСДРП.

этом совещании, но перед самым обыском вышел купить папиросы, а когда вернулся и увидел полицейский наряд, то, конечно же, уже не вошел и поспешил в ту же ночь скрыться из Баку, вместе с другим петербургским приезжим, оставшимся неизвестным».

Под рубрикой: «Меры, принятые на местах» — написано:

«Вследствие сообщения начальника С.-Петербургского охранного отделения об аресте в Москве Цаплина с бакинскими адресами названный начальник запрошен о более подробных сведениях о Цаплине и о цели его поездки».

Несмотря на провокации, на слежку охранки, на аресты, РОК была создана, и, в свою очередь, созвала конференцию[1], в этом заключалась огромная заслуга товарища Серго, взявшегося за это дело и выполнившего его вопреки всем трудностям.

«Впервые,— писал тогда Ленин,— после *четырех* лет развала и разброда собрался — вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и tutti quanti[2] — русский с.-д. центр... было бы непростительной наивностью предаваться легковерному оптимизму; трудности предстоят еще гигантские... Но главное сделано. Знамя поднято; рабочие кружки по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контрреволюционной атакой!..

За работу же, товарищи с.-д. партийцы! Отряхивайте от себя последние остатки связей с несоциал-демократическими течениями и с питающими их, вопреки решениям партии, группками... РСДРП пережила тяжкую болезнь: кризис кончается»[3].

* * *

Об исключительной преданности партии товарища Серго теперь не приходится особо говорить. На протяжении более тридцати лет его сознательной жизни вся энер-

---

[1] VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП состоялась 5—17 (18—30) января 1912 г. в Праге, имела значение съезда. Она проходила под руководством В. И. Ленина. Конференция определила политическую линию и тактику партии в условиях нового революционного подъема, закрепила победу большевизма над меньшевиками-ликвидаторами.

[2] Tutti quanti — всех прочих.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 6, 7, 10.

гия и все его помыслы были отданы партии Ленина, великому делу освобождения рабочего класса из-под ига капитализма. Мне хочется еще сказать об одной характерной черте Серго: при всей его большевистской твердости и непреклонности, когда речь идет о партии, о деле рабочего класса, в нем имеется неиссякаемый запас доброты, мягкости и чуткости к людям, в нем такой запас товарищеской теплоты, что, однажды с ним встретившись, нельзя не привязаться к нему и не полюбить его.

Печатается впервые.

В. Л. ШВЕЙЦЕР

ПЛАМЕННЫЙ БОЛЬШЕВИК

В когорте старых большевиков особо выделяется фигура Серго. Так ярко и красочно стоит она на фоне истории борьбы и строительства нашей партии. Его образ на протяжении десятков лет как будто не изменился. Обаятельная простота и безграничная преданность делу партии выковали из него твердокаменного большевика.

1911 год — год революционного подъема в России, год собирания большевистских сил и восстановления организаций нашей партии, подготовки к Пражской конференции, ожесточенной борьбы с ликвидаторами и выковывания большевистской линии в легальной печати.

Товарищ Серго приехал в Петербург из Парижа в 1911 г. с целым рядом поручений от Ленина. Жил он нелегально и скитался после первой ссылки. Это значило, что при первом же аресте ему угрожала каторга. Квартиры у него не было. Ночевал там, где заставала ночь.

Первая директива Ильича была для газеты «Звезда». Речь шла о том, чтобы сделать «Звезду» большевистской газетой. Руководство «Звезды» считалось большевистским, но ликвидаторский «душок» там был изрядный. Серго приблизил к «Звезде» большую группу наших людей, старых рабочих и интеллигентов. Нужно сказать, что «новым людям» освоиться в «Звезде» было не так-то легко. Нужны были настойчивость и твердость товарища Серго, который умел выполнять директивы Ленина до последней точки.

1911—1912 гг. в Петербурге ознаменовались рядом революционных событий: отклики на Ленский расстрел,

забастовки, маевки, выступление думской фракции большевиков, организация легальной печати. Все это настороживало царскую жандармерию. Пошли аресты. Пахло провокацией, но провокаторов не удавалось раскрыть. Организация еще сильнее законспирировалась. Петербургский комитет почти не собирался. Работали отдельные ячейки, отдельные товарищи на заводах, в районах, часто между собой не связанные. Трудно было работать.

Как раз в такое время приехал товарищ Серго. Перед отъездом из Парижа он получил от Надежды Константиновны несколько шифровок с адресами и фамилиями старых товарищей, работавших когда-то в Питере. Пустились вместе с Серго на розыски. Бродили долго, чтобы не засыпаться, приняли все предосторожности: меняли извозчиков, трамваи, заходили в фешенебельные рестораны и кабачки. Когда добирались до адресата, умышленно спрашивали, не сдается ли комната, называли имена неизвестных врачей и все это делали с тем, чтобы попутно проверить, есть ли там те товарищи, которые нам нужны, и не натолкнуться на полицейскую засаду в квартире.

Особенно запомнилось мне, как мы упорно разыскивали Николая Выборгского, рабочего завода Нобеля. У него были большие связи с Выборгским районом. Жил он в Лесном. Мы бродили ночью, было сыро и холодно, адреса точно не знали. Товарищ Серго все посмеивался надо мною, сомневался в реальном существовании Николая. Я упорно доказывала, что найду обязательно. Меня подводило зрение, все же Николая Выборгского мы нашли.

За очень короткий срок мы завязали связи со всеми районами Питера. Товарищ Серго не любил эти розыски поручать другим,— это было не в его характере. Он хотел сам знать каждого товарища, прощупать его настроения, знать условия его работы и жизни,— знать, кому он поручает работу на заводе, в организации, любил знакомиться с новыми товарищами. Если он не знал лично товарища, то никогда не давал ему поручений. Каждый как-то укладывался в его представлении целиком, со всеми своими достоинствами и недостатками.

...На основе указаний Ленина закипела работа по созыву Пражской конференции.

Товарищ Серго вкладывал в работу столько большевистского, революционного огня, что многие зажигались его огнем и начинали работать снова с большим энтузиазмом. Он умел вдохновить своей чуткостью, вниманием и

заботой о каждом человеке. В Донском охранном отделении в моем деле сохранилось письмо Серго из Парижа, в котором он перед Пражской конференцией писал ростовским товарищам:

«Дорогие товарищи! Думаю, что все новинки до вас дошли, а потому посылать считаю излишним. Сообщу вам только о том, что мне известно из переписки. Тифлисские меки[меньшевики] явно стали на сторону ликвидаторов, что же касается тамошних партийцев, то они с нами, их человек 85, есть надежда расширения. Бакинцы в целом с нами. Уже готовы. Не знаю, что делается в П[итере] и М[оскве], но уверен, что там также дело пойдет хорошо. Что делается у вас? За рубежом ликвидаторское Зб ЦК[1] постаралось произвести еще раз раскол, устроив свое совещание. К ним пошли бундовцы, Троцкий, а латыши в этом вопросе раскололись, часть с нами, а часть с ними. Плеханов и «Вперед» на их совещание не пошли. Плеханов, оказывается, уже согласился пойти на нашу конференцию. Бесспорный факт, что отказ Плеханова поддержать формально официальное учреждение — Зб ЦК — есть косвенная поддержка Орг. Ком. Совещания. Так что победа уже за партийцами, только нужно торопиться, дело не терпит отлагательства. Больше пока не о чем. Будьте энергичны и готовьтесь. Пока всего наилучшего — крепко жму руки. Серго».

После Пражской конференции, в 1912 г., товарищ Серго объехал ряд городов с докладами о конференции и приехал в Петербург. Товарищ Серго лично доставил в Россию резолюции Пражской конференции. Как член ЦК, товарищ Серго вошел в Русское бюро ЦК для работы в России. Заграничное бюро ЦК возглавлял товарищ Ленин.

Вследствие провокаций Малиновского, члена думской фракции и члена ЦК, пошли повальные обыски, была арестована почти вся группа русского ЦК.

Товарищ Серго скрывался в Петербурге по паспорту Гусейнова. Это был не фальшивый, а настоящий паспорт на живое лицо, как тогда называли — «железный паспорт». Из некоторых подпольных организаций к нему приезжали товарищи.

За нами велась бешеная слежка. Я переменила паспорт и квартиру, казалось, на некоторое время замела следы. Товарищ Серго остановился со мной в одной квар-

[1] Заграничное бюро Центрального Комитета РСДРП.

тире, он все же не рискнул дать свой паспорт для прописки, жил нелегально. 14 апреля его арестовали на улице...

Товарищ Серго перед нами, перед всей партией, кристально чистый, скромный, пламенный большевик, достойный ученик гениального Ленина.

Серго Орджоникидзе.
Сборник, посвященный 50-летию
Г. К. Орджоникидзе.
Тбилиси, 1936, с. 157—160.

Е. Д. СТАСОВА

РАБОТАТЬ ТАК, КАК РАБОТАЛ СЕРГО

Мне пришлось в 1907 г. из Петербурга перебраться в Тифлис, там я и встретилась с Серго. Впервые я увидела его, вероятно, в 1908 г. Я очень хорошо помню, что, приехав в Тифлис, я сейчас же связалась с литературным центром. Так называлась большевистская часть партийной организации. Вы знаете, что после Стокгольмского съезда[1] в каждой организации было два представителя: от большевиков и от меньшевиков. Так вот, в Тифлисе литературный центр и был нашим большевистским руководством. Связавшись с литературным центром, я узнала, что Серго работает там, и вскоре установила с ним связь. Но теснее всего мы были связаны с Серго перед Пражской конференцией. Спандарян[2] и другие привлекли меня в качестве секретаря подготовлявшейся Пражской конференции. Я провела собрание на Андреевской улице, в доме Крит, где присутствовали Серго, Спандарян, Семен Шварц и другие. Мне удалось провести это собрание, так как хозяева были на даче, а дворник, который одновременно был амбалом — носильщиком, очень хорошо относился ко мне. Звали его Абаз.

Когда я, Спандарян и другие сидели в тюрьме, хозяй-

---

[1] IV (Объединительный) съезд РСДРП состоялся в Стокгольме 10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 г.

[2] Спандарян Сурен Спандарович (1882—1916) — член Коммунистической партии с 1902 г. Деятель революционного движения в России, армянский литературный критик, публицист. Участник революции 1905—1907 гг. в Москве и на Кавказе. В 1911—1912 гг.— член Российской организационной комиссии по созыву VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП, делегат конференции, избран членом ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП. В марте 1912 г. арестован, приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь, где продолжал революционную деятельность.

ка квартиры Крит, которая была зубным врачом, всячески нам помогала.

Мне удалось устроить собрание, на котором обсуждались вопросы, связанные с подготовкой Пражской конференции, и Семен Шварц остался ночевать на этой квартире, потому что он писал ту резолюцию, которая была принята Русским бюро.

Во время подготовки Пражской конференции мне многократно приходилось встречаться с Серго, а когда он приехал, то помог в Тифлисе устроить печатание партийных изданий, познакомил меня с владельцем типографии, которая помещалась недалеко от гостиницы «Соборные номера», около почты. Он познакомил меня в духане с тем, что творилось на Кавказе. Тогда мы могли зайти в любой кабачок, заказать какую-то еду, шашлык и под видом самой невинной беседы и питья вести все разговоры...

Я приехала к владельцу типографии как будто бы из школы общества учительниц. Под видом передачи работы для школы общества учительниц я связалась с этим типографом и затем у него в кабинете получала листовки.

Весной 1912 г. мы получили из ЦК листовку, напечатали ее, а затем от Серго и Сталина получили указание о том, что эта листовка не годится, что ее нужно уничтожить. Типограф сказал, что он не может напечатать вторую листовку. Мне пришлось договариваться с рабочими, и в обеденный перерыв они второпях напечатали ее со многими ошибками.

Вспоминаются мне приезды Серго. Однажды он приехал в Питер из-за границы в элегантном костюме тех времен, в шляпе и драповом пальто, а в Питере стояли большие морозы. Серго пришлось ехать далеко, на Обводный канал,— это окраина Петербурга. Когда приехал к месту назначения, у него руки настолько замерзли, что он не мог достать кошелька, чтобы расплатиться, и просил извозчика самого спутешествовать в его карман и достать деньги. Когда на следующий день Серго прочел в газете, какой вчера был сильный мороз, он сказал: «Если бы я знал, я бы умер».

Вспоминается письмо Владимира Ильича, помеченное 28 марта 1912 г. [1], причем дата товарищей не должна сму-

---

[1] Письмо В. И. Ленина послано из Парижа в Тифлис 28 марта 1912 г. и адресовано Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандаряну, Е. Д. Стасовой. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 53—55.

щать. Как известно, 15 апреля Серго был арестован, но Владимир Ильич датировал письма по зарубежному (новому) стилю, следовательно, это письмо было от 15 марта. Письмо было очень резкое. Владимир Ильич обвинил нас в том, что до сих пор нет резолюции относительно Пражской конференции, писал в очень и очень резком тоне. И только в приписке, где он сообщал: «Передайте письмо С...», т. е. Серго, он посылал товарищам привет. Через некоторое время я получила письмо от Серго, в котором он писал: «Получил сердитое письмо Ильича. Сейчас он уже успокоился»...

О чем писал Серго? Что случилось с письмом? Во-первых, оно прошло нелегкий путь. Надежда Константиновна должна была написать его на языке шифра. Очевидно, это письмо было переслано из Швейцарии или из Германии, а быть может, из Франции или Англии, где были корреспонденты, которые имели русские адреса. Я на свой адрес письма не могла получать. Шло время. А когда я получила письмо, то надо было его проявить, затем расшифровать, записать и только тогда можно было выполнить указание Ленина, но Владимир Ильич торопил, ему казалось, что все делается не так быстро, как нужно. Поэтому Серго и написал: «Получил сердитое письмо от Ильича. Сейчас он успокоился, потому что мы ему все уже сообщили».

В июне месяце я была арестована и отправлена на поселение, Серго — приговорен к каторге, и поэтому мы с ним встретились только после Февральской революции.

Относительно работы того времени. Работа буквально кипела. Приезжало ко мне, как к секретарю Русского бюро Центрального Комитета, бесконечное количество людей. В их числе постоянно был Серго, когда он приезжал откуда-нибудь из провинции. За все эти годы не было ни одного случая, чтобы, приехав в Москву, Серго не приходил в ЦК. Там мы постоянно с ним виделись.

Я вспоминаю 1920 г. Меня тогда послали на Кавказ, специально в Баку помогать работникам Закавказского бюро ЦК, его секретарям, а затем подготовить съезд народов Востока.

В то время добираться на Кавказ из Москвы было довольно мудрено.

Я вспоминаю, как мы ехали до Минеральных Вод с бесконечными остановками. Почему? Топлива тогда не было. Доезжали до станции, пассажиры выходили из вагонов,

разбирали заборы или еще что-нибудь, клали в паровозную топку, и затем поезд трогался до следующей остановки. В Минеральных Водах было объявлено, что поезд дальше не пойдет. Как быть? Мне необходимо было попасть в Баку.

Узнав, что скоро на эту станцию должен приехать Серго, я успокоилась. Когда пришел поезд, в котором он ехал, я сразу же подошла к его вагону. Увидев меня, он сейчас же позвал к себе. Приехав в Баку, я некоторое время жила на квартире у Серго и Зинаиды Гавриловны.

Вспоминаю подготовку съезда народов Востока, потом приезд товарищей из Грузии и из Армении. Особенно приезд грузинских товарищей к Серго, они все его спрашивали: «Когда ты нас большевизируешь?», так как у них была меньшевистская республика.

Вспоминается мне также поездка Серго с делегацией из Азербайджана на съезд во Владикавказ. Серго резко выступал и критиковал северокавказцев, и на нашем собрании имели место довольно резкие выступления против Серго, потому что он немножко погорячился. Но все дела пошли как следует.

В Баку я пробыла не так долго, потому что после съезда народов Востока моя работа в качестве секретаря этого съезда прекратилась, и мне пришлось приехать в Москву.

С Серго мы встретились уже в 1926 г., так как до 1926 г. я была в командировке за рубежом, а с 1926 по 1934 г., когда работала в ЦК, я часто встречалась с Серго. Он, бывало, обязательно забежит, горячо поприветствует и опять умчится по своим многочисленным делам.

Может быть, у вас останется впечатление, что я говорю о Серго очень поверхностно, но дело в том, что он так горел на работе, что для личных встреч и бесед у него не оставалось времени... Встречались мы с Серго на лету, эти встречи были очень волнующими. Он всегда был целиком захвачен работой, но это не мешало ему тепло относиться ко всем товарищам. И мне хотелось бы, чтобы мы, старики, научили молодежь так работать, как работал Серго и его товарищи.

Исторический архив,
1961, № 5, с. 169—171.

А. К. ВОРОНСКИЙ

ЭТО БЫЛО В ПРАГЕ

Я приехал в Прагу делегатом от Саратова одним из первых.

Чаще всего я видел Серго озабоченным. Иногда в самой середине разговора он как будто переставал слушать собеседника, взгляд его становился отсутствующим, точно он задумывался о чем-то далеком, внезапно его поразившем и подчинившем себе. Он становился рассеянным, переспрашивал собеседника, повторял его последние слова. Был мягок и благодушен с товарищами в обиходе, легко воспламенялся, возражал резко и решительно, с напором и энергией, иногда с раздражением.

Это случалось, если Серго замечал, что говоривший, по его мнению, начинал кривить душой, дипломатничать, избегать прямых ответов. Он не терпел оговорок, недомолвок, туманностей. Голос его сразу повышался, делался громким и напряженным, акцент заметно увеличивался. Вид же он принимал такой, будто его незаслуженно обидели.

В Праге Серго продолжал работу Организационной Комиссии, сносился с Лейпцигом, через который следовала часть делегатов, вел переговоры с чешскими социалистами, предоставлявшими нам квартиры, переписывался с Лениным. Серго следил, чтобы делегаты не слишком бросались в глаза прохожим — заставлял сменить шубы, башлыки, меховые шапки, валенки на более европейские платья и обувь.

Делегаты ходили гурьбой по улицам, громко разговаривали по-русски. Серго напоминал о конспирации. Иногда и сам нарушал конспирацию: ведь ему было всего двадцать пять лет!

Вечерами мы собирались в пивной. Хозяину-чеху сказали, что мы болгарские студенты, благо, Орджоникидзе брюнет.

Ян Зевин, делегат Екатеринослава, ориентировался на Плеханова. Он все колебался — принять ли ему участие в конференции с решающим голосом или быть наблюдателем, а может, поехать к Георгию Валентиновичу Плеханову за инструкциями? Ян отличался большим упорством, и они часами спорили с Серго. С первых дней войны 1914 г. Зевин порвал с Плехановым, связал свою жизнь с большевиками [1].

[1] Ян Зевин погиб в числе 26 бакинских комиссаров.

Приехал Ленин. Очень сердитый. Дело в том, что группа делегатов, и я в том числе, разослала приглашения на конференцию меньшевикам, впередовцам и т. д. Не помню, принимал ли в этом участие Серго. Кажется, не агитируя за такие приглашения, он, так сказать, «пропускал»: попробуйте — и убедитесь сами, что из этого получится.

Однажды Серго появился среди нас встревоженный и объявил, что приехал Ильич и очень не жалует нас за наши приглашения. Я никогда не видел Серго в таком нервном и напряженном состоянии — обычных шуток и в помине не было. Он торопил нас немедля отправиться к Старику, как мы между собой называли Ленина. Владимир Ильич уже ждал нас. Он сидел в застегнутом пальто и не снял котелка. Весь вид Ильича как будто бы говорил: как хотите, приглашайте кого вам угодно, я в этом деле не участвую, в случае чего, могу и уехать.

Мы сказали, что объединяться с ликвидаторами не намерены, приглашения же послали меньшевикам и впередовцам, чтобы лишний раз показать рабочим, что мы не раскольники.

Владимир Ильич с этим доводом не согласился, утверждая, что о расколе не может быть и речи. Раскалываются, по крайней мере, две стороны; в России же настоящую революционную марксистскую работу ведут только большевики.

Серго помог уладить недоразумение с Владимиром Ильичем. Он делал нам предупреждающие знаки, поправлял, если находил, что кто-нибудь из нас неправильно выразился, и все время убеждал Ленина, что все обойдется. Через два часа все было улажено.

Вечер мы провели с Владимиром Ильичем в самой дружеской и товарищеской беседе. Ленин шутил, много смеялся и еще больше расспрашивал нас о работе в России, попутно приглядываясь к тем из нас, с кем он встречался впервые. Удивительный был у него прищур глаз. Серго сиял и радостно оглядывал нас, подкашливал «по-тифлисски».

Из всех нас, делегатов, которым удалось пробраться через кордон, Орджоникидзе был с Лениным наиболее близок. Они встретились как старые знакомые. Постоянно находились у них разные совместные дела. В памяти моей запечатлелось: уголок комнаты, где происходили заседания конференции, большое окно или арка; уединившись во время перерыва и понизив голоса до шепота, корена-

стый и плечистый Ленин, с головой Сократа, приложил горсточкой руку ко рту, доверительно, именно доверительно, совещается с Серго. О чем-то расспрашивает, либо слушает, поглядывая куда-то на стену, всегда настороженный, внимательный. Время от времени он наклоняется к самому уху Серго: да, теперь в эту минуту он наставляет его — и вдруг хохочет тихонько, приподняв плечи. Невозможно передать эту кипучую натуру, всегда в движениях и в действиях, всегда неутомимую и находящуюся в непрерывных изменениях.

Серго задумчив. Уставившись в одну точку, он трогает свой крупный нос; иногда он поглядывает на Владимира Ильича, и в этом его взгляде и гордость за человека, с которым он беседует, и преданность ему, и еще больше неподдельной к нему любви. Следя порой за ними, я улавливал на продолговатом лице Серго радостное восхищение Ильичем, готовность следовать за ним до конца. Эти чувства Ленин возбуждал и среди других делегатов, но далеко не все умели вести себя с таким тактом, с такой чуткостью, какие обнаруживал Серго.

Во всех главных решениях конференции Серго принимал самое видное участие, выступал, обсуждал проекты резолюций, вносил поправки и изменения. Поведение его в смысле большевистской последовательности было безупречно и совершенно соответствовало основной линии Ленина.

По-прежнему Серго продолжал энергично уговаривать обоих плехановцев, по-прежнему в перерывах слышался его кавказский акцент, веселый смех. Каждым своим движением он как бы свидетельствовал: наша непременно возьмет, в этом не сомневайтесь, друзья!..

Глядя на Серго, я сравнивал его с чешскими социалистами. Серго тоже принадлежал к угнетенной национальности, причем национальный гнет со стороны царизма отличался особой жестокостью.

Орджоникидзе горячо и преданно любил густо насыщенное синью, как бы спустившееся к самой земле, необъятно низкое небо Кавказа. Любил свой народ с его древнейшей культурой, а еще больше любил он свое большевистское подполье, крепкое содружество товарищей, их непреклонность и самобытность. В нем ни грана не было той шовинистической закостенелости, которую все мы, делегаты конференции, замечали у чешских социалистов. Смешно было и говорить о национализме Серго Орджоникидзе!

И в другом отношении различие между Серго и западными социал-демократами бросалось в глаза. Когда выступал лидер чешских социалистов Немец, он сильно жестикулировал, потрясал кулаками, рычал, вопил, гремел, обличал, но то был пафос нарочитый, энтузиазм наигранный. И пафос и энтузиазм спадали тут же на глазах.

У Серго и в помине не было ни этой искусной аффектации, ни этого закатывания глаз, ни этой подозрительной дрожи в голосе. Все просто, естественно и мужественно. Слово рождается из глубины существа, из самых недр его. Страсти неподдельные, возмущение убедительно.

Серго весь был овеян суровым и крепким воздухом революции, где вошло в обычай сражаться против врага, в сотни и тысячу раз сильнейшего, где при любом неравенстве сил не складывали оружия и не просили пощады, не сдавались в плен, не падали духом, а деловито заменяли падавших, выбывших из строя. Откуда же здесь быть самохвальству, ограниченности?!

Рассказы об Орджоникидзе, М., 1968, с. 23—27.

Ф. Н. ПЕТРОВ

В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КАТОРЖНОЙ ТЮРЬМЕ

Мне с Серго Орджоникидзе пришлось встретиться в 1912 г. в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. В один из дней шлиссельбургских протестов я был посажен в карцер, где вместо стен были решетки, и к нам ввели Серго. Первое, что бросилось нам в глаза,— это то, что он не умеет носить кандалы. Они были спущены и били его по ногам... Эту своеобразную науку плохо усваивал Серго, забывал подтянуть концы, и когда мы после первого урока по ношению кандалов вышли на прогулку, кандалы у Серго снова были низко опущены и били по ногам.

И вот тут мы услышали впервые от товарища Орджоникидзе то, что нас всех окрылило и порадовало,— решения Пражской конференции. Он подробно рассказал о выступлении Владимира Ильича, рассказал, что Ленин работает, организует партию, партия живет...

Орджоникидзе участвовал во всех протестах, он был в числе тех, которые не подчинялись режиму и не раболепствовали перед администрацией, не снимали шапки по

команде, не отвечали «здравия желаю» различным комендантам и их помощникам. Он был одним из тех политкаторжан, которые учились упорно, настойчиво; он читал много книг, и те записи о числе прочитанных книг, которые имеются в его тетрадях, говорят о том, что он изучал и философию, и экономические науки, и историю, и технику, и военное дело,— вот каким он был каторжанином.

Я помню, как через одного из заключенных — Айтенштадта — мы получили случайно книгу Владимира Ильича «Материализм и эмпириокритицизм». Эта книга была прислана с воли в переплете одного из изданий журнала «Нивы», поэтому администрация ее по невежеству пропустила. Эта книга ходила по рукам заключенных.

Узнав, что пришла книга Владимира Ильича, Орджоникидзе сказал: «Как хорошо, что мы книгу получили, как хорошо, что Владимир Ильич в этой книге так глубоко разрешил не только вопросы познания, но и поставил вопрос о философском фундаменте и существе большевистской партии».

В наших беседах по вопросам истории философии, о революции 1905 г.— это было на прогулках — мы всегда обсуждали всесторонне все вопросы.

Один из заключенных, товарищ Айтенштадт, в своих воспоминаниях писал, что Орджоникидзе являлся одним из тех большевиков, которые были глубоко принципиальными, твердыми, преданными партии, которые с глубокой любовью относились к людям, понимали, что человечность, гуманность,— величайшее качество каждого человека. И тут же отмечал, что с Орджоникидзе можно говорить по всем вопросам, которые тебя интересуют и волнуют. Вот каким предстает передо мной Серго по воспоминаниям, связанным с Шлиссельбургом.

После Октябрьской революции мне как заведующему Главнаукой пришлось, выполняя завет Ильича о советизации научных учреждений, обращаться к Серго по вопросам, связанным с наукой, лабораториями и т. д. Я всегда встречал со стороны товарища Орджоникидзе помощь и глубокое понимание значения роли науки в стране.

Серго Орджоникидзе всегда останется в моем сознании как пример настоящего большевика, самоотверженного строителя социализма, глубоко преданного делу ленинизма.

Исторический архив, 1961, № 5, с. 171—172.

В. П. ШИРОКОВА-ДИВАЕВА

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЯКУТСКОЙ ССЫЛКЕ

Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго), как известно, в 1916 г. был выслан в Якутскую область. Его хотели выслать на север Якутии, но по личному ходатайству главврача якутской больницы доктора Юдина Григорию Константиновичу разрешено было остаться работать в якутской гражданской больнице, которая очень нуждалась в работниках.

Несмотря на полученное разрешение, врачебное управление все же решило выслать его из города, предложив самому найти участкового врача, который согласился бы взять его фельдшером.

Григорий Константинович обратился ко мне — не приму ли я его фельдшером Покровского участка. Я охотно согласилась, и врачебное управление направило его в село Покровское, бывший 1-й участок Якутского округа.

Крайние точки обслуживания населения находились далеко от медпункта: северная — за 50 километров, южная — приблизительно за 200 километров и восточная — за 250 километров. Медпункт был расположен на гористом берегу реки Лены. При таком большом участке, в незначительной мере заселенном, оказывать медицинскую помощь населению было затруднительно, особенно в зимнюю пору. Особенно трудно было Григорию Константиновичу, у которого не было теплой одежды, и, конечно, как южанину, который не привык к суровому климату Якутии.

Село Покровское насчитывало всего несколько жилых домов.

Здесь, кроме больницы с амбулаторией, было шесть — восемь семей крестьян, занимавшихся извозом и почтой; имелась «лавка» (магазин) известного в Якутии купца Кушнарева, церковноприходская школа, где учительницей работала Зинаида Гавриловна Павлуцкая, впоследствии жена Григория Константиновича, церковь, волостное управление с земским заседателем Протасовым. Уголовные ссыльные жили вне Покровского.

Таким образом, село Покровское не имело на своей территории ни одного предприятия, не было в нем рабочих и близких по духу для Григория Константиновича товарищей, что делало жизнь его в чужом краю, вдали от кипучей работы, особенно тяжелой.

Во время амбулаторного приема он всегда выступал в роли санпросветчика. Настойчиво объяснял, какие болезни происходят от грязи и как с ними бороться. Очень часто шутил с больными. Как они его понимали, я не знаю, но видела, что им было весело. Помню, на мой вопрос: «Как это вы, Григорий Константинович, объясняетесь, не зная якутского языка? — он ответил: «Немножко по-русски, немножко по-кавказски, немножко по-якутски, и получается ясно». Его живое лицо, живые глаза, богатая мимика как бы говорили о неисчерпаемом запасе энергии. Я думаю, что больные понимали его главным образом по выразительным глазам и мимике. Особой любовью его пользовались дети. Очень, очень часто он говорил: «Посмотрите, какой чудный ребенок». Да, нужно было очень внимательно вглядеться, чтобы подметить то, что не бросалось в глаза с первого взгляда,— ведь дети якутов в то время жили в антисанитарных условиях.

Находясь в одиночестве, в тяжелых бытовых условиях, товарищ Серго, однако, был изумительно весел и приветлив с больными и окружающими.

Моя старая тетка, которая не особенно благоволила к другим ссыльным, выделяла товарища Серго как особенного, обаятельного и культурного человека. Несмотря на ее возраст (60 лет) и, казалось бы, отсутствие у нее интереса к делу революции, он ей всегда терпеливо объяснял, что вся земля, все недра, все ее богатство безраздельно должны принадлежать трудящимся.

В наших беседах он, между прочим, говорил о своем участии в работе Пражской конференции, где видел, как выразился он, «большого человека» — В. И. Ленина.

Как пример его врожденной деликатности и прямоты я приведу следующий случай. Будучи направленным на мой участок, Григорий Константинович до официального оформления осведомился, не буду ли я против сотрудничества с ним, так как он политический ссыльный.

Одновременно с Григорием Константиновичем на моем участке работало еще два лекпома: один — якут Слепцов, фамилию второго не помню. Они были в постоянных разъездах, а на Григории Константиновиче лежала вся работа в стационаре, амбулатории и аптеке.

Григорий Константинович амбулаторный прием начинал чуть ли не с шести часов утра. Однажды, придя к восьми с половиной часам утра, я увидела, что он принял уже много больных. На вопрос: «Что это вы так рано начинаете работу?» — он ответил: «Больные очень рано со-

бираются». Он всегда нервничал, видя, что его ожидают больные.

Я совершенно не помню, чтобы мне приходилось с ним ссориться из-за работы,— он был чрезвычайно исполнителен и пунктуален. Помню такой случай. Где-то далеко, километров за 100—150, ребенок заболел дифтерией. Я командировала к нему Григория Константиновича, прося все бросить и спешить к тяжелобольному. Так он буквально с каждой станции рапортовал мне, что едет без задержки. По обычаю того времени спешная корреспонденция снабжалась приклеиванием птичьего перышка к конверту. Экземпляр такого конверта у меня сохранился. В 1954 г. я его переслала в Министерство культуры Якутской АССР для Дома-музея Орджоникидзе.

Один раз Григорий Константинович сам рассказывал после возвращения из срочной командировки: «На одной станции я слегка за шиворот тряхнул писаря за то, что он задерживал меня, не давая лошадей. Должно быть, я был очень страшен, так как он в ответ на мой суровый тон моментально дал лошадей».

Григорий Константинович совершенно не занимался частной практикой. Помню такой случай. До него и при нем меня настойчиво вызывал к себе больной, очень богатый якут Барашков. Так как он был из другого участка, то я ни разу к нему не ездила, не желая делать исключения для богача. Другие же медработники ездили к Барашкову даже без приглашения. Григорий Константинович не только не выражал никогда желания ездить к этому богачу, но и был доволен, что и я не выражала желания его лечить. Говорят, что Барашков был так богат, что у него в хлеву для коров было электрическое освещение, которого так недоставало нашей больнице. Конечно, имея такого частного пациента, Григорий Константинович мог бы поправить и свои материальные условия. Но он продолжал жить без подобного частного заработка, довольствуясь своим скромным бюджетом.

Между прочим, моя тетка, которая безотлучно была дома, постоянно отмечала его бескорыстие. Она под всяким предлогом старалась сделать Григорию Константиновичу что-нибудь приятное, угостить его. Например, он очень любил мороженую черную смородину и мороженую бруснику. Так она специально их для него приберегала. Эти ягоды он называл «ягодами самосахарными» за то, что они покрывались инеем, когда их вносили с мороза в теплую комнату.

Григорий Константинович очень нуждался в усиленном питании: он прибыл в Якутск очень бледным, пожалуй, даже истощенным. Худой, с горящими глазами, он производил впечатление туберкулезного больного — и казался мне недолговечным. К счастью, в этом я ошиблась. Медицинские познания его, как и мои, в то время молодого врача, были небогаты. И это мы с ним оба понимали.

Был случай, требовавший более или менее сложной операции. Я не решилась делать ее сама, попросила врачебное управление командировать специалиста. Приехал врач Диваев (впоследствии мой муж). Всю подготовку к операции осуществлял Григорий Константинович. Во время операции он, забыв обо всех правилах гигиены, направился в бокс за стерильным материалом. Доктор Диваев разъяснил мне, что я плохо проинструктировала его, не объяснила, что он должен делать при операции. Григорий Константинович долго-долго шутил потом, вспоминая этот случай.

С тяжелыми больными он никогда не был сухим, формальным, всегда ободрял их.

При последнем нашем свидании в 1935 г. в Москве он сказал мне: «Работа по тяжелой промышленности легче, больше мне по душе».

В тех условиях многие ссыльные становились алкоголиками, старались сблизиться с чиновниками. И он имел эту возможность. Но отличался стойкостью характера, силой воли и определенной, резко выраженной революционной целенаправленностью.

Полицейский Протасов, под гласным надзором которого Серго находился, ежедневно посещал его, а иногда и меня.

Григорий Константинович вынужден был принимать этого Протасова — непрошеного гостя, который без стука входил в его комнату. Узнав о «слабости» Протасова, Григорий Константинович заранее заготовлял в бутылочке 100 граммов спирта и, как только Протасов входил в комнату, снабжал его бутылочкой с «лекарством», после чего тот «выкуривался».

Об этом я узнала от Григория Константиновича в Кремле. Он с усмешкой рассказал, что этот непредвиденный расход спирта он держал от меня в секрете.

К представителям власти у Григория Константиновича было нетерпимое отношение. До меня в больнице лежало в течение года лишь два бездомных ссыльнопоселенца, которые имели неизлечимые хронические старческие бо-

лезни (один со старческой катарактой, другой с эмфиземой легких). У нас же на лето было развернуто дополнительное детское отделение для больных с желудочно-кишечными заболеваниями, и понятно, что свести нам концы с концами, когда больных было в десять раз больше нормы, не представлялось возможным. Врачебное управление постоянно упрекало меня, что мы тратим много денег на питание больных. Приезжая из города огорченной, я постоянно слышала от Григория Константиновича не только возмущение врачебным управлением, но и уверения, что «они» смотреть на дело иначе не могут. «Что им здоровье масс? Делайте, как вам кажется правильным. Будущее это оценит».

Помню еще случай. У нас начались мелкие кражи по ночам — вытаскивали из амбара, который стоял в лесу, медикаменты и мягкий инвентарь. По смете не полагалось иметь сторожа, врачебное управление отказало в средствах для найма его и направило меня к губернатору. Тот стал разговаривать со мной возмутительным тоном. Это рассердило меня, я тут же подала заявление об уходе. Григорий Константинович после моего рассказа о происшедшем тепло пожал мне руку и сказал: «Хорошо, так с ними и надо обращаться».

Бытовые условия Григория Константиновича были тяжелыми.

Во-первых, он был очень плохо одет: кажется, у него было только ватное пальто, совершенно не подходящее для сурового климата Якутии.

Тяжелы были для него разъезды. Однако были исключительные случаи, когда требовался и его выезд к больному. И если это было в холодную погоду, он надевал поверх пальто больничный халат (не помню — байковый или суконный).

Питание его было организовано плохо. Мы (тетка моя и я) очень часто его приглашали к себе на обед. Однако питаться у нас постоянно Григорий Константинович отказывался, это его стесняло. Приходилось приглашать его под каким-нибудь предлогом: на мясные пирожки, которые он очень любил, на мороженую черную смородину.

Жил Григорий Константинович в амбулаторном помещении, там же были комнаты второго фельдшера и сторожа.

Комната Григория Константиновича была в коридоре, первая направо. Окно ее выходило на большой пустырь, отделявший территорию больницы от территории церкви.

По этому пустырю зимой пробегали целыми стаями белоснежные зайцы.

Меблирована компата была более чем скромно. Ее казенная мебель состояла из небольшого стола, табуретки, стула и кровати.

Он верил в революцию, готов был отдать всего себя на благо родного народа.

За время нашей совместной работы с Григорием Константиновичем я вынесла о нем впечатление как об очень хорошем товарище, очень добром и культурном человеке и стойком революционере.

Уехав из села Покровского в город Якутск, я с Григорием Константиновичем встречалась неоднократно. В моей памяти запечатлелись случаи, ярко характеризующие его как большевика.

Вот один из них. После Февральской революции в Якутске был съезд медработников Якутии. Нас обоих избрали в президиум. Орджоникидзе совершенно преобразился: взял в свои руки ведение съезда, редактировал приветственную телеграмму съезду Советов. Мы были малосознательны, готовы были принять лозунг: «Да здравствует Временное правительство! Вся власть ему!». Он же первый очень решительно и убедительно бросил лозунг: «Вся власть Советам! Советы — единственная форма революционного правительства!»

В 1917 г. я видела его в Якутии последний раз. Это было в мае месяце, он сказал мне: «Началась жаркая пора — я должен уехать отсюда». И с первым пароходом он отбыл из пределов Якутии.

Последняя моя встреча с Григорием Константиновичем была в сентябре 1935 г., когда он принял очень тепло и приветливо меня и мою семью у себя на квартире в Кремле. Исключительная занятость его государственной работой не позволила достаточно углубиться в воспоминания о жизни в Якутии, но о полицейском Протасове он все-таки вспомнил и при этом заразительно смеялся.

Печатается впервые.

Я. В. ПОЛУЯН

СЕРГО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Разгар гражданской войны на Северном Кавказе. Деникин на Кубани, Бичерахов в Терской области наступали с офицерскими бандами, используя кулацкие восстания.

Немцы, захватив Украину и Ростов, подходили к Кубани.

Разгромить контрреволюцию, дать возможно больше хлеба Северу, укрепить Советскую власть и разрешить земельный и национальный вопросы — таковы важнейшие задачи, стоявшие тогда перед партией. В этот трудный период борьбы летом 1918 г. в качестве уполномоченного ЦК партии и СНК РСФСР [1] на Кубань прибыл Серго Орджоникидзе. Горячие, полные веры в победу выступления, какой-то особенно искренний и боевой их характер, прямота и смелость действий завоевали Серго авторитет и популярность среди партийных организаций, беспартийных пролетарских масс и казачьей и горской бедноты. Серго становится организатором и руководителем северокавказских большевиков.

...Северокавказский съезд Советов [2]. Борьба вокруг отношения к Брестскому миру. Левые эсеры, спекулируя на наступлении немцев на Кубань, настаивают на разрыве «похабного» Брестского мира и на объявлении «священной народной войны» немцам. Допускаются даже провокационные выпады по поводу потопления Черноморского флота. Но вот на трибуне Серго. Кубанские пролетарии встречают его выступление овациями. Лучшие представители кубанских трудящихся признают внешнюю и внутреннюю политику Совета Народных Комиссаров единственно правильной и объявляют важнейшей задачей создание Красной Армии и скорейший разгром контрреволюции. Принимается решение о срочной доставке хлеба на Север.

Донской офицер Автономов [3], главнокомандующий Ку-

---

[1] 9 апреля 1918 г. СНК РСФСР принял решение, в котором, в частности, отмечалось: «Чрезвычайному комиссару Совета Народных Комиссаров, тов. С. Орджоникидзе, поручается организовать под своим председательством временный Чрезвычайный комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа и Баку».

[2] Автор имеет в виду III Чрезвычайный съезд Советов и фронтовиков Кубано-Черноморской республики, который проходил в мае — июне 1918 г.

[3] Автономов Алексей Иванович (1890—1919) — советский военный деятель. Участник первой мировой войны на Кавказском фронте, хорунжий. В 1917 г. перешел на сторону Советской власти. В феврале 1918 г. был назначен командующим Юго-Восточной революционной армией в районе Тихорецкой, с мая 1918 г.— главнокомандующий вооруженными силами Кубано-Черноморской республики. В мае 1918 г. вступил в конфликт с Чрезвычайным штабом обороны и ЦИК Кубано-Черноморской республики, не желая подчиняться контролю с их стороны. Постановлением III Чрезвычайного съезда Советов Кубано-Черноморской республики был от-

банскими революционными войсками, не желая признавать партийно-советского контроля, становится на путь мятежа, объявляет членов Чрезвычайного штаба обороны, созданного ЦИК Кубано-Черноморской республики, шпионами и предателями и грозит двинуть на Екатеринодар[1] верные ему части для «наведения революционного порядка». Эта авантюра была ликвидирована решительными действиями Серго. Автономов был снят с поста главнокомандующего и направлен в распоряжение центральной власти в Москву.

В 1918 г. во Владикавказе[2] Серго проделывает огромную работу по организации народов Северного Кавказа и вовлечению их в гражданскую войну на стороне Советской власти. Здесь, как и на Кубани, он является вдохновителем и организатором революционных масс. Когда эсеровские и бичераховские банды ворвались 4—5 августа 1918 г. во Владикавказ, Серго организует Ингушетию и во главе революционных отрядов громит бичераховцев и выбивает их 17 августа из Владикавказа.

В ноябре 1918 г. части 11-й армии ликвидировали остатки бичераховцев и восстания в ряде терских станиц. Путь на Владикавказ — Пятигорск был освобожден. В Пятигорск прибыл Серго и занялся организацией борьбы с Деникиным. Нужно было непосредственно наблюдать Серго за работой в этот период, чтобы вполне оценить его огромную энергию и организаторский талант. Способность быстро ориентироваться и использовать всевозможные средства проявлялась во всей его работе, и в партийной, и в советской, и в военной. Помню, как в очень тяжелый момент нехватки патронов Серго с успехом организует покупку их у городского населения[3]. Он был везде, никогда

странен от командования и откомандирован в Москву. Позднее по просьбе Г. К. Орджоникидзе был возвращен на Северный Кавказ и честно сражался против белогвардейцев. Командуя бронепоездом и отрядом, участвовал в боях на Тереке и под Святым Крестом. При отходе советских войск с Северного Кавказа умер от тифа.

[1] Ныне город Краснодар.

[2] Ныне город Орджоникидзе.

[3] 24 января 1919 г. Серго Орджоникидзе направил В. И. Ленину телеграмму: «Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получали ни патронов, ни копейки денег; шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей.

Владимир Ильич... будьте уверены, что мы все погибнем в неравном бою, но честь своей партии не опозорим бегством» (см.: *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи. М., 1956, т. 1, с. 66).

не считался с опасностью для себя и в самые тяжелые дни не оставлял товарищей. Когда положение революционных сил Северного Кавказа было особенно трудным, товарищи настаивали на поездке Серго в Астрахань и в Москву за вооружением, медикаментами, людьми. Но Серго не нашел возможным уезжать в самый ответственный и решительный час...

Между тем, получив большую помощь от союзников, Деникин захватил Новороссийск и в ноябре — декабре 1918 г. начал наступление на Северном Кавказе.

Нехватка вооружения, эпидемия тифа и авантюра главнокомандующего Сорокина[1] ускорили отступление истекавшей кровью 11-й армии на Астрахань. Когда на станции Прохладная в вагоне Серго обсуждался вопрос, в каком направлении отступать: на Кизляр — Астрахань или Владикавказ, Серго отстаивал путь на Владикавказ, так как считал, что иначе горцы поймут это отступление как измену им и революции. Когда все же армия двинулась вдоль железной дороги на Кизляр, Серго остался верен себе, вернулся во Владикавказ, чтобы вместе с горской беднотой разделить все трудности поражения и отступления.

После долгих тяжелых испытаний Орджоникидзе снова в Советской России. В 1920 г. во главе Кавказского фронта Серго в Ростове. Он руководит разгромом последних деникинских банд и очищением Северного Кавказа. Некоторое время в мирной обстановке, с присущей ему страстностью, он решает вопросы социалистического строительства на Северном Кавказе.

Во Владикавказе на Северокавказской партконференции Орджоникидзе вместе с Кировым проводят ряд мероприятий по разрешению национального и земельного вопросов, организации и укреплению Советской власти. Эти мероприятия легли в основу практической работы партийных организаций на Северном Кавказе.

Товарищ Серго, работая в разных местах и на различных постах, всюду проявлял энергию, огромную инициативу, обнаруживал исключительный организаторский талант.

Чуткость, внимательное и заботливое отношение к лю-

---

[1] Сорокин, будучи командующим Северо-Кавказской армией (11-й армией), оказался изменником — в Пятигорске расстрелял руководителей Северо-Кавказского краевого комитета большевиков и Северо-Кавказского ЦИК.

дям, доступность, прямота, теплота и искренность в обращении с людьми снискали Серго всеобщее уважение и любовь как к другу, товарищу, руководителю...

Печатается впервые.

М. К. ЛЕВАНДОВСКИЙ

СТРАТЕГИЯ И МУЖЕСТВО

Никогда не забудутся боевые дни, проведенные вместе с товарищем Серго на Северном Кавказе.

В августе 1918 г. город Владикавказ был внезапно занят белогвардейцами. Товарищ Орджоникидзе вместе с небольшой группой большевиков и преданных Советской власти людей вынужден был срочно уйти в Ингушетию, в горы. Здесь он начал собирать силы для ответного удара.

На станции Прохладная, где в это время я находился, был небольшой отряд грозненских рабочих-красногвардейцев — человек триста, не больше. Они в то время были единственной нашей опорой. Серго телеграммой приказал мне направить этот отряд в Базоркино, а вслед за этим и самому явиться к нему.

Приехал я к Серго только под утро и тут узнал, что посланный мною отряд не дошел до Базоркино, а остановился в нескольких километрах — в садах. Бойцы больше хотели попасть в Грозный, а не во Владикавказ.

Мы немедленно отправились в отряд. Красногвардейцы стали жаловаться на то, что у них нет патронов, что им нечего есть. На это Серго ответил:

— Надо отстоять Владикавказ, а там есть и еда, и патроны, и все необходимое. До Грозного вы все равно не дойдете — по пути вас всюду будут встречать белогвардейцы и восставшие казачьи станицы.

Серго говорил убедительно, горячо и ярко. Отряд заколебался, многие бойцы стали соглашаться с тем, что надо в первую очередь отбить Владикавказ. Закончив речь, Серго сел на лошадь и повел за собой весь отряд.

Враг был разбит... Но белогвардейцы не унимались: они много раз пытались выбить красных из города. Мы в этих случаях объявляли тревогу и стягивали к центру города все наши боевые силы. И каждый раз Серго первым появлялся с карабином за плечами и становился впереди бойцов. Он всегда стремился быть там, где создавалось

особенно тяжелое положение, где надо было поддержать дух, придать бойцам уверенность.

В том же году в конце лета белогвардейцами был осажден город Грозный. Рабочие-нефтяники уже около трех месяцев выдерживали осаду, но силы их слабели с каждым днем. Нужно было срочно помочь им продуктами и боеприпасами, поднять их боевой дух.

Серго решил сам поехать туда, хотя это и было связано с большим риском. Селения, лежащие на пути между Владикавказом и Грозным, находились в руках белых. Надо было пробираться через Ингушетию, Чечню и, наконец, через казачьи станицы.

Это, однако, не остановило товарища Серго. Он взял с собой меня и одного сопровождающего — Хусейна Султыгова.

Приехав в Грозный, товарищ Серго тут же, несмотря на усталость, обошел все окопы, подробно расспрашивал бойцов, выясняя обстановку. После этого Серго сделал такой вывод: надо во что бы то ни стало взять железнодорожный вокзал и удержать его в своих руках. Это даст возможность подвезти городу продукты, боеприпасы, и тогда сразу поднимется настроение рабочих.

Но как сломить довольно мощные силы противника?

Разработав точный план боевой операции, Серго взялся лично руководить боем. Он всегда находился на самых решающих и опасных участках, воодушевлял и увлекал за собой бойцов. Операция закончилась полным успехом, и в этом большую роль сыграло личное присутствие товарища Орджоникидзе среди рабочих-бойцов.

...Когда 11-я армия направлялась в район Ставрополя, я вновь встретился с товарищем Орджоникидзе, который руководил продвижением армии на Пятигорск, Грозный и Баку, вплоть до границ Персии и Турции. В это время в Армении власть захватили националисты-дашнаки [1], а в Грузии господствовали меньшевики [2].

[1] Дашнаки — члены армянской буржуазно-националистической партии Дашнакцутюн, возникшей в 1890 г. С мая 1918 г. по ноябрь 1920 г.— правящая партия буржуазной армянской республики. После установления Советской власти в Армении партия Дашнакцутюн в пределах Советской Армении была ликвидирована.

[2] Грузинские меньшевики — члены реакционной мелкобуржуазной националистической Грузинской социал-демократической партии, образованной в 1918 г. в результате отделения ее организаций от российских меньшевиков. Грузинские меньшевики захватили руководство Закавказским комиссариатом, действовали в интересах имущих классов, подвергали преследованиям больше-

Выдающуюся роль сыграл Серго и на этом участке борьбы за Советскую власть.

11-я армия подошла к границе Азербайджана, захваченного мусаватистами[1] — местными националистами. На подступах к Баку 11-я армия на время задержалась для того, чтобы подтянуть силы и подготовиться к наступлению на Баку. Нужно было поддержать восставший бакинский пролетариат и трудящихся Азербайджана. День наступления еще определен не был.

В это время товарищ Орджоникидзе получил телеграмму от Владимира Ильича, в которой сообщалось, что мусаватисты выступили с предупреждением: если Красная Армия сделает хоть один шаг в сторону Азербайджана, то они подожгут нефтяные промыслы.

«Нам важно в первую очередь сохранить нефть»,— настойчиво указывал Ильич.

Как быть? Как помочь бакинским пролетариям и сохранить при этом драгоценную нефть? Нелегкая задача.

Точно соблюдая указания Владимира Ильича, Серго прежде всего решил обеспечить сохранность нефти, в которой так нуждалась страна.

Он немедленно вызвал из подполья группу бакинских большевиков и поручил им организовать вооруженную рабочую охрану промыслов и Каспийской флотилии. Серго учел также, что многие бойцы 11-й армии не были знакомы с некоторыми национальными и другими особенностями Кавказа, и поэтому он прикрепил к каждому полку особых уполномоченных-коммунистов, которые должны были помочь командирам и бойцам ориентироваться в политических, религиозных и национальных особенностях Азербайджана. Наконец, Серго принял меры к тому, чтобы обеспечить внезапность и неожиданность действий 11-й армии. Задача состояла в том, чтобы армия смогла быстро

виков. Вооруженное восстание трудящихся Грузии с помощью Красной Армии свергло в феврале 1921 г. антинародное правительство грузинских меньшевиков. Лидеры их бежали за границу, где продолжали антисоветскую деятельность. Меньшевики, оставшиеся в Советской Грузии, в августе 1923 г. заявили о самороспуске партии.

[1] Мусаватисты — члены контрреволюционной буржуазно-националистической азербайджанской партии «Мусават» («Равенство»). Возникла в 1911 г. В годы гражданской войны «Мусават» была одной из главных контрреволюционных сил Азербайджана. После установления Советской власти в Азербайджане партия прекратила свое существование, но ее организации продолжали вести антисоветскую деятельность за границей.

пройти от границы Дагестана до исходных позиций для наступления и чтобы об этом движении до самого последнего момента никто не узнал. Далее Серго решил воздействовать на классовое самосознание обманутых рядовых бойцов в стане противника. Им разъясняли политику Советской власти.

За несколько дней до начала активных действий у железнодорожного моста между пограничным мусаватистским постом и красноармейцами бронепоезда началось братание: пограничники поняли, что мусаватисты их обманули, заставляют воевать против трудящихся. Во время братания, за час до начала активных действий, нами был захвачен первый телеграфный пункт. Мусаватисты лишились связи. Наши бронепоезда во главе со штабом армии продвинулись вперед. Один за другим телеграфные пункты переходили в наши руки, и поэтому о движении армии мусаватисты узнали только тогда, когда она была уже в нескольких километрах от Баку, в Баладжарах [1].

Мы освободили Азербайджан и сохранили нефть.

Так действовал Серго.

Рассказы об Орджоникидзе. М., 1968, с. 50—53.

Е. М. БОГДАТЬЕВА

ЛИРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

(Записки о встречах с Серго)

Солнечный апрель 1920 г. Агитационный актив, с мандатами от РОСТА, Центропечати, Госиздата и Пролеткульта, вылез из двух теплушек, в которых мы ехали от Москвы до Пятигорска. За восемнадцать дней нашего пути в первом эшелоне к только что освобожденному от белых Ростову красные части успели очистить Минеральные Воды, и мы продлили наш маршрут до Пятигорска. Ревком выделил коллективу трехэтажный, с мансардой, солнечный особняк в центре маленького живописного города. В особняке зазвенели молодые голоса, застучали пишущие машинки, и подростки-курьеры понеслись вперегонки по

[1] В ночь с 27 на 28 апреля 1920 г. Азербайджанский революционный комитет провозгласил Азербайджан независимой Советской Социалистической Республикой. 28 апреля был образован Совет Народных Комиссаров Азербайджанской ССР во главе с Нариманом Наримановым.

лестницам от радиошколы снизу наверх в светлую мансарду — наш радиоштаб. Здесь принимались сообщения о наших победах, которых мы ждали с таким страстным нетерпением.

Рабочий мой день начинался в пять — пять с половиной утра, а в Информотделе он не прекращался круглые сутки. К шести утра, по ночной информации, я сдавала сорок — пятьдесят горячих строк радио- и светопередовицы; этот же материал шел в огромные плакат-газеты, развешанные на людных перекрестках. Из окон машинисток виднелась громада Машука, и крохотный трамвай, спеша и захлебываясь, торопился наверх к Провалу. Постоянной угрозой над городом висели засевшие в горах белогвардейцы. По молодой беспечности мы не ощущали этой угрозы. Здесь, в чудесном, залитом весенним солнцем городе, я увидела впервые в конце мая Серго — освободителя Баку, пролетарского полководца, человека, которого знал и ценил Ильич. До этого мне довелось только писать о Серго, вошедшем 28 апреля во главе красных частей в Баку...

Далеко не робкая по характеру, я немного робела, входя к чрезвычайному комиссару (мы долго сохраняли за Серго этот понравившийся нашему молодняку «титул»), вагон которого стоял в эти дни в Минеральных Водах. Но видеть Серго было необходимо — наш аппарат разрастался, почкуясь по мере продвижения Красной Армии, и реквизированного для нас запаса радиоустановок, немного пополненного на Северном Кавказе, нам никак не хватало. А радио ведь было живым сердцем нашей агитационной работы. Не хватало и бумаги для печатания почти сотни разноязычных «Кавказских коммун» (единого названия наших газет), хотя мы уже начали использовать старые царские судебные, больничные, а позже даже полицейские архивы.

Необходимость заставила меня обратиться к Серго, который один тогда мог дать радиоустановки и бумагу; нам нужно было еще многое, но это уже были мелочи, с которыми можно было справиться, так или иначе, местными средствами.

Среднего роста кавказец, крепкий и жизнерадостный, казавшийся высоким от кудрявой шапки волос, сильно сжал мои пальцы, как только я назвала себя. Серго давно знал моего мужа, старого большевика, тоже кавказца.

Долго объяснять и доказывать справедливость своих требований мне не пришлось, не пришлось привести и трети заготовленных для доклада цифр. После нескольких

горячих коротких фраз, счастливая и взволнованная, я получила радиостанции. Бумагу я тоже получила, хотя и у самого Ревкома бумаги было в обрез.

Первая простая и деловая встреча сразу же определила последующие. Я обращалась к Серго только тогда, когда это было безусловно необходимо, и старалась отнять у него минимум времени. И, хорошо это зная, Серго сразу же удовлетворял мои просьбы. Простота и дружелюбие Серго только увеличили мое восхищение им — романтиком революции и храбрым ее солдатом.

Начав литературную работу в 1918 г. с военных передовиц, я жила всем, касающимся фронта. А Серго был в самое горячее боевое время сердцем и мозгом Кавказского фронта. И я жадно расспрашивала Серго о героической 11-й армии. Во время этих первых коротких и деловых встреч с Серго, ожидая своей очереди в его большом штабном вагоне, я наблюдала, как Серго принимает людей — наших военных работников, рабочих и начальников советских учреждений, партийцев и беспартийных. Основным в его обращении была простота,— та чудесная простота, которой он не изменил до конца своей жизни. Серго всегда поднимал своих собеседников до себя, они всегда себя чувствовали равными, не утрачивая особого внутреннего почтения к большому начальнику и человеку.

Серго не терпел ни тупости, ни головотяпства, ни чванства и резко громил повинных в этих грехах, даже если те были на крупной работе,— скорее, тогда им особенно доставалось. Они уходили от него красные и взъерошенные, как после хорошей бани, но обижаться не обижались. Помню, один сказал: «Кроет крепко, но справедливо». Эту привычку — «крыть крепко, но справедливо» — хорошо помнят и московские хозяйственники; ее сохранил Серго тоже до самого конца.

И еще. Серго и тогда был внимателен к людям — он всегда видел, как кто одет, отмечал синяки голодовки, следы чрезмерной нагрузки... Был он тогда молод и силен и как будто родился в своей длинной военной шинели и красноармейском шлеме. Его ноги в высоких сапогах твердо, уверенно и в то же время легко ступали по дощатому полу вагона.

Возвратившись после первой встречи с Серго, я рассказала о нем своему молодому и всегда веселому (ни полуголодовка, ни перегрузка, ни недосыпание ничего с ним не могли поделать) коллективу. Во второй или третий раз я вернулась к товарищам с огромным темно-зеленым бес-

ланским арбузом — подарком Серго. И его свежий, сладко-душистый сок иллюстрировал мой восторженный рассказ о настоящем большевике. С трудом я спрыгнула с подножки вагона с двумя громадными темно-зелеными шарами в руках. Один из них тут же съели, с моей небольшой помощью, бойкие мальчишки из станицы, прибежавшие встречать московский поезд. Им первым, перемазанным в сладком соке и блаженно облизывавшим прохладные корки, я рассказал, как Серго рос и рос и наконец из такого малыша, как они, стал большим воином, который прогнал беляков из их станицы.

— Ишь ты,— протянул толстопузый малый и тут же чуть не подавился коркой от собственной смелости. Расстались мы друзьями.

Северокавказский Ревком скоро переехал в серый, тусклый, пыльный Армавир. В городе было много пустых хлебных складов, пустых лавок с громадными замками на порыжевших дверях и пустых — без сердцевины — обывателей. Было еще много голодных бродячих собак и босоногих оборванных ребятишек, друживших с беспризорными собаками. Вместе с Ревкомом переехали и мы. Поселились около вокзала в двухэтажном купеческом особняке, длинном, пустом и пыльном. И здесь днем и ночью стучали машинки и кудрявый радист прижимал розовое от загара ухо к наушнику радиоприемника, у которого мы нетерпеливо ждали политических новостей.

Шустрые наши курьерята, упросившие (этого хотел и весь наш молодняк) взять их в Армавир, весело носились по пыльным пустым улицам. Жили мы здесь коммуной и больше питались почему-то кашами; но мальчишки отъелись, а у Алешки даже появился второй подбородок. В коммуну в жаркое время дня — после обеда, к великой радости всего коллектива, мы однажды затащили Серго съесть с нами самый лучший арбуз, какой только смог найти наш сонно-ленивый добродушный завхоз, которого мало оживило даже присутствие нашего редкого гостя.

Говорили, конечно, о фронте, о мировой революции и опять о фронте; я горько жаловалась Серго, что еще нигде не воевала. И Серго, добродушно смеясь, обещал взять меня в свой штаб, если еще придется подраться в крупном масштабе.

Рассказывал Серго и о героях 11-й армии, почти вымершей в боях и от тифа. Проговорили мы о будущей нашей военной славе, о фронте сегодня, о Серго и мировой революции и снова о Серго почти до рассвета.

Ярко горели глаза у обоих Алешек, загорелся наш неутомимый секретарь — украинец Скрипка, а я написала на рассвете особенно горячую передовицу.

В душной и пыльной скуке Армавира мы проработали недолго и скоро с тем же, работавшим по восемнадцать часов в сутки, Скрипкой, горбатой стряпухой Татьянушкой и бессонными нашими радистами двинулись в Баку в тех же, экспроприированных нами, заслуженных московских теплушках.

Увязались за нами и неугомонные Алешки, совсем забывшие семьи и родные станицы. Во время длинного пути на Баку я набросала, по просьбе товарищей, первую характеристику Серго. Жаль, эта первая лирическая и романтическая характеристика была тут же утеряна — вероятно, пропала вместе с газетами, которые мы усердно раздавали при каждой остановке.

Теперь многие тысячи слов уже сказаны об этом обаятельном человеке, товарище и друге. В словах и в фото прославлена его несравненная детски жизнерадостная улыбка, особенно прекрасная на мужественном лице. Дан давно, еще при жизни Серго, его облик, подкрепленный фактами и словами современников. Много записей людей, видевших Серго единственный и потому особенно ярко запомнившийся раз, запечатлевшийся в мозгу и сердце раз, передают его черты. Это все те пленительные черты — резкая прямота, правдивость, рыцарское отношение к женщине, любовь к детям, его яркая жизнерадостность... Все это верно, абсолютно верно, но хочется и нужно рассказать и себе и людям о тех единственных и неповторимых впечатлениях, иногда внешне мелких, из которых складывается впечатление о большом и неповторимом индивидуально человеке.

В 1920 г. первое, что мне бросилось в глаза, кроме шапки густых темных волос, обрамлявших тогда худое аскетическое лицо (его хорошо передает снимок 1920 г.),— его глаза, большие, черные, серьезные и очень ко всему внимательные. Ведь наша большевистская жизнь тогда еще только что начиналась, вчера еще отгремели здесь орудийные залпы, еще первые шаги делала Советская власть в предгорьях Кавказа. Это были месяцы пафоса, романтики, готовности к беззаветной жертве, повторявшие суровую романтику Ленинграда и Москвы. И я сама, собиравшая всю жизнь мысль и волю для единого жертвенного акта, видевшая много принципиальных товарищей, бесстрашных романтиков военного коммунизма, была осо-

бенно внимательна к героической собранности всех сил, всего внимания, всех возможностей в едином устремлении к борьбе и победе. Даже врага в те горячие годы мы мерили мерой его отдачи своим убеждениям, его «принципиальностью». Поэтому, ожидая встречи с Серго, уже зная его по рассказам товарищей, я проверяла Серго со всей нетерпимостью молодости и революционности, не находившей полного внешнего воплощения...

Да, Серго был таким, каким он должен был быть, таким, каким мне нужно было его увидеть. Нам, бывшим моложе только на несколько лет, он казался значительно старше, и не только по занимаемому им большому положению партийного и советского руководителя Северного Кавказа. Партия могла ему доверить, казалось, даже большее.

А вместе с тем Серго был молодым, иногда самым молодым из всех нас, несколько всегда смущенных его прошлой каторгой, его настоящей властью, политической его зоркостью, близостью его к Ленину — источнику большевистской мысли и революционного действия. Потом мы забывали обо всем этом, и маленькая столовая Серго гудела молодым смехом, неистощимым весельем, какое бывает только в молодости.

До встреч с Серго мне казалось, что я уже разучилась смеяться так просто и весело и заразительно. Вот этот смех, омывающий, укрепляющий, переносящий в будущее, каким смеялся Серго, каким он умел заставить смеяться и недосыпающих, и недоедающих за работой товарищей, и был первым, что осталось у меня от целостного внутреннего облика Серго. Потом — его необыкновенно широкая, неистощимая заботливость о товарище, радостная, постоянная готовность накормить нас, и накормить вкусным, тем, о чем мы основательно и давно забыли в революционной спешке,— это было его второй особенностью, которая меня очень тронула. Ведь у большинства из нас совсем не было быта — уютной квартиры, хорошей и своевременной еды, театра, развлекающей книги и разговора. Потом нам, степнякам и украинцам, была нестерпима, вызванная суровыми революционными буднями, обязанность размерять свой паек, не иметь возможности поделиться с товарищем, отдать его любимому человеку. И ласковое внимание Серго, любовно-ласковое «кацо» согревали нас, давали часть того, что отняла борьба, нетерпеливая революционная стройка.

У Серго было чудесное умение — после заседания, по-

сле советского или партийного инструктажа, тут же в углу вагона,— втиснуть в руки товарища банку с икрой, консервы, рыбу или истекающие красным душистым соком гранаты — незнакомый большинству из нас плод. Третье, такое большое и настоящее, о чем мне хочется сказать раньше,— подлинно товарищеское отношение к женщине-коммунистке, дружеская готовность всегда и во всем помочь ее росту.

Назначив молодых коммунисток политическими комиссарами, Серго вырастил несколько крупных партийных работниц, отчетливо осознавших свой политической рост от этой решающей в их жизни встречи с Серго, вручавшего им — юным пламенным революционеркам — большое настоящее дело. Позже, в громадном, пробужденном Серго движении общественниц, он повторил свой северокавказский опыт выращивания женских кадров в невиданном размере, и его доверие к женским силам, его умение пробудить эти спящие силы дали исключительные результаты. Так взращивал Серго прекрасные сады будущего, готовя для них новых окрыленных садовниц.

И еще никто для меня так эстетически полно не выражал внешне нашей военной, творческой, рвущейся вперед без пауз и передышек эпохи.

Высокая худощавая фигура, длинная военная шинель, не мешающая быстрой волевой походке. Шлем, как строгий прекрасный фон для худого истощенного лица с горящими черными глазами, весь — волевое напряжение, волевое устремление, стрела, готовая к стремительному полету в будущее.

Таким я видела всегда Серго в горячие лето и осень 1920 г.

Печатается впервые.

Ш. М. АМИРХАНЯН

НЕСКОЛЬКО ВСТРЕЧ С СЕРГО

Первый раз я видел Серго Орджоникидзе в 1918 г. на Северном Кавказе, в Пятигорске. Эти дни были очень тяжелые и критические для Советской власти на Северном Кавказе. Командующий 11-й армией Сорокин изменил и 21 октября арестовал и поспешно, в тот же день, расстрелял большинство членов крайкома РКП(б) и ЦИК. После этого на короткое время Сорокин стал единоличным дик-

татором. Несколько членов крайкома партии и ЦИК и многие коммунисты укрылись в подполье, откуда принимали меры к ликвидации сорокинской авантюры.

В конце октября Сорокин со своей свитой в районе Ставрополя был схвачен и расстрелян.

Мы все вышли из подполья. Но, несмотря на уничтожение изменника и его сторонников, настроение у нас было подавленное. Объяснялось это не только тяжелыми последствиями сорокинщины, но еще и тем, что руководители местной партийной организации продолжали относиться к ЦИК и крайкому партии с некоторым недоверием, проявляя местнические настроения против приезжих с Кубани, Черноморского побережья и Закавказья, коих было много в ЦИК и крайкоме. На этой почве происходили споры, трения и неприятности.

Чрезвычайный комиссар Юга России Серго Орджоникидзе находился во Владикавказе и некоторое время был отрезан от нас вследствие того, что белогвардейские части захватили дорогу между станцией Прохладная и Владикавказом. Но в первых числах ноября 1918 г. дорога была очищена, и Серго Орджоникидзе немедленно приехал к нам в Пятигорск.

Прежде всего Серго провел партийное собрание, где основательно отчитал и краевое и местное партийное руководство. Говорил он с особой энергией, горячо и убедительно. Он покорил собравшихся своим обаянием и глубокой партийностью.

«В такой исключительно ответственный момент,— говорил Серго,— вместо того, чтобы сплотить свои ряды и совместно организовать решительный отпор врагу, одни падают духом, опускают руки, другие спорят и дискутируют. Неужели вы не понимаете,— продолжал он,— что враг, в случае победы, вас всех повесит на одной веревке».

Затем был проведен большой массовый митинг, на котором Орджоникидзе выступил с вдохновенной речью. Он внушал массам уверенность в победе великой революции, призывал рабочих и крестьян дружно и организованно, под красным ленинским знаменем большевистской партии, выступить железной стеной против врагов рабоче-крестьянской социалистической революции.

Митинг закончился демонстрацией. Людские массы во главе с Орджоникидзе и другими руководящими товарищами прошли по улицам Пятигорска с красными знаменами, с пением Интернационала, с лозунгами: «Да здравству-

ет Великая Октябрьская революция! Да здравствует Ленин!»

После мероприятий, проведенных Орджоникидзе, дела у нас пошли лучше, укрепилась краевая власть и краевое партийное руководство, наша армия начала давать отпор белогвардейцам и отбрасывать их назад...

В мае 1920 г. в Армении вспыхнуло массовое народное восстание против дашнакского правительства, за установление Советской власти. Мне пришлось вместе с другими руководить восстанием в Казах-Шамшадинских нагорных районах. В этих районах, граничащих с Азербайджаном, восстание продолжалось полтора месяца.

В это время в Азербайджане уже была установлена Советская власть и Серго находился в Баку. С самого начала восстания он оказывал нам исключительное внимание и помощь. По его прямому указанию, согласно нашей просьбе, на второй же день восстания (20 мая 1920 г.) прибыли к нам два кавалерийских полка 11-й армии, вызвавшие после двухлетнего отрыва Армении от Советской России неописуемый восторг среди населения и восставших.

Я телеграфировал Серго о действиях наших партизан, об их удачах и неудачах, просил помощи. И мы получали продовольствие, деньги, боеприпасы.

11 июня 1920 г. Серго телеграфировал из Баку командующему 11-й армией (который, видимо, в это время находился вне Баку):

«Только что сообщил Гусейнов, что армян-повстанцев в Казахском уезде более 1500 человек, великолепно организованных. Необходимо помочь им патронами, снарядами и дать взвод артиллерии».

В центральных районах Армении по различным причинам дашнакам удалось довольно быстро, еще в мае, подавить восстание. Но в Казах-Шамшадинских нагорных районах благодаря помощи Серго и крайкома, связи с Красной Армией и с Советским Азербайджаном повстанцы держались до июля 1920 г. По внешнеполитическим и некоторым другим соображениям партизанский отряд в количестве 1500 человек временно отступил в Баку. По приказанию и при содействии Серго из этого отряда был организован Особый армянский повстанческий полк, который в ноябре 1920 г. сыграл серьезную роль при установлении Советской власти в Армении.

В чрезвычайно запутанной и напряженной обстановке в Закавказье и на Ближнем Востоке осенью 1920 г. Серго Орджоникидзе принял твердое решение поставить перед Москвой вопрос о необходимости оказать помощь трудовому армянскому народу в борьбе за установление Советской власти в Армении [1].

В 20-х числах ноября 1920 г. Серго телеграфировал в Москву: «Турки, по-видимому, хотят расправиться с армянами и хотят иметь развязанные руки в этом отношении. Дашнаки, безусловно, потеряли всякий авторитет, это видно и из сообщения Леграна, что раньше он отрицал. Наше бесконечно выжидательное положение бросит армянские массы окончательно в положение всеми покинутых...» И далее: «Верно, что мы приходим с большим опозданием, но еще больше опаздывать нет основания».

29 ноября 1920 г. Особый армянский повстанческий полк перешел границу Армении и стал авангардной силой восставших масс. По распоряжению Серго на помощь повстанцам пришли две кавалерийские бригады 11-й армии. Регулярные войска дашнаков не сопротивлялись, складывали оружие и сдавались Красной Армии. Тогда же дашнакский военный министр Дро пустился на хитрость. Он объявил себя сторонником Советской власти и попросил отсрочки до 3 декабря, чтобы спрятать, как это впоследствии выяснилось, свои отряды в подполье и засорить партийные и военные учреждения дашнаками. Полномочный представитель РСФСР в Армении Легран поддался на обман и настаивал, чтобы Серго приостановил движение частей 11-й армии на помощь восставшему армянскому народу.

Создалось напряженное положение. Мы (ЦК КП(б) и Ревком Армении) растерялись и не знали, как быть: двигаться вперед или остановиться. Но Серго ничуть не растерялся, этого никогда с ним не бывало. Находясь в Баку, за много километров от Армении, он своим революционным чутьем лучше догадывался об обмане дашнаков, чем Легран со своим аппаратом, находясь в Эривани.

По прямому проводу Серго связался с Ревкомом Армении, располагавшимся в Дилижане, и потребовал дви-

---

[1] Б. В. Легран в октябре 1920 г. прибыл в Ереван по мандату В. И. Ленина в качестве полномочного представителя РСФСР для ведения переговоров о заключении перемирия и мира с армянским правительством.

гаться вперед, а Леграну 1 декабря ответил следующей телеграммой: «Задержать движение Ревкома невозможно и невыгодно, тем более что все идет безболезненно. Армянские части переходят на сторону повстанцев, и пока не было ни одного выстрела». И далее: «Если Дро тебя не надувает, чего ему ждать до 3 декабря».

В тот же день, 1 декабря 1920 г., в разговоре из Баку с членом Кавбюро Назаретяном, находившимся в это время в Тифлисе, Серго более определенно заявлял: «Думаю, что он (Дро.— *Ред.*) надувает Леграна».

Последующие исторические события в Армении показали, что Серго был прав.

Бывший министр дашнакского правительства Дро обманул не только Леграна, но даже на некоторое время и Военно-революционный комитет Армении. Обстоятельства складывались так, что Дро удавалось в течение полутора месяцев занимать пост главнокомандующего Красной Армией Советской Армении.

Пользуясь доверчивостью Ревкома Армении, он вместе с другими дашнаками подпольно готовил вооруженный мятеж для свержения Советской власти в Армении, что выяснилось несколько позже. Трудящиеся массы были дезориентированы, турки отказывались признать Советскую Армению якобы из-за Дро, а на самом деле использовали это как политический маневр. В Советском Азербайджане никак не могли понять, почему такой дашнакский главарь, как Дро, командует Красной Армией Армении...

Из этого политического затруднения мы вышли также с помощью Серго. Несмотря на то что в то время еще не было серьезных данных о контрреволюционной подпольной работе Дро, Серго писал Ревкому Армении: «Как ни полезно иметь Дро в своих руках, но все же считаю политически недопустимым держать его во главе армии. Бряцать оружием против турок или демонстрировать против них присутствие Дро считаю политической близорукостью. Душа старого правительства становится душой нового. Турки теперь говорят о том, что Советская власть пока только на словах. Я думаю в интересах не только Советской власти, но и просто в интересах разрешения территориальных вопросов Дро держать на второстепенных ролях».

Только после этой директивы Серго, в середине января 1921 г. Дро был освобожден от поста главнокомандующего.

Дашнакам все же удалось поднять вооруженный мятеж. Пользуясь излишней доверчивостью Ревкома Армении и ошибками нашего военного командования, мятежники 18 февраля 1921 г. заняли Эривань и несколько центральных районов Армении.

Часть красных войск, около двух тысяч человек, и два бронепоезда, во главе с Ревкомом Армении, отступили в нагорный район Камарлу. Мы очутились на клочке земли, прижатые к персидским границам, совершенно оторванные от советского мира. Наши бойцы и командиры, усталые, оборванные и разутые, получая в день только 300—400 граммов хлеба, вели почти непрерывные ожесточенные бои против вдвое, а местами и втрое численно превосходящего врага, постоянно сдерживая и отбрасывая его назад и временами переходя в наступление. Я тогда руководил Особым отделом фронта.

Наше положение на этом (Камарлинском) фронте становилось с каждым днем все тяжелее, главным образом из-за острого недостатка продовольствия и боеприпасов. Запасы таяли, и мы шли к катастрофе. Ревком Армении и командование наших частей обратились по имевшемуся у нас маленькому полевому радио в Реввоенсовет 11-й армии к Серго с просьбой прислать нам на самолете золото для закупки продовольствия в пограничных персидских районах.

Через несколько дней, 25 марта 1921 г., над нашими позициями появился самолет и приземлился на приготовленном месте. Он привез нам 50 тысяч рублей золотом, директивы и информацию. Прибытие самолета вызвало огромный морально-политический подъем в наших военных частях. Бойцы говорили: «Вот он (самолет), посланец Серго Орджоникидзе! Значит, нас не забыли, о нас думают, нам помогают... За такую партию, за такую власть, за Ленина и умереть не жалко». Бойцы рвались в бой с именем Ленина на устах.

Героическая борьба наших частей на Камарлинском фронте продолжалась 45 дней, пока наконец под общим руководством Серго и под командованием Атарбекова крестьянские отряды из северных советских районов Армении при поддержке частей Красной Армии не разбили мятежников и 2 апреля заняли Эривань.

Таким образом, Серго Орджоникидзе был главным политическим руководителем и организатором борьбы за установление и укрепление Советской власти в Армении на основе решений ЦК РКП(б) и указаний Ленина.

В критический и исключительно трагический момент великий русский народ протянул руку помощи своему младшему брату — армянскому народу. Эта помощь осуществлялась под умелым и смелым руководством Серго, который искренне сочувствовал этому измученному и истекавшему кровью народу.

В последующие годы под руководством Серго и возглавляемого им Закавказского краевого комитета РКП(б) народы Закавказской федерации добились больших успехов на пути хозяйственно-культурного возрождения.

В июле 1922 г., среди белого дня, на одной из центральных улиц Тифлиса, во время проезда из Москвы в Турцию, был убит один из государственных деятелей Турции Джемал Паша. Это было делом рук дашнаков, которые такими актами пытались осложнить наши взаимоотношения с Турцией. В связи с этим в Грузии и Армении была арестована группа активных террористов.

Через некоторое время меня вызвали из Эривани в Тифлис (я был тогда председателем ЧК Армении) на заседание президиума крайкома партии. Обсуждался вопрос о мероприятиях в связи с убийством Джемал Паши. На этом заседании я высказал ошибочное мнение и сделал неправильные предположения, которые могли привести к отрицательным последствиям. Я как-то незаметно для себя втянулся в спор с Серго. Он довольно основательно отчитал меня и под конец даже немного погорячился.

Спор шел о том, освободить или нет арестованных дашнаков. Серго считал, что такой террористический акт может быть делом только очень узкого круга лиц, за что другие не должны нести ответственность. Более того, многие из дашнаков считают это авантюрой и отходят от своей партии. Поэтому Серго требовал освободить арестованных и продолжать усиленный розыск настоящих виновников. Я же считал, что не нужно освобождать арестованных, а наоборот, надо зацепиться за этот случай и постараться раскрыть деятельность подпольных дашнакских организаций.

Такая постановка вопроса с моей стороны могла привести к излишним репрессиям, что было бы неправильно и политически невыгодно для нас. Конечно, единогласно было принято предложение Серго.

Во время перерыва ко мне подошли Александр Мясни-

ков[1] и Мамия Орахелашвили[2] и начали разъяснять мне ошибочность моего мнения и моих предложений. В этот момент Серго, проходивший мимо, на минутку остановился и сказал, обращаясь к Мясникову и Орахелашвили:

— Да, да. Правильно делаете, растолкуйте ему как следует, а то он еще молод... Он поймет, конечно, свою ошибку или уже, как видно по его глазам, начинает понимать.

Когда чувствуете, что вас отчитывают, даже ругают и бьют справедливо и по-партийному, то вы не обижаетесь, а если и обижаетесь, то скорее всего сами на себя, то есть остаетесь недовольным самим собою. Не раз я в молодости испытывал такое чувство, когда попадал под огонь партийной критики.

В связи с этим хочется отметить еще один момент из моих наблюдений за Серго. Многие говорили, что у Серго горячая натура. Это не совсем правильно или правильно с серьезной оговоркой. Я не раз видел Серго в различной обстановке, бывал очевидцем всевозможных разговоров и споров по деловым и политическим вопросам. Серго, как правило, вел себя спокойно, выдержанно и терпеливо, слушая зачастую ошибочные суждения и мнения. Он горячился редко и в особых случаях, когда спорил по важнейшим принципиальным вопросам политики партии и марксистско-ленинских положений.

Серго не был ни обидчивым, ни злопамятным. После горячих споров и даже при партийных разногласиях он мог оказывать и оказывал внимание и помощь товарищам, с которыми спорил и временно расходился во мнениях, если эти споры и разногласия не затрагивали принципиальных основ теории и политики партии...

Во время XV съезда партии, когда шла острая борьба с троцкистской оппозицией, Серго неоднократно приходил в гостиницу, где помещалась закавказская делегация (я был делегатом съезда), беседовал с нами, информировал нас и

---

[1] Мясников (Мясникян) Александр Федорович (1886—1925) — член Коммунистической партии с 1906 г. Участник борьбы за Советскую власть в Белоруссии. В 1921 г.— председатель СНК и нарком по военным делам Армении, в 1922 г.— председатель Союзного Совета ЗСФСР, затем секретарь Закавказского краевого комитета РКП(б), член Президиума ЦИК СССР.

[2] Орахелашвили Иван (Мамия) Дмитриевич (1881—1937) — член Коммунистической партии с 1903 г. Участник борьбы за Советскую власть на Кавказе, советский, партийный и государственный деятель.

давал разъяснения по ряду серьезных партийных вопросов. Помню, как во время одного из этих посещений он очень энергично и горячо спорил с Кахиани и Рубеном, членами Заккрайкома ВКП(б), которые не были в оппозиции, но сомневались в правильности какого-то серьезного партийного решения. Кахиани и Рубен постепенно начали уступать и под конец совсем сдались. Спор кончился шутками и остротами, после чего Серго, Кахиани и Рубен вместе пошли в буфет пить чай.

Эта товарищеская простота, объективное и справедливое отношение к людям, независимо от занимаемого ими положения, наряду с глубокой партийностью и ленинской принципиальностью, подкупали всех нас, и за это мы все любили Серго.

Раза два мне приходилось ездить вместе с Орджоникидзе и другими товарищами из Тифлиса в Москву. Он вагона не брал, ехал вместе с нами без охраны. Питались также все вместе в вагоне-ресторане, выходили погулять на всех крупных станциях. Те же простые и непринужденные товарищеские отношения, шутки, остроты.

Кто только не встречал Серго на всех станциях до Москвы, где останавливался поезд! И партийные, и советские работники, областные, городские, районные. Серго для всех был доступен, всем давал советы, указания, правильно ориентировал в волнующих их вопросах...

В мае — июне 1928 г. я приехал в командировку в Москву по делам. Серго был председателем ЦКК — наркомом РКИ СССР, а я занимал такую же должность в Армении, следовательно, непосредственно подчинялся ему. Я имел задание ЦК КП(б) Армении при помощи Серго добиться решения ЦК ВКП(б) об откомандировании в Армению на партийную работу Агаси Ханджяна [1], который в то время работал в Ленинграде.

Я пошел в ЦКК — РКИ, записался на прием к Серго. В приемной кроме меня собралось еще 10—12 человек. Вдруг Серго вышел из кабинета и начал подходить к каждому посетителю и спрашивать, что ему нужно. Тут же он решал вопросы, давал советы, поручения секретарю,

[1] Ханджян Агаси Гевондович (1901—1936) — член Коммунистической партии с марта 1917 г. Советский партийный деятель. В 1920—1921 гг.— секретарь Ереванского комитета и член ЦК КП(б) Армении. Затем на партийной работе в Ленинграде. С 1930 г.— первый секретарь ЦК КП(б) Армении, член бюро Заккрайкома ВКП(б).

а иногда и сам звонил в парткомы. Там были двое ответственных работников из Азербайджана. Серго подошел к ним и спросил:

— А вы, земляки, зачем пришли ко мне?

Азербайджанские товарищи жаловались на какое-то ведомство. Серго тут же по телефону связался с руководителем этого ведомства и полушутя, полусерьезно сказал:

— Что вы обижаете моих земляков, поедете на Кавказ, вас угощать не будут... Примите товарищей и сделайте, что можете в пределах и закона и возможности.

Азербайджанцы и другие посетители уходили из приемной довольные.

Наконец Серго подошел ко мне, удивленно посмотрел на меня и сказал:

— Вот чудак, а ты зачем тут сидишь, приезжай завтра ко мне на дачу.

Весь прием продолжался меньше часа.

Следующий день был воскресный. Я пристал к Сааку Тер-Габриэляну[1] (он был представителем Закавказской федерации в Москве), и мы вместе поехали по Ленинградскому шоссе на дачу к Серго. День был пасмурный, иногда моросил дождь, дорога от шоссе к даче была местами испорчена и грязная. Несмотря на это, у Серго собралось много гостей. Там были работники из республик, из областей, из разных отраслей, учреждений и организаций Москвы, многие с женами, а некоторые даже с детьми.

Невозможно было понять — Серго отдыхает или делом занимается, трудно было отделить одно от другого.

Я никак не мог подойти к Серго, чтобы изложить свою просьбу. Более опытные товарищи все время «отнимали» его у меня. Я уже совсем было отчаялся и собирался уехать обратно. Но, видимо, Серго не выпускал меня из поля зрения и заметил мое беспокойство. Он сам подозвал меня и спросил:

— Рассказывай, земляк, с чем приехал?

Я передал Орджоникидзе просьбу ЦК КП(б) Армении о Ханджяне.

— Ах, вот кого вы захотели,— сказал Серго,— пожалуй, неплохо бы... что же, проголосуем, ведь не я решаю, а ЦК.

---

[1] Тер-Габриэлян Саак Мирзоевич (1886—1937) — член Коммунистической партии с 1902 г. Участник революции 1905—1907 гг. в Баку. После Февральской революции — член президиума Бакинского Совета. С 1920 г.— на советской, партийной и государственной работе.

Но это значило, что вопрос будет решен положительно потому, что слово Серго в ЦК, особенно по кавказским вопросам, было достаточно авторитетно. И на самом деле, через некоторое время Ханджян приехал в Армению, где сначала был избран вторым, а затем первым секретарем ЦК КП(б) Армении.

Таков был Серго в очень кратких чертах: глубоко партийный ленинец, смелый и мужественный пролетарский революционер-интернационалист, скромный, простой и доступный... любимец нашей партии.

Ноябрь 1958 г.

Печатается впервые.

А. У. КЛОЧКОВ

БОЕВОЙ НАЧАЛЬНИК И ДРУГ

В начале 1919 г. я командовал 7-м Московским стрелковым полком 12-й армии. Положение на Каспийско-Кавказском фронте, где он действовал, было крайне тяжелое. Под давлением деникинцев части 11-й армии отступали с Северного Кавказа. Тиф косил людей тысячами. Все станицы на путях отхода войск к Кизляру были забиты отступающими частями и больными.

Не имея точных сведений о противнике, я приказал полку занять круговую оборону в станице Каргалинской. Как-то утром в штаб вошел человек в военной форме и отрекомендовался. Это был Г. К. Орджоникидзе.

Хотя 7-й Московский стрелковый полк не входил в 11-ю армию, но он оказался на пути отхода ее частей, и я счел своим долгом доложить Орджоникидзе обстановку, сложившуюся в станице.

Во время моего доклада прибыл связной из 1-го батальона и сообщил, что появились белые и повели наступление. Учитывая, что полк состоял из молодых рабочих, ранее не служивших в армии и не имевших боевого опыта, я прервал доклад и попросил разрешения у члена Реввоенсовета пойти в передовую цепь, чтобы руководить боем.

Серго сказал:

— Я тоже пойду с вами.

Отдав своим адъютантам распоряжение внимательно проследить за отправкой больных красноармейцев, Серго отправился на передовые позиции. Воодушевляя красноармейцев, он с винтовкой в руках вместе с нами отражал

атаки белых, которые не ожидали такой встречи. После непродолжительного боя они прекратили наступление.

Орджоникидзе не покидал передовую цепь до тех пор, пока из станицы не ушла последняя повозка с больными красноармейцами. На меня и на всех бойцов его поведение произвело огромное впечатление: человек занимает такой высокий пост — и в трудную минуту, с опасностью для жизни, вместе со всеми защищает больных товарищей. Всем нам запомнилось это надолго.

Второй раз я встретился с Григорием Константиновичем Орджоникидзе 20 июля 1920 г. на Кубани, во время боя под станицей Карданикской, находящейся в предгорьях Главного Кавказского хребта, недалеко от Эльбруса.

306-й стрелковый полк 34-й стрелковой дивизии, которым я тогда командовал, наступал на станицу, тесня конные банды белогвардейского генерала Фостикова. Наблюдая за отходящими беляками, я обратил внимание и на то, что станица, расположенная в котловине, как будто вымерла. Не видно движения людей, не слышно собачьего лая. А для боя, подумал я, станица непригодна, это котел, который как бы ждет, что его закроют крышкой.

Белогвардейцы, рассчитывая на нашу неопытность, надеялись, что мы, увлекшись преследованием, войдем в станицу, которая хорошо просматривается и простреливается. Но они просчитались. Посланная мною вперед стрелковая рота обнаружила, что станица пуста, в ней нет ни одного жителя, а юго-западнее ее находится крупная группировка вражеской конницы. Видя, что наш полк не втягивается в станицу, белогвардейцы бросились в атаку. В разгар боя ко мне подъехали двое верховых: незнакомый горец и член Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе. Как потом стало известно, Серго ехал в станицу Карданикскую провести митинг с казаками.

Я доложил ему о создавшемся положении. Группировка врага насчитывала до двух с половиной тысяч всадников против четырехсот бойцов нашей пехоты и занимала хорошие позиции. Жителей станицы бандиты угнали в горы.

Я стал просить Григория Константиновича уехать в станицу Баталпашинскую (ныне город Черкесск), но он не хотел и слышать об этом. Серго остался в передовой цепи, воодушевляя красноармейцев своим героическим поведением.

А опасность, которой подвергался Орджоникидзе, была велика. Тогда я сказал ему:

— По-видимому, ни в штабе бригады, ни в штабе дивизии не имеют сведений о количестве и месте расположения противника. Им, должно быть, неизвестно также, почему обещанная кавбригада до сих пор не подошла к месту боя. Высланный мною в станицу Исправную конный разъезд донес, что там кавбригады не было и нет, где она находится — неизвестно. Не знают в бригаде и дивизии и о том, что белые угнали жителей станицы в горы и всеми своими силами обрушились на один 306-й стрелковый полк. Все эти вопросы можно выяснить только через станицу Баталпашинскую.

Сообщенные мною факты, особенно о кавбригаде, подействовали на Серго сильнее, чем мое красноречие. Он сказал:

— Хорошо, я поеду, все выясню и ускорю присылку вам подкрепления.

Я подозвал командира взвода конных разведчиков и приказал ему с десятью конниками сопровождать Орджоникидзе до станицы Баталпашинской.

Не прошло и получаса после отъезда Серго, как полк был окружен, и нам с великим трудом удалось вырваться из кольца. Мы потеряли убитыми и ранеными свыше ста человек.

Г. К. Орджоникидзе выслал нам подкрепление, и это позволило мне быстро привести полк в порядок.

Вспоминается еще одна встреча с этим замечательным человеком.

В 1921 г. 306-й полк стоял в городе Боржоме. В многочисленных боях бойцы обносились. Однако все мои просьбы о присылке обмундирования оставались без ответа. Красноармейцы продолжали ходить в истрепанной обуви и рваной одежде. С доставкой продовольствия тоже было плохо.

И тут к нам приехал Г. К. Орджоникидзе. Я рассказал ему о положении полка. Внимательно выслушав меня, он сказал, что поможет. И действительно, через три дня полк получил обмундирование и обувь. А вскоре мы узнали, что за контрреволюционный саботаж арестованы и привлечены к ответственности некоторые работники, ведавшие снабжением.

Чуткость и отзывчивость Серго, его необыкновенная человечность запомнились мне на всю жизнь.

Чудесный боевой начальник и друг, он всегда внимательно выслушивал нас, военных работников, давал советы, согревал своим товарищеским отношением, подбадри-

вал в трудные минуты, учил и помогал. Своим личным примером он показывал, как нужно относиться к человеку, как надо беречь бойца и не щадить врагов.

Мы никогда не видели Серго печальным или усталым, хотя он работал день и ночь. Неутомимость Серго, его храбрость и большевистская энергия вдохновляли всех нас.

Посланцы партии.
М., 1967, с. 105—108.

И. П. УБОРЕВИЧ

ОН ДЕЛАЛ ВСЕ ДЛЯ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Я с большой сердечной теплотой вспоминаю о совместной работе с товарищем Серго в 14-й армии [1].

Положение на Южном фронте было тогда исключительно тяжелое. Войска наши терпели одно поражение за другим. И, как часто бывало, на этот трудный участок партия бросила свои лучшие силы.

Вслед за назначением к нам товарища Серго на фронт стали прибывать и первые сотни коммунистов, мобилизованных в Питере, Москве, Иванове. И тут они получили от Серго первый большевистский совет и указания неукоснительно выполнять приказы командиров. Серго учил, как в трудных случаях спасать положение на линии огня, как наводить порядок и дисциплину в частях, как приступать к организации на местах первых органов Советской власти — революционных комитетов.

Но главное, к чему призывал Серго,— это привлечение на нашу сторону крестьянина-середняка. Он учил коммунистов искусству овладевать душой человека, умению убедить и повести за собой.

И вот десятки отобранных коммунистов-боевиков отправлены в тыл к Деникину, чтобы вести беспощадную партизанскую войну, поднимать против Деникина недовольные крестьянские массы. Как родной отец, напутствовал их Серго. Видно было, как близко принимал он к сердцу судьбу каждого из коммунистов — записывал адреса их семейств, исполнял все их просьбы.

---

[1] В начале октября 1919 г. Г. К. Орджоникидзе был назначен членом Реввоенсовета 14-й армии и представителем Реввоенсовета Южного фронта при ударной группе, действовавшей на центральном участке Южного фронта с 13-й и 14-й армиями.

Наступила осень; половина наших войск была плохо одета. Не хватало огнеприпасов. Иногда приходилось по шесть — восемь патронов в день на одну винтовку. Войсковые обозы превратились в вечно кочующие таборы — весь тыл был неорганизован.

За несколько коротких дней и ночей Серго навел и здесь большевистский порядок. Он объявил беспощадную войну безобразиям, трусости, разгильдяйству. К тому, кто плохо работал в тылу, не старался для фронта, Серго был грозен и неумолим. Он не знал также и усталости. Все время мы его видели разъезжающим по фронту то на автомобиле, то верхом на лошади, а то и просто шлепающим по грязи пешком. Часто видел я Серго в передовых цепях в одном ряду с солдатами. Горячий, пламенный Серго в минуты опасности был всегда олицетворением мужества и спокойствия.

Помню, какое неизгладимое впечатление произвела на меня первая встреча с Серго. Исключительно выразительные черты лица, пытливый, пристальный взгляд больших глаз, сжатые губы. Он был тогда худой, неутомимый и подвижный, как настоящий горец. Говорил кратко, горячо, захватывающе и чрезвычайно убедительно. Все на нем было ладно пригнано, аккуратно, подтянуто. Но только совсем не гармонировала с форменной красноармейской фуражкой его слишком большая черная и пышная шевелюра.

В редкие часы отдыха, когда можно было хоть немного отвлечься от сводок, телеграмм и событий на фронте, мы слушали рассказы Серго о Владимире Ильиче Ленине, которого он очень любил, о Пражской конференции и о революционной борьбе кавказских народов. В этих беседах, которые я никогда не забуду, он учил нас, молодых тогда членов партии, основам большевизма, закалял нас для борьбы с врагами.

3 ноября 1919 г., после того как мы прорвали фронт противника, победа над Деникиным стала вырисовываться совершенно отчетливо. И вот уже 7 ноября Серго обратился к бойцам 14-й армии с призывом.

«Товарищи красноармейцы! — писал он в приказе.— Никогда еще положение врага не было так отчаянно, ни разу еще победа окончательная, последняя победа не была так близка. Вас ждут рабочие и крестьяне Украины, Дона, Кубани и Кавказа. Вся Советская Россия ждет от вас подарка к великому Октябрьскому празднику. Подарите рабочим и крестьянам победу, уничтожьте Деникина!»

Ученик Ленина, товарищ Орджоникидзе на всех фронтах гражданской войны показал себя преданнейшим сыном партии, талантливым политическим руководителем.

Рассказы об Орджоникидзе. М., 1968, с. 54—56.

А. А. МЕДВЕДЕВ

УМ, ВОЛЯ, ЭНЕРГИЯ

С Григорием Константиновичем Орджоникидзе мне не раз приходилось встречаться еще до революции, у своего двоюродного брата Александра Падерина. Но близко познакомился я с ним осенью 1919 г. на Южном фронте, когда был начальником снабжения 8-й армии.

В моей памяти сохранилось несколько эпизодов, показывающих, как заботливо и вместе с тем строго Серго подходил к вопросам снабжения. Когда, например, потребовалось купить лошадей для Первой Конной армии, Григорий Константинович сказал:

— Денежные авансы давайте только хорошо проверенным людям. Берегите народные деньги.

Такое указание давалось не зря. Инспектор кавалерии одной из армий Южного фронта перебежал к белым, захватив с собой полтора миллиона рублей царскими ассигнациями (крестьяне южных губерний продавали лошадей только на эти деньги).

— А что значит полтора миллиона рублей? — взволнованно говорил Серго.— Это ведь пятнадцать тысяч лошадей, две кавалерийские дивизии! (Лошадь стоила тогда около ста рублей.)

Я помню, как рассердился Серго, узнав о большом запасе кожаных сапог на нашем армейском складе. Вызвав меня, он сказал:

— Передайте Первой Конной армии десять тысяч пар сапог. Не ботинок с обмотками, а сапог! Понял, кацо? Ты должен знать, что без сапог не может быть настоящих конников.

Весной 1920 г., когда Красная Армия, разгромив войска Деникина, освободила Северный Кавказ, встал вопрос о возрождении Грозненских нефтяных промыслов, сильно пострадавших во время гражданской войны. По решению Советского правительства на выполнение этой задачи были направлены части 8-й Трудовой армии. Самое активное участие в руководстве восстановительными работами при-

нимал Г. К. Орджоникидзе. Он каждую неделю приезжал к нам, в Грозный, присутствовал на совещаниях, помогал советами, добивался, чтобы наши бойцы стали надежными помощниками Грозненского нефтеуправления.

В первые свои приезды Серго особенно интересовался тем, как идет подготовка частей к работе на промыслах. Он указывал, что в новых условиях подразделения должны обладать большей самостоятельностью. Тогда в случае надобности их можно будет перебрасывать с одного участка на другой. Заботясь о том, как лучше выполнять его указания, командование армии пришло к выводу, что наиболее приемлемой формой организации являются отдельные бригады.

Серго посоветовал нам также создать отдельный технический полк для обучения красноармейцев тем специальностям, которые потребуются при работе на нефтепромыслах. Мы организовали курсы бурильщиков, тартальщиков, желонщиков.

Командующему армией Серго предложил подобрать себе помощника, который бы под руководством нефтеуправления вел работу по техническому оснащению промыслов. На эту должность был назначен молодой инженер Чернов.

1 мая 1920 г. мы наметили провести всеармейский субботник. Его организации Орджоникидзе придавал большое значение. Он говорил, что в этот день вся трудовая армия должна выйти на работу.

В самом Грозном решили привести в порядок железнодорожную станцию. Она была очищена от сгоревших вагонов и цистерн, металлического лома и всякого мусора. Даже скупой на похвалу Серго сказал:

— Молодцы, хорошо потрудились.

После месяца нашей работы нефтяные промыслы стали неузнаваемыми. И вот однажды Григорий Константинович сообщил нам, что Владимир Ильич Ленин вызывает в Москву группу руководящих работников. В ее состав вошли командующий 8-й армией Иосиф Викентьевич Косиор [1], инженер Чернов и я.

[1] Косиор Иосиф Викентьевич (1893—1937) — советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1908 г. Участник Октябрьской революции в Москве. В годы гражданской войны комиссар дивизии, член РВС армий, командующий 8-й Трудовой армией. С 1923 г.— председатель треста «Грознефть», с 1926 г.— председатель правления «Югосталь». Затем на руководящей партийной и хозяйственной работе.

В. И. Ленин принял нас в своем кремлевском кабинете. На беседе присутствовали Серго и несколько других работников, в том числе инженер И. М. Губкин [1] и С. Г. Струмилин [2].

Владимир Ильич задавал нам различные вопросы. Особенно интересовался тем, сколько нефти добыто и отправлено, какие встречаются трудности, как помогают грозненским рабочим горские народы. В ходе беседы он делал записи в блокноте.

— Ну, а кто доложит о положении в Грозном? — спросил В. И. Ленин.

Слово взял И. В. Косиор. Он говорил примерно с полчаса, и Владимир Ильич ни разу не прервал его.

Встреча с В. И. Лениным явилась для нас большим событием. Мы получили своего рода зарядку, а главное — еще лучше осознали, как важно для страны побыстрее восстановить Грозненские нефтяные промыслы.

Летом 1920 г. на Северном Кавказе вновь подняла голову контрреволюция. Находившийся в Крыму Врангель высадил на Кубани несколько крупных десантов. Здесь появилось много мелких банд, которые вскоре объединились в так называемую «армию возрождения России». Возглавил ее белогвардейский генерал Фостиков. Неподалеку от Грозного объявилась банда полковника Васищева.

На Серго Орджоникидзе, который был в то время членом Кавбюро ЦК РКП(б) и членом Реввоенсовета Кавказского фронта, легла особая ответственность за ликвидацию врангелевских десантов и бандитского движения на Северном Кавказе.

В борьбе с контрреволюционными силами пришлось участвовать и нашим войскам, занятым на трудовом фронте. По указанию Серго мы усилили охрану промыслов и эшелонов с нефтью. Был назначен специальный помощник командарма по оперативной части — Ж. Я. Скудре. Когда банды подошли к Армавиру и прервали железнодорожное сообщение, наши части вступили с ними в бой. В эти тяжелые дни Серго не оставлял нас, все время

---

[1] Губкин Иван Михайлович (1871—1939) — советский геолог, создатель советской нефтяной геологии, академик, член Коммунистической партии с 1921 г.

[2] Струмилин Станислав Густавович (1877—1974) — советский экономист и статистик, академик, Герой Социалистического Труда. Член Коммунистической партии с 1923 г.

давал указания и советы. Мы постоянно чувствовали его руководство.

Серго отличался исключительной принципиальностью. Каждое дело он доводил до конца. Вспоминается такой случай.

По указанию Серго особо отличившихся командиров и трудармейцев мы награждали ценными подарками. Обычно выдавали кожаные костюмы, часы, сапоги, даже сахар. И вот, когда один из таких приказов, утвержденных Серго, был объявлен, неожиданно вмешался начальник армейской РКИ Мальков. Он наложил запрет на этот документ.

Как только Серго приехал в Грозный, я, временно замещавший командующего армией, доложил ему об инциденте. Он приказал вызвать Малькова. Тот явился сначала ко мне. Я сказал ему, что с ним хочет поговорить член Реввоенсовета Кавказского фронта товарищ Орджоникидзе.

К Серго мы направились вдвоем. Представив Малькова, я изложил обстоятельства дела.

— Кто вы такой в армии, что не считаетесь с распоряжениями командования? — строго спросил Орджоникидзе.

Мальков ответил, что в хозяйственных делах он обладает правами командующего армией.

— Но вы же видели,— заметил Серго,— что приказ утвержден членом Реввоенсовета фронта? Почему вы наложили запрет?

Мальков в довольно развязном тоне начал утверждать, что член Реввоенсовета фронта не имеет права распоряжаться материальными ценностями.

— Я за все ответствен перед Советом Труда и Обороны,— сказал Серго,— и приказываю вам отменить свой запрет.

Мальков упорствовал. Тогда Орджоникидзе приказал мне немедленно вызвать к прямому проводу начальника Рабкрина фронта. Переговорив с ним, Серго отдал мне бумагу с наклеенным текстом разговора и указал на то место, где фронтовой начальник РКИ предлагал Малькову сдать дела своему заместителю и срочно выехать в штаб фронта.

Опротестованный приказ вновь вступил в силу. Награжденные получили все, что им полагалось.

В тех условиях награждение лучших трудармейцев играло большую воспитательную роль. А Мальков не хотел этого понять.

Встречаясь с Серго, мы, военные люди, всегда поражались его обширным знаниям, ясному уму, неиссякаемой энергии. Общение с ним обогащало каждого.

Посланцы партии.
М., 1967, с. 109—112.

А. М. НАЗАРЕТЯН

БОГАТЫРЬ РЕВОЛЮЦИИ

Серго — живая действительность величайшей партии в мире, партии Ленина.

Серго отображает в своей обширной деятельности все этапы развития партии большевиков с момента ее организации до настоящих победных дней.

Серго — профессионал-революционер в годы подполья, Серго — организатор большевистских ячеек в России и на Кавказе, Серго — каторжанин-шлиссельбуржец, Серго — ссыльный на вечное поселение, Серго — командир и боец на фронтах гражданской войны, Серго — организатор и строитель социализма на Кавказе, Серго — хранитель единства ленинской партии и ее железной дисциплины, Серго — железный нарком и руководитель социалистической промышленности, организатор материальной базы обороны страны.

В истории человечества чрезвычайно мало крупных политических деятелей, жизнь которых так обильно насыщена событиями и подвигами с юношеских лет, как это красиво развернулось в Серго...

Серго — образец большевика, коммуниста, никогда не выпускающего из рук боевое красное знамя коммунизма, с сознанием гордости и чести носящего великое звание члена партии Ленина. Моральный и боевой облик Серго служит маяком для всей массы нашей могучей партии, примером и уроком для всех трудящихся и многомиллионной молодежи.

Серго — целен-един в быту, в служебном кабинете, на фронте, на стройке, на заводе, на рабочем собрании, на заседании правительственных органов. Серго есть Серго. Неподражаемый революционный темперамент, неисчерпаемая кипучая энергия, волевое спокойствие и волевое действие в любой обстановке, и при всем этом исключительная человечность, характеризуют Серго как выдающегося среди многочисленных прекрасных сынов, воспитанных Лениным. Он впитал в себя все лучшие черты своих вели-

ких учителей и эти черты сам воспитывает в тех десятках и сотнях тысяч людей, которым приходилось за это время проходить через руки товарища Серго, сталкиваться с ним по различным делам, встречаться с ним, хотя бы даже один раз...

Серго понятен каждому. Серго честен и требует от каждого честности. Нечестный — враг, враг своей стране, враг партии, враг человечности. Серго суров к нечестному. И каждый, кто сталкивался с товарищем Серго, чувствовал и понимал это сразу.

...В 1919 г., в год яростной гражданской войны на Тереке, во Владикавказе, вагон с патронами был захвачен каким-то ингушом и не отправлялся во Владикавказ, где нужда в патронах была исключительная. Сообщили об этом Серго. Он вызвал по прямому проводу станцию Назрань и предложил передать этому ингушу, что Серго хочет с ним поговорить по проводу. Ингуш подошел к проводу и прочитал следующее: «Говорит Серго, здравствуйте; мне передали, что вы поступили нечестно и захватили вагон с патронами. Я не верю, что ингуш может так поступить. Предлагаю под вашу личную ответственность доставить мне во Владикавказ этот вагон с патронами и хотел бы вас лично повидать и поблагодарить».

Ингуш дал следующий ответ: «Слушаюсь, доставлю лично, рад вас повидать». Вагон с патронами был доставлен. Ингуш стал преданным борцом за Советскую власть, видя, каких достойных представителей имеет Советская власть во главе своих органов.

Мужество и отвага, простота и человечность, прямота и честность Серго создали неописуемое обаяние его личности среди всех народов Северного Кавказа.

Серго проверяет посты. Подходит к мосту. У моста горец с винтовкой:

— Стой, кто идет?

— Это я.

Горец наклоняется к уху Серго и спрашивает:

— Пропуск «мушка» знаешь?

— Знаю, «мушка».

— Патрон,— подает ответный пароль горец и пропускает.

Приходится Серго поучать его тут же, что с такой охраной город может быть занят без выстрела. Горец понял допущенную глупость и был огорчен, что Серго его не наказал. Такое снисходительное отношение к себе он считал большим наказанием.

Отступление из Владикавказа в горную Ингушетию. Темной ночью верхами по скалистым тропинкам, вдоль берега реки Ассы (Ассиновское ущелье). Один из товарищей падает с лошади и скатывается в обрыв, успевает ухватиться руками за край дорожки и повисает. Слышен крик «падаю, помогите». Серго первый соскакивает с лошади, подбегает к этому месту, хватает товарища за руки и вытаскивает на тропинку. Если бы не помощь Серго — смерть была неизбежна, так как тропинка вьется над рекой по скалистой горе на огромной высоте...

Скитание по аулам. Тесно Серго в горах. Как в мышеловке. На плоскости — белые. В горах — непроходимые вершины диких кавказских хребтов. Но и в таких условиях Серго живет и борется. То здесь, то там сколачивает отряды и производит партизанские набеги в тылу врага. Неутомимый гурджи (гурджи — грузин) — так звали Серго горцы. Каждый горец считает себя мужественным и храбрым бойцом, но перед мужеством и храбростью Серго они склоняли свои головы.

Заболел в горах Бутырин [1] — народный комиссар по военным делам Терской республики. Заболел тифом. Серго неотлучно был при нем. Умер честный борец за Советскую власть на Тереке. Тяжело переживал Серго эту утрату. Сколько человечности, сколько товарищеской преданности проявил Серго, проливая слезы, когда в глухом ущелье хоронили Бутырина. Слезы — у закаленного в боях Серго. Да, настоящие слезы человека.

В горах тесно и не развернуть широкой боевой работы. Надо вырваться из гор на широкие фронты. Серго неустрашимо преодолевает горные неприступные хребты, проникает тайно в меньшевистскую Грузию, оттуда в мусаватистский Азербайджан и вдоль побережья Каспийского моря, в лодке, прячась в камышах,— в Астрахань, оттуда в Москву, к товарищу Ленину, и вновь на фронты для сокрушения белогвардейской гидры, доползшей до Орла. И вновь богатырь революции Серго с сокрушительной быстротой вместе с бесстрашной Красной Армией переходит безграничные просторы России и победно вступает в свою родную Грузию, родные, сладкозвучные песни которой он, освободитель Грузии от меньшевистского гнета и лжедемократизма, любил в короткие часы отдыха распевать своим зычным, но маломузыкальным для песен голосом.

---

[1] Бутырин Яков Петрович (1884—1919) — член Коммунистической партии с 1919 г. Участник борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе.

Серго с исключительным умением проводил в жизнь ленинскую национальную политику на Кавказе и, в частности, в закавказских республиках, одинаково сурово одергивая как тех, кто склонялся на позиции национал-уклонизма, так и тех, кто тянул на рельсы великодержавного шовинизма. В тех условиях национальный уклонизм, по существу, реставрировал меньшевистские позиции. Совершенно естественно, что впоследствии национал-уклонизм выродился в открытую троцкистскую группировку и в последнее время стал точным подобием и образом контрреволюционного троцкизма, с программой реставрации капитализма.

Борьба с национал-уклонизмом тогда была, по существу, борьбой за национальный мир в закавказских республиках. И если сегодня воды Куры и Аракса спокойно текут по Азербайджану, Армении и Грузии, не обагренные кровью армянских и тюркских крестьян, и колодцы Карабаха полны чистой, прозрачной воды, а не трупов вырезанных женщин и младенцев,— это есть плод той величайшей политической линии Ленина, талантливым проводником коей был Серго.

Серго — один из организаторов закавказской федерации, в которой мирное экономическое содружество народов нашло форму для экономического и культурного сближения и единства, навсегда закрывшего позорную страницу истории прошлого человеконенавистничества, взаимного истребления и крови, что усиленно культивировалось царскими приспешниками на Кавказе и «цивилизованными» буржуазными государствами Европы.

Это сближение и единство способствовали росту и развитию закавказских республик в самостоятельные, экономически мощные республики...

Каждый народ нашего великого Союза сам себе хозяин, а все народы Союза вместе — хозяева всей необъятной страны. В этом единстве сила и крепость, в этом единстве — непоборимая способность и стойкость народов СССР в защите каждой пяди своей земли.

Национальный мир возможен только в условиях Советской власти, диктатуры пролетариата — говорил не раз Серго. Капиталисты — хищники, капиталисты — зачинщики войны, мир им не нужен, их принцип — сильный, хватай слабого, их политика — разжигание национальных противоречий, натравливание народа на народ, их цель — война для порабощения, их идеал — паразитическое обогащение за счет других народов. К чему приводит нацио-

нальная вражда, к какому низкому падению человеческой личности, к каким озверелым и диким инстинктам — говорил Серго, описывая кошмарный случай, виденный им в горах Карабаха: ему был показан глубокий колодец, полный, доверху, трупами изувеченных и изуродованных женщин, мужчин и детей — жертв армяно-татарской резни.

Если спрашиваешь кого-нибудь, что в Серго самое ценное, то ставишь его в страшно затруднительное положение, столь колоритна и многогранна фигура Серго. Все в нем ценно, отвечают обычно, но каждый особенно выделяет его бурную, никогда не ослабевающую революционную темпераментность, безграничную, до полного самопожертвования преданность партии Ленина, его человечность. И каждый понимает, что в этом случае речь идет не о человечности в лицемерно-фарисейском понимании некоторых государств, хотя и мнящих себя цивилизованными, но способных равнодушно взирать на то, как фашизм попирает человечность в республиканской Испании, а о человечности, которая понятна всему передовому и прогрессивному человечеству и которая органически свойственна большевику. Эта большевистская человечность Серго является основой того заслуженного им уважения и неподдельной любви, с которой относятся к нему трудящиеся массы, партия и страна, все друзья и товарищи.

Надо каждому стремиться, хотя бы в малом, быть таким, как Серго, и весь мир станет таким, каким веками жаждало его видеть все трудящееся человечество и каким его хотят сделать коммунисты.

Печатается впервые.

Я. С. ИЛЬИНСКИЙ

ВСТРЕЧИ С СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сейчас, в канун 50-летия Советского государства, очень важно сделать достоянием народа все то, что помогает лучше познать жизнь и деятельность ближайших учеников и соратников В. И. Ленина. К их числу, безусловно, относится и Серго Орджоникидзе. Мне хочется рассказать о некоторых эпизодах из жизни и деятельности Серго в 1921—1922 гг., в бытность его членом Революционного военного совета Кавказского фронта, а затем 11-й армии.

Впервые я познакомился с Григорием Константиновичем в январе 1921 г., когда был откомандирован в 11-ю армию Кавказского фронта. Штаб ее находился в то время в Баку. Вскоре меня назначили военным комиссаром оперативного отдела штаба армии.

К началу февраля условия работы в 11-й армии сильно обострились. Это был напряженнейший период. Грузия, где у власти находилось меньшевистское правительство, стала базой контрреволюционных элементов, стекавшихся сюда с юга России и со всех концов Кавказа и открыто занимавшихся подрывной деятельностью против Советской власти. Гнев трудящихся масс Грузии против меньшевистских правителей нарастал. В результате вспыхнуло народное восстание против правительства меньшевиков. Восставшие провозгласили Советскую власть и обратились за помощью к Красной Армии. Благородная миссия оказания такой помощи была возложена на близко расположенные у границ Грузии части 11-й армии.

Боевые действия 11-й армии близились к завершению. Чтобы затруднить продвижение основных сил Красной Армии, противник, отступая, взорвал у станции Пойли железнодорожный мост через реку Куру, отделяющую Азербайджан от Грузии. Меньшевистские правители рассчитывали, что задержат наступление Красной Армии на две-три недели, то есть на тот срок, который понадобится для восстановления моста. Помню, такой именно срок называли и специалисты — инженеры-путейцы на совещании в штабе 11-й армии, специально созванном по вопросу о восстановлении моста. Внимательно выслушав всех, Серго сказал, что максимальный срок, который он дает,— трое с половиной суток. Среди специалистов это вызвало замешательство. Но Серго был непреклонен в своем решении. И мост вступил в строй в течение того срока, который назвал Серго. В исключительной настойчивости, которую проявил Серго, отразился характерный для него в будущем стиль руководства индустриализацией народного хозяйства СССР, которая отличалась невиданными темпами роста нашей тяжелой промышленности в период первых пятилеток.

После взятия Тифлиса советские войска двинулись по основной железнодорожной магистрали на запад.

Встала задача занять Батум. Реввоенсовет 11-й армии по предложению Серго решил отправить специальную группу войск во главе с красной кавалерией в сторону Батума. Но — в интересах внезапности, неожиданности —

не по железной дороге, а окольным путем, через Годерский перевал, расположенный к югу от железнодорожной магистрали, на стратегической дороге Ахалцых — Батум. В ту пору в горах выпало много снега. В штаб армии были вызваны некоторые старожилы этих мест. В числе приглашенных находились 70—80-летние аксакалы. Оперативный отдел штаба армии изучил в архивах бывшего штаба Кавказского военного округа все военные записки и исследования, относящиеся к этому вопросу. Общее мнение было единодушным: перевал кавалерийской группе не удастся форсировать, тем более что она будет оснащена артиллерией. Выслушав это заключение экспертов, Серго с ним не согласился и дал команду готовиться к походу. Это было смелое решение. Во главе войсковой группы, куда входили 18-я кавалерийская дивизия и некоторые приданные ей пехотные части, был поставлен Дмитрий Петрович Жлоба, один из героев гражданской войны.

Серго придавал этому рейду не только военное, но и политическое значение, поэтому руководил как подготовкой и организацией дела, так и непосредственно оперативными действиями.

Рейд прошел весьма успешно. Оккупировавшие Батум турецкие войска, застигнутые врасплох внезапным появлением довольно большого отряда Красной Армии с той стороны, откуда они меньше всего могли этого ожидать, вынуждены были эвакуироваться из Батума.

Огромный военно-политический успех Батумской операции — осуществление неимоверно трудного перехода войск через занесенный снегом Годерский перевал — безусловная заслуга Серго как военного и политического руководителя. Можно смело сказать, что эту ответственнейшую боевую операцию от начала и до конца он провел с блеском.

На протяжении тех полутора лет, когда я работал с товарищем Серго, я довольно хорошо узнал его. Человек он был внешне суровый, но, в сущности, очень сердечный и прямой. Глубоко принципиальный и правдивый. Отзывчивый и доступный. Человечный в полном смысле слова. Неизменно скромный. Но горячий. И вспыльчивость иногда граничила с резкостью. Однако быстро отходил и, если бывал несправедлив, легко и свободно это признавал.

Однажды я присутствовал на собрании гарнизонного партийного актива города Тифлиса.

В начале заседания Серго и другой член РВС, Шалва

Зурабович Элиава, посвятили свои выступления разъяснению сущности ленинских указаний о том, как следует проводить политику Советской власти в Закавказье. Как известно, В. И. Ленин требовал от коммунистов Кавказа соблюдения особой осторожности и гибкости в проведении политики Советской власти. Он призывал учесть своеобразие положения республик Закавказья «в отличие от положения и условий РСФСР». Этого не понимали отдельные военные товарищи. Поэтому прения носили бурный характер. В обстановке разгоревшихся страстей раздавались упреки и в адрес Серго. Кое-кто обвинял его в резкости, несдержанности. Серго не отрицал, что может погорячиться: «Я — кавказский человек». Нужно сказать, что многим, в том числе и мне, нравилась манера, с которой Серго отбивался от атак. Он не столько оборонялся, сколько наступал на критиковавших его. Сказал, что и впредь не будет пощады тем, кто допускает ошибки, отклонения от ленинских указаний. В заключительном выступлении Серго, снова коснувшись упреков по поводу его резкости, вспомнил об одном инциденте, происшедшем у него со мной.

На этом я не могу не остановиться, так как самый инцидент, а еще больше то, как впоследствии на активе реагировал на него сам Серго,— все это было весьма для него характерно. Дело заключалось в том, что незадолго до этого мне пришлось по одному важному оперативному поручению провести всю ночь на телеграфе. Часов в 5—6 утра я закончил работу и, собираясь домой, в дверях столкнулся с Серго. «Вы что тут делаете так поздно?» (Обычно он обращался ко мне на «ты», иногда говорил ласково по-грузински «кацо»; «выканье» уже означало, что он на меня сердит.) Пытался я ему объяснить, но тщетно. Он не дал мне выговорить ни слова, а все более распалялся и повышал тон: «Я сказал вам, что незачем торчать по ночам в штабе, на телеграфе, раз уже боевые действия армии закончились и мы переходим на мирные условия».

Мне ничего не оставалось, как сделать по-военному полный оборот кругом и покинуть телеграф. Ушел я, провожаемый любопытными, а отчасти сочувственными взглядами многочисленных сотрудников телеграфа, ставших свидетелями этой сцены. Почему Серго так на меня обрушился? Он жалел мои глаза, зная, что они у меня все время воспалены, и правильно считал, что мне необходим нормальный сон, отсутствие ночных «бдений». То есть

действовал Серго, руководствуясь добрыми ко мне чувствами и побуждениями, но получилось так, что он меня обругал при всех работниках телеграфа, по существу, моих подчиненных.

Этого инцидента, как я упомянул выше, Серго и коснулся в конце заседания партактива. Кивая в мою сторону, он сказал: «Вон там в углу сидит человек, который не жалуется, а ему попало однажды от моей вспыльчивости. На телеграфе, после того как он продежурил там целую ночь, я в присутствии работников, которые ему подчинены, накричал на него, обидел его совершенно незаслуженно, о чем я действительно жалею».

Эти слова Серго я запомнил почти дословно, такое сильное произвели они на меня впечатление. В самом деле, крупный государственный деятель и партийный руководитель нашел в себе мужество на ответственном собрании извиниться перед человеком — скромным армейским работником, которого он обидел. Сказать, что я был морально удовлетворен,— это не то слово: я был просто потрясен.

Хочется вспомнить еще одну историю. Известно, какой интерес В. И. Ленин в свое время проявил к книжке А. И. Тодорского «Год — с винтовкой и плугом», в которой рассказывалось об опыте строительства Советской власти в небольшом уездном городке Весьегонске бывшей Тверской губернии в январе — октябре 1918 г.

А. И. Тодорский занимал высокую командную должность в Отдельной Кавказской армии — одно время командовал корпусом. Как-то осенью 1921 г. он принес мне два экземпляра своей книжки с именными надписями: один — для Серго, другой — для меня. Я отдал Серго его экземпляр.

Несколько месяцев спустя, сразу же после возвращения с XI съезда РКП(б), делегатом которого Серго был, он меня вызвал и спросил, не знаю ли я, куда девалась книжка Тодорского: он ее не может нигде найти. Серго как-то очень просто, по-человечески сокрушался, что не прочитал этой книжки, написанной работником Отдельной Кавказской армии, тогда как В. И. Ленин при всей своей сверхчеловеческой занятости не только ее заметил, не только прочитал ее, но и придал содержавшимся в ней информации и выводам большое принципиальное значение. Серго очень переживал историю с книжкой Тодорского. Мне ничего не оставалось, как отдать ему свой экземпляр.

В начале лета 1922 г.— это было в июне — мне посчастливилось иметь долгий разговор с Серго.

Я решил поступить в Военную академию РККА, на восточный факультет. Политработники в числе прочих документов обязаны были представить характеристики от всех членов Реввоенсовета армии. Серго в ту пору не было в Тифлисе. Он с семьей отдыхал на даче в Зеленом Мысу под Батумом. Мне пришлось поехать к нему за характеристикой.

Добрался я до дачи около полудня. Встретил он меня очень радушно, беседовали мы несколько часов, Серго расспрашивал о всех армейских работниках и делах. Слушал он очень внимательно. Вообще Серго умел спокойно выслушивать, не перебивая своего собеседника, не останавливая его. Интересовался всеми подробностями, мелочами. Кстати, отмечу, что говорил он громким голосом — особенность несколько глуховатых людей, которым кажется, что и другие также плохо слышат. Когда он слушал, обычно поворачивался к собеседнику правым ухом, прикладывая ладонь к левому.

В беседе мы коснулись упомянутого заседания партактива. К моему большому удивлению, он очень неплохо отзывался о многих товарищах, которые на заседании на него нападали или против которых он выступал. Серго говорил, что, по существу, все они хорошие работники, «крепкие мужики» — любимое словечко Серго, служившее ему для выражения положительного мнения о человеке. Коснувшись выступлений товарищей на партактиве, Серго говорил, что беда многих из них в том, что, допустив однажды ту или иную ошибку,— а от ошибок никто не застрахован,— они не хотят ее осознать, отказываются извлечь урок на будущее, чтобы не повторять впредь подобных ошибок.

Он вообще был человеком на редкость незлопамятным, великодушным к тем, кто против него выступал, если он был уверен, что они это делали с принципиальных позиций.

Характеристику Серго дал мне очень хорошую, и мы с ним тепло распрощались.

Перед моим отъездом в Москву Серго дал мне письмо для вручения лично В. И. Ленину. Когда я приехал в Москву, в приемной Кремля мне сказали, что В. И. Ленин болен и никого не принимает. Я не знал, что мне делать с письмом — передать ли в секретариат Ленина или везти обратно в Тифлис. Решил посоветоваться с находившимся

в это время в Москве Амаяком Назаретяном. Зашел к нему в гостиницу «Националь», однако не получил ясного ответа и поэтому попросил его связаться по телефону с Тифлисом — с Серго. Я получил указание привезти письмо обратно в Тифлис. Когда в Тифлисе я отдал письмо Орджоникидзе, он сказал, что в нем был один деловой вопрос и несколько слов обо мне. Оказывается, Серго просто решил воспользоваться моей поездкой в Москву, чтобы дать мне возможность повидать Ильича и поговорить с ним. Тем более, добавил Серго, что Ленин очень любит принимать периферийных работников: из разговоров с рядовыми советскими людьми Ленин черпает иногда очень ценные для себя сведения.

Такова еще одна черта, лишний раз характеризующая Серго,— готовность при всяком удобном случае сделать доброе дело.

В годы моей учебы в Военной академии (1922—1924) Серго почти каждый раз, когда приезжал в Москву, не забывал меня и других слушателей, командированных в академию из Отдельной Кавказской армии, встречался с нами, интересовался нашими делами. Заботился о тех слушателях, которые больше всего нуждались, особенно о многосемейных, часто привозил для них продукты.

Революционер ленинской выучки, человек высокой моральной чистоты, неизменно жизнерадостный и подвижный, простой и очень доступный, всегда внимательный к людям, а к себе самому очень требовательный и взыскательный, на вид строгий, даже суровый, но по натуре мягкосердечный, с глазами, искрящимися добротой, — таким всегда живет в моей памяти Серго Орджоникидзе.

Литературная Россия, 1967, 28 июля, с. 4.

М. Г. ЕФРЕМОВ

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ КОМИССАР

С именем любимого Серго неразрывно связаны многие годы борьбы и строительства Вооруженных Сил Советского Союза.

Я хорошо помню один из славных периодов его героической жизни — борьбу за освобождение Азербайджана и Грузии от ига англо-французских ставленников — мусаватистов и меньшевиков.

Шел апрель 1920 г. Покрывшие себя неувядаемой славой части 11-й армии, преследуя белые армии Деникина, ликвидировали их остатки в районе Грозного, на реках Тереке и Сунже, в районах Махачкалы, Дербента и Владикавказа.

Я был вызван в полевой штаб 11-й армии в Грозный к члену Реввоенсовета фронта товарищу Орджоникидзе. Это была моя первая встреча с ним. Серго подробно расспрашивал о действиях наших бронепоездов, и в голосе его, во всем поведении чувствовалась какая-то особая теплота. Он говорил со мной, 23-летним командиром, словно со зрелым опытным полководцем, внимательно выслушивал все мои доводы, изредка вставлял свои замечания и бегло делал заметки в блокноте.

Вскоре я был назначен начальником головного боевого участка 11-й армии. На мои бронепоезда, по предложению товарищей Орджоникидзе и Кирова, была возложена задача: 27 апреля ворваться в Баку, овладеть железнодорожной станцией, выйти в морской порт и вступить в бой с морской артиллерией противника. К бронепоездам в качестве десантного отряда придали две стрелковых роты.

Серго хорошо понимал трудности, которые предстояли в этом наступлении,— пересеченная безводная местность, заминированные англичанами мосты. Предупреждая нас об этом, он настоятельно требовал отобрать людей, беззаветно храбрых, испытанных в боях.

Непосредственное руководство операцией было возложено на Анастаса Ивановича Микояна и меня. В интересах безопасности мы строго оберегали тайну подготовки этого удара. Даже командиры бронепоездов, начальник десантного отряда и штаб узнали о предстоящей операции всего за несколько часов до выступления. Бойцы же были ознакомлены с задачей уже в самый момент выступления. Весть о том, что эта операция задумана Орджоникидзе, вселила в каждого из них веру в блистательную победу.

Ободренные и вдохновляемые любимым полководцем, бойцы бронепоездов внезапным ударом разгромили наголову отряды мусаватистов и английских интервентов на всех пунктах их сопротивления. В ночь с 27 на 28 апреля над столицей Азербайджана зареял красный флаг, трудящиеся освобожденного Баку встретили уже прибывших сюда товарищей Орджоникидзе и Кирова.

Эта блестящая операция была началом освобождения

народов Азербайджана, и роль Серго в ней исключительно велика.

На шестой день пребывания красных войск в Баку состоялось вручение наград героям операции. На бакинском вокзале мы снова встретились с Орджоникидзе и Кировым. Серго тепло поздравил нас от имени Советского правительства и вручил бронепоездам знамена, а нам, командирам, комиссарам и бойцам,— ордена Красного Знамени.

К концу мая разгромленная, но еще не добитая контрреволюция подняла восстание по всей территории Советского Азербайджана. Главный очаг этих восстаний находился в Гяндже[1]. Товарищ Орджоникидзе приказал снова готовить войска и бронепоезда. На этот раз предстояло пробиваться в район Гянджи.

Начиная от станции Евлах (на реке Кура), нам пришлось то и дело встречаться с многочисленными белогвардейскими засадами. У Гянджи мы встретили сильнейшее сопротивление. Враг обрушил на нас артиллерию. Но тщетно. Бронепоезда и на этот раз выполнили свою задачу. С непередаваемой радостью встретили нас, посланцев всеми любимого члена Реввоенсовета фронта, герои-красноармейцы, защищавшие станцию от противника, в десятки раз превосходящего их своей численностью.

29 мая была восстановлена телефонная связь с Баку, и мы получили возможность подробно доложить товарищу Орджоникидзе о том, что нами уже сделано и что делается. По проводам до нас долетал его ободряющий голос и страстный призыв — скорее добить белогвардейщину.

После непрерывных четырехдневных ожесточенных боев мы вырвали всю Гянджу из рук контрреволюционеров, подстрекаемых английскими империалистами. Каждую ночь Серго связывался с нами по телефону. Он требовал обстоятельных докладов о ходе боев на гянджинском боевом участке, давал указания, информировал об общей обстановке, сложившейся к тому времени в Азербайджане.

Осенью 1920 г. английские империалисты объединили все контрреволюционные элементы и подняли против Советской власти терское и сунженское белоказачество. Вооруженные интервентами, бандиты захватили железные дороги: Владикавказ — Грозный и Грозный —

---

[1] Ныне город Кировабад в Азербайджанской ССР.

Махачкала. Создалась непосредственная угроза Грозному и Владикавказу. Но снова железная воля Орджоникидзе остановила, казалось неминуемую, катастрофу.

Разбив белогвардейские банды в районах Чир-Юрт — Хасав-Юрт — Гудермес и исправив железнодорожный путь, мы пробились в город «черного золота». Главные силы противника находились в полпереходе от Грозного, в районе станции Ермолинская и прилегающих к ней казачьих станицах. Они не ожидали нашего наступления. Орджоникидзе организовал дело так, что на рассвете мы нанесли врагу совершенно внезапный удар и сразу же начали преследование его остатков... Белогвардейцы, купленные английскими империалистами, бросились было в степь, что севернее Терека, и там был довершен их окончательный разгром.

Серго Орджоникидзе, по меткому определению народного комиссара обороны Маршала Советского Союза товарища Ворошилова, «был одним из тех талантливейших военных организаторов, которые своей стойкостью и выдержкой, геройством и мужеством, беззаветной преданностью делу революции на фронтах гражданской войны заражали верой в силу революции и вдохновляли командиров и бойцов на борьбу и победы» [1].

Красная звезда,
1940, 18 февраля.

Г. М. МУСАБЕКОВ

КУЗНЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Вспоминается 1920 г., первые мои встречи с Серго.

Обрекая рабочий класс на безработицу, обводняя буровые скважины, лакеи капитализма — мусаватисты поддерживали блокаду Советской России, не выпускали ни одного нефтеналивного судна на север — в Астрахань. К началу 1920 г. положение пролетариата и крестьянства Азербайджана стало особенно невыносимым. Рабочий класс Баку под руководством боевой бакинской организации большевиков деятельно готовился к захвату власти.

В это время, в начале апреля 1920 г., товарищ Орджоникидзе во главе боевых частей 11-й армии, очистившей Северный Кавказ от белогвардейцев, приближался к гра-

[1] Траурный митинг памяти товарища Орджоникидзе. М., 1937, с. 14.

ницам — «независимого» на словах и новой колонии империализма на деле — мусаватистского Азербайджана.

В штабном вагоне бронепоезда «III Интернационал», около станции Дербент, сидят товарищи Серго Орджоникидзе, Сергей Миронович Киров, командиры частей и мы — группа закавказских работников. Оживленный, полный кипучей энергии товарищ Серго дает последние инструкции, как прорвать искусственно созданный кордон, отделяющий рабочих Баку от страны пролетарской диктатуры.

Прекрасно знающий силы рабочих-нефтяников, твердо уверенный в их победе, товарищ Серго быстро излагает план помощи трудящимся Баку в деле изгнания вконец обанкротившихся врагов трудового народа — мусаватистов. Центральной мыслью этого плана была директива: нашему передовому отряду — бронепоезду — прорваться через расположение мусаватистских войск в Баку, в его промысловые районы, на помощь восставшему бакинскому пролетариату. Товарищ Орджоникидзе был глубоко, непоколебимо уверен в силах революционного пролетариата, он знал, что достаточно одного появления передовых, пусть незначительных по численности, частей Красной Армии, чтобы бакинский пролетариат одержал окончательную победу. План этот целиком и полностью оправдался на следующий день. Революционное предвидение товарища Серго было подтверждено самой жизнью.

28 апреля 1920 г. рабочие Баку вышли на железнодорожную станцию встречать и приветствовать любимого Серго Орджоникидзе, помогавшего их освобождению.

За короткое время одно за другим, под натиском революционных рабочих и крестьян, при братской помощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, падают правительства дашнакской Армении и меньшевистской Грузии и устанавливается Советская власть во всем Закавказье. И здесь роль товарища Орджоникидзе огромна.

В этот период исключительно напряженной работы Серго Орджоникидзе уделяет максимум внимания залечиванию ран, нанесенных националистической политикой контрреволюционных правительств меньшевиков, мусаватистов и дашнаков, воплощению в жизнь боевой директивы Ленина — создать «образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе» [1].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 198.

«Мы великолепно знали,— говорил Орджоникидзе в марте 1923 г.,— что ни одного шага вперед ни в хозяйственном строительстве, ни в какой другой области мы не можем сделать, если не установим в Закавказье национального мира. В знаменитом письме В. И. Ленина, привезенном сюда т. Мясниковым, В. И. Ленин этот вопрос ставит центральным и указывает на то, что дело кавказских коммунистов добиться во что бы то ни стало национального мира. Мы можем заявить, что в эти два с лишним года в этом отношении наша партия сделала немало; во всяком случае перед всем миром, перед врагами и друзьями нашими мы можем сказать, что в такой разноплеменной, многонациональной стране, как Закавказье, только нашей партии удалось установить национальный мир, который за время Советской власти не омрачен ни одной каплей крови живущих в Закавказье народов...»[1]

С первых же месяцев после завоевания власти большевистские организации Закавказья развивают энергичнейшую деятельность по воплощению в жизнь указаний Ленина об организации Закавказской Федерации.

Остатки меньшевиков, мусаватистов, дашнаков, националистически настроенная часть интеллигенции, «национал-уклонисты» поднимают бешеный вой против вхождения республик Закавказья в Федерацию. Товарищ Орджоникидзе в этот ответственнейший период жизни Советского Закавказья показывает образцы большевистской непримиримости и принципиальности. В полных страстного огня и неумолимой логики выступлениях Серго громит противника хозяйственного и политического объединения народов Закавказья.

После организации Закфедерации, будучи на посту секретаря Заккрайкома ВКП(б), он закладывал первые камни в мощный фундамент дружбы народов трех республик Закавказья.

...Закфедерация с честью выполнила стоявшие перед ней задачи, сыграла большую роль в борьбе республик Закавказья за победу социалистического строительства, упрочив и укрепив связи народов Закавказья между собой и между народами всего великого Советского Союза.

Вместе с организацией Закфедерации, с укреплением национального мира Серго Орджоникидзе мобилизует трудящиеся массы республик Закавказья на восстановление разрушенного народного хозяйства. Вместе с Сергеем

---

[1] *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи. М., 1956, т. 1, с. 267.

Мироновичем Кировым товарищ Серго добивается огромных успехов в организации азербайджанской нефтяной промышленности, в ее коренной реконструкции на основе новой техники. Ленинское указание, содержащееся в письме товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики в 1921 г.,— «начать крупные работы электрификации, орошения» [1] — нашло в лице Орджоникидзе талантливейшего и энергичнейшего исполнителя. Под его руководством в Закавказье начинается строительство инженерно-оросительных систем, закладывается фундамент первых электростанций, быстро восстанавливается посевная площадь ценных технических культур.

В своем отчете на Втором съезде коммунистических организаций Закавказья в 1923 г. товарищ Серго с воодушевлением говорил о первых успехах хозяйственного строительства Закавказья:

«*Мугань* — это детище Заккрайкома. Решили большую часть Муганской степи пустить под хлопковые плантации. Выписали 150 тракторов... Тракторы прибыли, работают... Закавказский краевой комитет принял очень активное участие в будущей нашей гордости, в постройке Авчальской гидроэлектростанции... Москва все три республики Закавказья наградила тремя текстильными фабриками» [2].

Всех, знающих Серго Орджоникидзе, поражает в нем, прежде всего, его личная обаятельность, его товарищеская чуткость и отзывчивость, его забота о людях. Его непоколебимость и глубокая принципиальность ленинца служат источником той всеобщей любви и привязанности, которой справедливо и вполне заслуженно пользуется Серго среди рабочих и крестьян всего Советского Союза, среди трудящихся всех уголков каждой из трех республик Закавказья.

Заря Востока,
1936, 29 октября.

А. И. МИКОЯН

СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Впервые о Серго Орджоникидзе я услышал в Баку весной 1917 г. от Степана Шаумяна и Алеши Джапаридзе. Они работали с Серго в партийных организациях

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 200.
[2] *Орджоникидзе Г. К.* Статьи и речи, т. 1, с. 277.

Закавказья еще до революции. Товарищи говорили о нем как о принципиальном и мужественном революционере, неутомимом организаторе масс. Уже тогда, из их рассказов, в моем представлении сложился яркий образ Серго, овеянный революционной романтикой...

Отвлекаясь несколько от хронологической канвы своих воспоминаний, хочу рассказать о Серго Орджоникидзе не только как о партийном и государственном деятеле, но как о человеке, вместе с которым я работал многие годы и оставался дружен до самой его смерти.

Серго был человек очень целеустремленный. Его душевный склад, взгляды — политические и философские, его поступки и образ жизни — все было едино, слитно, крепко сцементировано...

Он хорошо разбирался в сложнейших политических и экономических вопросах. Был большим знатоком партийной политики и тактики, методов борьбы партии и рабочего класса. Невольно возникал вопрос: откуда это было у него? Ведь по образованию он был всего лишь фельдшер.

Мне кажется, что здесь и проявляется одна из наиболее ярких черт этого выдающегося человека. Будучи с детства весьма одаренным, Серго учился всегда — в ходе революционных событий, в жесточайшей борьбе существовавших тогда политических партий, в процессе преодоления внутрипартийных разногласий, в острых внутрипартийных схватках, в подпольных кружках, в упорной самообразовательной работе, при встречах с самыми разными людьми — личных, на собраниях, заседаниях, конференциях, съездах... Он жадно глотал знания, прочно впитывая их в себя. Тюрьмы и ссылки тоже стали для него великолепным университетом жизни и знаний: я всегда поражался списку книг, которые Серго прочитал, находясь в Шлиссельбургской крепости.

Серго жадно любил жизнь, людей, борьбу. Он был человеком активного действия, интересовался всем. Поэтому его политические и теоретические взгляды были тесно связаны с непосредственным делом, которым он занимался всегда с большим увлечением.

Очевидно, именно поэтому Серго так ярко проявил себя в самые тяжелые годы борьбы нашей партии...

Хочу обратить внимание еще на одну особенность Серго: он не умел таить злобу, был очень отходчив, никому не мстил и никогда втайне не вынашивал запавшую ему в душу обиду.

Вспоминается эпизод, который произошел в 1921 г. во

время X съезда партии у меня на глазах, поскольку я сам был делегатом этого съезда.

Ко времени X партийного съезда в Закавказье сложилась очень напряженная политическая обстановка, связанная с советизацией Грузии, которая не позволила Серго выехать в Москву на съезд.

Надо сказать, что еще до X съезда нашу партию более двух месяцев лихорадила затеянная троцкистами дискуссия о профсоюзах. Образовались фракционные группировки со своими платформами, угрожавшие единству партии. Орджоникидзе, находясь на Кавказе, занял в этой дискуссии четкую позицию: он полностью был на стороне Ленина. Выступая в феврале 1921 г. на III съезде Компартии Азербайджана с докладом о профсоюзной дискуссии, он блестяще разъяснил суть этой дискуссии и вскрыл антипартийность позиции Троцкого и Шляпникова. Съезд большевиков Азербайджана большинством голосов поддержал платформу Ленина.

Орджоникидзе на X съезде не присутствовал, но речь о нем зашла в связи с обсуждением кандидатур в состав Центрального Комитета партии.

Несколько военных делегатов с Северного Кавказа неожиданно стали с мест выкрикивать возражения против кандидатуры Орджоникидзе. Сидели эти делегаты в последних рядах и шумели на весь зал. Один из них поднялся на трибуну и стал говорить, что, мол, Орджоникидзе кричит на всех, командует, не считается с местными работниками, а потому и не должен быть в составе ЦК.

Это демагогическое выступление оказало влияние на настроение делегатов, многие из которых к тому же не знали Орджоникидзе.

Выступавшим был политработник Врачев. Он хорошо мне запомнился, потому что лицо его было перевязано белой марлей, видимо из-за зубной боли.

Выступая на XIII партийной конференции, Врачев признал, что его отвод Серго на X съезде партии был сделан не по его личной инициативе, а под большим давлением фракции Троцкого, к которой он, Врачев, в те годы примыкал. Он рассказал, что во время работы X съезда партии участвовал в тайном совещании троцкистов — делегатов съезда, где и было принято решение об отводе из состава ЦК ряда товарищей — сторонников Ленина, в том числе и Орджоникидзе. (Впоследствии Врачев отошел от троцкизма, признал свои ошибки и занял правильную партийную позицию.)

В защиту Орджоникидзе выступил Сталин. Говорил он спокойно, тихим голосом. Привел биографические данные, рассказал о работе Серго в подполье, на фронтах гражданской войны и рекомендовал избрать его в ЦК. Было видно, однако, что ему не удалось убедить делегатов. Они продолжали шуметь.

Тогда в защиту кандидатуры Серго выступил Ленин. Он сделал, примерно, следующее заявление: я знаю товарища Серго давно, еще со времен подполья, как преданного, активного, бесстрашного революционера. Хорошо показал он себя в эмиграции, сыграл выдающуюся роль в подготовке Пражской конференции партии в 1912 г., был тогда избран членом ЦК. Вел активную работу в Петрограде в период подготовки и проведения Октябрьской революции. В гражданской войне он показал себя храбрым, способным организатором. Но в критике выступавших товарищей есть одно правильное замечание по адресу Серго. Это то, что он кричит на всех. Это верно. Он громко говорит, но вы, наверное, не знаете, в чем дело. Он и со мной, когда разговаривает, так же кричит. Потому, видимо, что он глуховат на левое ухо, как-то особенно мягко и тепло сказал Ленин. Поэтому он и кричит — думает, что его не слышат. Но нельзя этот недостаток принимать во внимание...

Это вызвало улыбки и даже добродушный смех у делегатов. Стало ясно, что, поддержав кандидатуру Серго, Ленин отбил все атаки оппозиции против него. (Хотя в скобках надо заметить, что Ленин никогда не спускал Серго отдельные срывы, у него случавшиеся.) А ведь были серьезные опасения, что окажется много голосов против. После выступления Ленина при тайном голосовании Орджоникидзе получил подавляющее большинство голосов. Как и Дзержинский, он получил 438 голосов из 479 (один только Ленин был избран единогласно) — больше, чем ряд других тогдашних видных членов ЦК.

Помню, как поразила меня тогда наблюдательность Владимира Ильича. Я тоже замечал, что Серго слышит хуже других, но не знал, что он глуховат именно на левое ухо.

Вскоре после того, как делегаты съезда разъехались по местам, Орджоникидзе узнал от одного из них (В. А. Сутырина, работавшего тогда заместителем начальника Политуправления Кавказской армии) о выступлении на съезде Врачева. Однако, как и следовало

ожидать, никакой злобы против Врачева Серго не затаил.

Произошло нечто совсем другое. Летом 1922 г. Серго вместе с Элиавой и еще кем-то третьим (фамилии его я не помню) был командирован ЦК в Среднюю Азию для проверки состояния дел, в частности, борьбы с басмачеством. Там он встретился с Врачевым, в ту пору работавшим членом Военного совета Туркестана.

Как рассказывал потом Врачев, комиссия Орджоникидзе очень объективно ознакомилась с их работой и никаких особых замечаний лично в его адрес не сделала. Больше того, в конце 1922 г. Серго поставил вопрос о переводе Врачева в Тифлис, членом Революционного военного совета отдельной Кавказской армии, в составе которого находился и сам Орджоникидзе.

Врачев говорил, что вскоре его вызвали в Москву, в ЦК партии. Принял его Сталин. Спросил, не возражает ли он против перевода. Врачев дал свое согласие. Тогда Сталин, не без иронии, спросил у него: а не будет ли он вновь делать отводы Орджоникидзе? Врачев ответил, что, конечно, не будет, потому что теперь он хорошо узнал Орджоникидзе и глубоко его уважает...

Работая еще в Нижнем Новгороде, я часто встречался с Серго на партийных конференциях, пленумах и совещаниях в ЦК партии, на съезде Советов. В марте 1922 г. мы встретились с ним на XI съезде РКП(б). В работе этого съезда еще участвовал Владимир Ильич, но здоровье его к тому времени уже сильно пошатнулось, врачи требовали лечения и отдыха. Да Ленин и сам это хорошо понимал.

Принимая близко к сердцу состояние здоровья Ленина, Серго убеждал его поехать на Кавказ, чтобы отдохнуть там и подлечиться. И кажется даже уговорил. Во всяком случае, они условились с Ильичем о плане такой поездки. По этому поводу сохранилось несколько записок Ленина к Орджоникидзе. В одной из них он писал: «...черкните мне, пожалуйста, пару слов, чтобы я знал, что мы договорились вполне и что «недоразумений» не будет.

Нервы у меня все еще болят, и головные боли не проходят. Чтобы испробовать лечение всерьез, надо сделать отдых отдыхом.

Вам, при Вашей занятости, вероятно, никак не удастся самому выполнить то, о чем вчера говорили, да и не рационально, конечно, Вам за это браться. Найдите человека исполнительного и внимательного к мелочам и по-

ручите ему (тогда и ругать мне будет приятнее *не Вас*, кстати сказать)»[1].

Ленин сообщал также, что через месяц он будет ждать от Серго «подробной карты и сведений о пригодном месте (или пригодных местах) — высота над уровнем моря, *изолированность* и пр. и т. д.; также описания этих мест и тех уездов и губерний, где они находятся»[2]. В других записках к Серго по этому поводу он сообщает, что с ним просится поехать Камо и что он с этим согласен[3], проявляет заботу о том, чтобы выбранное место подошло не только для него, но и для Надежды Константиновны, и что с этой точки зрения «Боржом очень годится»[4]. Однако осуществить поездку на юг Владимиру Ильичу так и не удалось.

Встречи с Орджоникидзе стали у меня более частыми после моего переезда (в мае 1922 г.) в Ростов, куда я был назначен секретарем Юго-восточного бюро ЦК РКП(б). Я, естественно, интересовался тогда работой Серго и вообще делами закавказских компартий, поскольку мы «жили» рядом: многие северокавказские проблемы перекликались и были родственны аналогичным проблемам Закавказья. Для практического решения многих проблем Северного Кавказа мне важно было изучить опыт работы закавказских республик. Встречи и беседы с Серго были особенно полезны для меня, потому что он лучше меня знал Северный Кавказ, Дагестан. Обычно, когда приходилось ехать в Москву на пленумы ЦК партии, на съезды Советов, мы с Ворошиловым (который также работал тогда в Ростове) присоединялись к Орджоникидзе и Кирову, проезжавшим через Ростов. Ехали мы в одном вагоне и обратно возвращались тоже вместе. В этих поездках всегда происходили дружеские, задушевные разговоры, оживленный обмен мнениями, как это всегда бывает между близкими товарищами по работе.

Тогда на Северном Кавказе возникало много сложных национальных, сословных и других проблем, вызывавших трения и острые конфликты. Ориентироваться во всех этих вопросах мне было довольно трудно, особенно в начале работы на Северном Кавказе, а Серго работал в этом крае почти все годы гражданской войны и непосредственно после победы, накопил богатый опыт, хо-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 54, с. 229.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 230.
[4] Там же, с. 242.

рошо знал местные кадры, в частности, товарищей, которые нередко довольно остро конфликтовали. Авторитет Серго среди северокавказских партийных и советских работников был высок, они внимательно и с доверием прислушивались к его голосу. Поэтому я пользовался малейшей возможностью встречи и связи с Серго, чтобы посоветоваться с ним по тому или другому сложному вопросу.

В июле 1926 г. на пленуме ЦК ВКП(б) кандидатами в члены Политбюро были избраны Орджоникидзе, Киров и я. Все мы работали до этого на Кавказе. Киров сразу после пленума был направлен в Ленинград секретарем обкома партии: нельзя было больше терпеть во главе ленинградской организации Зиновьева, который превращал один из основных отрядов партии в оплот оппозиции.

Кандидатура Кирова была очень подходящей. И, как показали последующие годы, он полностью справился с возложенными на него задачами. Он сумел повернуть в Ленинграде партийную жизнь на правильный путь и сохранить для партии многие тысячи коммунистов, которые были сбиты с толку Зиновьевым. Ленинградская организация снова стала верной опорой ЦК партии, носителем ленинских идей.

В борьбе с влиянием зиновьевской оппозиции в Ленинграде сыграл свою положительную роль также и Орджоникидзе. Во время XIV съезда партии группа членов ЦК, в том числе Серго, Киров и я, выезжали в Ленинград, где мы выступали на собраниях партийных активов в защиту линии ЦК, против оппозиции.

Вскоре после июльского (1926 г.) пленума ЦК было принято решение назначить меня наркомом внешней и внутренней торговли, освободив от обязанностей секретаря Северокавказского крайкома партии...

Некоторое время спустя ЦК принял решение перевести Орджоникидзе из Закавказья на Северный Кавказ, на пост секретаря Северокавказского крайкома партии. Против его перевода в Ростов в ЦК поступил протест от членов Закавказского крайкома партии, настаивавших на оставлении Серго в Закавказье. Сталин, однако, настоял на своем, и ЦК оставил в силе прежнее решение. Орджоникидзе, как я позднее узнал, также считал, что ему следует продолжать работу в Закавказье, но протеста в ЦК не подавал и после решения о своем новом назначении выехал в Ростов.

Уже тогда было очевидно, что если и надо было пере-

водить Серго из Закавказья, то, конечно, только на руководящую всесоюзную работу, к которой он был тогда уже вполне подготовлен. Так и получилось. Не прошло и двух месяцев, как Политбюро приняло новое решение — выдвинуть Орджоникидзе на пост народного комиссара Рабоче-крестьянской инспекции и председателя Центральной контрольной комиссии партии. Этот пост был фактически свободен в течение трех месяцев, поскольку после смерти Дзержинского (в июле 1926 г.) нарком РКИ В. В. Куйбышев был назначен председателем ВСНХ.

Кандидатура Орджоникидзе на пост председателя ЦКК утверждалась на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК в ноябре 1926 года. Несмотря на наличие в составе ЦК и ЦКК многих оппозиционеров, в том числе и их лидеров, никто из них против Серго не выступил, и он был избран председателем ЦКК лишь при одном голосе против и шести воздержавшихся.

Это новое назначение было очень удачным и полезным для партии. Серго, будучи всегда последовательным сторонником ленинской политики и решительно борясь с оппозицией, умел проявлять необходимую терпимость к заблуждающимся; он не любил «с кондачка» отсекать таких людей от партии. Исходя из духа идей Ленина, из его указаний о единстве рядов партии, Серго старался возможно объективнее рассмотреть тот или иной вопрос, не обостряя без особой нужды разногласий, не допуская образования различных платформ, всеми силами борясь против раскола в партии.

Широкие слои партии были довольны, что такой человек, как Орджоникидзе, находится во главе ЦКК. В то время в некоторых организациях очень увлекались поспешным исключением из рядов партии даже старых коммунистов, которые в результате заблуждения пошли за оппозицией. Серго Орджоникидзе и вся ЦКК (президиум ЦКК состоял из старых, проверенных большевиков, преданных делу единства партии) часами убеждали таких коммунистов в их неправоте. В большинстве случаев это им удавалось — правда, лишь в отношении средних и низовых руководящих работников, что же касается лидеров оппозиции, то «переделать» их было уже невозможно.

Орджоникидзе страстно боролся с оппозицией. На XV партийном съезде он говорил: «Революция, товарищи, не шуточное дело. Если только начать расшатывать партию, которая ведет революцию, то всякую революцию можно загубить. Об этом много раз говорил Владимир

Ильич. И мы не имеем никакого права допустить, чтобы нашу партию и нашу революцию расшатывали. А действия оппозиции как раз к этому ведут» [1].

В 1929 г. на V Всесоюзном съезде Советов был утвержден первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Встала задача мобилизовать все силы для осуществления программы индустриализации страны. Серго ждала новая работа: в ноябре 1930 г. он был назначен председателем ВСНХ.

В ходе выполнения пятилетнего плана стали ясны сложности и трудности управления бурно растущей промышленностью в новых условиях. Было решено выделить из ВСНХ и организовать самостоятельные наркоматы легкой и лесной промышленности, а также передать пищевую промышленность наркомату снабжения. Остальная часть ВСНХ — все отрасли тяжелой промышленности — вошла в наркомат тяжелой промышленности. Наркомом стал Орджоникидзе.

Страна приступила к строительству гигантов черной металлургии, мощных шахт, новых машиностроительных заводов. Важнейшей задачей стала подготовка кадров производственно-технической интеллигенции, способных освоить передовую технику и обеспечить необходимые формы хозяйственного руководства предприятиями.

И Серго внес огромный вклад в решение этих задач.

Авторитет государственного и партийного деятеля, которым он пользовался у всей партии, его личное обаяние во многом способствовали тому огромному подъему творческих сил работников тяжелой промышленности, который и создал предпосылки для выполнения и перевыполнения пятилетнего плана.

Надо сказать, что работники тяжелой промышленности очень гордились своим наркомом. Вскоре в партии за Серго утвердился почетный титул командарма тяжелой промышленности; право на это он доказал всей своей деятельностью.

Серго умел подбирать талантливых людей, особенно из молодежи, оказывая им всяческую поддержку, проверял и подтягивал, когда они ошибались.

По его рекомендации молодого инженера коммуниста Завенягина назначили директором крупнейшего Магнитогорского металлургического комбината. Позднее Завенягин стал заместителем председателя Совета Министров.

[1] XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г. Стенографический отчет. М., 1961, т. 1, с. 436.

К числу его выдвиженцев относится и молодой тогда инженер-металлург Тевосян, который был назначен им на пост руководителя треста «Спецсталь», а впоследствии стал министром черной металлургии и тоже заместителем председателя Совета Министров СССР.

Серго заметил и Лихачева, талантливого организатора, ставшего директором Московского автозавода, а затем наркомом.

Большое значение придавал Серго рационализаторам, интересную инициативу он всегда выносил на всесоюзную арену. Известна его роль в развитии стахановского движения. Движение, начавшееся в угольной промышленности, захватило все другие отрасли хозяйства. Серго умел поднимать энтузиазм народных масс, направлять его на решение практических, конкретных задач.

Уделяя главное внимание развитию тяжелой промышленности, Серго не упускал из поля зрения и нужды непосредственно народного потребления. В тот период становилась на путь коренного технического перевооружения пищевая промышленность. Она остро нуждалась в соответствующем оборудовании и машинах. Орджоникидзе оказывал в этом неоценимую помощь, и мне, руководившему в те годы пищевой промышленностью, не раз приходилось пользоваться его... поддержкой в практическом решении вопросов пищевого машиностроения.

Серго неустанно внушал, что повседневный труд на предприятиях — дело не обыденное, а величественное, вдохновляющее. Он упорно боролся за культуру производства, за чистоту в заводских дворах и цехах, за лучшую организацию рабочего места, за внедрение и развитие хозрасчета, за повышение рентабельности производства. В замечательных починах современных новаторов живет начатое им дело, в которое он вложил свой ум, свою душу, свой организаторский талант.

В заключение мне хотелось бы еще раз указать на исключительные качества Серго как товарища. Он трудно сходился с людьми, но дружил по-настоящему, умея всегда проявить какую-то по-особенному любовную заботу о товарищах.

Недавно я познакомился с одним еще не опубликованным письмом, которое Орджоникидзе направил 13 февраля 1928 г. К. Е. Ворошилову, бывшему тогда наркомом обороны. В этом письме Серго просил, в связи с предстоящим награждением участников гражданской войны, представить к награде восемь участников борьбы на Кавказе,

которые, по его мнению, заслужили награды, но не были в свое время отмечены.

В их числе был и Сергей Миронович Киров, которому Серго посвятил в этом письме такие строки: «...он тебе известен не меньше, чем мне. Тем не менее скажу несколько слов о нем. С. М. Киров во время осады Астрахани был тем лицом, которое вдохновляло отрезанных со всех сторон защитников Астрахани. В 1920 г. по приказу РВС Кавфронта Киров на нашей старой галоше летит из Астрахани в Святой Крест и двигается с войсками на Северный Кавказ. В 1921 г. Киров во время нашего движения на меньшевистскую Грузию сам сопровождал через Мамиссонский перевал, где войска расчищали себе дорогу в снегу $1^1/_2$ сажен глубиной. Только присутствие Кирова могло вдохновить почти полураздетых и босых красноармейцев на такой подвиг».

Из этого документа я впервые узнал также, что именно Орджоникидзе представил и меня в числе других товарищей к награждению боевым орденом Красного Знамени за участие в вооруженной борьбе за Советскую власть в Баку. Ни Серго, ни другие товарищи никогда мне об этом не рассказывали. Сам Орджоникидзе был награжден орденом боевого Красного Знамени весной 1921 г., когда были закончены бои гражданской войны и страна развернула мирное социалистическое строительство.

Можно было бы привести множество примеров, подтверждающих, каким выдающимся политическим и государственным деятелем ленинского типа был Серго Орджоникидзе. Все это довольно широко известно. Поэтому мне хотелось подчеркнуть в своих воспоминаниях, что Серго был и выдающимся человеком. Говоря словами Горького, Человеком с большой буквы.

Это был преданный, поистине благородный Рыцарь революции, убежденный знаменосец большевистской правды. Он любил говорить: «Партийность — прежде всего и раньше всего». Обращаясь к молодым тогда командирам нашей промышленности, он учил их «ни на секунду не успокаиваться на достигнутом, ни на секунду не зазнаваться, ибо зазнайство, товарищи, только выражение невежества».

Имя Серго всегда пользовалось огромным авторитетом и популярностью в партии и народе. Это — светлое имя в истории нашей Коммунистической партии, в истории Советского государства.

Микоян А. И. Дорогой борьбы. М., 1971, с. 430—445.

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Лесистые горы расступились, и река вырвалась на плоскость. Ингуши стояли черным морем мохнатых шапок, а по краям — лошадиные головы, и под ними чернели расходясь бурки. Это в двадцать первом или втором году, когда в бывшем Владикавказе закостенелыми штабелями лежали на больничном дворе сыпнотифозные мертвецы. Еще постреливали в укромных местах, и, когда мы ехали на ингушский съезд, в машине аккуратно лежали под руками холодноватые винтовочные стволы, а у меня оттягивал карман браунинг.

Съезд как съезд: оратор говорил; из-под мохнатых шапок на него глядели внимательные черные в белках глаза, или не глядели, упорно опущенные в землю, и почему-то вселяли тревогу. Я невольно пощупал браунинг — тут ли.

Обо всем говорили: и о том, что беден ингушский народ, что нехорошо воровать у своих же. В таком-то ауле и в таком-то ауле у бедных женщин, у которых мужья убиты белыми, увели коров, и им с детьми умирать с голоду. И теперь по аулам одинокие женщины, у которых мужья погибли в боях с белыми, целую ночь сидят на корточках у своей коровы, накрутив на руку веревку от рогов. Разве это хорошо? И о многом-разном говорили. И стояли те с опущенными глазами.

А я все чувствовал: за этими коровами, около которых сидели на корточках измученные женщины, за разными бытовыми вопросами что-то стояло строгое, непроизносимое, и опять пощупал браунинг. И подумалось, почему же воры крадут только у женщин, мужья которых погибли в борьбе с белыми?

Море мохнатых шапок колыхнулось пробежавшей волной. И те подняли глаза. Ненависть?

Подкатил автомобиль к самому краю толпы. Быстро вышли несколько товарищей. За ними — спокойно, небольшого роста, крепкий, в белой гимнастерке, с темным, за которым внутренносжатая энергия и напор, лицом товарищ. И я уловил пронесшееся: Орджоникидзе... Все также спокойно, но не теряющим времени широким военным шагом вошел он в раздвинувшуюся толпу. Стал. Небольшой опустевший круг замкнулся.

Его голос зазвучал. Он потребовал, чтоб переводили на ингушский фразу за фразой. И голос опять зазвучал повелительно, неотвратимо над громадой толпы:

— Нет, вы не честные советские граждане, вы — укрыватели бандитов!..

О-го-го!.. Я полез было к проклятому браунингу. Да ведь если засверкают кинжалы, блеснут шашки — в несколько секунд все будет кончено. Браунинг... Тьфу!

И я спокойно стал слушать.

— Среди вас — бывшие офицеры. Среди вас — богачи, смертельные враги Советской власти, стало быть, и ваши враги, враги бедноты, всех трудящихся. Среди вас —отъявленные контрреволюционеры.

Переводили фразу за фразой, и толпа сомкнуто сдвинулась,— круг около Орджоникидзе тесный.

— Вы... если только вы не враги Советской власти, сейчас же, сию минуту должны выдать врагов Советской власти.

Все недвижимо замерло. Тяжело нарастало ожидание непоправимого.

Вдруг волны пошли по толпе от краев к середине — заколыхались мохнатые шапки. «Ага... все?!» Я взглянул на Орджоникидзе: он был спокоен и нахмуренно ждал.

Волна человеческая добежала до середины и поставила, шатая, перед Орджоникидзе несколько человек, и глаза их пылали неугасимой ненавистью. Особенно врезался мне старик: борода седым клинышком, в черкеске с газырями, наискось кинжал. Нет, я никогда не видал такой нечеловеческой ненависти.

Орджоникидзе молча повернулся, пошел, не оглядываясь.

Толпа за ним донесла до автомобиля этих задыхающихся ненавистью людей.

Далеко за автомобилем покрутилась пыль и растаяла. Слева стояли лесистые горы.

Когда мы ехали назад, товарищ сказал мне:

— А ведь знаете, дело на ниточке висело,— могли искрошить шашками.

И второй раз встретился с товарищем Орджоникидзе. И эта встреча тянется минуты, часы, дни, месяцы, годы.

Выступаю ли на заводе машиностроения — да ведь это же товарищ Орджоникидзе. Толкую ли о выработке с шахтерами — да ведь товарищ Орджоникидзе. Наблюдаю ли за танками, самолетами, орудиями на маневрах нашей Красной Армии — да ведь тут же товарищ Орджоникидзе! Куда

бы ни пошел, куда бы ни поехал, откуда бы ни полетел — товарищ Орджоникидзе.

Я разворачиваю газету, одну, другую, третью — товарищ Орджоникидзе. Вот он заставляет снимать с единицы пода печи максимальную плавку. Вот он организует, вот строит, вот он ведет густые шеренги пехотинцев.

Ну, ладно. Я включаю громкоговоритель — чудесно поют. Товарищ Орджоникидзе. Он не только дает черный уголь, въедающуюся нефть, увесистый чугун, он дает и продукты тонкой культуры. Нет, от него никуда не уйдешь, с ним всегда встречаешься, его всегда видишь.

Он выковал громадину тяжелой промышленности. Да ведь это же грандиознейшая задача! Ведь тут нужны специфические, сложнейшие знания, а ведь у него их не было. И меня больше всего поражало, что человек, заваленный громадой дел, оторвавшись, садился учиться. Он приобрел огромные знания, и ему очки не вотрешь.

У него жесткая рука, спуску не даст, но его любят. И удивительно оригинальная манера обращаться с людьми.

Товарищ Орджоникидзе требует не только знаний, дела, работы, но и культуры.

Приходит к нему директор огромного прекрасно работающего завода. Товарищ Орджоникидзе сидит за столом, работает.

Директор осторожно кашлянул: дескать, тут я. Но перед ним все та же широкая спина и наклонившаяся над бумагами черная голова.

Директор потоптался у кресла, опять, только погромче:

— Кхе, кхе!

Не оборачивается. Что тут делать? Осторожно говорит:

— Товарищ Орджоникидзе, вы меня вызывали?

А тот, не оборачиваясь:

— Пойди побрейся.

Директор вылетел, как из предбанника, понесся в парикмахерскую, вернулся, и они в несколько минут порешили все вопросы. С тех пор директор как с иголочки: гладкое приятное лицо, галстук, свежая рубаха.

Встреча с товарищем Орджоникидзе непрерывна, потому что это — прекрасная встреча, потому что это встреча с могучим социалистическим строительством страны.

Октябрь, 1936, № 12, с. 25—26.

Е. М. СОЛОВЕЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О ТОВАРИЩЕ ОРДЖОНИКИДЗЕ

Когда я вспоминаю о прожитых годах, полных работы и борьбы, и в особенности когда я вспоминаю о людях, с которыми сталкивала меня эта борьба за революцию, за социализм, мне всегда приходят на память слова Константина Паустовского: «Воспоминания — это не пожелтевшие письма, не старость, не высохшие цветы и реликвии, а живой, трепещущий, полный поэзии мир».

И сейчас, когда память моя обращена к Григорию Константиновичу Орджоникидзе — товарищу Серго, я погружаюсь в мир живой и трепещущий, в мир, полный поэзии и романтики творческой борьбы, направленной к одной великой цели: сделать жизнь человека подлинно счастливой.

Этой высокой целью была пронизана вся жизнь и деятельность товарища Серго — пламенного трибуна пролетарской революции, человека глубокой идейности и большого сердца, человека исключительной теплоты в отношении к друзьям и страстной нетерпимости и непримиримости к врагам.

С товарищем Серго мне довелось встречаться на разных этапах нашей Великой Октябрьской социалистической революции: и в период ее становления — летом 1917 г., и непосредственно после Октября; и в разгар гражданской войны — осенью 1919 г.; и на путях трудной созидательной работы по превращению нашей, некогда отсталой, страны в великую индустриальную державу.

Каждая встреча с товарищем Серго раскрывала предо мной все новые и новые черты его богатой натуры, удивительно сочетавшей многогранность с цельностью, но только сейчас, мне кажется, я в полной мере могу оценить его как одного из лучших представителей старой ленинской гвардии.

Первые мои встречи с товарищем Серго произошли, как я уже упоминала, летом 1917 г. в Петрограде, где он по поручению партии вел большую работу по мобилизации масс на борьбу за победу социалистической революции. Являясь членом Петербургского комитета большевиков, товарищ Серго в эти месяцы почти ежедневно выступал на митингах и собраниях петроградских рабочих, неся в массы большевистские революционные призывы.

Именно в этот период товарищ Орджоникидзе очень

часто бывал на заседаниях нашего райкома (тогда называвшегося Рождественским, а впоследствии Смольнинским), членом которого состояла и я. Это было бурное время, когда перед большевиками каждый день вставали новые сложные вопросы в борьбе за завоевание широких масс, без чего немыслимо было идти на штурм капитализма. Далеко не всегда мы сразу находили правильное решение вопросов, и здесь на помощь нам приходил товарищ Серго. Он умел очень терпеливо и спокойно разъяснять принципиальные установки Центрального Комитета и Петербургского комитета партии и учил нас, райкомщиков, как нужно эти общие принципы претворять в жизнь в конкретных условиях нашего района.

Новая моя встреча с товарищем Орджоникидзе произошла там же в Петрограде уже после победы социалистической революции. Это было в декабре 1917 г. на общем партийном собрании Рождественского района, где стоял вопрос о непартийном поведении начальника Красной гвардии нашего района Корнилова. Направленный на ликвидацию так называемых винных погромов, спровоцированных контрреволюционной буржуазией, Корнилов сам присоединился к пьяницам, способствуя этим буржуазной клевете о «большевистском разгуле». Райком вынес на общее партийное собрание вопрос о дальнейшем пребывании Корнилова в партии. В качестве представителя Петербургского комитета партии на собрании присутствовал товарищ Орджоникидзе.

Вопрос о партийности Корнилова нельзя было решить просто, с ходу: Корнилов был не «случайный элемент» в партии, это был рабочий-шофер, хороший агитатор и организатор, много сделавший для создания и обучения районного красногвардейского отряда, отряда, мужественно сражавшегося в Октябрьские дни под Гатчиной. Докладывая партсобранию о поведении Корнилова, я выдвинула предложение исключить его из партии, как не оправдавшего высокого звания большевика. Но, выдвигая это предложение, я не была вполне уверена в своей правоте: ведь у Корнилова, как я уже говорила, было немало заслуг. Разделились и мнения выступавших после меня товарищей. Сам Корнилов, выступая на собрании, пытался смягчить свой поступок, смазать его принципиальное значение. Но вот слово было предоставлено товарищу Орджоникидзе, и он разрешил все наши сомнения и колебания.

Говорил товарищ Серго просто, задушевно, как бы беседуя с собранием, но все, что говорил он, было глубоко

принципиально, партийно и политически заострено и предельно ясно. Товарищ Серго прямо и резко поставил вопрос о том, что Корнилов совершил не только серьезный проступок, а преступление против партии и Советской власти. Помню, на нас всех произвела сильное впечатление постановка товарищем Серго вопроса о том, что на нашу молодую власть смотрит весь народ, весь мир, и поэтому она должна быть кристально чистой. О власти в целом — сказал Орджоникидзе — народ судит по поведению каждого человека, к ней причастного, по поведению каждого члена партии. Поэтому Корнилов своим поступком скомпрометировал не только себя, он бросил тень на всю партию, на Советскую власть. И каковы бы ни были заслуги Корнилова, мы не должны, не можем щадить его. Исключив Корнилова из своих рядов, партия пополнится многими преданными членами, которые оценят борьбу партии за чистоту своих рядов, а молодая Советская власть приобретет новых сторонников.

После выступления Орджоникидзе вопрос был поставлен на голосование, и в результате единогласного решения Корнилов был исключен из партии. Дальнейшее его поведение — он скрылся и не пытался вновь заслужить доверие партии — показало, насколько правильно было его исключение. А всем присутствовавшим на этом собрании неизгладимо запали в душу слова Серго о высокой ответственности за свое поведение каждого коммуниста, каждого представителя молодой Советской власти.

Следующая моя встреча с Григорием Константиновичем Орджоникидзе произошла летом 1919 г. в обстановке гражданской войны. Это были месяцы очень серьезного положения на Западном фронте, когда инструктируемая и финансируемая международным империализмом армия белополяков оттеснила части Красной Армии и заняла значительную часть территории Советской Белоруссии.

В июле 1919 г., работая в Витебске, я получила от ЦК партии назначение в Могилев и сообщила об этом своему мужу, работавшему в то время в штабе 16-й армии. В ответ я получила от него сообщение о том, что штаб 16-й армии находится в Могилеве. Таким образом, как это иногда случалось на широких и извилистых дорогах гражданской войны, наши пути на какой-то период скрестились в одной точке. Приближаясь к Могилеву, я надеялась, что муж встретит меня на вокзале, но на платформе, куда мы прибыли в два часа ночи, его не оказалось. Зато совершенно неожиданно для себя я увидела товарища Серго.

Я знала, что с середины июля Орджоникидзе состоял членом Реввоенсовета 16-й армии, но никак не ожидала встретить его в этот поздний час на вокзале. А он направился ко мне с приветливой улыбкой и, крепко пожимая мне руки, сказал:

— Ну, приветствую вас на нашей земле, очень рад, что приехали в Могилев, будем вместе работать.

Изумленная этой встречей, я задала товарищу Серго один за другим два вопроса: что делает он здесь, на вокзале, и не знает ли, где сейчас мой муж, почему-то не встретивший меня.

— Как же не знаю,— засмеялся Серго.— Ваш муж большой мастер разговаривать с крестьянами, и мы направили его за фуражом. А я специально приехал на вокзал встретить вас, чтобы хоть немного загладить свою вину за то, что лишил вас встречи с мужем.

Этот простой, дружеский тон, взятый товарищем Серго, сразу создал такую атмосферу сердечности, товарищеской теплоты и непринужденности, что, усевшись в старомодную могилевскую коляску и трясясь по ухабистой дороге, я сразу почувствовала себя просто и легко.

Когда наконец мы доехали до квартиры, где жил Григорий Константинович, нас встретила, несмотря на поздний час, Зинаида Гавриловна — жена и верный друг товарища Серго. На столе меня ждал ужин — полная тарелка гречневой каши с молоком. Квартира, вернее часть квартиры, в которой я находилась, состояла из трех комнат. Одну из них занимали товарищ Серго и Зинаида Гавриловна, другая выполняла роль столовой, а третья была отведена моему мужу и мне. После того как каша была съедена, Орджоникидзе сказал мне: «Ну, теперь вам пора отдохнуть, вот прямо дверь в вашу комнату». Он проводил меня до двери, широко распахнул ее, я вступила на порог комнаты и... увидела своего мужа, лежавшего в постели. Я в изумлении остановилась, не понимая, что означает эта мистификация. Но все немедленно разъяснил Григорий Константинович. Оказалось, что мой муж несколько дней тому назад действительно ездил за фуражом по окрестным деревням, сильно промок под дождем, простудился и схватил тяжелую ангину. Зная о моем приезде, он, еще не выздоровев, хотел поехать меня встречать. Товарищ Серго взял моего мужа, как он выразился, «под домашний арест», а сам вызвался встретить меня. Вот тут я поняла, с каким чутким, сердечным человеком, с каким замечательным товарищем довелось мне встретиться.

Есть старая поговорка о том, что человека не узнаешь, раньше чем съешь с ним пуд соли. Мне не пришлось поглотить такое количество соли вместе с Орджоникидзе, но каждый день, проведенный мной в общении с ним, лишь подтвердил, конкретизировал то впечатление, которое произвел он на меня во время нашей первой встречи. И никогда, ни в малой доле мне не пришлось испытать какого-либо разочарования.

А общаться с товарищем Орджоникидзе мне приходилось как по работе (по его предложению я была направлена в политотдел 16-й армии по работе с гражданским населением), так и непосредственно в быту. Дело в том, что с моим переездом в Могилев мы организовали «коммуну», в которую вошли Григорий Константинович и Зинаида Гавриловна, члены Реввоенсовета Уншлихт и Соловьев, начальник политотдела Шутко, комиссар штаба армии — мой муж Д. М. Соловей и я,— всего семь человек.

Местом пребывания нашей «коммуны» стала комната, выполнявшая роль столовой. Здесь три раза в день в строго установленные часы собирались за столом члены «коммуны» на завтрак, обед и ужин. Такая регулярность встреч, несмотря на исключительную напряженность и оперативность работы каждого из коммунаров, была возможна потому, что штаб армии размещался рядом с нашей квартирой, а в самой столовой находился полевой телефон... При составлении «меню» я, как «ответственный организатор» питания «коммуны», старалась учитывать вкусы товарищей (в меру наших продовольственных возможностей) и часто испытывала законную гордость при восторгах любителей яблочного пирога или какого-либо другого «деликатеса», неожиданно появлявшегося на нашем столе...

Финансовые средства нашей «коммуны» складывались из заработной платы всех ее членов, которые, получив ее в штабе, тут же приносили ее к нам и складывали деньги в большой глиняный кувшин из-под молока, игравший роль «несгораемой кассы». Если кому-нибудь из «коммунаров» нужны были деньги, он подходил к «кассе» и брал из нее требующуюся сумму. Как только в нашей квартире появлялся кто-либо из приехавших товарищей (а их приезжало немало), одним из первых вопросов Серго был: «Вам деньги нужны? Не стесняйтесь, мы можем их вам дать». И он демонстрировал наш кувшин-кассу.

Здесь, в «коммуне», в товарищеском общении со всей силой проявлялись простота, скромность, теплота и обая-

ние нашего Серго... Он умудрялся и во время коротких встреч за столом вызвать общий смех какой-нибудь безобидной шуткой, поднять настроение у особенно уставшего или озабоченного товарища...

Но вскоре относительно налаженный распорядок жизни нашей «коммуны» был нарушен изменившимся положением на Западном фронте. Технически оснащенная, численно преобладавшая армия противника снова потеснила Красную Армию и поставила под угрозу непосредственно Могилев. Руководством 16-й армии совместно с советским и партийным гражданским руководством был разработан план эвакуации Могилева, и я была назначена, как представитель Реввоенсовета 16-й армии, руководить эвакуацией города. Однако мне не только не пришлось, как это было намечено по плану, последней покинуть Могилев, но наоборот: свалившая меня болезнь (двухсторонний плеврит) обусловила срочную эвакуацию меня в Смоленск, куда был намечен и перевод штаба 16-й армии.

И тут Григорий Константинович еще раз показал свою исключительную чуткость и человечность: он лично позаботился о том, чтобы меня сопровождала медицинская сестра, а кроме того, со мною поехала Зинаида Гавриловна. В смоленской больнице мне было приготовлено уже место (правда, в коридоре, так как больница была переполнена), а как только штаб 16-й армии переехал в Смоленск, товарищ Серго стал часто навещать меня. Несмотря на напряженную, всепоглощающую работу, он находил время не только приехать в больницу, но и позаботиться о моем питании. С продовольствием было очень не густо, и белый хлеб, который привозил мне Орджоникидзе, являлся большим подкреплением в моем рационе, а бутылка вина, привезенная им по совету врачей, помню, вызвала у меня даже слезы. Товарищ Серго понял мою безмолвную благодарность, ласково улыбался и повторял: «Не надо волноваться, это чтобы вы скорее выздоровели».

Такое внимание, проявленное в отношении меня со стороны товарища Серго, не являлось исключением: не было среди окружавших его товарищей ни одного, кто был бы обойден теплым, чутким отношением Григория Константиновича.

Но вскоре Г. К. Орджоникидзе покинул Западный фронт, так как был направлен Центральным Комитетом партии для организации разгрома Деникина...

Печатается впервые.

II

Те, кто лично знал Серго,
никогда не забудут его чудесную улыбку,
его открытый взгляд,
умение подходить к людям,
его неистощимую энергию, энтузиазм
и пламенную веру в победу социализма,
его беспощадную ненависть к врагам...

А. Г. Стаханов

Б. Е. ВЕДЕНЕЕВ

УЧИТЬСЯ, ВСЕГДА УЧИТЬСЯ

Вступление товарища Серго Орджоникидзе в руководство ВСНХ, а затем вновь образованным Наркоматом тяжелой промышленности застало меня на Днепрострое. Там, на Днепре, и состоялись мои первые встречи с товарищем Серго. Я не имею, к сожалению, привычки вести дневник или записывать наиболее яркие события моей жизни, о чем мне приходится сейчас очень сожалеть...

Я хочу вкратце охарактеризовать те неизменные и повторяющиеся впечатления, которые в результате всех индивидуальных и коллективных встреч с товарищем Серго глубоко врезались в мою память и сделали меня одним из многочисленных и неизменных его поклонников.

Каковы же эти впечатления?

Прежде всего справедливое отношение товарища Серго к своим сотрудникам, несмотря на его горячность. Это чрезвычайно редкое сочетание справедливости и горячности производит неизгладимое впечатление при каждой встрече с ним. В результате этого неизменного впечатления мы, его сотрудники, твердо знаем, что не потеряем доверия наркома до тех пор, пока будем добросовестно выполнять порученное каждому из нас дело, любить это дело, будем энтузиастами этого дела. Если так, то отдельные промахи и ошибки, происшедшие от недооценки или недопонимания тех или других обстоятельств, если они не повторяются слишком часто, не лишат доверия наркома. Товарищ Серго не только справедлив, но и требователен. Нельзя ошибаться слишком часто, дело этого не терпит, и если работник НКТП не учится на своих ошибках, он потеряет доверие наркома. Учиться, всегда учиться — вот директива, которую мы очень часто получаем при встречах с товарищем Серго.

Нарком не терпит технического консерватизма, робкого подхода к решению той или другой задачи. Нужна сме-

лость в решении поставленной задачи, но одновременно совершенно обязательно полное знание дела. Если эти условия соблюдены, то поддержка товарища Серго обеспечена и успех в решении задачи будет обязательно использован для подтягивания отстающих.

Подтягивание отстающих на конкретных примерах хорошей и отличной работы отдельных звеньев громадного наркомата — это одна из характернейших черт руководства товарища Серго, которую мы ежедневно чувствуем, даже тогда, когда не встречаемся с наркомом. Блестящие результаты этого метода всем известны, и на них не приходится останавливаться.

Вышеуказанные неизменные и повторяющиеся впечатления от встреч с Серго характеризуют, однако, нашего наркома не полностью даже в отношениях к своим соратникам и сотрудникам.

Как минимум, надо добавить его заботу о людях, его отзывчивое отношение к их нуждам, их защиту при разного рода неприятностях, а также его поразительное знание людей, с которыми он работает. Мое впечатление от встреч с товарищем Серго таково, что он во многих случаях знает людей на производстве, на боевых участках тяжелой промышленности не хуже, если не лучше, чем непосредственные руководители этих участков. Как в этом последнем отношении, так и вообще в искусстве руководства наш нарком является живым примером для всех нас, работников НКТП. Он не только руководит нами, но одновременно и учит нас руководству.

Всего вышесказанного вполне достаточно, чтобы объяснить то, о чем я уже сказал раньше, а именно, что я являюсь одним из многочисленных и неизменных поклонников товарища Серго.

Печатается впервые.

А. П. ЗАВЕНЯГИН

УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ, КАК СЕРГО

Когда товарищ Серго в конце 1930 г. был назначен председателем ВСНХ, он не стал терять времени. Уже через несколько дней он перевернул в ВСНХ все вверх дном. Через какую-нибудь декаду была разработана и проведена в жизнь новая структура аппарата, сделавшая его более оперативным.

Придя в ВСНХ, Серго показал пример критического отношения к многолетним традициям, пример большевистской ликвидации бюрократических рогаток. Он сразу же развенчал напускную «мудрость» некоторых бывших лидеров троцкизма, которые, работая в аппарате ВСНХ, выдавали себя за незаменимых спецов и магов по части организации промышленности.

Серго всегда считал, что аппарат должен быть немногочисленным и как можно более квалифицированным. Когда кто-либо из нас пытался убедить его в необходимости увеличить штат или организовать новые сектора и группы, он решительно гнал нас с этими предложениями и говорил: «Скажи еще спасибо, что у тебя это есть, а то завтра тебе и этого не оставлю!»

Вопреки практике предыдущих лет, когда периферия обескровливалась и лучшие люди сосредоточивались в центральном аппарате, Серго главное внимание всегда уделял подбору местных работников промышленности, и прежде всего подбору крепких директоров. Он всегда считал, что заводы должны как можно больше непосредственно связываться друг с другом и вопросы взаимной помощи, снабжения и т. д. решать самостоятельно, а не обязательно через центральный аппарат. Поэтому он часто отклонял наши предложения о создании того или иного центрального органа, имеющего задачу обслуживать предприятия. Он считал, что на деле этот центральный орган может оказаться средостением между заводами, помехой в работе.

Взять быка за рога, поставить вопрос в упор, а затем со всей энергией навалиться на выполнение принятого решения — таков стиль работы Серго.

В этом отношении чрезвычайно показательны его записки в ЦК по вопросам промышленности. Я не знаю такого случая, чтобы записка, поданная Серго для подписи, была оставлена им без переделки. По большей части от всякой такой записки остаются «рожки да ножки». Серго заставляет ее переделывать несколько раз. Я не раз наблюдал весьма почтенных наших хозяйственников, даже наших большевиков профессоров, которые, казалось бы, собаку съели в своей области, но сидели в соседней с кабинетом наркома комнате и часами пыхтели и потели над тем, чтобы сделать записку какой следует.

Серго требует, чтобы вопрос был поставлен сразу во всей полноте, в чрезвычайно сжатой форме, без дальних подходов и ничего не говорящих ссылок и обоснований. Он

требует, чтобы факты, приводимые в записке, были абсолютно точны.

Наш нарком никогда не разбрасывается. Он, как редко кто, умеет сосредоточиться на главном. Всегда по-ленински выделяет он основное звено. Неутомимо день за днем стягивает он сюда все новые и новые силы, бросает огромные материальные ресурсы, поворачивает сюда лицом все отрасли промышленности и завоевывает успех. В конце концов он в таком порядке перестраивает одну отрасль за другой и обеспечивает согласованное, быстрое продвижение вперед всей тяжелой промышленности.

Чтобы везти такой огромный воз практической работы, как тяжелая промышленность, надо обладать не только способностями Серго, но вдобавок и его трудолюбием. Мое знакомство с Серго началось с того, что я был принят им в двенадцатом часу, а ушел от него во втором часу ночи, после того, как он вынужден был покинуть свой кабинет под настойчивым нажимом из дома.

Работа — стихия нашего наркома. У него нет никакой другой жизни, кроме как на работе.

* * *

Каждого, кто обращается к Серго, кому приходится с ним работать, поражает его удивительная простота. Однако было бы большой ошибкой думать, что Серго — добренький дядюшка, готовый быть любезным без разбора со всяким. Это — человек с железной рукой, со стальной волей. Он умеет горячо поддержать добросовестного человека, а также примерно вздуть, сурово наказать прохвоста.

Серго чрезвычайно общителен. Если он на минуту остается один, то сейчас же начинает вызывать к себе то одного, то другого, то третьего и немедленно снова оказывается окруженным людьми. Даже когда болен и лежит в постели, он вызывает к себе людей.

Замечательным в характере Серго является его гостеприимство. Возвращаясь с работы, он редко когда не привезет к себе домой одного-двух, а иногда и больше своих работников, чтобы в их кругу пообедать и попутно обсудить какое-нибудь дело или кого-либо выслушать. К сожалению, наш брат — работники тяжелой промышленности — подчас злоупотребляет этой чертой характера наркома. Недаром жена товарища Серго, Зинаида Гавриловна, иногда сердито ругает нас за то, что мы отнимаем у него короткие часы отдыха.

Серго очень доступен. Уже в первые дни после прихода его в ВСНХ работники промышленности были приятно удивлены, что он долгие часы уделяет приему посетителей. Говорили, что он принимает почти всех, кто к нему обращается, принимает десятки и сотни людей. Думали, что такой порядок установлен только на первые дни, пока новый председатель ВСНХ хочет поближе узнать новые кадры, с которыми ему придется работать. В дальнейшем оказалось, что это у Серго нормальный порядок. У него исключительная способность составить себе представление о деле не по бумажкам, а из живой беседы с живым человеком. У него замечательная память на людей. Человека, которого он один раз видел, он помнит долгие годы. Причем помнит много деталей разговора, обстановки, в которой разговор происходил, и характерные черты собеседника. Эта память на людей позволила Серго создать себе исключительно обширные личные связи с работниками промышленности.

Среди корреспонденций Серго большую долю составляют личные письма рабочих, инженеров, партийных работников, товарищей и сотрудников по прежней работе, жен рабочих, жен инженеров, комсомольцев, детей. Нередко слышишь от нашего рабочего: «Я напишу Серго». Каждый чувствует, что у него есть эта возможность, и знает, что к нему отнесутся со вниманием...

Командные кадры промышленности у Серго на первом плане. Это — предмет его постоянной заботы, предмет глубокого изучения, отеческого внимания. У него свои требования к людям, которых он в соответствии с этими требованиями подбирает или перековывает и обучает. Он любит энергичных людей, вкладывающих в дело всю свою душу, и, наоборот, не терпит равнодушных, ленивых, инертных.

Мямля — самое ругательное слово в его обиходе. Мямля — это безнадежный человек. Работник, которого каждый, кому не лень, обидит и проведет за нос, которого везде затрут,— это для наркома последний человек.

«Вот безрукий человек!» — безнадежно скажет Серго в таком случае.

Серго терпеть не может дилетантов, любящих болтать о том, о сем с ученым видом знатока, а на поверку по-серьезному ничего не понимающих в своей области. Наоборот, он с глубоким уважением относится к действительным знатокам своего дела, которые, не в пример дилетантам, обычно

скромны и не претендуют на видное положение. Нарком всегда замечает их, выдвигает и ставит в пример.

Быть скромным работником — не значит быть мокрой курицей. Своим работникам Серго всегда прививает чувство известного достоинства, чувство уважения к положению, на которое их партия поставила. Держаться с достоинством, но в то же время с большевистской скромностью!

Нарком прекрасно знает, что делается на местах, он лично знаком с несметным количеством своих командиров, которых он подбирал и воспитал. Поэтому он чужд голого администрирования. Он никогда не подпишет распоряжения, если не уверен, что его можно выполнить. Он предварительно запросит, может ли человек это сделать, или проверит другим путем — и лишь после этого даст распоряжение.

Люди работают у Серго, что называется, не за страх, а за совесть. Зато никто так не умеет и помочь своим местным работникам, как наш нарком. Он всегда относится с доверием к своим работникам. Но кто раз обманул это доверие, тому крайне трудно завоевать его вновь.

Самое главное требование, которое Серго предъявляет хозяйственникам,— это чтобы они были хорошими партийцами. Об этом он всегда говорит с большой силой.

За индустриализацию, 1936, 28 октября.

А. В. ЗИСКИНД

ТАЛАНТЛИВЫЙ ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Каждый, кто имел счастье работать вместе с Г. К. Орджоникидзе (с товарищем Серго, как мы его называли), под его непосредственным руководством, на всю жизнь запечатлел в своей памяти неповторимый образ этого замечательного человека — большевика с пламенным сердцем и острым умом, изумительного организатора и руководителя. Это был человек, умевший сплачивать людей и вдохновлять их на большие и нередко героические дела.

Таким я помню Серго Орджоникидзе с ноября 1930 г., когда решением ЦК партии и ЦИК СССР он был назначен председателем Высшего совета народного хозяйства

(ВСНХ), заменив на этом посту В. В. Куйбышева, назначенного председателем Госплана СССР.

По двум направлениям шла тогда работа ВСНХ: одно из них — разработка планов социалистической индустрии, второе — непосредственное руководство всей тяжелой промышленностью.

В стране, где большая часть трудовой производственной энергии народа была тогда сосредоточена в сельском хозяйстве и значительно меньшая — в промышленности, к тому же разрушенной двумя войнами — империалистической и гражданской,— в этой стране надо было произвести коренной социально-экономический переворот: превратить нашу страну из аграрной в мощную, высокоразвитую индустриальную державу. Надо было создать в стране новую промышленность, новые заводы и фабрики, построенные на основе самой современной, передовой техники. И сделать это необходимо было без посторонней помощи (ждать ее от окружавшего нас враждебного капиталистического мира не приходилось) и, что самое трудное, в максимально короткий исторический срок.

Но у новой России было немало преимуществ перед всем остальным миром: она была Советской социалистической страной, то есть страной с самым передовым социальным и политическим строем, страной, действительным хозяином которой был сам народ. И это была та сила, которая обеспечила молодому Советскому государству возможность осуществить невиданную ранее по масштабам программу социалистических преобразований в отсталой стране.

С чего началось то хозяйственное строительство, которое преобразовало старую Россию из нищей и убогой в обильную, богатую и могучую современную мировую социалистическую державу?

Известно, что В. И. Ленин еще в начале перехода к мирному строительству мечтал о 100 тысячах тракторов для сельского хозяйства. Сейчас предстояло в кратчайшие сроки эту мечту реализовать. Когда в начале тридцатых годов встал вопрос о строительстве тракторных заводов, в ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия во главе с Г. К. Орджоникидзе для определения типа нужной машины. СССР не мог ориентироваться на Запад в этом вопросе, потому что наши колхозные поля резко отличались по своим масштабам от размеров полей фермеров капиталистических стран. Нам нужен был другой тип трактора. До тех пор наша страна совершенно не производила

своих тракторов, а ввозила их в небольшом количестве из-за границы.

Так же было и в других отраслях нашей промышленности: необходимо было подготовить и установить в короткие сроки, что, собственно, нам надо производить, какие нужны для этого заводы, каких мощностей и т. п. Все эти задачи партия решала, опираясь на старые и вновь создаваемые научно-исследовательские институты, привлекая в качестве консультантов научных работников, опытных старых специалистов и рабочих. На основе принятых решений наши молодые проектные институты разрабатывали техническую документацию, стремясь использовать новейшую отечественную и заграничную технику и передовые технологические процессы.

Вспоминаю первое совещание под председательством Г. К. Орджоникидзе после его прихода в ВСНХ. Я работал тогда в Научно-техническом управлении (НТУ) ВСНХ. Григорий Константинович поручил нашему управлению подготовить это совещание, пригласить специалистов — геологов и металлургов.

Почему он начал с вопроса о разведке недр? Восстановленные к тому времени металлургические заводы Донбасса не могли удовлетворить огромные, непрерывно растущие потребности страны в металле. А металлургия Урала давала очень мало металла, работая на маленьких старых домнах, на древесноугольном топливе.

Первый пятилетний план наметил строительство ряда новых крупных и совершенных заводов черной и цветной металлургии на Украине, Урале и в Сибири. Для них-то и необходимо было создать мощную современную рудную и топливную (кокс) базу на Украине, Урале, в Сибири и Казахстане. В то же время страна приступала к реконструкции ряда старых металлургических заводов «Югостали» в Донбассе.

Между молодыми инженерами и их старшими товарищами тогда развернулась дискуссия: стоит ли модернизировать старые заводы, если строятся новые? Орджоникидзе вмешался в эту дискуссию. Он разъяснил, что, пока новые заводы дадут продукцию, страну металлом должны снабжать старые заводы. Поэтому реконструкция их необходима и неизбежна.

Конечно, не все старые заводы подлежали модернизации. Нечего было и думать о коренной модернизации металлургических заводов Прикамья. Там в старых небольших печах выплавлялось в малом количестве, правда пре-

красное, мягкое, железо на дорогом древесноугольном топливе. На выпуск 150 тонн железа необходимо было сжечь 1100 кубических метров дров! Интересно, что эти заводы просуществовали до Великой Отечественной войны и были отлично использованы для военных целей. Волшебники, работавшие на этих печах, давали такое железо, которое заменило медь для патронов и шло на другие оборонные цели.

Прав был Серго, когда наряду с новым отстаивал кое-что наиболее ценное из старого производственного наследия.

На первое после прихода Г. К. Орджоникидзе совещание в ВСНХ были приглашены крупнейшие ученые нашей страны: академики А. П. Карпинский (тогда президент Академии наук СССР), А. Д. Архангельский, А. А. Байков, И. М. Губкин, М. А. Павлов, А. Е. Ферсман, профессор Н. М. Федоровский, а из способной выдвинувшейся молодежи — И. Тевосян, В. Емельянов и другие из тогдашней Горной академии. Перед совещанием Серго поставил следующие основные вопросы:

Что уже разведано в наших недрах настолько надежно, чтобы сразу можно было начать строить рудники и шахты?

Что еще и где нужно срочно разведать, куда сейчас бросить ударные отряды геологов?

Какая нам нужна металлургия, какими по мощности должны быть новые домны, мартены, прокатные станы, коксовые батареи, где их географически размещать?

Был намечен большой план. Основные районы строительства заводов — Кривой Рог, Керчь, Урал, Сибирь, Казахстан (Караганда), Грузия (чиатурский марганец) и Армения (медь) — нанесены на карту и вместе с экономическими расчетами представлены в ЦК партии. Здесь этот план был одобрен и стал руководством к действию.

Г. К. Орджоникидзе тщательно изучал вопросы металлургии, был частым гостем на металлургических заводах, знал людей, занятых в этой отрасли, и ее нужды. Он мог по памяти назвать десятки имен и фамилий доменщиков, сталеваров, вальцовщиков, отличившихся на производстве, показавших образцы высокой производительности труда.

Григорий Константинович всегда считал, что для руководителя очень важно знать людей, непосредственно создающих нашу индустрию, использующих богатства недр нашей страны.

Вспоминаю его небольшую статью в «Правде» в связи с изготовлением первого блюминга на Ижорском заводе в Ленинграде. Сам факт, что мы уже в состоянии создавать такие агрегаты, как гигантские обжимные станы (блюминги), показывал высокий уровень наших достижений. Об этом и написал Орджоникидзе в «Правду», и вся страна узнала имена конструкторов и изготовителей этого сложного прокатного механизма.

Непосредственно за топливом и металлургией и наряду с ними Серго взялся за создание химической промышленности, которой в нашей стране практически тогда почти не было. Многочисленные отрасли химии нужно было создавать заново, одну за другой: производство кислот и солей, удобрений, органических красителей и реактивов, пластмасс и медикаментов, синтетического каучука и др. К этой огромной работе Серго привлек крупнейших специалистов нашей страны — академиков, профессоров и талантливую молодежь. Наряду со специалистами привлекались и старые, опытные рабочие.

Особенно хочется отметить и подчеркнуть исключительное внимание Г. К. Орджоникидзе ко всему новому, прогрессивному на производстве, к науке, к тому новому, что предлагали наши изобретатели и рационализаторы.

На металлургическом заводе имени Ильича в Мариуполе (ныне город Жданов) мастер мартена Макар Мазай сотворил техническое чудо: на обычном, средней мощности мартене, на котором снимали по четыре тонны стали с одного квадратного метра пода печи, Мазай сварил 15 тонн качественной стали. Таких съемов стали на таких печах не знали и в США. Это послужило для Г. К. Орджоникидзе поводом сообщить в телеграмме, разосланной по всем металлургическим заводам, об успехе замечательного сталевара Макара Мазая. В телеграмме Серго указывал, что отныне разговоры могут быть не о технических возможностях получения такого съема, а о подготовленности и организованности людей.

И Серго повторял: мы строим социализм, мы решим наши задачи, ориентируясь не на существующие нормы, а преодолевая их, непрестанно учась новому, овладевая тайнами технологии и широко распространяя опыт передовых, лучших сынов нашей советской земли, лучший опыт зарубежных предприятий.

Большое внимание Г. К. Орджоникидзе уделял развитию науки и укреплению ее связей с индустрией. Как организовать научно-исследовательскую базу нашей страны

и обеспечить огромные и все растущие запросы строительства и производства? Этот вопрос постоянно вставал перед строителями индустрии, требовал ответа от ее руководителей.

По инициативе Г. К. Орджоникидзе Научно-техническое управление ВСНХ созвало ведущих научных работников страны из академий, институтов, промышленности, заводских лабораторий и втузов на Всесоюзное совещание. Проходило оно в 1931 г. в Москве в Колонном зале Дома союзов и привлекло огромное внимание всей научной и технической общественности. Итоги и рекомендации этого всесоюзного форума ученых тщательно изучались Григорием Константиновичем, и на их основе были приняты важнейшие решения.

Главный вопрос ставился так: как теснее связать научную работу с запросами промышленности и нуждами производства? Была принята организационная структура научно-исследовательской работы в промышленности. Непосредственно Наркомтяжпрому в лице его научно-исследовательского сектора подчинялись так называемые головные институты, разрабатывающие основные теоретические и крупные технические и конструкторские проблемы. Все остальные институты передавались в подчинение главным управлениям и трестам по соответствующим отраслям (отраслевые институты). Третьим звеном были заводские лаборатории.

Одновременно с Всесоюзным совещанием проходило совещание молодых физиков. С целью приближения науки к производству решено было использовать Ленинградский физико-технический институт, во главе которого стоял крупнейший ученый, академик А. Ф. Иоффе. На базе этого института было создано несколько научно-исследовательских институтов, в том числе Институт химической физики во главе с академиком Н. Н. Семеновым, Институт электрофизики во главе с профессором Чернышевым и Институт физической акустики, руководимый профессором Н. Н. Андреевым.

Широкая сеть новых научно-исследовательских институтов была размещена не только в Ленинграде и Москве, но и в других промышленных центрах страны — Харькове, Свердловске, Днепропетровске, Томске, Киеве. В этих институтах развернулись таланты молодых ученых, ставших впоследствии академиками, лауреатами Ленинской, Государственной и Нобелевской премий, таких, как И. В. Курчатов, Л. Д. Ландау, Я. И. Френкель, Ю. Б. Ха-

ритон, К. И. Кикоин, Д. В. Скобельцын, Г. В. Курдюмов, Я. Б. Зельдович и многие другие.

По инициативе и с одобрения Г. К. Орджоникидзе для работы в промышленности, во втузовские и университетские лаборатории привлекались крупнейшие ученые страны. Он с большим вниманием и заботой относился к людям науки, научным учреждениям и техническим организациям, старался не отказывать институтам ни в средствах, ни в стройматериалах, ни в оборудовании и валюте для приобретения научных приборов, прекрасно понимая, что каждый рубль, вложенный в научные учреждения, окупится сторицей.

Г. К. Орджоникидзе лично знал очень многих научных работников, знал, над чем они работают, добивался скорейшего завершения работ, их опытной проверки и заботился о внедрении их выводов и предложений в производство. Он часто приглашал к себе ученых, советовался с ними, подсказывал интересные темы, вытекавшие из нужд производства, радовался каждому успешному решению. Все это он делал с большой настойчивостью, сочетавшейся с большой доброжелательностью к людям.

Создание советской авиапромышленности было тесно связано с работой ЦАГИ, возникшего еще в 1918 г. Теоретическая работа ЦАГИ, руководимая нашими выдающимися учеными и инженерами С. А. Чаплыгиным, А. И. Некрасовым, Б. Н. Юрьевым, В. П. Ветчинкиным, А. Н. Туполевым и замечательными конструкторами А. А. Архангельским, В. М. Петляковым, П. О. Сухим, привлекала к себе пристальное внимание Г. К. Орджоникидзе.

Всех этих людей Серго часто приглашал к себе для обсуждения новых авиационных идей, новых конструкций и результатов испытаний новых самолетов, выпускаемых нашими молодыми заводами. Он лично посещал эти заводы и аэродромы, следил за успехами как наших заводов, так и зарубежных авиационных фирм.

Г. К. Орджоникидзе придавал большое значение архитектурному оформлению сооружаемых Наркоматом тяжелой промышленности предприятий, а также других сооружений, возводимых по его заданиям. Были привлечены виднейшие представители архитектуры нашей страны — братья Веснины, Гинзбург, Орлов, Иофан, Кузнецов и другие. По указанию Серго организовывались конкурсы, соревнования. Так, два санатория для работников тяжелой промышленности — в Сочи и Кисловодске — построены по проектам архитекторов, различных по стилю и направле-

нию: в Сочи — по проекту Кузнецова, в классическом стиле, в Кисловодске — по проекту Гинзбурга, в современном урбанистическом стиле, но оба — на высшем уровне, с установкой лучшего современного медицинского оборудования и максимальными удобствами для лечащихся.

Когда возникал вопрос о приглашении к нам крупнейшего французского архитектора Корбюзье, а также других видных западноевропейских зодчих, Серго охотно давал свое согласие.

Г. К. Орджоникидзе считал, что каждому работнику промышленности, который вносит что-то новое, что может способствовать улучшению работы,— изобретатель он или рационализатор,— такому новатору нужно всемерно помочь осуществить его творческий замысел.

Когда мы, работники научно-технического сектора, поставили перед ним вопрос о том, что из окончивших втузы очень мало людей выделяется для НТУ ВСНХ, что никто не готовит молодежь для научно-исследовательской работы, было принято решение создать так называемую рабочую аспирантуру. Это был очень смелый эксперимент: с одной стороны, рабочего — изобретателя, рационализатора пригласить в научно-исследовательский институт, создать ему необходимые условия для серьезной учебы и, с другой стороны, чтобы свои изобретательские идеи он решал в стенах научно-исследовательского учреждения, в окружении и с помощью ученых-специалистов, инженеров. Можно назвать немало людей, прошедших подготовку по этому способу и сейчас занимающих почетное место среди наших научных и технических работников.

Умение слушать знающих людей, учиться у них, выбирать наилучшие решения — характерная черта Серго как политического руководителя и организатора социалистического производства.

Сколько внимания он уделял военным изобретателям, например В. Г. Шпитальному, Ф. Н. Токареву, В. А. Дележалю и другим, выяснял их нужды и немедленно принимал меры к их удовлетворению, созданию необходимых условий для их плодотворной работы.

Очень остро стоял тогда вопрос с подпиской на иностранную научно-техническую литературу. За нее приходилось платить валютой. Валюту надо было экономить, и отбор журналов был очень строг. Ученые пожаловались Г. К. Орджоникидзе, тогда уже наркому тяжелой промышленности, указывая, что трудно работать при «голодном пайке» на иностранные журналы, а также литературные

технические новинки. Нарком нашел эти жалобы основательными и принял меры к отпуску нужной валюты и обеспечению аккуратного поступления в научно-исследовательские институты и Центральную техническую библиотеку Наркомтяжпрома зарубежных журналов и другой научной и технической литературы.

Новое промышленное строительство развивалось бурно. Встал вопрос о механизации строительных работ, об оснащении их механизмами, избавляющими человека от непосильного физического труда и в то же время ускоряющими ход работ и сокращающими потребность в рабочей силе. В первую очередь это подъемные машины, копры, тягачи, грузовики, бульдозеры, бетономешалки и т. п. Надо было переходить от импорта этого строительного оборудования к массовому его производству на отечественных заводах.

Параллельно с этим создавалась передовая промышленность строительных материалов — цементные и стекольные заводы, карьерные хозяйства и т. д.

Во всей этой работе приходилось преодолевать большие трудности. А со строительных площадок, раскинувшихся по всей стране, только и слышно было: «Давай, давай...»

Надо было обладать крепкой волей и ясным пониманием перспектив, чтобы спокойно работать в такой напряженной обстановке. Первой заботой Серго в эту пору строительной горячки было создать образцовые квалифицированные кадры руководителей строек, проектных организаций, директоров заводов и т. д.

И Серго сумел подобрать замечательных помощников, на которых он мог положиться. Назову хотя бы некоторые имена (их тогда знала вся страна): Я. Гугель — строитель Магнитки, С. Франкфурт — строитель Кузнецкого комбината, Я. Весник — руководитель строительства Криворожского металлургического завода, Л. Сафразян — руководитель строительства Горьковского автозавода, А. Прокофьев — Московского автозавода, П. Свистун — Харьковского тракторного, В. Иванов — Сталинградского тракторного и многие другие. Это были тогда наиболее популярные строители, талантливые организаторы хозяйственного строительства.

Эти люди были настоящими помощниками и верными друзьями командарма тяжелой индустрии, разделявшими с ним всю тяжесть ответственности за успехи нашего строительства, за неслыханные темпы технического прогресса, за то, что наша страна успела за 10—15 лет навер-

стать то, в чем она отставала от экономически развитых капиталистических стран на целых 50—100 лет.

Разве не чудом было за один 1935 г. увеличить выпуск вагонов с 26 тысяч до 80 тысяч! Это чудо было совершено под руководством Г. К. Орджоникидзе, который видел, что транспорт грозил сорвать все наши успехи в других отраслях народного хозяйства. «Вагонное чудо» произошло без создания новых вагоностроительных заводов, а исключительно путем рационализации работы старых предприятий — Путиловского, Брянского и ряда других. Его совершили советские рабочие и инженеры. Это были люди тридцатых годов — советские люди, умевшие преодолевать любые трудности. Немало таких чудес совершал в те годы рабочий класс Советского Союза. Немало подлинного героизма проявляла тогда в цехах и на стройках пятилетки наша молодежь и ее авангард — комсомол.

И тут нельзя не вспомнить крепкой дружбы, которая завязалась между Серго как организатором и руководителем строительства в стране предприятий тяжелой промышленности и комсомольскими организациями. По всем вопросам подготовки кадров, выдвижения молодых специалистов, обучения, освоения новых производств Серго всегда советовался с руководителями комсомола. Тогдашний секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев и другие вожаки комсомола были частыми гостями в кабинете наркома. Он приглашал их с собой в поездки и особенно остро ставил перед ними вопросы производственного обучения, подготовки квалифицированных кадров.

И комсомольская молодежь отвечала Серго взаимностью. Любовно и торжественно встречала она его, когда он появлялся на заводах и стройках. Тысячи комсомольских бригад избирали Г. К. Орджоникидзе своим почетным членом и старались выполнять за него норму и перевыполнять ее. Нарком знал комсомольских вожаков на всех ведущих строительных объектах, чутко прислушивался к их запросам, интересовался их нуждами, бытовыми условиями их жизни, заботился об удовлетворении культурных и материальных потребностей молодежи.

Серго смело выдвигал комсомольцев на весьма серьезные и ответственные посты. Заместителем начальника Главэнерго, например, он назначил комсомольца Игната. Назначив молодого специалиста Георгия Гвахария директором крупнейшего Макеевского металлургического завода, он одновременно призвал на руководящие посты в строительстве и эксплуатации этого завода комсомоль-

цев — инженеров и техников, проявивших себя на других участках работы.

Очень серьезно стоял вопрос с укомплектованием новых заводов квалифицированными рабочими. Приехал Орджоникидзе на Горьковский автомобильный завод. Был уже пусковой период в жизни завода. Серго заходит в механосборочный цех. Там стоят сотни импортных и отечественных станков. Кому доверить эти агрегаты, кого поставить на них работать? Где набрать такое количество квалифицированных рабочих? А таких рабочих требовали и другие вступавшие в строй автомобильные и тракторные заводы. Естественно, что заводское руководство растерялось. Нарком не побоялся обратиться ко вчерашним строителям, демобилизованным красноармейцам, как к источнику кадров, поставить лучших из них за технически совершенные станки и одновременно организовать их обучение и постепенное повышение их квалификации. А учителями были старые, опытные рабочие, переведенные на новые заводы со старых — с Сормовского, Путиловского, Ижорского, Краматорского, Брянского и др., имевших великолепные квалифицированные рабочие кадры.

Для подготовки среднего командного состава на производстве создавались новые техникумы и курсы.

Для подготовки хозяйственных работников и повышения их квалификации при втузах были созданы факультеты общественных наук, промакадемии, готовившие красных директоров.

Господствовавший в начале второй пятилетки лозунг «Техника в период реконструкции решает все» к концу пятилетки сменился лозунгом «Кадры, овладевшие техникой, в период реконструкции решают все». Много внимания тогда уделяли тому, чтобы наши учебные заведения были настоящими кузницами отлично обученных кадров.

В подготовке квалифицированных технических кадров из нашей способной молодежи, окончившей вузы, Серго принимал лично горячее участие. Вот один характерный пример. И. Ф. Тевосян, окончив Московскую горную академию в 1927 г., был направлен на завод «Электросталь» помощником мастера. Отсюда Г. К. Орджоникидзе направил его с группой молодых инженеров на передовые металлургические заводы Германии. Вернулся Тевосян на «Электросталь» опытным металлургом, был назначен начальником цеха, затем главным инженером, управляющим объединением «Спецсталь» и, наконец, министром черной металлургии. Впоследствии И. Ф. Тевосян был назначен

заместителем Председателя Совета Министров СССР. Сложный путь от рядового работника до видного хозяйственного деятеля и ученого прошел и В. Емельянов — ныне член-корреспондент Академии наук СССР.

Нельзя здесь не вспомнить об отношении Г. К. Орджоникидзе к возникшему во второй пятилетке стахановскому движению. Начавшись в угольной промышленности, оно быстро распространилось во всех отраслях народного хозяйства. Г. К. Орджоникидзе сразу оценил рекорд А. Г. Стаханова как результат нового метода подготовки и организации производства, как поход против устаревших норм выработки, как новый этап борьбы за высокую производительность труда. Серго Орджоникидзе любовно следил за развитием стахановского движения и помог кузнецу Александру Бусыгину на Горьковском автозаводе, токарю Ивану Гудову на Московском станкостроительном заводе и многим другим передовым рабочим во всех отраслях нашего производства, перешедшим на новые методы работы. Люди, смело ломавшие старые нормы и прокладывавшие путь к новому, пользовались особым вниманием и заботой наркома тяжелой промышленности.

Большевистский дух дерзания вселял во всех нас пламенный революционер и талантливый организатор социалистического строительства Г. К. Орджоникидзе. Он отдавал людям все свои силы, всю свою любовь и неуемную энергию.

Были индустриальные. М., 1970, с. 6—18.

С. С. ДЬЯКОНОВ

ВСТРЕЧИ

Вспоминаются пусковые дни Сталинградского тракторного завода имени Дзержинского. Это было летом 1931 г. Вся страна следила за первыми шагами первенца тракторостроения.

Помню, как дважды в день я был обязан связываться с СТЗ и информировать Серго о ходе работы завода.

Некоторые малодушные работники СТЗ создали «обоснованную» теорию предельной мощности завода по выпуску 80 моторов в две смены. Товарищ Серго начал беспощадно громить эту вредную «теорию». Одновременно он поотечески, с большой сердечностью переубеждал колеблю-

щихся, ободрял руководителей, зажигал веру в рядовых работниках.

«Теория» предела мощности СТЗ под напором Серго и увлеченного им на борьбу коллектива была опрокинута в несколько месяцев, и СТЗ стал выпускать 120, а затем и 140 тракторов в сутки.

С исключительной теплотой, нежностью, заботой и чуткостью относится Серго к тем, кто работает честно, преданно. Занятый важнейшими государственными делами, товарищ Орджоникидзе умеет поддержать человека в нужную минуту, ободрить его, вдохновить на дальнейшую работу.

Когда в очень тяжелых условиях коллектив Горьковского автозавода добился первых, совсем ничтожных, но непрерывно нараставших успехов, товарищ Серго ободрил нас, помог нам материально и морально. В конце июля 1932 г. мы получили телеграмму Серго: он поздравлял нас с нормальным выпуском 30 автомобилей в день. В том же 1932 г. завод начал выпускать 60 грузовых автомобилей в день. И вот мы снова получили приветственную телеграмму Серго.

На всех этапах строительства и освоения автозавода Серго помогал нам, исправлял ошибки, давал ключ к решению задач.

Обремененный огромной работой, наш нарком, каждая минута которого рассчитана, умеет находить время и для того, чтобы озаботиться присылкой из Москвы специалиста на завод к заболевшему директору или инженеру, узнавать диагноз болезни, создавать такую обстановку, которая обеспечила бы быстрейшее выздоровление.

Летом этого года на заводе произошел несчастный случай, и я был ранен в голову. Товарищ Серго не только направил из Москвы в Горький врачей-специалистов для меня, но регулярно, через день-два, вызывал к аппарату жену и подробно расспрашивал ее о состоянии моего здоровья. Когда вынужденное безделье в течение свыше трех месяцев стало так тяготить меня, что я решил вернуться на работу, не закончив курса лечения, Серго лично запретил мне это делать, отечески объяснив всю вздорность и необоснованность моего стремления.

Во время посещения Горьковского автозавода нарком осматривал так называемые «социалистические дома», состоящие из «кабин», выходящих в общий коридор. Товарищ Серго познакомился с плодами левацких загибов первого периода строительства и сказал:

— Вы что хотите, чтобы в этих одиночках жили радостной жизнью создатели автомобиля?.. Не допускайте глупости и переделайте эти дома!

Крепчайшими связями связан товарищ Серго с массами: он умеет находить и развивать таланты, смело выдвигает людей, внимательно прислушивается к советам рабочих. Он знает многих больших и малых работников нашего завода, он знает не только технического директора товарища Иванова и начальников цехов,— он хорошо знает комсомольцев-стахановцев, не говоря уже о Бусыгине, Фаустове и Великжанине. Почти при каждом докладе Серго обязательно вспомнит кого-нибудь из них и расспрашивает нас об их жизни и работе. Товарищ Серго часто вспоминает исключительный героизм комсомольцев, сыгравших выдающуюся роль в строительстве и освоении автомобильного гиганта.

...В конце июля 1932 г. мы получили от Серго телеграмму, в которой он нас поздравлял с успехом: мы стали выпускать 30 полностью укомплектованных грузовиков в день.

Проходит два-три месяца. Мы настойчиво держим курс на ежедневный выпуск 60 грузовиков. Однако в отдельные дни происходят срывы. Серго неослабно следит за работой завода.

Ноябрь 1932 г. Поздний вечер. Звонок из Москвы. У телефона Серго.

— Почему сегодня выпустили 45, а не 60 машин?

— Лысьвенский завод не обеспечил нас листом для бензобаков, смежники не дали тавотниц и других мелочей, а мы сами прозевали, своевременно об этом не сигнализировали.

Серго перебивает меня.

— Пойми же, что я и без того являюсь вашим начальником снабжения...— говорит он.— Умей всегда вовремя сообщать. Мы решительно всем поможем заводу, но нельзя, чтобы хоть на один день завод отступал от завоеванной позиции. Только повышение, только вперед — и ни шагу назад!

...Вспоминаю одну из бесед с Серго на кремлевском дворе, около царь-колокола. Разговор шел о мощности завода, о подготовке выпуска М-1 и выполнении программы. Большая часть инженерных сил была занята делами расширения завода и подготовкой новой легковой машины. Это вызвало в текущем производстве ряд затруднений.

У меня сложилась недостаточно правильная оценка возможностей завода, и я со всей откровенностью поведал Серго о своих сомнениях.

— Сколько ты выпускаешь блоков? — спрашивает Серго.— Сколько коленчатых валов? Как идет выпуск клапанов? Каков процент загрузки рабочего времени, каков коэффициент использования станков? — подробно стал допытываться нарком.

И беседу нашу он так закончил:

— Ты сомневаешься в выполнении программы не потому, что на твоем оборудовании нельзя ее выполнить, а потому, что ты и твои люди еще не умеете как следует работать, еще полностью не овладели производством. Посмотри внимательно в этом направлении, помоги людям, создай повышенные материальные стимулы в работе — и ты увидишь, что и программа выполнима, и завод будет уверенно двигаться вперед...

Прошло три-четыре месяца, и я уже докладывал Серго о том, что он был прав.

Мне вспоминается первый приезд Серго на площадку автозавода в сентябре 1931 г.

— Товарищи,— говорил вечером в клубе товарищ Серго,— вам осталось до пуска завода два месяца. Выбирайте, что хотите: славу перед всем Советским Союзом или позор? Пу́стите завод в срок — слава вам будет! Не пустите — позор будет. Ну, товарищи, что хотите — выбирайте...

Серго сделал незабываемую паузу. За стенами клуба весь вечер шел непрерывный дождь.

— Не легко, товарищи, вам славу будет взять. Большой дождик начался,— улыбнулся Серго, и с ним улыбались все.— Но я уверен, что большевики на то и большевики, чтобы взять победу во что бы то ни стало...

Постоянно помня о лозунге «догнать и перегнать», Серго систематически сравнивал нашу работу с заграничными образцами, и в первую очередь с передовиком американского автомобилестроения — Фордом. Он радовался, когда я докладывал ему, что литейщики серого чугуна сначала достигли, а потом и превзошли фордовские нормы выработки и что вслед за литейщиками пошли кузница и другие участки завода. Однако он очень тщательно проверял мои сообщения, так как экономические сопоставления говорили и пока еще говорят не в пользу ГАЗа. Указывая на это, Серго звал на дальнейшую борьбу, на то, чтобы действительно догнать и перегнать Форда. Вперед и впе-

ред, всегда вперед — таков стиль Серго. В этом духе воспитывает и растит он постоянно нас — хозяйственников, руководителей предприятий и отраслей промышленности, жестоко бичуя зазнайство и самодовольство.

По решению партии и правительства нами было спроектировано расширение ГАЗа и доведение его мощности до 300 тысяч машин в год. После рекордов Стаханова и Бусыгина товарищ Серго заставил нас пересмотреть все прежние расчеты. Он указал, что в основу их надо брать рост до 200 процентов.

Эта смелость решения передается нам, работникам завода, и мы формулируем, что с запроектированного на 300 тысяч машин завода можно, безусловно, снимать 400—420 тысяч машин. Серго, как всегда, оказался прав. Стахановцы автозавода блестяще оправдали доверие своего наркома. Узнав, что увеличение капитальных затрат на 15—16 процентов может повысить отдачу завода на 40—50 процентов, товарищ Серго выдвигает перед нами новые, повышенные требования:

— Надо добиться выпуска с ГАЗа полмиллиона автомашин в год.

Правда, 1936, 28 октября; Железный командарм тяжелой промышленности. М., 1937, с. 53—57.

С. Д. ШНАПИР

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Мне довелось в числе тысяч рядовых коммунистов работать в годы первой пятилетки на стройке горьковского автомобильного гиганта. И так случилось, что я имел счастье несколько раз соприкоснуться с Серго Орджоникидзе, быть у него на приеме в ВСНХ, видеть и слышать его в обстановке самой стройки, а потом и на уже хорошо налаженном заводе. Хотя с тех пор минуло больше трех десятков лет, эти впечатления оставили неизгладимый след в моей памяти.

Может быть, и мои крупицы воспоминаний пригодятся, чтобы восполнить никогда не меркнущий пламенный образ Серго Орджоникидзе — этого «вернейшего и дельнейшего революционера», каким его считал Владимир Ильич Ленин.

НА ПРИЕМЕ У СЕРГО

В августе 1931 г. во всех цехах рождавшегося на берегу Оки автомобильного завода широким фронтом кипел монтаж, и только на одном участке — в кузнечном цеху — стояла тревожная тишина: здесь все лето лежали без движения паровые молоты американской фирмы «Нэйшнл», под их наковальни не было оснований — многотонных стальных шаботов, заказанных на советских заводах. Обеспокоенные коммунисты — мастера будущей кузницы — пошли в райком партии. Среди них был и товарищ Буллит, старый рижский кузнец, член партии с 1904 г. Кузнецы со всей резкостью ставили вопрос: как можно к Октябрьской годовщине пустить автозавод без паровых молотов, на которых куют сотни деталей? Выяснилось, что Краматорский, Ижорский, Макеевский, Николаевский и один из волжских заводов действительно подводят автозаводцев.

Чтобы добиться немедленного исполнения заказов на шаботы, в райкоме решили послать по одному человеку на каждый из этих заводов. В Николаев, где должны были изготовить десять шаботов, вместе с Буллитом послали и меня (я работал тогда заместителем редактора многотиражной газеты «Автогигант»).

Так как путь всех представителей автозавода лежал через Москву, то выехали мы вместе, одним поездом. Близ Москвы один из наших товарищей подал мысль: а не использовать ли свободное утро в столице, чтобы пойти к Серго Орджоникидзе за поддержкой? Мы знали, что Серго неослабно следит за ходом стройки, всячески помогает ей, и потому одобрили это предложение.

Вот и площадь Ногина — ВСНХ. Пропусков тогда никто не спрашивал, и, поднявшись по широким лестницам, мы оказались в приемной Григория Константиновича Орджоникидзе.

За письменным столом, закрывавшимся складчатой шторкой, в приемной сидел бессменный помощник Серго товарищ Семушкин. Узнав, что мы с Нижегородского автостроя, он сказал, что Григорий Константинович скоро приедет и примет нас. Помимо нас, Серго ожидали еще три человека.

И действительно, Серго Орджоникидзе вскоре пришел. На нем была фуражка и легкое демисезонное пальто. Приветливо поздоровавшись с нами, он направился в свой кабинет, а спустя несколько минут возвратился в прием-

ную в широкой, кавказского покроя, чесучовой рубахе, перехваченной крученым пояском с кистями.

После короткого разговора с ожидавшими его посетителями он направил двоих к своим заместителям, одного — в отдел кадров, а затем повернулся к нашей группе, стоявшей поодаль, и, улыбаясь, спросил:

— А это что за делегация?

Семушкин объяснил. Серго еще раз поздоровался со всеми за руку и стал выяснять, что случилось на стройке, почему приехала такая большая делегация. Инженер Лев коротко рассказал о цели нашей поездки. Серго сочувственно выслушал, но заметил, что в этом деле надо разобраться вместе с его заместителем по машиностроению, который только что поехал на один московский завод и вернется часа через три.

— А пока вы погуляйте по Москве. Москву знаете? Москва — хороший город,— весело шутил Серго,— большой город! Погуляйте и приходите к двум часам...

Мы были необычайно рады выпавшей на нашу долю удаче, были рады и за нашу автозаводскую кузницу: теперь-то, думали мы, она наверняка войдет в строй к сроку. Особенно радовался инициатор посещения Серго. Убежденные, что к вечеру сможем уехать, мы отправились за плацкартами на ночные поезда.

В два часа все снова встретились в приемной председателя ВСНХ. Семушкин был обеспокоен: заместитель по машиностроению все еще не вернулся, и где он, пока неизвестно. Потянулись мучительные минуты. Через приоткрытую дверь кабинета мы увидели, что Серго надевает пальто, фуражка уже на нем, видимо, собирается на обед. Вполне естественно — уже четвертый час...

Семушкин, желая помочь нам, лихорадочно звонил в разные места. Но вот Серго уже направляется к выходу. Мы в отчаянии: полнейший провал нашей затеи! — как вдруг появился наконец долгожданный заместитель Орджоникидзе. Мы буквально ожили: Серго возвращается в свой кабинет вместе с заместителем. Семушкин идет следом за ними и знаком дает нам понять: заходите.

Переступив порог кабинета, чувствуем, что дела наши складываются неудачно. Серго не снимает фуражку и пальто: видимо, предполагает ограничиться несколькими указаниями, поручив детально разобраться в нашем деле заместителю. Но вышло по-другому. Серго все же уселся за свой письменный стол, предложил сесть и нам и вкратце рассказать о положении с монтажом в кузнице. Инженер

Лев начал со злосчастной истории с шаботами, но заместитель заявил, что он в курсе дела, меры уже приняты и всем заводам даны телеграммы.

— Но все эти телеграммы нисколько не помогают, волокита с шаботами тянется все лето, а больше ожидать никак нельзя! — наперебой заговорили мы.

Серго неожиданно задал вопрос товарищу Льву:

— Скажи, пожалуйста, ты кем работаешь?

Лев ответил, что он инженер и ведает планированием монтажа в отделе главного механика.

— А ты кем? — стал поочередно спрашивать Серго у всех приехавших с автостроя.

И когда выяснилось, что среди нас четыре мастера, один инженер и один работник газеты, Серго разгневался.

— Кто это все выдумал? Что за безобразие!

Он поднялся со стула, вызвал Семушкина и строго сказал:

— Сейчас же соедини меня с Нижним, со Ждановым. Если его нет, со вторым секретарем...

— Вот придумали! — сердито говорил Серго.— Сорвать мастеров с монтажа и посылать толкачами-беднягами по всей России... Мастера должны работать! Мастера никогда не должны отлучаться со своих участков. Как это можно?! Отрывать от дела инженеров и мастеров! Сегодня же все назад! Мы сами все сделаем...

Легко представить себе наше самочувствие в этот момент и особенно чувства того товарища, который похвалялся своей разумной инициативой...

— Сегодня же на автострой обратно! — еще раз твердо и гневно сказал Орджоникидзе.

Мы буквально оторопели. И в эту минуту наш Буллит спокойно заявляет:

— Я обратно пока не поеду. Мне в моей кузнице делать нечего. Все лето хожу в цех и смотрю, как «Нэйшнл» лежат и лежат... Я поеду за шаботами, как поручил райком.

Серго взглянул на Буллита и слегка улыбнулся. Вбежал Семушкин.

— Жданова нет,— сказал он,— а у телефона Прамнек.

Прамнек был вторым секретарем Нижегородского крайкома.

Серго быстро взял трубку.

— Здравствуй, товарищ Прамнек! Это Орджоникидзе говорит. Что у вас там делается? У меня полный кабинет

мастеров с автостроя! Кто это выдумывает посылать мастеров толкачами-беднягами по России? Если уж райком решил протолкнуть дело, надо было взять хороших ударников во главе с хорошим газетчиком и послать... Но зачем мастеров гоняют за шаботами? Это же безобразие!

Прамнек, видимо, ничего не знал и дал понять Орджоникидзе, что эту ошибку легко исправить.

— Ладно! Пусть они в этот раз поедут по заводам,— неожиданно для нас смягчился Серго.— Дай бог им счастья и успехов! Но смотрите, чтобы больше это не повторилось.

Продолжая слушать Прамнека, Серго произносил одобрительно:

— Очень хорошо! Весь город, говорите, помогает автострою? Хорошо!.. Массовые субботники... Спасибо! Большое спасибо... Приеду. Обязательно приеду в сентябре. И все посмотрю, что вы успели сделать. До свидания!

Он положил телефонную трубку и с улыбкой обратился к Буллиту:

— Итак, значит, ты назад не едешь.— И Серго, который уже собрался было отправиться обедать, снял фуражку, повесил свое пальто, а потом снова сел за стол, как будто день только начался.

— Давай разберемся! — обратился он к своему заместителю.— Почему они, эти директора, тянут с заказами на шаботы?

Зная до мельчайших подробностей обстановку на каждом из заводов, куда мы собирались ехать, Серго рассуждал примерно так:

— Ну что там у него? — Он называл фамилию директора.— Во-первых, ворошиловский заказ, потом...— Он перечислил одно за другим самые неотложные задания, в том числе для Магнитостроя и Днепростроя. А потом заключил:

— Но все равно возможность еще есть. Правда? Есть еще возможность? Ведь он может сделать так...

Убедив себя, что заводы имеют какую-то возможность, какой-то резерв, чтобы выполнить заказы на шаботы, Серго решил послать с нами каждому директору личное письмо. Он взял авторучку и стал составлять текст письма.

«В дополнение к распоряжению моего заместителя...» — написал Серго и задумался. Видимо, ему хотелось поддержать авторитет заместителя, но в то же время он чувствовал, что можно обойтись и без такого введения. Он взглянул на своего заместителя, и тот, как бы прочитав

мысли Орджоникидзе, сказал, что, пожалуй, лучше писать прямо, без «в дополнение». Серго согласился, зачеркнул первую строчку и написал коротко: «Директору завода... Посылаю к Вам представителя Нижегородского автостроя... Заказы на шаботы должны быть сделаны вне всякой очереди. Сроки выполнения согласуйте с представителем. Об исполнении доложите.

С. Орджоникидзе».

— И чтобы каждому директору завода за моей подписью,— подчеркнул Серго, поручая Семушкину немедленно оформить письма.

Шел уже пятый час. А Серго все еще сидел и разговаривал с нами. Он увлекся. Ему захотелось подробнее узнать от рядовых людей, как идет стройка. Как литейная? Как в прессовом? А в механическом? Что с водой? А дела на ТЭЦ? А как Кузьма Кузнецов (тогда секретарь райкома)? А Царевский (тогда начальник строительства)?

— А кто с кем ссорится? — смеясь, спрашивал Серго.— Какой у нас в этом году богатый Октябрь будет! — с воодушевлением говорил Серго.— Мы ведь должны и Кузнецкий пустить, и Магнитогорский, и автозавод. И Харьковский тракторный, и много других... Вот Гугель[1] немного отстает, а Франкфурт[2] — молодец. Он не мог дождаться труб для водопровода и, как вы думаете, что сделал? Деревянный водопровод!.. И пока работает хорошо. В Америке тоже есть деревянные водопроводы...

Во время беседы кто-то заметил, что на стройке не хватает рабочих, Серго сказал:

— Надо уметь вербовать по-новому.

Тогда я рассказал, что недавно по заданию нашего райкома мне и еще одному товарищу пришлось проводить вербовку рабочих в Починковском районе. С помощью местных организаций нам удалось за десять дней завербовать 1200 человек и всех до единого привезти одним поездом на стройку.

— Вот это дело! — одобрил Серго.— А ты написал об этом статью? Надо немедленно статью написать.

Орджоникидзе позвонил редактору газеты «За индустриализацию»:

— Вы слышали, как нижегородцы умеют вербовать людей? Не слышали? Ай-ай... Так вот, вам даст статью один газетчик с автостроя. Быстро напечатать надо. Это — большое дело.

---

[1] Гугель возглавлял тогда пуск Магнитогорского завода.

[2] Франкфурт — директор Кузнецкого завода.

В то время как мы с Буллитом были в Николаеве, газета «За индустриализацию» 31 августа под тремя большими заголовками напечатала мою статью об этом опыте вербовки.

Товарищ Семушкин передал нам письма, подписанные Серго. Кое-кому из нас уже пора было торопиться к поезду, и мы стали прощаться, тепло поблагодарив Григория Константиновича за содействие.

— Если что не так,— напутствовал нас Серго,— телеграфируйте. Больших вам успехов!

Итак, мы уже не только уполномоченные Нижегородского автостроя, мы стали посланцами самого Орджоникидзе!

— Ура! Я же говорил, что все кончится хорошо! — ликовал тот, кто предложил утром двинуться прямо к Серго.

И действительно, все кончилось хорошо. Письма, подписанные рукой Серго Орджоникидзе, возымели свое действие: заводы немедленно приступили к изготовлению шаботов, и вскоре они стали поступать на площадку автостроя.

«ПОЗОР ИЛИ СЛАВА?»

В один из сентябрьских дней по стройке разнеслась радостная весть — приехал Серго Орджоникидзе. Ему было что посмотреть!

За год в зарослях кустарника возле старинной деревни Монастырка, почти на болоте, где водились дикие утки, выросли громады из стали, бетона и стекла. Развернутым фронтом шел монтаж оборудования. Но предстояло еще много строительных работ. Нужно было скорее заканчивать сооружение сложнейшего лабиринта тоннелей с трубопроводами горячей и холодной воды, воздуха, пара и газа. Еще строились десятки подсобных и вспомогательных объектов.

Серго Орджоникидзе весь день — с утра до вечера — знакомился с участками стройки. Он побывал всюду: и на берегу Оки, где высились водоразборные сооружения, и во всех корпусах, и на ТЭЦ, и на строительстве жилых домов соцгорода.

В тот день шел проливной дождь, на строительной площадке образовалось сплошное месиво из грязи и мусора. Серго прекрасно видел и понимал, сколько еще не-

доделано и какие героические усилия нужны, чтобы пустить автозавод к сроку.

Вечером строители собрались в клубе соцгорода на хозяйственно-партийный актив с участием Орджоникидзе.

Один за другим выступали товарищи с различных участков строительства и монтажа. Серго внимательно слушал, кое-что записывал, часто подавал реплики и в то же время зорко вглядывался в сидевших в зале, следя за тем, как люди реагируют на каждое острое замечание. Он как бы взвешивал силы коллектива, его настроение, его мобилизованность и решимость закончить начатое дело к годовщине Октябрьской революции.

Меня поразила удивительная зрительная память Орджоникидзе. Я сидел в третьем ряду, у прохода, и, конечно, как и все, с большим интересом следил за ним. Вдруг вижу: Серго улыбнулся и кивком головы поздоровался со мной. Не совсем уверенный, что это относится именно ко мне, на всякий случай ответил приветственным кивком. Продолжая улыбаться, Серго написал записочку и передал ее в первый ряд, показав, кому передать.

Я получил записку и прочел: «Как удалась ваша миссия?»

Что было делать? Сперва я стал писать ответ, а потом решил, что лучше подняться на сцену и рассказать. Серго поздоровался со мной еще раз.

— Ну вот, очень хорошо, значит, помогло,— выслушав меня, сказал он.— Очень хорошо...

Наконец слово взял Серго Орджоникидзе.

Речь Серго, произнесенная перед строителями автозавода в ту дождливую сентябрьскую ночь 1931 г., была опубликована спустя несколько лет в виде сокращенной стенограммы. Увы, эта стенограмма не в состоянии передать той эмоциональной окраски и большевистской вдохновенности, того глубочайшего умения убеждать людей, той откровенной сердечности и огненной силы, с какой говорил Орджоникидзе. К тому же в опубликованной стенограмме отсутствует, я бы сказал, «эмоциональный пик» всей речи, когда, говоря о сроках пуска автозавода, Серго поставил перед активом дилемму: «Что хотите? Выбирайте...» Не знаю, по каким соображениям не была опубликована эта часть речи Орджоникидзе о сроках пуска автозавода, но Серго сделал особое ударение именно на этих словах, и они дошли до глубины сердца всех, кто его слушал

— Вы знаете,— говорил Серго,— что пустить такую

махину, как ваш завод,— это внести в нашу экономику целую революцию... Если кто-нибудь из вас думает, что вы уже вышли победителями, тот ошибается: вы много сделали, очень много (я бы не хотел сейчас вам этого говорить), но все же сделали далеко, далеко не все.

И Серго подробно остановился на всем том, что видел, пока «бродил» по стройке в этот дождливый день.

— Вам осталось только пятьдесят дней до срока, установленного Центральным Комитетом нашей партии,— только пятьдесят дней! — а предстоит еще проделать колоссальнейшую работу. Коробки вы построили... Но ведь важно смонтировать оборудование и дать этим коробкам тепло и воду... Без этого коробки никому не нужны... Мне сегодня говорили, что механосборочный красиво выглядит при солнце (все в зале засмеялись), а я говорю, чтобы вы поскорее установили в нем машины, и я готов приехать в туманную погоду, чтобы полюбоваться красотой этого цеха!.. Когда вы закончите монтаж, перед вами встанет задача — освоить оборудование и выпускать автомашины уже не типа «форд», а такие, на которых будет эмблема «Серп и Молот»...

Все бурно зааплодировали, а Серго взволнованно продолжал:

— Только тогда мы скажем: да, задача решена!..

Серго говорил со всей прямотой:

— Я сам в колоссальнейшем колебании: убедились ли вы, что еще не окончили завода... что в оставшийся короткий промежуток времени предстоит тяжелая работа... Так вот, товарищи, рабочие и большевики автостроя! Пустите завод к сроку — да будет вам честь и слава перед всем народом, перед всей нашей партией. Не пустите к сроку — да будет вам стыдно и позорно. Чего хотите? Выбирайте: позор или славу? Думаю, что вы хотите славу, товарищи...

Собрание ответило Серго горячими аплодисментами.

— И я думаю, вы мне дадите возможность заявить Центральному Комитету нашей партии, что нижегородские товарищи сделают все, чтобы выполнить решение ЦК и собственное обещание...

Собрание снова ответило Серго дружными аплодисментами.

НОЧНОЙ ПЛЕНУМ РАЙКОМА

После отъезда Орджоникидзе на автострое началась страдная пора. Трудовое напряжение коллектива достигло вершины. Никогда не забыть, как десятки тысяч лю-

дей, закончив свою основную работу на строительных объектах и на монтаже, допоздна не уходили с площадки, участвуя в массовых субботниках по очистке территории завода. С лопатой в руках по вечерам работали вместе со всеми и секретарь райкома, и начальник строительства, и директор будущего автозавода. Организованной колонной приходили из соцгорода жены рабочих и инженеров. Специальные поезда привозили на помощь тысячи людей, посланцев всех учреждений и предприятий. Неделю «субботничала» на площадке стрелковая дивизия во главе со своим командиром.

И вот наступил день Октябрьского праздника 1931 г. Торжественный митинг: объявляется о пуске завода в эксплуатацию.

Однако освоение производства автомобилей оказалось сложнейшим и труднейшим делом. Людям надо было изучить сотни тысяч производственных операций, которые зависели от качества металла и инструментов, штампов и приспособлений, станков и прессов, молотов и термических печей, литейных моделей и контрольных приборов...

В этот сказочный мир новейшей техники, сосредоточенной в цехах автозавода, немало людей пришло прямо из ветлужских лесов и с вятских полей, среди рабочих было и много демобилизованных бойцов пограничных застав Тихого океана. Всем им нужно было начинать, как говорится, с самых азов.

На автозаводе было тогда много и организационной неразберихи, тормозившей освоение новой техники. И завод, этот могучий индустриальный гигант, казался тогда младенцем, робко делавшим свои первые шаги. А страна ждала. С нетерпением ждала вестей о работе автомобильного конвейера, который фактически стоял...

В конце марта 1932 г. на завод неожиданно приехал Григорий Константинович Орджоникидзе (тогда он был уже наркомом тяжелой промышленности) и секретарь Нижегородского крайкома партии А. А. Жданов.

В тот же вечер был срочно созван пленум Автозаводского райкома партии. Никогда не забуду это заседание, которое длилось до глубокой ночи. А. А. Жданов сидел в президиуме рядом с секретарем райкома Кузьмой Кузнецовым, а Серго Орджоникидзе находился в зале. Он внимательно слушал выступления начальников цехов, мастеров, рабочих, секретарей партийных ячеек, задавал вопросы, глубоко вникая в сложившуюся на заводе обстановку.

Он стремился определить решающее звено, взявшись за которое можно было вытащить всю цепь и дать полный ход сложному заводскому организму.

И это звено было найдено. Не прошло и двух дней после ночного заседания Автозаводского райкома партии, как в газетах было опубликовано постановление Центрального Комитета партии от 2 апреля 1932 г. о подмене единоначалия на Нижегородском автозаводе. Таков был точный диагноз той «болезни», которая мешала заводскому коллективу пустить автомобильный конвейер.

Мне пришлось на этом пленуме вести запись речи Серго Орджоникидзе (я долго хранил эту запись, которая, к сожалению, нигде не была опубликована).

Хорошо помню, как, выступив в конце заседания, Серго Орджоникидзе говорил:

— Товарищи! Вы знаете, сколько миллионов в золоте стоит нашей Родине, нашему народу этот завод. И вам его доверили. Спрашивается: сколько можно терпеть и ждать, чтобы такой гигант налаживался? И вот что я вам скажу: дадим вам еще один месяц. Никто вас в этот месяц не тронет, никто вам не скажет обидного слова. Будем терпеливо ждать. Но если к маю вы, заводские большевики, по-настоящему не наладите завод и не начнете выпускать автомашины, день за днем наращивая темпы, вам будет стыдно перед всей страной. Со страниц центрального органа нашей партии — «Правды» на вас обрушится беспощадный огонь критики. Так и знайте. Только один месяц. Большего срока не будет...

СЕРГО И СИГНАЛЫ ПЕЧАТИ

Орджоникидзе не забыл своего предупреждения. После первомайских праздников (1932 г.) в корреспондентский пункт «Правды» в Нижнем Новгороде, в котором я тогда работал, пришла из редакции срочная телеграмма: «Дать развернутую корреспонденцию об автозаводе». Эта корреспонденция была немедленно опубликована, и со страниц «Правды» начался почти ежедневный «обстрел» работы заводских цехов и отделов заводоуправления. «Правда» стала печатать цифры — первое время не очень «веселые» — ежедневного выпуска машин с автомобильного конвейера.

Так, не без вмешательства Серго Орджоникидзе, автозавод держали под непрерывным огнем острой самокри-

тики — именно самокритики, так как корреспонденты «Правды» опирались в своей работе на очень большой в то время актив рабкоров-ударников «Правды», имевшихся во всех цехах.

Орджоникидзе внимательно следил за сигналами «Правды», вызывая к телефону для объяснений либо директора завода, либо главного инженера. Главным инженером автозавода был в то время Виктор Герасимович Лапин — один из старейших русских инженеров-машиностроителей. Бывало, он шутя говорил корреспондентам «Правды»: «Давайте, друзья, вместе обходить цеха. Я хоть на день раньше буду знать, к какому «разносу» готовиться...»

Очень большое значение Серго Орджоникидзе придавал ритмичной работе конвейера — этому пульсу всей жизни завода. Случалось, что при задании в 20 автомашин за день (да, да, всего 20 машин!) с конвейера удавалось снять, допустим, 24. Начальник сборочного цеха, опасаясь, что на следующий день конвейер по какой-либо причине не дотянет до 20, «засекречивал» 4 машины в резерв. И в ежедневной сводке выпуска машин, которая шла непосредственно наркому, заводоуправление показывало 20, а не 24.

Корреспондент «Правды» имел строжайшее указание редакции давать в газету совершенно точную цифру выпуска машин. Для этого приходилось являться на главный конвейер к двенадцати часам ночи, записывать очередной номер автомашины на раме, сверять его с контролерами и т. д. И когда Орджоникидзе обнаруживал расхождение между цифрами «Правды» и телеграммами заводоуправления на его имя, он говорил с руководством так резко, что эти «регулировочки» с учетом вскоре навсегда прекратились.

Как-то в «Правде» появилась моя корреспонденция о плохой работе некоторых заводов смежных производств, по вине которых главный конвейер часто лихорадило. Орджоникидзе немедленно созвал в Наркомате тяжелой промышленности совещание директоров этих заводов-поставщиков. Я был вызван на совещание как автор.

Вначале Серго Орджоникидзе прочитал вслух корреспонденцию. Но это было не просто чтение. Нет! Это было чтение «с пристрастием».

После каждого факта, упомянутого в заметке, Серго делал минутную паузу и обращался к директору соответствующего завода с вопросом: «Ты понял? Это про тебя

Серго Орджоникидзе.
Детские годы

Г. К. Орджоникидзе в ссылке.
Якутск, 1917 г.

Г. К. Орджоникидзе
и С. М. Киров.
1920 г.

Г. К. Орджоникидзе
и М. Н. Тухачевский
у захваченного Красной Армией
поезда Каледина.
1920 г.

Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров,
Ш. З. Элиава в группе делегатов
от Грузии на IX Всероссийском
съезде Советов.
Декабрь 1921 г.

С. М. Киров, М. В. Фрунзе,
Г. К. Орджоникидзе,
К. Е. Ворошилов
среди делегатов
XIV конференции РКП(б).
Апрель 1925 г.

Г. К. Орджоникидзе
и С. М. Киров
на Металлическом заводе.
Ленинград, 1927 г.

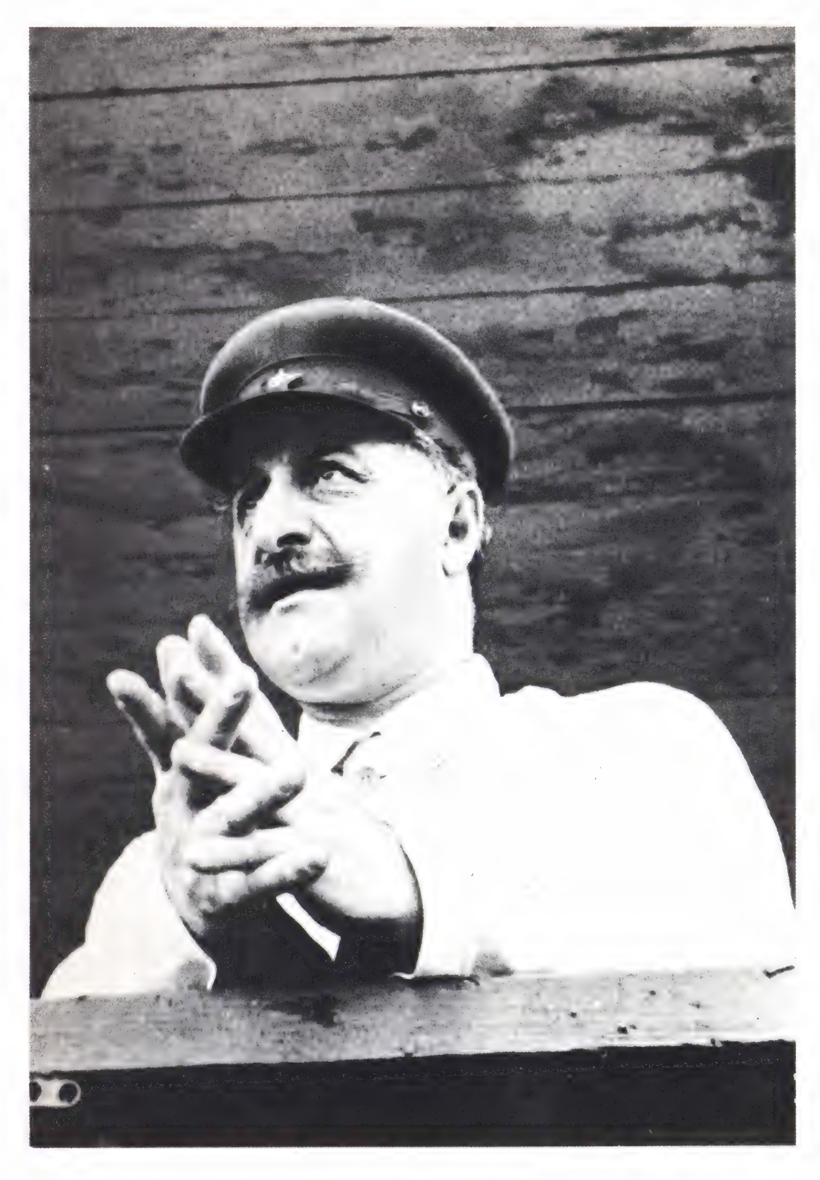
Г. К. Орджоникидзе
и М. В. Фрунзе.
Тифлис, 1924 г.

Г. К. Орджоникидзе. *1933 г.*

Г. К. Орджоникидзе в президиуме совещания металлургов. *1934 г.*

Г. К. Орджоникидзе выступает на I Всесоюзном совещании стахановцев промышленности и транспорта. *1935 г.*

Г. К. Орджоникидзе и А. И. Микоян на VII съезде Советов. *1935 г.*



Г. К. Орджоникидзе
выступает на заводе «АМО».
Москва, 1935 г.

М. И. Калинин приветствует
в Кремле выпускников
военных академий.
Стоят сзади Г. К. Орджоникидзе
и А. А. Андреев

Г. К. Орджоникидзе в группе
стахановцев.
1935 г.

Г. К. Орджоникидзе выступает на Всесоюзном съезде по качественным сталям

К. Е. Ворошилов и Г. К. Орджоникидзе на аэродроме во время осмотра самолета «Максим Горький»

Г. К. Орджоникидзе. *1936 г.*

М. И. Калинин,
Г. К. Орджоникидзе,
В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков.
Москва, Кремль, 1936 г.

Г. К. Орджоникидзе среди участников Всесоюзного совещания жен хозяйственников и инженерно-технических работников.
Москва, 1936 г.

Г. К. Орджоникидзе
с группой работников
метрополитена осматривает
станцию метро «Смоленская».
1936 г.

Прием чечено-ингушской
делегации в день 50-летия
Г. К. Орджоникидзе.
Кисловодск, 28 октября 1936 г.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. И. Калинин вручает
Г. К. Орджоникидзе
орден Трудового
Красного Знамени.
1936 г.

написано... Хорошо понял? Ведь это «Правда» на всю страну пишет...»

После чтения заметки были выслушаны все директора и приняты соответствующие меры.

НА КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЕ

Шло время, и производство налаживалось. К ноябрю 1932 г.— первой годовщине официального пуска автозавода — с грузового конвейера должна была сойти полуторатонка № 5000. Рабочие предложили подарить юбилейную автомашину «Правде». Так и было сделано. На Октябрьские праздники в Москву отправилась делегация ударников завода, чтобы преподнести «Правде» этот грузовик.

В цехах автозавода рождались детали и узлы для новых советских легковых автомобилей ГАЗ-АА (тогда они еще назывались НАЗ-АА). Это были машины, которых мы не видим на улицах наших городов уже лет 25. Но в тот период освоение и выпуск этих легковых автомашин были крупнейшей победой автозаводцев. И когда к 30 декабря 1932 г. удалось собрать первые 25 легковых автомашин, решено было устроить пробег этих автомобилей в Москву с таким расчетом, чтобы приехать в новогоднюю ночь.

К двадцати пяти легковым автомашинам присоединили еще столько же грузовых полуторатонок и через Вязники, Владимир, Богородск двинулись в Москву. Выехали поздно вечером, благополучно прошли не очень прочно замерзшие речушки, и спустя сутки подъехали к празднично убранной Москве. Впереди колонны шел красиво иллюминированный разноцветными лампочками «газик» командира пробега инженера Грозного.

В пути моторы работали безотказно, но кузова легковых машин вели себя прескверно. Все они скрипели и пищали, дверки либо никак нельзя было открыть, либо никакими силами закрыть, во время движения они неожиданно открывались. Что поделаешь — первые кузова...

Около Москвы участников пробега встретили представители Московского автомобильного клуба. На следующий день выяснилось, что всю нашу автоколонну приглашают на территорию Кремля. Там, сказали нам, нарком Орджоникидзе будет осматривать машины.

Мы двинулись в Кремль. Пятьдесят автомашин рядами выстроились перед Большим Кремлевским дворцом. Все ждут и, конечно, волнуются. Что скажет командарм

тяжелой промышленности, увидев первые скрипучие легковушки.

Смотрим: не торопясь, приближаются к нам Серго Орджоникидзе, а с ним П. П. Постышев и А. С. Енукидзе.

После радушных приветствий и осмотра автомашин завязалась дружеская беседа.

— Как вели себя машины в пути? — поинтересовался Орджоникидзе.

Кто-то из участников пробега, кивнув на меня, сказал:

— Пусть скажет корреспондент «Правды»...

Похвально отозвавшись о моторах, я хотел было рассказать о скрипучих кузовах, как вдруг кто-то крикнул:

— Рановато нахваливать автозаводцев!..

Это замечание смутило меня, я замялся. Но тут меня выручил Серго Орджоникидзе.

— Ничего, товарищи,— весело сказал он,— их целый год корреспонденты ругали, пусть разок похвалят...

Дружеская беседа с Орджоникидзе окончилась тем, что все участники пробега были приглашены в Кремль на торжественный обед.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Минуло больше трех лет. В 1936 г., в жаркий солнечный летний день, Серго Орджоникидзе снова приехал на автозавод. Это была его последняя поездка в Горький.

Автозавод к тому времени представлял собой уже хорошо налаженное промышленное предприятие. В сутки здесь выпускали около тысячи автомобильных моторов, три сотни грузовых автомашин и десятки легковых «эмочек», пришедших на смену «газикам».

Еще за год до этого приезда Орджоникидзе в Горький с конвейера сошел стотысячный автомобиль, на котором делегация автозаводцев отправилась в Москву, чтобы преподнести его любимому наркому. 3 мая 1935 г. Серго Орджоникидзе принял эту делегацию. Осмотрев юбилейную машину, он сказал:

— Теперь надо бы вам, автозаводцам, сверх плана дать три тысячи автомашин для колхозной деревни...

Это задание наркома было выполнено в том же году.

На заводе тогда уже были тысячи передовиков-бусыгинцев, как называли последователей Александра Бусыгина, знатного кузнеца, который 19 сентября 1935 г. на своем молоте отковал 966 коленчатых валов вместо 675 по

норме, положив тем самым начало массовому движению за перекрытие проектных технических норм.

По предложению Серго Орджоникидзе 10 октября 1935 г. (за месяц до Всесоюзного совещания стахановцев промышленности и транспорта) в Горьком на автозаводе состоялся слет передовиков автотракторной промышленности.

Орджоникидзе неустанно следил за развитием стахановско-бусыгинского движения, знал поименно многих лучших людей Горьковского автозавода. Повидаться с этими людьми и познакомиться с работой цехов на ходу, за несколько часов было физически невозможно. И в этот свой приезд Серго Орджоникидзе затратил на ознакомление с заводом несколько дней. Он пригласил с собой на «прогулку», чтобы изучить опыт автозаводцев, директоров крупнейших горьковских машиностроительных заводов. И вот в течение нескольких дней, с раннего утра до позднего вечера, Серго Орджоникидзе обходил завод цех за цехом, участок за участком.

Надо было видеть, какой огромнейший интерес проявлял Григорий Константинович к любому новаторскому почину, к малейшему рационализаторскому нововведению, к самой, казалось бы, незначительной инициативе, которую у себя на рабочем месте проявил тот или иной рабочий или командир производства. Серго шел по цехам не торопясь, разыскивая тех, чьи производственные достижения ему уже были известны. Он рассматривал Горьковский автозавод как грандиозную экспериментальную лабораторию по освоению новейшей техники в машиностроении, как гигантскую школу социалистического соревнования и передового опыта. Этим объяснялось, в частности, что тогдашний директор автозавода С. С. Дьяконов обязан был чуть ли не каждый месяц подробно сообщать Орджоникидзе о том, что нового на автозаводе и что ему мешает.

Я хорошо помню эти письма, которые неизменно начинались обращением «Дорогой Серго!».

Помню, как в одном из таких писем С. С. Дьяконов, находясь под впечатлением исключительного производственного достижения слесаря Масленникова, который стал затрачивать на изготовление штампа только пять часов вместо 65, сообщил об этом наркому. Директор подчеркивал, что это новый важный момент в развитии стахановского движения, охватившего уже не только основные производственные цеха, но и вспомогательные. Орджоникидзе

запомнил это письмо и, придя в штамповочный цех, долго беседовал с Масленниковым, внимательно наблюдал за его скоростными приемами по доводке трудоемкого штампа коленчатого вала.

Григорий Константинович знал и о задорном соревновании двух подруг-комсомолок — Ани Генераловой и Насти Стрюковой, работавших в моторном цехе на обработке алюминиевых поршней. Они уже давно перекрыли проектные нормы и, соревнуясь друг с другом, завоевывали рубежи, которые всем казались пределом возможного. Серго познакомился с опытом этих замечательных девушек и, возвратившись в Москву, сделал им приятный сюрприз: прислал в подарок два велосипеда. Велосипеды были отправлены пассажирским поездом, и одновременно Орджоникидзе послал директору завода телеграмму с просьбой лично вручить подарки девушкам.

Увидев что-нибудь, представляющее интерес для всех машиностроителей, Серго тотчас же обменивался мнениями с сопровождающими его директорами.

Наркому особенно понравился колесный цех, начальником которого был Тимофей Геллер. Этот цех был наиболее автоматизирован и механизирован. Людей здесь было совсем мало. Колеса, пройдя через множество красильных и сушильных камер, выходили на погрузочную железнодорожную площадку без прикосновения человеческих рук.

— Вот какими у нас должны быть все цеха! — восторженно говорил Григорий Константинович.— Вот над чем должны работать наши инженеры: побольше автоматов! Машины все должны делать сами...

Помнится, во время маленькой передышки в какой-то цеховой конторке Орджоникидзе говорил сопровождавшим его директорам и автозаводцам:

— Вот вы все социалистические хозяйственники-коммунисты. А почему, если кому-то из вас надо у другого что-то сделать, получить, одолжить, то обязательно через Серго? Почему все через Серго? Ведь ты социалистический директор и ты социалистический директор. Неужели нельзя, находясь в одном городе, позвонить друг другу без бумажной волокиты?..

Орджоникидзе поднялся, чтобы пойти в кузнечный цех. Но здесь я позволю себе нарушить последовательность событий, чтобы рассказать об одном примечательном эпизоде.

ПОВТОРЕНИЕ УРОКА

Весной 1936 г. кузнечный цех автозавода переживал трудности из-за недостатка металла. Частенько простаивали паровые молоты и ковочные машины. В связи с этим возникла мысль послать в Донбасс за металлом самого Александра Бусыгина. Пусть, мол, наладит крепкую дружбу с металлургами.

Когда меня вызвали в дирекцию и предложили ехать в Донбасс с Бусыгиным и заместителем начальника отдела снабжения завода товарищем Зеком, я, конечно, сразу вспомнил урок, преподанный наркомом около пяти лет назад, и сказал, что, кроме нахлобучки от Серго Орджоникидзе, из этого ничего не выйдет. Разумеется, я напомнил об истории нашей поездки за шаботами.

Но мои соображения не были приняты во внимание. Единственное, о чем все говорили,— что через Москву надо проехать «втихую» и «выпрыгнуть» сразу в Донбассе.

Потом выяснилось, что для уточнения поставки заказов по ряду позиций и профилей металла необходимо все же побывать в Москве — конечно же «втихую»,— в конторе «Стальсбыта».

Приехав в Москву, мы направились в «Стальсбыт». Появление там Александра Бусыгина произвело сильное впечатление. Все забегали, стали выяснять причины недопоставок, строчить телеграммы в Донбасс...

Больше того, руководство «Стальсбыта» решило по окончании рабочего дня провести общее собрание всех сотрудников, чтобы выслушать и обсудить жалобу кузнецов.

После собрания мы решили отправиться в Художественный театр на «Воскресение» Л. Н. Толстого. Все билеты были проданы. Мы обратились к администратору со слезной просьбой: дескать, мы из Горького, автозаводцы, едем в Донбасс, только один вечер в Москве, с нами Бусыгин, который никогда не был в МХАТе... Администратор оказался чутким и любезным человеком — и вот уже мы сидим во втором ряду и слушаем Василия Ивановича Качалова.

Перед вторым действием, после трех звонков, когда вся публика была в сборе, наш любезный администратор вышел на сцену и неожиданно объявил:

— Товарищи! Сегодня среди нас находится знаменитый кузнец Горьковского автозавода Александр Бусыгин...

Москвичи бурно зааплодировали, тепло приветствуя смущенного Бусыгина.

Так «втихую» мы провели наш единственный день в Москве.

Не знаю, то ли от сотрудников «Стальсбыта», то ли вследствие нашего появления в Художественном театре, но Серго Орджоникидзе узнал, что мы в Москве, и, едва началось утро следующего дня, нарком стал разыскивать Бусыгина. На прием к Орджоникидзе Бусыгин пошел вместе с начальником ГУТАПа (Главного управления автотракторной промышленности) товарищем Дыбецом. А вечером мы уже сидели в поезде и «вынырнули» в... Горьком.

29 июня 1936 г. на заседании совета при наркоме тяжелой промышленности в своем выступлении Серго Орджоникидзе, в частности, сказал:

— Правильно поступили товарищи Бусыгин и Фаустов [1], когда они выступили здесь с критикой положения в кузнице Горьковского автозавода, за что их нужно благодарить... Возьмем товарища Бусыгина. Его заставляют из шести месяцев два месяца бегать по совещаниям. Что он — разъездной агитатор? Кому это нужно?! Другие два месяца он гуляет из-за того, что якобы не было металла. Кстати, это неверно. Но если бы даже металла не было, и тогда не надо было товарища Бусыгина посылать за металлом, для этого существуют другие лица и другие органы: заводоуправление, главк, «Стальсбыт»... После приезда в Москву товарищ Бусыгин был возвращен мною на завод с указанием директору и начальнику главка на недопустимость такого поведения с их стороны. Надо категорически запретить всем отвлекать стахановцев от работы.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В СТОРОНКЕ

И вот Серго Орджоникидзе в прославленной им же самим на всю страну кузнице автозавода. Сопровождающих много, а проходы узкие. Молоты стучат, как всегда. О чем беседует Серго то с одним, то с другим кузнецом, не слышно. Видно только, что он очень доволен, улыбается и глаза его светятся радостью.

Я стою в сторонке и думаю... Вот Серго расспрашива-

[1] Степан Фаустов — кузнец, сменщик Бусыгина, соревновавшийся с ним на штамповке коленчатого вала.

ет сейчас о молотах, и, возможно, в его голове промелькнуло воспоминание о том, как он помогал нам получить для них шаботы. Но об этом он, конечно, молчит. Это отошло в прошлое, как тысячи и десятки тысяч других распоряжений и писем, решений и постановлений, вызовов к телефону и бесед, совещаний и поездок на десятки заводов. Да, история с шаботами в сложнейшей работе командарма тяжелой промышленности была, конечно, одним только мгновением. Но благодаря и этому мгновению вот он стоит и дышит, легендарный паровой молот, успевший к тому времени отковать уже более миллиона коленчатых валов!..

В кузнице, наблюдая за тем, как Серго Орджоникидзе осматривает верхний боек парового молота, я вспомнил вехи ярчайшей жизни этого несгибаемого большевика: революционная юность на Кавказе, побег из Сибири, Лонжюмо под Парижем, где он прослушал тридцать лекций Владимира Ильича, страшные годы Шлиссельбургской крепости...

Вот Серго заинтересовался качеством обрубки заусениц с поковок коленчатого вала... А я думал: ведь это тот самый человек, который тайно пробирался к Владимиру Ильичу в Разлив в июльские дни 1917 г. и там обсуждал с Лениным важнейшие партийные дела. Это тот самый человек, который на заре Советской власти был чрезвычайным комиссаром Юга России и непрерывно находился на фронтах гражданской войны, воевал на Дону и Кубани, в Царицыне и на Тереке, в горах Северного Кавказа и в лесах Советской Белоруссии, первым входил в Азербайджан и руководил окончательным освобождением Закавказья...

Орджоникидзе заканчивает осмотр кузницы и идет к выходу, о чем-то оживленно беседуя с начальником цеха. Точно так же он выходил недавно из доменных и мартеновских цехов Магнитогорского и Кузнецкого заводов, металлургических заводов Донбасса, из цехов тракторного завода на Волге и десятков других предприятий...

Серго прощается со всеми и уезжает.

Смотрю на удаляющуюся автомашину, и снова вспоминается кабинет наркома в Москве, его авторучка и письмо, его шелковая кавказская рубаха и разговор по телефону, его гнев и обаятельная улыбка...

Октябрь, 1965, № 3, с. 150—158.

К. И. БУТЕНКО

ЗНАМЕНОСЕЦ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Первое, чему учит нас нарком,— это партийность. Смысл его руководства, содержание его оперативной деятельности, сердцевина его учения — прежде всего в том, что каждый командир производства обязан быть большевиком. Каждый из нас должен быть крепко связан с массами и ни на минуту не забывать, что вся наша жизнь — это борьба, цель которой — торжество пролетарской революции, полная победа коммунизма. Вот эта партийность, эта целеустремленность, способность в каждом, даже сравнительно небольшом деле видеть великую цель — главное, чему я учился у товарища Орджоникидзе...

Я вспоминаю товарища Орджоникидзе в период восстановления черной металлургии. Приехав на Юзовский завод, товарищ Орджоникидзе долго ходил по доменному цеху, рудному двору и, подойдя к каталям, возившим по 60 пудов руды в «козах», остановился и сказал:

— Проклятое наследие прошлого! Это орудие изнуряющего физического труда надо уничтожить как можно скорее.

И тут же, не уезжая с завода, объявил конкурс на составление лучшего проекта механизации рудного двора. А мне сказал:

— Вы, молодые инженеры, должны приложить все силы, чтобы рудный двор механизировать поскорее.

Я ответил, что для механизации работ на рудном дворе надо при капитальном ремонте каждой домны оборудовать ее наклонным скиповым подъемником и автоматическим засыпным устройством новейшей системы Мак-Ки. Это сразу же позволит нам, сказал я, убрать с колошников так называемых «горовых», катающих в атмосфере удушливого газа по 60 пудов руды, и даст возможность после переоборудования всех печей перестроить рудный двор по американскому образцу.

Товарищ Орджоникидзе обрадовался, схватил меня за плечи и в присутствии каталей приказал:

— Делай! Делай немедленно!

Меня всегда удивляло, как это нарком знает всех руководителей не только заводов, но даже цехов. И как только человек хоть мало-мальски начинает проявлять себя, товарищ Орджоникидзе уже вызывает его, говорит с ним, поручает ему все более и более ответственную работу.

Товарищ Орджоникидзе любит молодежь, любит детей. У каждого директора он спрашивает, как живут дети рабочих завода, сколько яслей, детских садов, как со школами. Он каждого учит заботиться о детях рабочих и о самих рабочих прежде всего.

Товарищ Орджоникидзе, раз решив, не откладывает своего решения: он тут же его осуществляет. Но, принимая решение, он предварительно убеждается в том, что оно вполне осуществимо. А тогда уж никакие препятствия его не остановят.

Эта целеустремленность, это недюжинное знание людей и условий работы каждого предприятия позволяют наркому даже в специальных областях принимать такие решения, которые поражают специалистов, как решения единственно правильные. Примером может служить указание о разделении мартеновского цеха Кузнецкого металлургического завода на два цеха. Будучи в Москве, нарком правильно оценил положение и лучше нас, кузнечан, увидел, что препятствует повышению выплавки стали на нашем заводе. Разделив цех по прямому указанию товарища Орджоникидзе, мы сразу увеличили выплавку стали на 20 процентов.

И затем — вера в пролетариат, вера в выдвинутых пролетарской революцией командиров производства, твердое убеждение в том, что «нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики».

В свое время товарищ Орджоникидзе перевел меня с Юзовского на Енакиевский завод, поставил техническим директором этого крупнейшего в то время металлургического предприятия, выплавлявшего 1600 тонн чугуна в сутки.

Собрал товарищ Орджоникидзе нас — ударников, инженеров, техников — и сказал:

— Вы даете 26 тысяч тонн проката в месяц, а надо давать 40 тысяч тонн. Даете 1500 тонн чугуна в сутки, а надо давать 2000 тонн. Я верю, что вы это сделаете.

Товарищ Орджоникидзе дал нам на разгон один квартал и шутливо сказал:

— Выполните задание — будете ездить в машинах, как полагается передовым людям страны.

Три месяца прошло, и я получаю от товарища Семушкина телеграмму: «Высылайте человека в Москву принимать пять автомобилей». Нас, выполнивших задание наркома, поразило, что он не забыл своего обещания, высказанного как бы в шутку.

Воспитывая кадры, заботясь о людях, товарищ Орджоникидзе терпеть не может чинуш, бюрократов и трепачей. И уж если попадется ему в руки такой тип, то с него «перья летят» вовсю до тех пор, пока такой человек не осознает своих ошибок. Отсутствие самокритики, по мнению наркома,— первый признак неблагополучия на предприятии. Нас, металлургов, нарком любит именно за то, что мы, очевидно, лучше других научились у него самокритичному отношению к себе, непримиримости к недостаткам своей работы. На совете при наркоме он хвалил металлургов как раз за то, что они показывают образцы самокритичного подхода к делу, к самим себе.

За индустриализацию, 1936, 28 октября.

П. И. КОРОБОВ

ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА ТРУДА

Товарищ Серго хорошо знал не только жизнь каждого завода, каждой стройки, но и ведущих людей, работающих на этих заводах и стройках. Он знал этих людей в лицо, по фамилии, на какой должности работает каждый из них и как работает.

Товарищ Серго горячо любил молодежь и радовался ее успехам. В ней он видел наше будущее и нашу славу.

Первый раз я встретился с товарищем Орджоникидзе в начале апреля 1932 г. Он пригласил к себе группу работников Енакиевского завода, среди них был и я, молодой инженер, начальник доменного цеха. Своим теплым обращением с нами, неподдельной простотой он буквально покорил нас, влил в нас много новой энергии, воли и желания работать еще лучше. Товарищ Серго подробно расспросил каждого из нас о работе цеха, о недостатках, о том, как мы думаем улучшить нашу работу в дальнейшем. Прощаясь, он обещал обязательно побывать в конце месяца на нашем заводе. И он это сделал.

Доменный цех Енакиевского завода работал хорошо, и я был счастлив, что мог показать своему наркому наши достижения. Во время обхода цеха товарищ Серго поразил меня своим подходом к делу. Несмотря на свою занятость, он знакомился с работой цеха до мельчайших подробностей и нашел время поговорить с каталями, десятниками, горновыми, газовщиками, мастерами, инженерами. Каза-

лось, все хотел знать Серго, и действительно, он знал многое.

«А почему в вагонетках крупные куски руды? — подводя меня к подъемнику печи, спросил товарищ Серго.— Ведь это нехорошо, как ты думаешь?»

Я смущенно обещал исправить этот недочет. Обходя печи, товарищ Орджоникидзе обязательно заходил в помещение контрольно-измерительных приборов, допытывался, все ли приборы работают, привыкли ли рабочие и инженеры ими пользоваться. Эти вопросы задавались им не случайно, так как металлурги долго не могли расстаться с «дедовскими» методами управления металлургическими агрегатами и предпочитали определять температуру дутья на глазок, а количество воздуха, вдуваемого в печь, по давлению, показываемому примитивными приборами.

Товарищ Орджоникидзе прекрасно знал, что технику нельзя двинуть вперед, не насаждая упорно, по-большевистски, технологическую культуру, что время, когда управление металлургическими агрегатами велось «на глазок» и «по интуиции», прошло и для ведения высокопроизводительного технически грамотного металлургического процесса необходимо знать передовые методы управления процессом и иметь в своем распоряжении новейшие приборы, а овладев тем и другим, можно получить большие результаты от каждого агрегата. Поэтому он не жалел средств на приобретение новых измерительных приборов, требовал от работников обязательного знания работы этих приборов и заставлял при всех условиях ими пользоваться.

После длительного обхода завода Г. К. Орджоникидзе поехал в заводской поселок, чтобы познакомиться с бытом рабочих, проверить, как строится жилье, как благоустраивается рабочий город.

В третий раз я встретил товарища Серго в самом начале 1933 г. В это время плохо работала металлургия Юга. Он объезжал заводы Донбасса и приехал к нам, в Енакиево. Енакиевский завод в то время работал также плохо. Доменный цех, которым руководил я, не выполнял плана. В цехе не хватало рабочих по загрузке печей, не хватало кокса.

Домны велись на сокращенном дутье. Тяжело было смотреть в глаза товарищу Серго.

В то время на Енакиевском заводе во всех цехах работали молодые советские специалисты. Признаться, все мы были уверены, что нам придется иметь с товарищем Серго

неприятный разговор по поводу плохой работы, а может быть и больше. Но мы ошиблись. Орджоникидзе внимательно обошел все цехи завода, собрал руководителей и, как мудрый отец, ласково и в то же время сурово поговорил с нами, расспросив каждого из нас, что надо сделать, чтобы выправить создавшееся положение, чем надо помочь.

«Вы все молодые люди,— говорил товарищ Серго,— и мы вам обязаны уделять особое внимание, оказывать вам помощь, но это не значит, что мы не должны с вас спрашивать работу. Поможем, потом спросим, и крепко спросим».

И действительно, он оказал нам большую помощь, и мы с утроенной энергией взялись за работу. К весне дело выправилось; наш цех снова стал выполнять и перевыполнять государственный план.

Я знаю, как радовался нашим успехам Г. К. Орджоникидзе... Осенью 1933 г. товарищ Серго вызвал меня к себе в Москву. «Ты знаешь, зачем я вызвал тебя к себе?» — спросил он, когда я зашел к нему в кабинет.

Речь шла о моем назначении начальником доменного цеха на завод имени Петровского в Днепропетровске.

— Догадываюсь,— ответил я.

— Ну, как ты, пойдешь?

— Если надо, товарищ Серго, безусловно, пойду.

— Надо пойти, дела на заводе нехорошие. Старые специалисты требуют миллионы рублей для того, чтобы перестроить доменный цех, а без этого, говорят, не будет хорошей работы. Не верю я этому. Дело все в людях, а не в деньгах. Сначала хотел тебя просто приказом назначить, а потом решил вызвать к себе в Москву. Ведь человек — не стакан, который можно переставить с одного места на другое, и он ничего не скажет, с живым человеком надо поговорить.

Прощаясь, товарищ Серго сказал:

— Ну, поезжай на завод; если надо будет помочь, не стесняйся, проси. Даю тебе месяц сроку. Месяц не буду беспокоить, а через месяц спрошу.

Как радовался товарищ Серго, когда дела на заводе стали быстро поправляться и завод стал в ряды передовых предприятий!

Товарищ Серго не останавливался ни перед какими трудностями и самые сложные задачи решал уверенно, веря в человека.

С именем товарища Серго связаны гигантские новые стройки. Трудящиеся Магнитки, Кузнецка, Тагила, Запорожья, «Азовстали» никогда не забудут товарища Серго.

Он лично занимался этими стройками, неустанно помогал двигать строительство вперед, осваивать введенные в действие домны-уникумы, мощные мартеновские печи и новейшие прокатные и трубопрокатные станы, новые железорудные и другие предприятия.

Исторический архив, 1961, № 5, с. 173—174.

С. П. БИРМАН

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ НАШЕЙ ПАРТИИ

На протяжении десяти лет сколько раз приходилось сталкиваться с этим изумительным человеком, каждая встреча с которым — событие, навсегда и глубоко запоминающееся! Казалось, возьмешься за перо — и в два счета статья будет готова.

Оказывается, что это не так. Захлестывают воспоминания о множестве встреч с Серго по самым различным поводам, о ряде его незабываемых выступлений, о его неподражаемых репликах, о его колоссальной памяти, о его поразительной мягкости и сокрушительной жесткости. Не знаешь, с чего начинать, что выбрать из всего этого громадного материала...

Где еще это возможно, чтобы простое отношение к руководящим людям сочеталось с таким настоящим, искренним почетом и отражало одновременно и беззаветную любовь, и неограниченную преданность, и глубокое уважение, и железную дисциплину?

Это возможно только у нас, где руководители — не персоны, поставленные над трудящимся народом, а люди, являющиеся частью самого трудового народа, опирающиеся на свой личный авторитет, на любовь и доверие трудящихся масс.

А Серго воплощает все эти свойства советского руководителя.

Принимает ли он в своем кабинете до поздней ночи или «отдыхает» в выходной день на даче (слово «отдыхает» в связи с ним можно привести только в кавычках), сидит ли за завтраком или за обедом, находится ли в пути в вагоне или проводит свой отпуск на курорте,— он никогда не превращается в «частное лицо».

Прием работников начинается уже во время завтрака дома, не прерывается он и во время обеда.

Серго можно звонить по телефону и в 10 часов утра и в 12 часов ночи.

Как-то недавно, приехав на несколько дней по делам завода в Москву, я зашел к нему в кабинет на одну минуту и, получив разрешение своего вопроса, сказал, что о некоторых делах завода хотелось бы подробнее информировать.

— Вызову,— ответил нарком.

Прошло три дня. Видя, насколько он загружен, не решился напомнить о себе. Но в выходной день под вечер — я уже собирался уехать — раздается телефонный звонок: разыскивает Серго, сейчас пришлет машину, просит приехать на дачу. А там у него уже сидит А. В. Винтер. Обедаем, угощает и обсуждает вопросы гидроэлектростроительства. Затем, прогуливаясь по саду, слушает мой доклад. Отпускает поздно вечером. И так все время, «выходной день» только кажущийся.

И то же самое во время отпуска. Одни сами приходят, других он вызывает. За столом или во время прогулки — кругом всегда люди, работники наркомата, главков, заводов; слушает доклады, дает наставления или советуется (обдумывая какое-нибудь явление или мероприятие, он любит спрашивать мнение работников, которые в это время у него бывают).

Зинаида Гавриловна с мягким, добродушным укором смотрит на каждого вновь прибывающего посетителя, взглядом напоминает, что надо дать Серго отдохнуть, но знает, что это безнадежно: оторвать Серго от дела, заставить его отдыхать — это совершенно немыслимо.

В сентябре из Кисловодска приехал в Сочи товарищ Дьяконов, директор Горьковского автозавода. Окружаем его все отдыхающие здесь хозяйственники:

— Видел ли Серго? Как он отдыхает? Как его здоровье? Что он делает?

— У него не менее двадцати человек,— повествует Дьяконов.— Он все занимается делами. Зинаида Гавриловна уже ругается.

У нас у всех есть моменты, когда на час, на день, на неделю хочется только отдыхать. Для него это немыслимо. Представить себе Серго только отдыхающим, не разговаривающим о делах, о чугуне, о нефти, об угле, совершенно невозможно. Для него это и работа, и отдых.

Его способность за любым заявлением, за любой цифрой, за любой бумагой увидеть самую сущность и смущает,

и поражает всех работников, которым с ним приходится работать.

Как только календарный месяц истек, Серго начинает требовать отчетные материалы. Отчет о работе всех отраслей, всех предприятий по всем показателям за целый месяц — это море цифр! Серго с бесконечным терпением роется в этих цифрах. Но вдруг прерывает:

— Ты мне не сравнивай плуги с плугами вообще! А ты мне скажи, сколько конных и сколько тракторных плугов было в прошлом году и сколько в текущем?

В октябре 1933 г. Серго посетил завод имени Либкнехта (Днепропетровск). Здесь — один из новейших мартеновских цехов. Цех оказался запущенным, грязным. Серго хмурится. Вдруг обращается к сопровождающим его руководящим работникам завода и цеха:

— А почему пламя выбивает на крыши?

Кругом замешательство. Не ожидали от наркома, руководящего всей промышленностью, такого специфически технического вопроса. Пытаясь успокоить его, бормотали всякие надуманные объяснения. А наркому было ясно, что это — явный признак неправильного режима или плохого состояния печи. Назначил комиссию из видных специалистов для обследования цеха. На третий день директор завода и начальник цеха были сняты.

Я был молодым руководителем «Югостали», когда зашел к Серго, тогда наркому РКИ, с жалобой на действия некоторых органов РКИ. Многие, даже крупные руководители в таких случаях прежде всего защищают свой аппарат и даже обижаются за него. Не таков Серго! Он не только принял меня, прервав разговор с руководящими работниками своего наркомата, но тут же по телефону связался с руководителем украинской РКИ, потребовав у него объяснений. Затем Серго вызвал его специально по этому вопросу в Москву, после чего назначил обследование действий местных органов РКИ.

В апреле 1934 г. я встретил Серго при объезде предприятий Донбасса. Информируя об обстановке на заводе имени Петровского (Днепропетровск), я, между прочим, упомянул, что для прокатчиков не хватает сапог. Недели через две в моем кабинете раздался телефонный звонок. Звонит Серго из Москвы:

— Сколько пар сапог вам нужно для удовлетворения нужд прокатчиков?

И высланная вслед за этим заявка была удовлетворена.

Но особенно глубоко запомнился следующий эпизод.

Я ожидал обещанного приема. Через секретариат один за другим проходят инженеры, делегации далеких краев, начальники главков, секретари обкомов. Уже приближается моя очередь, когда оказывается, что Серго принимает молодого ленинградского инженера-изобретателя, жалующегося, что затирается его изобретение. Этот инженер изобрел портативный аппарат, который в звуковом кино заменяет довольно громоздкое сооружение, одновременно способствуя усилению и чистоте звука.

Через несколько минут выходит из кабинета Серго с молодым инженером и приглашает нас, ожидающих (директоров, нескольких начальников главков и своих заместителей), в экспериментальную комнату, на пятый этаж. Там по приказу наркома демонстрируют звуковую картину сначала со старым приспособлением, затем с изобретением молодого инженера. Сразу устанавливаешь, что во втором случае звук действительно яснее и сильнее. Серго велит опять демонстрировать старое приспособление, потом опять новое и снова старое, и опять новое. Каждое последующее испытание подтверждает, что изобретение молодого инженера, помимо того что стоит дешевле, значительно улучшает звук.

Вернулись обратно в кабинет наркома. Серго ведет телефонный разговор с начальником ГУТАПа товарищем Дыбецом.

— Какая машина у тебя?

А потом, после ответа Дыбеца:

— Но есть у тебя еще одна машина,— кажется, М-1?

(Это — одна из первых образцовых машин, отделанных по особому заказу.)

— Ну, пришли ее сюда, во двор наркомата.

И когда машина пришла, Серго спустился во двор с молодым инженером-изобретателем:

— Нравится тебе машина?

Парень стоит растерянный, не найдет ответа.

— Поезжай!

И молодой инженер уехал на своей машине, на новенькой, блестящей М-1.

Это — Серго!

За индустриализацию,
1936, 28 октября.

С. Р. ГЕРШБЕРГ

РЕПОРТАЖ ИЗ НАРКОМТЯЖПРОМА

На мою долю журналиста-правдиста выпало большое счастье: в течение нескольких лет вести репортаж из Народного комиссариата тяжелой промышленности, когда наркомом был Серго Орджоникидзе...

Впервые мне довелось увидеть и услышать товарища Серго 1 января 1932 г. на торжестве, посвященном десятилетию газеты «За индустриализацию». Оно состоялось в Колонном зале Дома союзов, где собрался цвет московской промышленности.

Звонок, раскрываются несколько дверей и тысяча гостей занимают места. С чувством восхищения разглядываю впервые увиденный беломраморный зал, залитый светом хрустальных люстр.

Вдруг зал разразился овацией. Откуда-то из глубины сцены появился Серго Орджоникидзе. Широкий в плечах, крупное выразительное лицо, вьющаяся шевелюра, большие усы. И не такой, как на портретах: совсем не строгий, веселый взгляд, то, кажется, удивленный, то временами усталый. Приветливый взмах рукой, широкая, приятная улыбка. Видно, ему мешал крючок воротника, он тут же его расстегнул и сел. Серго стал сразу «домашним», зал утихомирился.

Слово предоставляется товарищу Орджоникидзе...

Серго начал свою речь рассудительным тоном, и этому соответствовало спокойное выражение его лица, короткие жесты ладонью левой руки, как будто он выступает не перед тысячной аудиторией, а объясняется с несколькими людьми в кабинете или где-нибудь в цехе. Он говорил не торопясь, негромко, но отчетливо. Грузинский акцент, который не оставлял его всю жизнь, делал речь мелодичной и, казалось, особо выразительной, с частыми ударениями и подчеркиванием целых фраз. Но чем ближе переходил он от итогов наших достижений к задачам, его голос становился громче, речь настолько ускорялась, что теперь уже было не поспеть за ним и стенографам. Когда он особенно распалялся, отдельные слова как-то проглатывались, тем не менее ясность мысли оставалась необыкновенно зримой, ибо оратор доносил ее не только с помощью слова, но и всей своей мимикой, жестами, поворотами головы, плеч и всей фигуры...

Орджоникидзе говорил о задачах газеты «За индустриализацию», но его слова относились ко всей печати, и не только печати. Он предупредил, что ему хочется «сказать два слова только о трех из тех задач, которые стоят перед нами»,— о металле, угле и машиностроении. Но сказал не только об этом. Речь шла о коренных проблемах наступившего 1932 г.— четвертого года, который партия хотела сделать последним годом первой пятилетки.

Заявив о том, что в борьбе за досрочное выполнение пятилетки нельзя упускать ни одного дня, ибо если сегодня прозеваешь, то завтра не наверстаешь, Серго с большим жаром произнес в адрес газеты:

— Изо дня в день она должна следить, как идет выполнение всех наших планов, она должна смотреть за тем, не надувают ли нас, она должна вскрывать и выкорчевывать везде и всюду фальшь и очковтирательство, не считаясь с тем, кому это приятно, кому неприятно. Для газеты должно быть свято одно то, что полезно для нашего государства, то, что полезно для того, чтобы выполнить нашу программу.

Серго подчеркнул значение хозрасчета, контроля рублем, требовал повышения роли хозяйственных договоров, основанных на действительной материальной ответственности предприятий. Как актуально звучат и сегодня слова, сказанные почти полвека назад:

— Мы никому не позволим наплевательски относиться к хозяйственным договорам, вытекающим из заданного плана и являющимся основой выполнения плана всей промышленности. Ведь когда одно предприятие не выполняет договора, оно срывает план другого социалистического предприятия.

С особенной силой Серго разъясняет задачу, поставленную партией: добиться решительного освобождения нашей страны от иностранной зависимости.

— Вы знаете наших «друзей»,— говорит Серго,— которые нас окружают во всем мире, как они «хороши», как «расположены» к нам, вы это знаете. Нам надо настолько повернуть нашу промышленность и строительство, и в первую голову наше машиностроение, в сторону внутреннего производства машин и оборудования, чтобы зависимость от заграницы была доведена до минимума.

— В этом году,— гремел голос Серго,— максимальное сокращение импорта — центральная задача всей нашей промышленности, и тому хозяйственнику, который не сумеет перестроиться в этом направлении, я прямо должен

заявить: ему не будет места в рядах хозяйственников, строящих свою, независимую социалистическую страну.

Вот как остро поставил вопрос Орджоникидзе!

Резкая, крутая постановка вопросов всегда отличала выступления Серго. Они носили постоянное дыхание новизны...

К концу 1931 г. ВСНХ стоял перед непосильной задачей объять необъятное. Созданный по горячему следу Октябрьского штурма, в декабре 1917 г., Высший совет народного хозяйства, во главе которого в разное время стояли такие выдающиеся деятели партии, как Ф. Э. Дзержинский, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, сыграл великую роль собирателя и организатора социалистического производства. В 1931 г. объем промышленного производства возрос по сравнению с наивысшим дореволюционным уровнем 1913 г. более чем в 2 раза, а по крупной промышленности — в 3 раза. Управлять таким хозяйством из одного центра становилось невозможно.

В системе ВСНХ существовало 32 громоздких объединения типа синдикатов, каждое из них охватывало сто — двести предприятий и трестов. Объединения разукрупнялись, становились трестами. Наркомтяжпром отказался от функциональной системы, преобладавшей в ВСНХ, и стал на путь создания и укрупнения отраслевых главков.

Орджоникидзе ставил во главе отраслей промышленности старых большевиков — талантливых организаторов, ведших партийную или хозяйственную работу еще при Ленине. Одни из них были инженерами по образованию, но большинство, как и сам Серго, овладевали хозяйственной специальностью в процессе практической деятельности. Орджоникидзе пришел в ВСНХ из ЦКК—РКИ, где он много занимался промышленностью, хорошо знал ее слабые стороны. Из ЦКК—РКИ он не только принес в ВСНХ большой опыт раскрытия неиспользованных резервов, но и перевел в ВСНХ группу эркаистов, старых партийцев, досконально разбиравшихся в состоянии отдельных отраслей производства.

Постепенно Орджоникидзе стал выдвигать на руководящую работу в промышленности способную инженерно-техническую молодежь, выискивал коммунистов с инженерным образованием и опытом партийно-политической деятельности, знакомился с крупными специалистами, профессурой, учеными из числа беспартийных, всемерно приближая их к наркомату и заражая собственным энтузиазмом. Этих людей Серго приглашал к себе на заседания

коллегии, на оперативные совещания. Они служили замечательной школой социалистического хозяйствования.

Кабинет Орджоникидзе, каким он запомнился. Из приемной попадаешь в большую комнату, почти зал. В левой стене два широких окна. Между ними карта Советского Союза. В левой половине кабинета в дальнем углу — письменный стол и столик с телефонными аппаратами. По правой стене — вместительный шкаф с книгами, столик с глобусом и альбомами, еще карта.

Единственный портрет над письменным столом — В. И. Ленина.

Значительную часть кабинета занимал длинный стол для заседаний, накрытый зеленым сукном, 22 стула. Еще несколько стульев — у стен, на случай, если соберется больше людей. Если же число приглашаемых переваливало за три десятка, собирались в зале заседаний.

На зеленом столе — несколько пепельниц, хотя никто на заседаниях у наркома не курил. Для перекура устраивались перерывы. Но даже самые заядлые курильщики... старались воспользоваться перерывами, чтобы подойти к Серго и переговорить по каким-то, видимо, неотложным делам. Правда, иногда Серго на время перерыва выходил из кабинета в расположенную по соседству комнату отдыха. Но и туда он обычно уводил с собой несколько человек.

Когда заседания затягивались, подавался горячий чай с бутербродами. Было время карточной системы, все закусывали с аппетитом. На одном из заседаний... сосед справа подвинул ко мне ладонью сложенный лист бумаги. Я оторвался от блокнота, развернул лист. Это была записка Серго: «Слушай, кацо! Если у тебя больной желудок, я попрошу принести чего-нибудь диетического. С. О.». Я давно проглотил полагающиеся два бутерброда и с удивлением посмотрел на Орджоникидзе. Он помотал головой и показал на моего соседа слева, приезжего товарища, который, видимо, постеснялся угощаться. Я передвинул к нему записку. Он тут же приналег на бутерброды, а записку спрятал в портфель. Я подумал, что письмецо Серго для него куда дороже закуски...

Орджоникидзе — человек колоссального эмоционального заряда, а разрядка приобретала различную окраску в зависимости от обстоятельств. На одном и том же заседании атмосфера могла меняться с быстротою молнии, но за нею не всегда следовал гром. Серго мог терпеливо выслушивать, иногда впиваясь в говорящего взглядом, полным какого-то детского любопытства. Он умел «разматы-

вать» докладчика, доискиваясь до деталей, особенно когда Серго чего-нибудь не знал. По какому-нибудь, казалось, частному поводу он мог устроить целый опрос присутствующих, звонить по телефону, получать дополнительную информацию, и тогда из частного вопроса вырастал общий, принципиальный. Речь могла в данный момент идти о чугуне, но Серго, видя весь фронт промышленности, какой-то изумительной хваткой, необыкновенным чутьем нащупывал проблему, одинаково важную для чугуна и угля, нефти или машиностроения.

Когда Серго выяснял причины отставания отрасли или отдельного предприятия, он крепко «нажимал», требовал выполнения плана во что бы то ни стало, но никогда не отворачивался от так называемых «объективных причин» прорыва. Хорошо зная, что хозяйственники сами боятся упоминать об этих причинах, дабы избежать упреков в оппортунизме, примиренчестве, хвостизме и тому подобном, нарком сам требовал докладывать о внешних трудностях и всякий раз спрашивал: чем нужно помочь сверху? И он тут же отдавал устные распоряжения, а иногда на листке из блокнота писал приказы.

Орджоникидзе мог быть недоволен чьей-то работой, с горечью и досадой говорить о допущенной ошибке, о неповоротливости, неоперативности, консерватизме, бюрократизме и даже безголовости, но проявлял при этом терпимость. Суровым же бывал Серго лишь при одном обстоятельстве: если обнаруживал обман. Лжецов он презирал, ненавидел. Когда вскрывались случаи обмана государства, наркомата, наркома, он приходил в ярость, вскакивал с места, жестикулировал, его речь становилась неразборчивой, шепелявой, язык заплетался. Казалось, его может хватить удар. Человек предельной искренности, он не мог согласиться с тем, что на нашей земле, в Советском Союзе, сейчас, в его кабинете, находятся люди, способные обмануть. «Кого? Партию! Советскую власть обманывать?!» — кричал он в гневе.

Каждое совещание у Серго — это десятки и сотни его реплик, метких, остроумных, иронических, саркастических, шутливых, вопросительных, восклицательных. Своими репликами Серго превращал совещания в оживленные беседы, где каждый чувствовал себя равным...

Совещание с бакинскими нефтяниками. Они жалуются на нехватку оборудования. Говорят, машиностроительная промышленность не дает насосов. Претензий — без конца. Серго несколькими фразами рисует создавшееся положе-

ние: «Нефтяников избаловали. Они все брали с импорта. Когда им предлагали заказывать у нас, они отмахивались, кричали «не выйдет». Свое — плохое!.. А наши промышленники, вместо того чтобы, как за границей, самим взяться за выпуск оборудования для нефтяников, наоборот, были довольны: «Не заказывают — не надо, нам легче будет...» Вот почему мы попали в тяжелое положение с насосами. Надо выбраться из него любой ценой! Насосы сами делать можем и будем! Самолеты же делаем?!»

Другое совещание — с нефтепереработчиками. Докладывают грозненцы. Уйма цифр, процентов выполнений и недовыполнений.

Орджоникидзе: А масла́ наши хуже американских?

Докладчик: Хуже.

Орджоникидзе: А обязательно, чтоб было хуже? А почему у нас хуже?

Докладчик: Потому, что старая техбаза плюс сырье ухудшается... Да и того мало. Нам не хватает нефти на переработку.

Орджоникидзе выясняет, сколько у Грозного своей нефти, сколько нефтеперегонные заводы получают дополнительно нефти из Баку, записывает, делает подсчеты и спрашивает:

— Вы сколько можете переработать? А если лучше использовать установки? А у кого выше отбор светлых нефтепродуктов — в Баку или в Грозном?

Докладчик: У бакинцев хуже. Надо забрать у них часть нефти и отдать Грозному.

Орджоникидзе: А у вас, в Грозном, думают добывать свою нефть или нет? Что это, безнадежное дело?

Докладчик уклоняется от прямого ответа на вопрос о том, когда «Грознефть» увеличит добычу, говорит о потерях нефтепродуктов, о плохом досмотре за трубопроводами, о необходимости утилизировать отходы, о полимеризации газа и еще о многом другом. Говорит довольно монотонно. Серго слушает, но начинает, кажется, скучать, почесывает голову, пишет записку и кому-то передает ее. Видно, нарком ожидает момента, чтобы вторгнуться в доклад.

В зале заседаний жарко. Воздух застоялся, хотя окна открыты. Серго расстегивает воротник белого кителя. Вынимает платок и обтирает высокий лоб. Задает один-два вопроса усталым голосом. Вдруг разражается гроза и струи свежего воздуха с дождем врываются в окна. Сверкнула

молния, осветив стол президиума. Но заседание продолжается в прежнем тоне. Докладчик, покончив с вопросами технологии, перешел к состоянию жилищного строительства и опять забросал всех цифрами и процентами.

— Слушай, друг,— говорит Орджоникидзе умоляюще,— у тебя там в портфеле еще много цифр в запасе? А? Погода и та переменилась, может быть, и ты перестроишься, а? Пойми же, что цифры я и мои заместители можем прочитать в любое время, а тут тебя вытребовали из Грозного, оторвали, можно сказать, от дела, от семьи — для чего? Чтобы посмотреть друг на друга? Это тоже важно. Но главное — послушать и понять, как вы там работаете, как живете-можете...

Докладчик отложил листы с таблицами цифр, вздохнул и сказал:

— Тяжело живем, товарищ Серго, и даже очень.

Орджоникидзе: Почему же очень?

Докладчик: Жилья не хватает. Негде людей селить, уходят. Жилстроительство, я уже говорил, ведется плохо. Могу повторить проценты невыполнения плана...

Орджоникидзе: О том, что у вас плохо с жилстроительством, мы уже слышали, зачем зря повторять? Лучше мне скажите, кто живет в вашем заводском поселке, я там был — у вас же прекрасный поселок! Когда вы давали много нефти — жилья хватало, а теперь, слава богу, и нефть не даете, и жилья не хватает. Слушайте, там, против крекингов, ваши дома? Кто в них живет? Там было много посторонних. Почему не выселите?

Докладчик: Живет секретарь райкома...

Орджоникидзе: Ну вот, нашел на кого сваливать! Секретарь райкома, видите ли, живет. А где прикажешь ему жить? Секретарь райкома — это только одна квартира... А я знаю, у вас сорок квартир занято посторонними. Где еще тридцать девять?

Докладчик: Пять милиционеров... Учитель...

Орджоникидзе: Хорошо, один секретарь, один учитель и пять милиционеров. А дальше? Слушайте, вы бросьте скрывать от меня (Серго срывается с места). Где еще тридцать три? Вы никого не хотите выселять, так скоро вас самих выселят. Вам дашь денег, не успеете построить — опять кто-нибудь заселит... Много вам средств надо?

Докладчик: Два с половиной миллиона на два года.

Орджоникидзе: Дадим, а потом придет другой докладчик, и все начнется сначала?

В зале воцаряется абсолютная тишина. Будет гроза? Нет. Пауза. Серго думает. Может быть, вспоминает свое посещение Грозного, может быть, изыскивает деньги для жилстроительства в Грозном? Советуется со своими заместителями и принимает решение выделить два с половиной миллиона?

Неожиданный поворот темы. Орджоникидзе спрашивает:

— Как, по-вашему, что нам перенимать у американцев?

Докладчик: Быстрее строить, меньше думать...

Раздается общий смех.

Орджоникидзе: Ну вот, договорились...

Но далее начинается оживленная дискуссия по вопросу об американском опыте. Выясняется, что мы отстаем по крекинг-установкам, по измерительным приборам.

— Лет на восемь мы отстали по измерительной аппаратуре,— говорит один из докладчиков.

Орджоникидзе: На восемь лет? Это значит, на век отстали! Вы знаете, что значит в наше время год?

Докладчик: Машиностроители навязывают старую аппаратуру, требуют подписать договор...

Орджоникидзе: Не подписывать! Ни в коем случае! Пусть делают не хуже американцев. А кого ты послал за границу?

Докладчик называет фамилию. Орджоникидзе старается припомнить этого человека. Докладчик поясняет: «Ну, малый такой, невысокого роста, помните?»

Орджоникидзе: А, да, да! Малый, черненький такой, помню, помню... Слушай, за сколько строят американцы один крекинг? За шесть месяцев? А мы за два года? Нельзя ли как американцы?

Когда и этот вопрос исчерпывается, начинается разговор о трубах, главным образом об их плохом качестве. Нефтяники обижаются на металлургов. Кто-то заступается за них:

— Надо учесть, товарищи, что они по собственной инициативе взялись за эти трубы.

Орджоникидзе: Не стоит дрянь делать, хоть и по своей инициативе...

На одном совещании, где обсуждались вопросы Донбасса, Серго с трудом втолковывал некоторым управляющим трестами необходимость резко снизить зольность угля. От этого зависело качество кокса, что было важно для увеличения производительности доменных печей. Нарком сначала терпеливо и даже, казалось, элементарно

разъяснял государственную важность этого дела, затем стал повышать голос, сердиться, но управляющие твердили свое: и людей не хватает на выборку породы, и надзор в лавах невозможно усилить, и, в конце концов, металлурги сами могут вести углеобогащение.

— А здесь есть представитель от «Правды»? — неожиданно спросил Серго, прерывая оратора.— Ну вот,— продолжал он,— придется просить «Правду» прочистить коекого с песочком... Два часа сидим, убеждаем, разъясняем, просим, обсуждаем,— как горохом об стену,— заключил Серго обиженным тоном, как будто это говорит не грозный нарком, а смирный учитель, которого не слушается заупрямившийся класс.

На Пленуме ЦК ВКП(б) 1 октября 1932 г. в докладе «О развитии черной металлургии» Орджоникидзе, обращаясь к присутствовавшим директорам металлургических заводов, говорил (цитирую по стенограмме): «Я должен прямо сказать, что когда в «Правде» говорят, что вы плохо руководите, я не скажу, чтобы я от этого приходил в восторг (смех), но когда проходит минута, подумаешь — выходит, что так (смех)». Отсюда видно, что Серго переживал критику предприятий тяжелой промышленности в «Правде». Но, убедившись, что критика справедлива,— он ее ценил.

Вообще, Серго с большой любовью относился к «Правде», регулярно звонил ее редакторам, подсказывал темы передовых статей и корреспонденций, советовал, в какую сторону следует «нажимать». А нередко — «вербовал» для газеты авторов.

Директора крупнейших заводов, обычно после больших программных бесед с наркомом, приезжали в экономический отдел «Правды», чтобы держать нас в курсе дел. Когда в 1934 г. директор Макеевского металлургического завода Георгий Гвахария первым в стране ввел цеховой хозрасчет и доложил Орджоникидзе о своем плане отказа завода от государственной дотации, в редакцию позвонил помощник народного комиссара:

— Серго советует напечатать в «Правде» статью Гвахария. Он сам с ним договорился, автор уже выехал в редакцию. Приготовьте стенографистку.

Директор авиационного завода «Авиахим» А. М. Беленкович ввел меры поощрения кадровых рабочих, добился резкого снижения текучести. Беленкович доложил об этом наркому. Орджоникидзе посоветовал ему пригласить правдистов, заинтересовать их опытом завода. 18 мая 1934 г. в

газете появилась большая подборка материалов об опыте «Авиахима».

Директор Московского автозавода И. А. Лихачев был послан в Германию и Италию для ознакомления с автомобильной промышленностью. По возвращении он несколько часов делился своими впечатлениями и наблюдениями с Орджоникидзе. Прямо из кабинета наркома Лихачев приехал в «Правду».

— Серго меня прислал,— сказал Иван Алексеевич.

В газете была напечатана большая статья Лихачева...

Разные по форме бывали совещания у народного комиссара тяжелой промышленности: длинные и короткие, бурные и спокойные. Но всегда полные большого содержания, обязательно результативные, поворотные. Совещания завершались принятием постановлений или изданием приказов. Решения принимались с минимумом общих установок и максимумом конкретности. Когда Серго брал в руки проект приказа с «вводной частью» на нескольких страницах, он говорил: «Установки дает партия, наше дело издавать конкретные приказы». Хозяйственные работники постоянно отмечали, что постановления коллегии НКТП или приказы наркома отличаются глубоким знанием специфики каждой отрасли промышленности.

Работники каждой отрасли считали Орджоникидзе своим, были уверены, что именно к их отрасли он проявляет наибольший интерес и симпатию...

Шахтеры называли Орджоникидзе не иначе как угольщиком, и даже старым угольщиком. Я присутствовал однажды на совещании группы передовых горняков у первого секретаря Донецкого обкома партии Саркиса Саркисова. До открытия совещания шахтеры вспоминали о встречах с Серго. Здесь я впервые услышал историю приезда Орджоникидзе в Донбасс еще в начале 1922 г. ...В декабре 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос о положении в Донбассе и постановил немедленно командировать к украинцам на неделю Орджоникидзе, с тем чтобы он на месте разобрался в обстановке... Серго работал тогда в Закавказье секретарем Кавбюро ЦК РКП(б), но поездка в Донбасс была для него ленинской командировкой. В докладе на XI съезде партии Владимир Ильич сам сказал, что товарища Орджоникидзе он просил специально и ЦК ему также поручил — поехать и посмотреть, что там происходит...

Вот откуда начинался «шахтерский стаж» Орджоникидзе!

Не зря горняки называли Серго угольщиком. В самом деле, кто в тридцатые годы больше него занимался механизацией Донбасса? А кто дрался за превращение Кузбасса во второй Донбасс и за создание в Караганде третьей угольной базы Союза? Кто, как не он, первым поддержал геройские дела Никиты Изотова и других горняков, которых он называл «самыми святыми людьми на земле» за их полный физических усилий и риска «труд под землей»? Помню, как был счастлив Серго, когда весной 1934 г. в Горловке горняки разрушили поселок из 60 землянок под названием Собачевка. Горловский горком партии прислал в Наркомтяжпром письмо рабочих шахты № 1 «Кочегарка», переселявшихся в новые квартиры. Они писали: «Первого мая сметем старую Собачевку!» По просьбе Серго это письмо было напечатано в «Правде». Газета писала: «Умирают Собачевки — растет социалистический Донбасс»... А сентябрь 1935 г.— разве не Серго был первым, кто в рекорде Алексея Стаханова увидел зародыш великого народного движения за высокую производительность труда, достойную социализма!

Работники нефтяной промышленности с гордостью называли Орджоникидзе нефтяником... До революции он вел в Баку подпольную работу, входил в состав Бакинского комитета партии, из Баку выезжал во Францию, где в Лонжюмо, под Парижем, учился в ленинской школе. В начале 1920 г. Орджоникидзе руководил освобождением Азербайджана. Возглавляя на протяжении пяти с лишним лет коммунистические организации Закавказья, он вкладывает свою неуемную энергию в восстановление нефтяной промышленности. О периоде, когда Орджоникидзе был председателем ВСНХ и наркомом тяжелой промышленности, можно сказать: все, что делалось в эти годы в Баку, непосредственно связано с именем Серго.

Больше всего на Орджоникидзе претендовали работники черной металлургии, и казалось, что к ней он действительно относился с особым пристрастием. Известный инженер-металлург Иван Павлович Бардин писал: «Серго отлично знал и очень любил металлургию. Это производство, связанное с риском, требующее быстрых решений, требующее, чтобы люди работали с огоньком, было близко натуре самого Серго».

Орджоникидзе лично и близко знал всех директоров и главных инженеров металлургических заводов, многих начальников цехов, мастеров и передовых рабочих. Кто слушал или читал речи Орджоникидзе, вспомнит, что они

отличались обилием имен. Но особенно часто он упоминал фамилии металлургических директоров.

В конце февраля 1934 г. состоялось совещание ударников черной металлургии. Собралось сравнительно немного людей, человек полтораста, в небольшом клубе Наркомтяжпрома. Организаторы не рассчитывали на активное участие наркома: это было вскоре после XVII съезда партии, и он буквально утопал в неотложнейших больших делах. Просили Серго хотя бы только «показаться» в президиуме.

Но Серго отнюдь не просто «показался». Он сам открыл совещание, проработал на нем четыре дня и выступил с большой речью. Замысел организаторов совещания состоял в том, чтобы послушать опыт передовиков и сделать два-три руководящих инструктивных выступления. Серго это не устраивало. Он придал совещанию другой характер. Открывая его, он сказал, что товарищи приглашены сюда не для того, чтобы им читать лекции, как поднять металлургию. Наоборот, он, нарком, хочет услышать от собравшихся — лучших ударников металлургии, как они сами собираются работать впредь, учитывая решения XVII съезда партии. Орджоникидзе предложил повестку дня из одного пункта: «Как скорее ликвидировать отставание металлургии и как сделать ее передовой». Само название повестки было необычным.

Многие ораторы приехали в Москву с заготовленными текстами речей. Некоторым из них было на трибуне нелегко. Слушая выступления представителей Енакиева, Москвы, Кузнецка, Таганрога, Макеевки и других металлургических центров, Орджоникидзе своими репликами никому не позволял соскальзывать на путь декларативности, бахвальства, шапкозакидательства.

Участники совещания, разбившись на секции, обобщали опыт работы лучших цехов и на этом основании разрабатывали инструкции по уходу за доменными и мартеновскими печами, по обслуживанию прокатных станов. А потом собрались на заключительное заседание. Оно состоялось вечером 28 февраля в клубном зале завода «Серп и молот», где и яблоку негде было упасть. Здесь Орджоникидзе выступил с одной из самых горячих своих речей. Особенно врезалось в память место, где Орджоникидзе говорил об использовании мирового технического опыта и своего советского.

— Разве черная металлургия — это черная магия, разве это что-то такое, что нам нужно заново откры-

вать? — сказал Серго, отойдя от трибуны и как бы наступая на зал.— Ни-чего подоб-ного! Вы составляли здесь инструкции. Я ничего против них не имею. Это хорошо. Но я хочу сказать вам: поменьше «самобытности» вносите в эти инструкции, поменьше нашего «расейского», а берите правила ухода за агрегатами у немцев и американцев, переведите это на наш язык и давайте нашим рабочим — пусть они это проводят в жизнь...

Орджоникидзе зло высмеивал и тех, кто чурается отечественного опыта. В тридцатые годы нам было чему учиться у немцев и американцев, но много ценного содержал уже и опыт советской металлургии.

— Если кому-либо из вас предложить поехать в Америку, Германию, посмотреть там большие домны, блюминги, новые заводы, из вас никто не откажется,— сказал Серго,— а если спросить вас: видали ли вы нашу Америку — нашу Магнитку, или спросить работников заводов «Коминтерн», имени Либкнехта, имени Петровского, Дзержинки: ездили ли вы хотя бы в Запорожье, в Днепровский комбинат, куда два часа езды, видели ли там хорошую домну, которая дает прекрасные результаты, видели ли там алюминиевый завод и нашу гордость — Днепровскую станцию?— то уверен, что найдутся и такие, которые и в Америке бывали, а в Запорожье — нет. Это уже никуда не годится!

Орджоникидзе сам много ездил по предприятиям, изучал передовой опыт и помогал внедрять его на других заводах. Чаще всего бывал у металлургов. В начале 1933 г. он посещает Донбасс, летом едет на Восток — в Магнитогорск, Кузнецк, осенью — в Днепропетровск. Весной 1934 г.— опять на металлургические заводы Юга, а в августе — сентябре — на Урал, вторично на Магнитку...

В сентябре 1934 г. в Москве состоялось Всесоюзное совещание работников тяжелой промышленности. Съехалось более 500 заводских и трестовских работников. Глядя на зал, Орджоникидзе улыбнулся и сказал, вызвав громовую овацию:

— Судя по богатству высших наград республики — орденов Ленина, Боевого Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, кажется, что здесь заседает переодетый в штатские костюмы штаб в долгих боях отличившейся армии. И это действительно штаб. Штаб командиров и политработников индустриального могущества СССР.

Слова о штабе было бы справедливым прежде всего отнести к самому Наркомтяжпрому, возглавлявшемуся Серго Орджоникидзе.

Гершберг С.
Работа у нас такая.
М., 1971, с. 151—175.

Г. Ф. БАЙДУКОВ

НАКАЗ НАРКОМА

Весной 1935 г. меня неожиданно откомандировали из Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского, где я учился на инженерном факультете, и направили в распоряжение известного полярного летчика, активного участника спасения челюскинцев в 1934 г., одного из самых первых Героев Советского Союза, Сигизмунда Александровича Леваневского. От него я узнал, что меня ему рекомендовали три человека: начальник Военно-Воздушных Сил РККА Я. И. Алкснис, командир авиационной эскадрильи НИИ ВВС А. Б. Юмашев, под руководством которого я испытывал самолеты и системы, обеспечивающие слепые полеты, начальник кафедры аэронавигации ВВА имени Жуковского профессор А. В. Беляков, с которым летом 1934 г. мы летали на флагманском самолете, ведя за собой эскадру четырехмоторных кораблей, совершая дружеские визиты во Францию, Польшу и Чехословакию.

С. А. Леваневский познакомил меня со своим штурманом В. И. Левченко и рассказал о задуманном перелете на самолете АНТ-25, или, как его еще называли, РД,— из Москвы в США через Северный полюс, с посадкой в городе Сан-Франциско. Он объяснил и мои обязанности в составе его экипажа. Во-первых, я должен быть сменным пилотом, особенно при прохождении облачных зон, когда не видно земли и неба. Во-вторых, я должен овладеть радио- и астрономической навигацией, чтобы уверенно нести вахту штурмана. В-третьих, должен стать радистом, способным в полете вести телеграфный радиообмен со скоростью 60—80 знаков в минуту.

Решение правительства для меня было законом, и хотя было трудно расставаться с учебой в академии и сложно овладевать в совершенстве новыми специальностями — штурмана и радиста,— я начал готовиться к выполнению возложенных на меня обязанностей члена экипажа Леваневского.

Нужно сказать, что самолет РД (АНТ-25) не предназначался для полетов в Арктике. Его строили в ЦАГИ под руководством Андрея Николаевича Туполева и Павла Осиповича Сухого для побития рекорда дальности в выгодных условиях погоды.

Решению этой проблемы придавалась такая важность, что для руководства подготовкой самолета и экипажа была организована правительственная комиссия, в состав которой входили: нарком тяжелой промышленности СССР Григорий Константинович Орджоникидзе (Серго Орджоникидзе), нарком обороны К. Е. Ворошилов, начальник Военно-Воздушных Сил РККА Я. И. Алкснис и другие ответственные лица. Эту комиссию назвали Комитетом по дальним перелетам, а сокращенно: Комитет РД. Конкретное руководство и контроль за выполнением решений были возложены на Якова Ивановича Алксниса.

Комитет РД в научно-техническом плане опирался на Технический комитет по РД, возглавляемый А. Н. Туполевым.

Кроме этого, Серго Орджоникидзе назначил от Наркомтяжпрома персонального уполномоченного по делам РД — начальника ЦАГИ товарища Харламова.

В феврале 1935 г., кроме предложения Леваневского, о котором уже было сказано, к начальнику ВВС РККА вышел с другим проектом дальнего рекордного полета летчик Андрей Борисович Юмашев. Он хотел пролететь от Москвы до столицы Бразилии — Рио-де-Жанейро, а при попутном ветре — достичь Монтевидео, столицы Уругвая, что значительно дальше, чем до Сан-Франциско, и к тому же трасса проходит по обжитым и облетанным местам.

Серго Орджоникидзе принимал оба проекта, хотя он лично понимал всю сложность выполнения замысла Леваневского. Однако кипучий и мудрый руководитель Наркомтяжпрома, с присущей ему революционной энергией и взглядом в будущее, взялся, с подчиненной ему авиационной промышленностью, за подготовку материальной части к полету через полюс.

Григорий Константинович знал самолет АНТ-25 (РД) по полетам знаменитого летчика-испытателя М. М. Громова. За время, прошедшее от первого полета Михаила Михайловича на уникальном самолете РД до заключительного аккорда, исполненного осенью 1934 г. Громовым, Филиным и Спириным, нарком не раз сталкивался с,

казалось, чудовищными, неразрешимыми проблемами и все же с непреклонной настойчивостью решал их, благодаря чему АНТ-25 сделал то, чего не смогли еще сделать самолеты ни одной капиталистической страны, включая сюда и самые передовые в авиационном отношении государства, какими являлись Америка, Франция и Англия. Громов за 75 часов беспосадочного полета покрыл 12 411 километров пути по замкнутому маршруту над своей территорией, тем завершил испытания, установив новый мировой рекорд.

Конечно, новый рекорд дальности по замкнутому маршруту дался не так уж просто — и летчик-испытатель Громов, и нарком Серго Орджоникидзе, и начальник ВВС Я. И. Алкснис, и конструкторы А. Н. Туполев и А. А. Микулин пережили немало серьезных и опасных минут. Но теперь стоял совершенно иной вопрос: как перелететь Северный полюс, достичь Сан-Франциско в США, продемонстрировав всему миру, на что способен советский народ и его социалистическая индустрия, одновременно побивая рекорд дальности по прямой, доводя его до 9600 километров вместо 9104 километров, удерживаемых французскими летчиками Кодосом и Росси?

Как пролететь Ледовитый океан, где в огромном районе, окружающем полюс, не работают магнитные компасы — самые надежные спутники мореплавателей, пешеходов и летчиков? И какая должна быть надежность самолета, приборов и особенно мотора АМ-34Р конструкции А. А. Микулина для совершения дерзкого прыжка!

Часто нарком Орджоникидзе взглядывал на карту мира и вспоминал, что сначала самолет РД мог пролететь всего 7—8 тысяч километров. Затем увеличили мощность мотора, заменили деревянный двухлопастный пропеллер на трехлопастный металлический винт, и дальность поднялась до 9—10 тысяч километров. Но Комитет РД настаивал на достижении 12—14 тысяч километров на самолете АНТ-25, и руководитель Наркомтяжпрома совместно с Главным управлением авиационной промышленности, председателем Технического комитета по РД А. Н. Туполевым, начальником ВВС Алкснисом снова и снова поднимали вопросы экономичности расхода топлива на километр пути, уменьшения вредного сопротивления крыла. Это привело к решению обтянуть перкалем металлическое гофрированное крыло самолета, затем хорошо его прокрасить и дать специалистам Московского автозавода (ныне ЗИЛ) отшлифовать полотно крыльев

до зеркального блеска. Исследовательский институт выработал специальную рецептуру получения бензина для мотора АМ-34Р серии РД. Лопасти винта стало возможным поворачивать и тем самым повысить коэффициент полезного действия его.

Результаты многочисленных работ ученых, конструкторов, рабочих социалистической индустрии, в сочетании с высоким летным искусством Громова, Филина и Спирина, и дали прошлогодний рекордный 75-часовой полет над территорией Советского Союза.

Но Арктика есть Арктика. Достаточно было вспомнить челюскинскую эпопею, происшедшую в первой половине 1934 г., чтобы понять всю сложность подготовки к перелету экипажа Леваневского и материальной части для него.

Как все же громовские 12 411 километров теперь использовать в полете по прямой, идущей точно через Северный полюс? Многие ломали головы над этим вопросом. Непрестанно думал об этом и Григорий Константинович.

Опасность обледенения, трудности ориентировки и вождения по курсу в районе полярного бассейна — все это можно было себе представить, но если Леваневский и его экипаж сядут где-то вдали от Родины, среди льдов сурового океана? Как их спасти, что им дать на борт самолета, чтобы они смогли подольше продержаться, пока придет помощь?

Все волновало наркома, и он, невзирая на перегруженность, принимал все меры, чтобы экипаж Леваневского долетел до Сан-Франциско.

Я вспоминаю заседание Комитета РД, на котором Орджоникидзе с искренней радостью докладывал, что проблема борьбы с обледенением трехлопастного пропеллера решена работниками ЦАГИ. Он очень хвалил за это конструктора профессора Александрова.

Начальник ВВС РККА Алкснис подтвердил эффективность предложенной системы.

С еще большим энтузиазмом Григорий Константинович рассказал членам Комитета РД о солнечном указателе курса, созданном молодым инженером Сергеевым. Нарком поблагодарил конструктора и заметил:

— Этот прибор весьма сложен, так как в нем применены тончайшая оптика и очень точный часовой механизм.

Леваневский сказал: «СУК товарища Сергеева мы про-

верили в полетах на Р-5, и он показал себя значительно лучше, чем подобный прибор Герца».

Орджоникидзе, Ворошилов, Туполев и Алкснис собирались часто для обсуждения хода подготовки перелета экипажа Леваневского. Они слушали, как проводятся переделки дренажных систем водяного охлаждения, питания мотора маслом, что делается, чтобы предупредить обледенение карбюратора, двигателя, какое будет установлено отопление кабины самолета РД и многие другие вопросы, помня вечно правильную поговорку-заповедь: «В авиации нет мелочей!»

И нужно сказать, что Технический комитет по РД, возглавляемый А. Н. Туполевым, и конструктор мотора Микулин, как и вся промышленность Советского Союза, делали не только все возможное, а часто сверхвозможное, работая с величайшим напряжением сил. Каждый хотел вложить в такой патриотический перелет все, что он может дать. Особенно поражал меня ведущий инженер АНТ-25 Евгений Карлович Стоман, бывший полный георгиевский кавалер, летчик первой мировой войны и кавалер ордена Красного Знамени, летчик Красного Воздушного Флота времен гражданской войны. Этот человек, уже в годах, работал сутками и, только споткнувшись в самолете о деталь, падал и засыпал от сверхусталости. Серго Орджоникидзе в те годы был грузный, его пушистые усы и кудрявая, густая шевелюра покрылись сединой. Он наслышался о Стомане и на одном из совещаний, увидев его весьма худенькую фигуру, с впалыми щеками, но с горящим взором, сказал Я. И. Алкснису:

— Слушай, товарищ начвоздух, ты не можешь его откормить, а то от Евгения Карловича останутся кожа да кости. А без него мы как без рук...

Сердечный и внимательный нарком Орджоникидзе в то же время был весьма требовательным и напористым. Поэтому дела, как нам казалось, шли нормально.

И вдруг экипаж узнал, что руководитель Наркомтяжпрома серьезно заболел.

Болезнь полного энергии большевика, соратника Ленина, быстро сказалась на темпах работ по переделке самолета АНТ-25 в арктический вариант. Сроки готовности отодвигались, дата вылета откладывалась на более поздние сроки.

В этот период экипаж Леваневского попросили в точно назначенное время на Курский вокзал, откуда отправлял-

ся Орджоникидзе в Минеральные Воды для завершения лечения.

Штурман уехал на целый день с утра, и поэтому в вагон Григория Константиновича прибыли командир экипажа АНТ-25 и я.

— Забыли своего соратника,— шутливо и тихо сказал нарком и добавил: — А я все дни думаю, как они там, без меня? По вашему виду могу судить, что отлично обходитесь без старого ворчуна...— продолжал Орджоникидзе, вид которого был явно болезненный.

Леваневский сказал, что отсутствие наркома сказывается на деле и это экипаж уже твердо себе уяснил.

Нарком, видимо превозмогая боли, грустно улыбаясь, трогал свою шевелюру на мудрой голове, поглаживая усы и, смотря на нас теплыми, ласковыми глазами, спросил:

— Скажите, товарищ Леваневский и товарищ Байдуков, но только честно и откровенно: есть ли у вас какие сомнения?.. Я слышал, что идут споры о марках бензина и масла... В чем тут дело?..

— Действительно, какие-то закулисные споры по этим вопросам ведут между собой институты — ЦИАМ и ЦИАТИМ. А у нас, в полетах, плохого ничего не замечено.

Нарком возразил:

— Видимо, спорят не зря. И вы не упрощайте, товарищи, вопросов при выборе типов горючего и масла. Не упрощайте! Они такие же важные, как борьба с обледенением, которое летчики называют «злейшим врагом авиации»...

Последние фразы он говорил с тревогой, грустно посматривая в окно вагона.

— А какие способы аварийной помощи выработали для спасения вас, в конце концов?

Мы толком никогда не интересовались этим и, в недоумении, смущенные, глупо уставились на милого и сердечного человека, беспокоящегося о нашем благополучии...

— Я так и знал, что, как энтузиасты, вы верите в безотказность нашей техники... И наверняка надеетесь на удачу!..

Леваневский тут же ухватился:

— Конечно, Григорий Константинович, мы верим в то и в другое...

— Ну хорошо, я расскажу вам, что до Кольского полуострова вас будут сопровождать самолеты с места стар-

та. Все торговые суда будут смотреть и слушать вас по радио при пролете Баренцева моря. В Мурманске в готовность № 1 приведут три самолета МБР-2, один КР-6 и три эскадренных миноносца. Если с вами произойдет несчастье на параллели Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа, то ледокол «Садко» с двумя самолетами и наземные экспедиции с собаками и лодками и самолетом Ш-2, находящиеся в бухте Тихая, тронутся немедленно к вам на помощь.

Затем ледоколу «Красин», курсирующему с тремя самолетами Р-5 и одним Ш-2, а также Герою Советского Союза Молокову, на самолете «Дорнье-Валь», дается команда быть начеку.

При вынужденной посадке между 85° и полюсом будет создана авиабаза из ледокола «Ермак» и лесовоза «Куйбышев», откуда смогут действовать самолеты «Дорнье-Валь» и КР-6... Орджоникидзе вытер пот с побледневшего лица, продолжил:

— Ну а если что-то случится с вами в канадской части Арктики, то будем просить помощи у канадского правительства, а сами начнем полеты с Аклавика на том же «Дорнье-Валь» во главе с Молоковым, которому в помощь предполагается подогнать два МБР-2 и три самолета на поплавках...

Григорий Константинович остановился и, тяжело дыша, все же докончил главную свою мысль:

— И все же, дорогие мои летчики, поймите, что вы совершаете полет не только от своего имени, а от имени всего советского народа. Я вас позвал перед отъездом, чтобы просить, умолять, а если хотите,— приказать вам: при первой выявленной опасности поворачивать назад и ни в коем случае не показываться в Америке с неисправностями... Понимаете — ни в коем случае!

Леваневский и я поняли, о чем думает гвардеец ленинской партии. Командир экипажа сказал кратко, по-военному:

— Слушаюсь, товарищ нарком.

Серго Орджоникидзе вновь вытер полотенцем пот и сказал:

— Бросьте мне говорить такие слова, товарищ Леваневский! Ну какой я сейчас нарком? Видите и, наверное, думаете: «Эх ты, старая развалина...»

В это время вошел железнодорожник и доложил, что поезд готов к отправлению.

Григорий Константинович кивнул головой и сказал:

— Ну, подойдите к старику, дайте я вас обниму и пожелаю успеха...

Трогательно распрощавшись с изумительным человеком, которому еще не было и 50 лет, мы приветливо махали с перрона вокзала, находясь в огромной толпе, провожавшей наркома в Минводы.

...Прошло еще много дней подготовки к перелету. Но только 3 августа 1935 г. Леваневский стартовал на АНТ-25 и взял курс на Северный полюс.

Первые 10 часов полета полагалось лететь на очень перегруженной машине, выжимая максимальную мощность из микулинского мотора АМ-34Р.

На 37-й минуте полета меня подозвал Леваневский и показал на масло, которое появилось на левой части центроплана. Поднимаясь снизу на верхнюю часть крыла самолета и разбрызгиваясь от встречного потока воздуха, оно забивало стекло пилотской кабины, а частицы, попадавшие на выхлопную левую трубу мотора, мгновенно вспыхивали, оставляя после себя едкий дым.

Я был озабочен и никак не мог определить, откуда же выбивает масло, заполнившее вскоре и днище фюзеляжа.

Лопнул резервный бак или течет из рабочего бачка? Прорубив днище фюзеляжа, мы увидели, что сифонит дренажная трубка рабочего маслоблока. Я спустил из него часть масла в резервный бак, но выброс масла продолжался.

А погода, как назло, становилась все лучше и лучше...

Леваневский очень нервничал и потребовал, чтобы я взял штурвал управления самолетом. После смены командир корабля лично провел множество манипуляций по изменению количества масла в рабочем баке, но поток, в виде толстой черной змеи, беспрерывно полз на верхнюю часть крыла и делал свое грязное дело.

Наконец мы подошли к Баренцеву морю. Леваневский и Левченко подвели итоги подсчетов расхода масла. Получалось, что при продолжающейся течи масла не хватит не только для полета до Сан-Франциско, но и вряд ли мы сможем добраться до берегов северной части Канады. Они сели сзади меня поближе к пилотскому креслу и показали печальные цифры.

Я предложил еще обождать делать окончательные выводы, так как после десятого часа мы обязаны по графику полета снизить мощность двигателя. Возможно, это резко

уменьшит цифру перерасхода, что позволит нам добраться до какого-либо аэродрома Канады или Аляски.

Командир экипажа, глядя на меня суровыми глазами, строго сказал:

— Ты же, надеюсь, не забыл, как на Курском вокзале молил, просил и, наконец, приказал нам возвращаться при появлении первой опасности сам Серго Орджоникидзе!

Я осмотрел манящее на север небо полярного дня и ответил Сигизмунду Александровичу:

— Помню все, но развернуться назад не в силах... Посмотри, какая погода впереди!..

Леваневский резко меня оборвал:

— Не можешь? Тогда слезай с сиденья пилота! Сам развернусь...

Так и было сделано. Вскоре получили из штаба перелета указание Якова Ивановича Алксниса и произвели посадку на аэродроме между Ленинградом и Москвой, не забыв перед этим слить необходимое, до посадочного веса самолета, количество бензина.

...На место посадки вскоре прибыла весьма компетентная комиссия, в которую входили и главный конструктор самолета РД Андрей Николаевич Туполев и ведущий инженер Евгений Карлович Стоман. Комиссия согласилась с тем, что выбивало масло из дренажной трубки рабочего маслобака, но причину установить не смогла.

Прибывший врач нашего экипажа товарищ Трофимчук нашел присутствие в кабине угарного газа. Но почему и откуда он попал туда, также не установили.

Загадкой остался и пожар на самолете, происшедший через 20 минут после посадки в результате несанкционированного взрыва осветительных ракет, размещенных в консольной части правого крыла.

В общем, было над чем подумать как работникам промышленности, так и экипажу, пока Григорий Константинович Орджоникидзе избавлялся от тяжких недугов.

Самолет АНТ-25 перегнали в Москву на Центральный аэродром имени Фрунзе и поставили в ангар ЦАГИ. Под напором начальника ВВС Я. И. Алксниса и председателя Технического комитета РД А. Н. Туполева конструкторы и различные специалисты многих научных институтов и заводов пытались подготовить все для повторной попытки стартовать в далекий путь.

А время шло. Приближалась осень. В Арктике солнце

уже садилось к горизонту, а вскоре оно начнет скрываться надолго. Леваневский сначала колебался: следует ли повторять попытку полета, затем заявил Я. И. Алкснису, что перелет целесообразно отложить на будущий год, а потом наотрез отказался от мысли совершить его на одномоторном АНТ-25.

В конце концов на совещании у Сталина, где кроме экипажа АНТ-25 были Молотов, Ворошилов и Туполев, было решено: Леваневскому, Байдукову и Левченко выехать в США, где выбрать и за любые деньги купить машину, способную надежно преодолеть маршрут из Москвы в Америку через Северный полюс.

Я высказал мнение о бесполезности такой командировки, считая, что американцы не имеют пока самолетов с дальностью 11—12 тысяч километров, что подтверждала недавняя катастрофа известного американского летчика Вилли Поста на реке Юкон, пытавшегося совершить полет с Аляски через Арктику в Сибирь на одномоторной машине с ограниченной дальностью. Я попросил руководство разрешить мне остаться дома, желая поскорее вернуться в академию для продолжения учебы.

Остаться дома мне разрешили, но начальник Военно-Воздушных Сил Я. И. Алкснис считал, что мою учебу нужно пока отложить, а вот довести АНТ-25, в арктическом варианте, до полной кондиции — моя святая обязанность, как бывшего военного летчика-испытателя НИИ ВВС РККА.

Приказ есть приказ, особенно для военного человека. Мы договорились, что я буду назначен заводским летчиком-испытателем и в свободные часы стану заниматься с туполевскими специалистами разгадкой оставшихся таинственных дефектов на самолете, от которого отказался Леваневский.

Проводив Сигизмунда Александровича и Виктора Ивановича парижским железнодорожным экспрессом, я приступил к делу. Через некоторое время на заводе встретился с Серго Орджоникидзе, в наркомате которого теперь я работал, хотя и числился в кадрах Наркомата обороны.

Григорий Константинович узнал меня, поздоровался и, усмехаясь, сказал:

— Ну и ну! Мне рассказывал недавно товарищ Ворошилов, как ты буйствовал на Политбюро... Надо же было так отрубить о командировке в Америку!..

Затем нарком подробно стал расспрашивать меня об

испытываемых мною машинах. После доклада он вновь вспомнил о прошлой неудаче:

— Так в чем же дело, товарищ Байдуков, было в полете на РД с Леваневским?

— Только теперь все становится ясным. Общая и главная ошибка — и конструкторов и экипажа — заключалась в методике испытаний. За все время подготовки мы ни разу не сделали десятичасового полета на полной мощности мотора с заправкой масляного бака в той мере, как ее произвели 3 августа прошлого года,— ответил я.

— Ну, а что же выявилось? — допытывался нарком.

— У товарища Громова дренажная трубка масляного бака РД находилась недалеко от носовой части. А на нашем самолете ее вывели под фюзеляж, укрепив конец ее сзади водяного радиатора для того, чтобы предохранить от обледенения.

Казалось, задумано было правильно, но никому в голову не пришло проверить в этой зоне перепад давления воздуха. После отъезда Леваневского в США я уже несколько раз получал в испытательных полетах повторение эффекта выбивания масла, как это было 3 августа при полном заполнении рабочего бака маслом. Затем умная голова — Андрей Николаевич Туполев — заставил изучить в полете воздушную среду за радиатором, и сразу стало ясно — конец дренажной трубки находится в зоне разрежения. А это значит, что сама среда способствует возникновению явления сифона, которым часто пользуются, например, шоферы, перекачивая бензин из одного сосуда в другой.

— Видел не раз, как они подсасывали шланг... Видел! — сказал Серго.

— Вот это случилось и у нас. Стоило появиться после разогрева масла пенообразным излишкам его в баке, как началось явление сифона. А это явление уже приостановить нельзя, пока не оголится начальная часть дренажа. На АНТ-25 она находится примерно на середине масляного бака. Теперь мы научились приостанавливать выбивание масла через дренаж, сливая его из рабочего в резервный до уровня ниже середины.

— Но, как я понимаю, этого допускать нельзя. А если загустеет масло в резервных баках? Или откажет ручной насос? Вы можете остаться с мизерным количеством масла в рабочем баке и окажетесь в безвыходном положении,— рассуждал Орджоникидзе.

— К счастью, все эти опасности позади. Дренаж переставили, все проверено в полете, и теперь о маслопитании мотора заботиться особенно не следует.

— Ах, особенно! А почему особенно? — снова спросил нарком.

— Товарищ Сухой создает более утепленный бак для резервного масла и переделывает насос для перекачки.

— Замечательно! А как противопожарные дела?..— вспомнил нарком.

— Комиссия товарища Ворошилова пыталась докопаться до причины взрыва осветительных ракет в крыле. В конце концов конструктор решил создать новую электропроводку для запала, предусмотрев для гарантии безопасности несколько разрывов в цепи.

— Когда это будет сделано?

— После двух-трех полетов, которые нужно сделать для исследования состава воздуха в кабине,— ответил я наркому.

— А что вас беспокоит с воздухом в кабине?

— Опять, товарищ нарком, оказалось, что из-за пустяков в кабину поступала окись углерода.

— Угарный газ? — удивился Григорий Константинович.

— Да, угарный газ, попадавший из картера мотора с маслом в рабочий бак, а оттуда, по трубопроводу,— в резервный, а из него, по маленькой стальной дренажной трубке,— в кабину...

— И много?— крутя ус, настороженно спросил Серго.

— В несколько раз больше допустимого, Григорий Константинович.

— А как же не угорел за 75 часов экипаж Громова?

— Такая же дренажная трубка резервного бака на громовском РД была выведена из кабины за борт фюзеляжа, а для предохранения от обледенения дренажа на арктическом варианте самолета сделали просто: обрезали трубку и конец ее оставили внутри фюзеляжа... Поэтому какая-то часть окиси углерода попадала в кабину. Теперь все переделано и осталось только провести газовые исследования в кабине летящего АНТ-25.

— Значит, не зря вернулись с маршрута? — деликатно спросил нарком.

— Получается, что не зря,— ответил я сдержанно.

— А что же предполагаете дальше? — уже снова улыбаясь спросил Орджоникидзе.

— Лететь по задуманному маршруту, товарищ народный комиссар!

— По задуманному?! — сказал нарком.

— Именно так! — твердо ответил я.

— Не горячитесь, товарищ Байдуков. Продолжайте дотошно проверять все. Я лично снова займусь этим делом...

И руководитель Наркомтяжпрома действительно сделал все, чтобы мы закончили к весне 1936 г. все контрольно-испытательные полеты, проверив эффективность всех переделок.

Машина была готова к перелету. Но экипажа не было. Мы с Александром Васильевичем Беляковым решили пригласить вступить в нашу семью Валерия Павловича Чкалова. Ему самолет понравился, и он согласился стать нашим командиром.

С В. П. Чкаловым мы не раз бывали у Серго Орджоникидзе, убеждая его в возможности совершения полета через полюс на самолете АНТ-25.

Нарком особенно любил летчика-испытателя Чкалова за самоотверженность и бесстрашие и постоянное стремление сохранить опытную машину в самых опасных ситуациях. Они часто встречались в кабинете наркома поздними вечерами.

Чкалов передал Серго Орджоникидзе письмо в ЦК ВКП(б) нового, еще неоформленного, экипажа с просьбой разрешить совершить полет через полюс на АНТ-25.

Но в 1936 г. Чкалову, Белякову и мне дали задание иного порядка: проделать беспосадочный полет на самолете РД из Москвы на Камчатку, разрешив построить маршрут так, чтобы он проходил вначале через Ледовитый океан.

Мы долетели до Петропавловска-на-Камчатке, выполнив задание правительства. Однако горючего было предостаточно, чтобы, не садясь на Камчатке, пересечь Охотское море и достичь Хабаровска. И здесь нас поджидал коварный циклон, который не позволил нам на бреющем полете проникнуть в устье Амура, а в его облаках происходило невероятно быстрое обледенение АНТ-25.

И вот здесь нам дал сигнал Серго Орджоникидзе: «Немедленно, при первой возможности прекратить полет и произвести посадку». Великолепный летчик, Чкалов посадил гигантский самолет в заливе Счастья на острове Удд (ныне остров Чкалов), где, казалось, и на маленьком По-2 было трудно приземлиться.

Взлет с острова Удд по распоряжению Орджоникидзе

и Ворошилова производился с быстро построенной деревянной полосы.

...И вот подмосковный аэродром Щелково и тысячи встречающих, среди которых Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов.

На аэродроме состоялся митинг. Его открыл Григорий Константинович следующей речью: «Три советских летчика на советском самолете, с советским мотором, построенном из наших материалов, нашими инженерами, нашими рабочими, покрыли огромнейшее пространство в невероятно тяжелых условиях. Никогда еще в истории авиации не было такого перелета. Откуда у сына рабочего — товарища Чкалова, у сына сибирского крестьянина — товарища Байдукова, у сына крестьянина — товарища Белякова это огромнейшее мужество, огромнейшая энергия, которые помогли преодолеть все препятствия? Эта энергия и мужество воспитаны в них нашей партией».

Так начал свою речь горячий сердцем старый большевик и выдающийся руководитель молодой социалистической индустрии Советского Союза — Серго Орджоникидзе.

После выступления наркома обороны товарища К. Е. Ворошилова и нашего командира В. П. Чкалова с аэродрома вместе со своими семьями и родными мы поехали в Москву на прием к наркому Орджоникидзе, а затем в Кремль, где во главе со Сталиным нас принимало руководство страны.

После перелета на остров Удд я еще несколько раз встречался с руководителем Наркомтяжпрома, но перелет чкаловского экипажа в 1937 г. через полюс в Северную Америку совершался, когда уже не было в живых пламенного большевика, соратника Ленина, талантливого организатора масс.

Печатается впервые.

И. А. ХАЛЕПСКИЙ

КАК РОЖДАЛИСЬ ТАНКИ

С дорогим именем Серго кровно связаны в борьбе за дело Ленина тысячи командиров, инженеров, техников, бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Серго всегда личным примером учил, как нужно овладевать военным искусством и уметь организовать победу.

Он являл собой образец большевика, не знающего стра-

ха, умеющего преодолевать любые препятствия на пути к великим целям, поставленным партией.

Товарищ Серго до последней минуты своей жизни жил только делами нашей партии, делами своего великого народа, делами обороны социалистической Родины.

Мы неоднократно были свидетелями того, как он учил осваивать в производстве самую современную передовую технику.

Однажды товарищ Серго приехал на завод, который производит танки. Завод испытывал некоторые трудности в освоении боевой машины. Имели место неполадки. Для того чтобы определить качество тех или иных агрегатов при динамических нагрузках во время движения боевой машины, надо было испытать ее. Товарищ Серго тут же отдает приказание вывести машины за территорию завода в поле, сказав при этом, что он сам примет участие в пробеге машин.

Зная физическое состояние товарища Серго, мы все его уговаривали не садиться в танк, а следовать на автомобиле. Товарищ Серго согласился. Но как только машины выехали за городскую черту, он подал фуражкой знак «остановиться» одному танку, подошел к нему, залез в машину и приказал продолжать движение.

Пока товарищ Серго устраивался в боевом помещении, мы успели отдать приказание механику-водителю не развивать максимальных скоростей при движении, следить за дорогой, возможно осторожнее вести танк на ухабах.

Прошли полтора километра. Товарищ Серго приказал остановиться, потребовал объяснить, почему танк движется так медленно. Механик-водитель ответил, что машина может идти в три раза быстрее, но ему приказано. Товарищ Серго тут же заявил:

— Слушай мой приказ и веди машину так, чтобы она могла показать максимальную скорость.

Мы находились наверху башни и видели, как товарищ Серго знаками подавал команды механику-водителю, требуя все время максимальных скоростей.

На завод он возвратился не в автомобиле, а в танке. Тут же пошел в цеха, потом в конструкторское бюро, наконец, в директорский кабинет.

Сейчас страна имеет самую лучшую, самую быстроходную, самую боеспособную машину — именно на ней ездил товарищ Серго.

Так было всегда, когда нужно было преодолеть трудности в производстве, определить качество и количество про-

дукции для обороны, для нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Надо сказать — не было такого конструктора, инженера, техника, как военного, так и гражданского, которые не знали бы лично товарища Серго. Все знали, что он не давал пощады тем, кто мариновал вопросы, что он крепко помогал тем, кто работал, осуществляя и внедряя новейшие конструкции.

Еще совсем недавно, несколько дней назад, во дворе Наркомтяжпрома собралась большая группа конструкторов, производственников, военных инженеров и техников. Они явились для того, чтобы продемонстрировать товарищу Орджоникидзе ряд специальных машин для обслуживания и механизации тылов авиационных и танковых частей.

Как и всегда, это был не просто показ. После демонстрации последовал ряд решений, которые говорили о серийном выпуске машин, о внедрении их в армию.

Красная звезда, 1937, 20 февраля.

Г. Л. ВАЙС

СЕРГО НА УРАЛЕ

Из корреспондентского блокнота

...Было это осенью 1934 г. Я в ту пору работал корреспондентом газеты «За индустриализацию», жил в Свердловске и часто ездил в командировки то на рудники, где добывалась руда, то на заводы, где плавилась медь.

Потому-то редакция и поручила мне на этот раз сопровождать Серго Орджоникидзе в его поездке. Наркома тогда особенно заботило положение в цветной промышленности Урала. Ни одна, помню, корреспонденция, напечатанная в нашей газете, не оставалась им не замеченной. Не раз, бывало, Серго лично звонил директору завода или рудника и спрашивал, что сделано по сигналам печати.

И вот теперь он решил сам побывать на месте, посмотреть на все своими глазами. На большой карте страны был начертан длинный и сложный маршрут путешествия. Жирная красная черта пролегла от Москвы до Перми, потом круто поднялась на север, к Березникам и Соликамску, оттуда повернула к Красноуральску. В этом месте была нарисована большая точка, условно обозначившая новый, затерявшийся в тайге город. Потом, спускаясь все

южней и южней, жирная красная черта запетляла то в Калату, то в Нижний Тагил, завернула к руднику имени III Интернационала, затем потянулась к Пышме, Свердловску, скользнула в сторону, к Первоуральску и Ревде, устремилась, наконец, к живописным Ильменским заповедным озерам, в стариннейшие уральские города Кыштым, Карабаш, Челябинск. В молодом и самом любимом детище наркома, в городе Магнитогорске, жирная красная черта иссякла, оборвалась...

БЫЛ ТАКОЙ ЛОЗУНГ: «ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ!»

В Перми Серго остановился на день.

С вокзала он отправился на машиностроительный завод, где неторопливо, как всегда, обстоятельно осматривал цеха, знакомился с рабочими, расспрашивал, как им живется, работается. Он внимательно присматривался к совсем, казалось бы, неприметным мелочам. Вскоре все могли уже убедиться, что нарком отлично разбирается в производственных буднях предприятия, чутко улавливает ритм работы, прислушиваясь к тому, как звенит металл в кузнечно-прессовом. Он останавливался и будто завороженный смотрел, как, вырываясь из вагранок, бесновалось багровое, жаркое пламя в литейном. Серго был спокоен и сосредоточен, и только в большом механическом цехе он как-то неожиданно засуетился, стал одно за другим разглядывать фабричные клейма на станках. Он легко, по-мальчишески присаживался на корточки, стирал тряпкой пыль и масло с тонких пластинок и был несказанно счастлив, когда это оказывалось клеймо советского завода. Его большое, красивое лицо южанина расплывалось в улыбке, на щеках показывались ямочки. От удовольствия нарком даже подкручивал усы.

— Не отличишь от заграничного! Не правда ли? — искал он подтверждения у сопровождавших его. Черные, будто омытые росой, глаза светились радостью.— А как он в работе? — допытывался нарком у рабочего, заправляющего резец.

— Пожаловаться не могу,— отвечал старый токарь,— хорошо работает!

Орджоникидзе ликовал, как школьник, получивший пятерку. Он вытирал платком высокий вспотевший лоб, как доброго друга, поглаживал станок рукой.

— Не зря мы дали ему имя ДИП!

ДИП — значит «догнать и перегнать». Догнать и пере-

гнать Америку и все другие капиталистические страны — было и лозунгом, и паролем социалистического соревнования, этим мы жили в те годы.

И чем дальше шел народный комиссар по цеху, тем больше и чаще он встречал наряду с заграничными станки, сделанные на заводах Москвы, Ижевска и Горького.

Серго был счастлив.

БОРОДАТЫЙ ЭНТУЗИАСТ

В слесарном Орджоникидзе обратил внимание на молодого человека, стоявшего у тисков. Нарком подошел к нему, поздоровался.

— Начальник смены,— представил директор завода.

— Инженер? — спрашивает Орджоникидзе.

— Только этой весной диплом защитил,— отвечает молодой человек, не выпуская из рук напильника.

Лицо наркома вдруг стало хмурым. Огромные, черные, как маслины, глаза мгновенно потухли.

— А что же вы у тисков делаете?

— Произошла небольшая авария, деталь сломалась.

— А разве не нашлось опытного рабочего?

Молодой инженер смутился, заморгал длинными ресницами.

— Все перегружены... Думал сделать побыстрей... Там ведь простой...

— Инженер должен руководить, а не стоять у тисков,— не повышая голоса сказал Орджоникидзе.— Самому сделать проще, конечно... Организовать работу других куда сложней...

Серго заметил, что воротник серой косоворотки инженера расстегнут, и тот принялся застегивать пуговицу за пуговицей.

— Почему небрит? — спросил он молодого человека.

— Некогда было,— ответил тот, сгорая от стыда.

Орджоникидзе откинул голову назад, широко развел руками.

— Полюбуйтесь на этого бородатого энтузиаста! — сказал нарком с легкой иронией в голосе.— У меня есть время бриться каждый день, а у него нет... Небритый, расхристанный... Ну кто поверит, что это инженер? Нет, не будут рабочие вас уважать...

Сопровождавшие Серго переглянулись и как бы впервые увидели себя — небритыми, небрежно одетыми. Именно такими увидел их и народный комиссар.

— Сегодня же издайте приказ по заводу,— сказал Серго директору.— Ни один директор, ни один начальник не смеет появляться на заводе небритым, в неряшливой одежде... Не могут командиры производства требовать от рабочих чистоты и порядка, если сами являются на работу, как в конюшню. Что это за мода такая? На заводе вы проводите лучшую и большую часть дня, так извольте любить место своей работы, уважать тех, кто рядом с вами.

Серго волновался, и поэтому в его речи чаще слышался легкий грузинский акцент, заметней становилась жестикуляция: он то широко разводил руками и растопыривал пальцы, то собирал их в кулак. Вот он ладонью плавно закругляет произнесенную фразу или указательным пальцем как бы ставит ударение на нужном слове.

По всему видно было, что он не хотел ограничиться приказом или выговором, а добивался того, чтобы его требование поняли правильно. С неподражаемым искусством опытного пропагандиста он старался убедить, раскрыть глубокий смысл того, на чем так горячо настаивал. Поэтому даже резкие его замечания не обижали, но задевали за живое. Его было очень интересно слушать.

Когда вслед за ним все уже вышли из цеха, нарком вдруг остановился посреди двора и опять вернулся к той же теме:

— Раньше,— продолжал он,— инженера и рабочего разделяла целая пропасть. У них были разные интересы — классовые и кастовые. А что такое каста? Это замкнутая, привилегированная, тесно спаянная группа. В нее никого постороннего не пускали. Инженеры отгораживались от рабочих и своей формой, и всем своим подчеркнуто чопорным внешним видом. Теперь, конечно, совсем другое положение. У наших инженеров общие с рабочими интересы, исчезла пропасть, их разделявшая. Но это не значит, что инженер обязан подделываться под рабочего. Глупость это! Наш инженер должен служить примером для рабочего буквально во всем — в труде, в поведении, в одежде. Рабочий должен гордиться своим инженером — это же его сын или брат!

НЕ ХУЖЕ ШВЕЙЦАРСКИХ!

Вечером Серго вновь вспомнил о бородатом энтузиасте и сказал, прощаясь с директором:

— Передайте, пожалуйста, что я прошу его сейчас же зайти ко мне...

Молодой инженер явился ни жив ни мертв, но тщатель-

но выбритый. Секретарь наркома товарищ Семушкин пригласил его в вагон. Впервые парень оказался в таком необычном вагоне. Сразу за дверью тамбура он увидел неширокий застеленный ковровой дорожкой коридор. Слева размещались купе. И стены, и все двери были отделаны полированной фанерой, благородного темного цвета под орех. При свете матовых электрических лампочек блестели медные ручки дверей.

— Проходите, не бойтесь,— подбадривал молодого инженера Семушкин и повел его за собой. Одна из дверей купе была раскрыта, и молодой инженер увидел застеленные чистым бельем два ряда спальных полок, кремовую занавеску на окне и столик, накрытый белой салфеткой. На столике в небольшой вазе — цветы.

В самом конце коридора находился рабочий кабинет наркома. Открылась дверь, и Серго, выйдя навстречу, протянул молодому инженеру свои руки.

— Почему опаздываете? Я жду вас...

— Брился,— ответил смущенно молодой инженер.

— И совсем другой вид... Красавец! — Ласково, по-отечески, Серго обнял гостя и повел его в салон — просторный, с широкими окнами с трех сторон. Посередине салона стоял большой стол, вокруг него стулья, у заднего окна мягкий диван. Обстановка очень скромная, деловая — без какой-либо роскоши.

Стол, как цветной скатертью, накрыт большой географической картой. На ней жирной красной чертой выделялся намеченный маршрут наркома. Тут же лежал похожий на компас маленький изящный курвиметр — прибор для измерения кривых линий на карте. Внизу у курвиметра имеется маленькое колесико, проведешь им по означенным на карте проселочным, шоссейным или железным дорогам — и стрелка на циферблате точно покажет, сколько будет километров от одного населенного пункта до другого.

Нарком усадил гостя за стол, попросил подать ужин.

— Только учтите,— сказал Серго товарищу Семушкину,— молодой человек не сидит на диете...

Серго давно уже страдал тяжелым недугом — у него вырезали одну почку. Врачи предписали ему жесткий режим питания. В салон-вагоне поэтому была устроена небольшая кухня, и повар готовил для наркома особую пищу.

Семушкин понимающе улыбнулся и вышел.

— Аварию ликвидировали? — спросил как бы мимоходом Серго.

— Деталь готова, станок работает,— сообщил молодой инженер.

— Спасибо вам,— сказал Орджоникидзе.— Я знаю, вы не могли поступить иначе. Но мой вам совет: больше учите людей и сами учитесь работать организованно, без аварий. Это нам куда важней!

Потом за ужином они долго и запросто беседовали обо всем на свете. Молодой инженер и не заметил, как прошло время. Пора было расставаться. Серго поднялся, подошел к письменному столу и достал оттуда новенькие карманные часы.

— Возьмите на память,— сказал Серго, протягивая их молодому инженеру.— Они сделаны на Первом часовом заводе в Москве... Не хуже швейцарских!

...Из Перми Орджоникидзе направился в Соликамск и Березники. Там готовили к пуску первую очередь крупнейшего в стране калийного комбината. Пермяки уговорили Серго поплыть туда на быстроходном катере вверх по реке — это позволяло сэкономить время, отдохнуть и полюбоваться исключительно живописными берегами.

Серго согласился...

В полночь, когда катер тащил нас вверх по течению, я принес на просмотр свою корреспонденцию в газету «За индустриализацию». В ней я точно описал все, чему был свидетелем в первый день приезда наркома на Урал. Серго внимательно прочитал ее до конца, попутно расставил запятые, убрал восклицательные знаки. Потом, возвращая рукопись, сказал:

— Посылать это в газету запрещаю...

— Почему? Корреспондент «Правды» уже отправил!

Он посмотрел на мой растерянный вид и, видимо поняв, как мне было обидно и горько, спокойно пояснил:

— Видишь ли, газета «Правда» мне не подчиняется... А «За индустриализацию» — орган Наркомата тяжелой промышленности... Нехорошо, когда подчиненный хвалит начальника. Понимаешь?

ВСЕ ЦВЕТА РАДУГИ

Нет на Урале и клочка земли, не обросшего какой-нибудь легендой.

Дивные сказы довелось мне слышать о далеких предках уральцев, о тех, кто по золоту ходил, драгоценными каменьями швырялся, и на все это — ноль внимания! Зо-

лота они не копили, драгоценных камней не собирали, сокровищ не прятали. Рассказывали мне также о рискованных и горестных приключениях кладоискателей, о мудрых, всегда себе на уме, рудознатцах и жадных старателях, о том, кому из них здорово фартило, а кому не везло.

Есть на Урале сказ и о том, как на севере этого удивительного края нашли медь.

Косил мужик сено и напоролся на камень. Коса жалобно звякнула и сломалась. Косарь поднял камень и зажмурился, будто на солнце глянул. Повертел в руках косарь чудо-камень и тихо промолвил:

— Никак от радуги обломился?

Взял мужик вместо косы лопату и стал копать. Целый воз камней накопал и повез их в Нижний Тагил. Там геологи положили на ладонь мужикову находку, она вся в серовато-золотистых, голубоватых и синих прожилках — будто все цвета радуги окаменели.

— Это медный колчедан! — сказали геологи.— Где нашел?

Много лет спустя, уже при Советской власти, на том месте, где косарь нашел чудо-камень, построили по самому последнему слову техники два медных рудника и большой медеплавильный завод. В глухой тайге, промеж рудников и заводов, как из яйца, вылупился город. В нем дома в один и два этажа, магазины, кинотеатры и замечательный из красного кирпича Дворец культуры.

Один медный рудник в честь косаря назвали Ново-Левинским, другой — Красногвардейским, в память добровольцев, павших смертью храбрых в боях с белогвардейским адмиралом Колчаком.

Город, поднявшийся на голом месте, в самой гуще таежных лесов, назвали Красноуральском.

Красный — цвет крови и меди — один из цветов радуги.

В ЛЮБУЮ ПОГОДУ

Серым пасмурным утром Серго прибыл из Соликамска в Красноуральск.

Низкие облака, проплывая над городом, цеплялись за трубы завода, повисали на верхушках сосен.

Моросило, и поэтому встречавшие наркома сразу же поднялись в вагон-салон. Управляющий трестом «Уралцветмет» Колегаев, как опытный дипломат, начал разговор издалека и как-то ловко подвел его к тому, что неплохо

было бы перенести осмотр завода и шахт на следующий день.

— Это почему же? — удивился Серго.

— Погода плохая, идет дождь...

— С каких это пор, Андрей Лукич, вы стали бояться дождя? — спросил Серго управляющего трестом.— Революцию делают в любую погоду... Неужели забыли?

— Такое не забывается,— поспешил с ответом Колегаев.

Серго давно знал Андрея Лукича Колегаева — человека уже немолодого, с мужественным и немного суровым лицом. Мне часто доводилось разъезжать вместе с ним по заводам и в дороге исподволь удавалось выпытать кое-какие подробности его богатой приключениями жизни.

Отец и мать Колегаева были революционерами, бомбометателями. После одного неудавшегося покушения на какого-то царского сатрапа суд приговорил группу революционеров к высылке в Сибирь. Их заковали в кандалы и по печально знаменитой Владимирке этапом погнали на каторгу. Шли они долго, добираясь от одной пересыльной тюрьмы к другой. На одном из привалов, возле золотого уральского прииска, под вой пурги и звон кандалов и родился Андрюшка, сын бомбометателей.

Он вырос и тоже стал революционером. Тоже метал бомбы...

Однажды, спасаясь от преследователей царской полиции, которая уже наступала ему на пятки, Андрей Лукич удрал за границу, в Швейцарию. Там он как-то узнал, что на берегу лазурного Женевского озера, в роскошной вилле проживает богатый русский помещик, самодур и кутила. Барин имел обыкновение, возвращаясь после попоек, до полусмерти избивать своих слуг и личных лакеев.

Андрей Лукич решил проучить негодяя. Он нанялся к помещику, которому очень понравился, и тот сделал его личным лакеем. Надели на Колегаева ливрею, расшитую золотом, и призвали неотлучно находиться при барине. Помещик души не чаял в новом лакее, всюду его возил с собой, щедро одаривал его. Но однажды душа помещика не выдержала, и, перепившись, он все же набросился на Колегаева с кулаками, который только и ждал этого случая,— Андрей Лукич так избил самодура, что на нем, как говорится, живого места не осталось.

— Если ты, собака, позволишь себе еще раз бить своих слуг,— предупредил помещика Колегаев,— то будешь

казнен по приговору подпольщиков, революционеров. Заруби себе это на носу...

На второй день помещик навсегда покинул Швейцарию, бросив виллу на произвол судьбы.

После Октябрьской революции Андрей Лукич Колегаев от партии левых эсеров входил в состав первого Советского правительства, работал вместе с Лениным. А летом 1918 г., когда левые эсеры попытались было поднять мятеж против Советской власти, Колегаев порвал с авантюристами, вышел из состава эсеровского Центрального комитета и вступил в партию большевиков.

Напоминание Серго о революции, которую делают в любую погоду, было не случайным.

Нарком посмотрел в окно и решительно заметил:

— Не сахарный я, меня не размочит...

...Серго, как и повсюду, начал осматривать завод по ходу производственного процесса. На дробилке он долго наблюдал, как в специальных вагонах с рудников поступает медный колчедан, автоматически разрушается, попадая в дробильные барабаны, чтобы потом на другом конце завода стать тяжелыми слитками черновой меди. Там ее погружали на обычные открытые платформы и развозили по всей стране.

Поднялись на фабрику пиритных концентратов, и тут Серго сразу заметил что-то неладное. Возле сушильных барабанов, присев на корточки, возились молодой человек и девушка. Это были мастер по ремонту Щукин и студентка-практикантка.

— Ну, давайте знакомиться,— сказал нарком, протягивая руку девушке,— я — Орджоникидзе...

— А я — Мензина,— смущенно ответила девушка, вся побагровев.

— Вы что тут делаете? — спросил Серго.

Щукин ответил не сразу. Мастер уставился на Серго и, казалось, ничего не слышал... Он смотрел на плотно сколоченную, невысокую фигуру, на фуражку военного образца и серый плащ, с оставшимися еще с давних, военных времен петлицами. Серго не торопил Щукина. Медленно подкручивал посеребренные усы и ждал, разглядывая мастера очень добрыми, спокойными глазами. Щукин наконец заговорил и стал объяснять наркому, что вместе с девушкой они чинят перья-лопасти сушильных барабанов.

— Они, что же, часто ломаются? — спросил Серго.

— Часто, товарищ нарком,— с горечью ответил мастер.— Почти каждый день приходится заново сваривать...

— Как же так? — допытывается Серго, и глаза его становятся строгими, колючими.— Барабан, я вижу, совсем новый, а вы все время лопасти чините! Это что же — скверное качество металла или плохой, неумелый уход за машиной?

— По-моему,— спокойно ответил Щукин,— лопасти сделаны из слабого металла...

Серго взял из рук мастера сломанную лопасть, подошел к свету и стал внимательно разглядывать излом.

— Да, вы правы, металл из рук вон скверный,— сказал Серго. Он был уже явно раздосадован и с едва сдерживаемым гневом спросил директора завода: — Кто делал эти лопасти?

— Не знаю,— ответил Дук.

— Почему? Это же вам поставляют негодные барабаны!

Серго был сердит.

— Как можно так работать? — возмущался Серго.— Капиталист никогда не позволит себе поставить плохое оборудование, негодный товар... Он умеет блюсти честь марки! Почему же наши директора так равнодушны к чести своего предприятия? Кого они обманывают? Себя обманываем, себя обкрадываем, выпуская вот такую негодную продукцию. Тратим силы, материал, средства — все попусту... Кому нужна такая продукция...

Он обратился к директору завода и с горечью сказал:

— А вам, товарищ Дук, надо знать о таких преступных делах и нам сигнализировать. Поставщик или ошибся, или поступил нечестно, а вы молчите, покрываете его. Мы все делаем одно, общее дело — социализм строим. Мы все друг за друга в ответе. Потомки нам многое простят, поймут все, кроме плохой работы. Социализм нельзя строить плохо!

Прослышав о том, что на завод прибыл народный комиссар тяжелой промышленности Орджоникидзе, рабочие старались найти любой предлог, чтобы посмотреть на него, послушать, что он говорит. Они так и ходили следом. Серго понимал это, и поэтому старался говорить громко, обстоятельно, разъясняя каждую новую, важную мысль.

Каким-то путем проникли на территорию завода и ребята. Один из них, белоголовый и босой, все время пробивался вперед и как завороженный смотрел на Орджоникид-

зе. Он явно не понимал, о чем шла речь, но слушал внимательно, стоял как вкопанный, боясь шелохнуться. Серго вскоре заметил его и расплылся в улыбке. Нарком подошел к мальчику, потрепал по кудлатой головке и спросил:

— Как зовут тебя?

— Гришка!

— Вон как! Тезка, значит!

— Чего? — удивился мальчик.

— Меня тоже Гришкой зовут,— сообщил Орджоникидзе.

— Обманываете,— улыбнулся белоголовый,— вас Серго называют...

— Откуда тебе это известно?

— Папаня сказал...

— А где твой отец работает?

— В обогатительной...

— Ну, так вот что,— очень серьезно сказал нарком,— я тебя не обманул. Меня и в самом деле Гришкой зовут — Григорием Константиновичем. А Серго — это моя партийная кличка. Понятно?

Мальчик кивнул головой в знак согласия, Серго обнял его за плечи, и так в обнимку они пошли по заводскому двору, долго, по-приятельски разговаривая.

ГРЯЗЬ В ДУШУ ЛЕЗЕТ...

Дождь давно перестал, ветер быстро просушил дорожки. Это, однако, не скрыло от наркома того, что вся территория завода была ужасно захламленной. Повсюду виднелись неубранные горы глины, путь то и дело преграждали незасыпанные канавы и котлованы, тут и там в беспорядке валялось неубранное оборудование или части машин, прогнившие доски, пустые бочки. Директор завода Дук, давно уже красный, как рак, каждую минуту снимал свой головной убор и вытирал носовым платком вспотевшую лысину. Пот ручейками стекал по его отвислым щекам.

— Руки до всего не доходят,— оправдывался он перед наркомом.— Все внимание пока приходится уделять основным цехам... Ведь вы с нас каждый день требуете все больше и больше меди.

— Никогда вы не добьетесь высокой выплавки меди,— сказал Серго,— пока будете сидеть в грязи. Не думайте, что вся эта грязь остается у порога цеха. Она проникает на каждое рабочее место, в душу лезет. Вы, сами того не

замечая, свыкаетесь с этой грязью, вы ее терпите. А она не лежит на месте, она наступает, берет за горло...

Огорченный и злой Серго отчитывал уже не только директора завода.

— Особенно вы меня удивляете,— сказал он, обращаясь к управляющему трестом Колегаеву.— Вы же долго жили за границей, видели, какая там чистота и порядок на заводах?

— У них в историческом отношении времени было больше, чем у нас,— пытался вывернуться Андрей Лукич.

— Нечего кивать на историю! — решительно возразил Серго.— Это нас не оправдывает... Капиталист печется о порядке потому, что от этого зависят размеры его прибыли. Если рабочего всюду окружает порядок, чистота и культура, тогда он и сам старается быть подтянутым; он и работу свою привыкает делать чисто, добротно, культурно. А у нас, по глупости или по невежеству, некоторые говорят: это, мол, буржуазный предрассудок. Мы же, мол, пролетарии. Идиотизм! Почему буржуй должен жить в чистоте, культурно и красиво, а мы утопать в грязи и бескультурье? Разве мы для этого совершали революцию? Мы буржуев выбросили за борт не за то, что они культурно жили, а за то, что они из рабочего все соки высасывали... Чистоту и порядок наводили не сами буржуи — это все делалось руками рабочих. Почему же для себя рабочие не могут навести такую же красоту и порядок, почему они не должны сами жить и работать культурно?

Серго давно уже остановился посреди конверторного цеха. Он теперь говорил только для них, старался довести волновавшие его мысли до сознания этих людей труда, медеплавильщиков. Его слушали с огромным вниманием. Видно было, что слова наркома глубоко западают в душу им, заставляют какими-то другими глазами посмотреть вокруг себя, задуматься и уже завтра начать все по-другому.

— Вы слушаете меня и, наверное, думаете,— продолжал Серго, обращаясь к собравшимся,— чего это наш народный комиссар, большевик, о красоте и порядке заговорил? Ведь и буржуи о порядке заботились? Это же нас за беспорядки Николай II казацкими нагайками хлестал? Это же наших отцов за беспорядки на виселицах вздергивали? Правильно! — скажу я. Да, нас гноили в тюрьмах, на каторгу ссылали, били и вешали за то, что мы ломали и нарушали их порядки, плевали на их законы. Но мы разрушали буржуазные порядки, отвергали бур-

жуазные законы не для того, чтобы установить и увековечить беспорядок! Разве, отвергая буржуазные законы, мы расчищали дорогу беззаконию? Нет! Вместо несправедливых, буржуазных, мы хотим утвердить наши пролетарские, наши большевистские, самые справедливые в мире порядки! Вместо буржуазных классовых законов мы провозглашаем наши новые, гуманные, человеческие законы, которые защищают людей труда, вас, рабочих, и ваших союзников крестьян! Мы не анархисты и не считаем, что анархия — это мать порядка...

СЕДОЙ, ДРЕВНИЙ, ДЕМИДОВСКИЙ...

Серго, не торопясь и не зная усталости, продолжал знакомиться с заводом. Он уже видел, как на обогатительной фабрике медный колчедан, растворенный химическими реагентами, превратился в густую, мягкую, как замазка, темно-коричневую массу — концентрат. В нем уже не было ненужной, пустой породы. Ее смыла вода в огромных флотационных ваннах, где коричневая пена все время вздувается и лопается. Кажется, какой-то незримый капризуля затеял здесь свою нескончаемую детскую игру — выдувает мыльные пузыри.

Нарком стал подыматься по закрытой эстакаде, чтобы проследить, как обогащенный концентрат широким транспортером подается в огромные обжиговые печи. Транспортер двигался неторопливо, как мелководная, тихая речка. От круглых, емких обжиговых печей, в которых из концентрата удаляется сера, больно бил в нос и глаза, проникал в горло едкий и острый газ. Все кашляли, задыхались. Сопровождавшие пытались было увести Серго подальше от этого места, но он их решительно одернул:

— Рабочие ведь работают там. Даже по шесть часов в день, а мы что, не выдержим?

И как бы нарочито Серго остановился на площадке возле обжиговых печей, долго и внимательно наблюдал за тем, как они загружаются. Все вокруг кашляли и чихали.

Обстоятельно беседовал нарком с рабочими и возле отражательных печей, где любовался прямо-таки фантастическим зрелищем плавки. Он попросил у мастера специальные очки и с восхищением смотрел, как в огромных ваннах клокочет раскаленная масса,— то красная, то желтая, все время меняющая свой цвет и оттенки. Будто протуберанцы на солнце, раскаленная медь то вздымалась вверх фонтанами, то разъяренным прибоем билась

о стенки. Багровые отблески освещали большое, восхищенное лицо наркома.

Наконец Серго оторвался от захватившего его зрелища и снова принялся за свое — он настойчиво пытался получить от рабочих ответ на один, самый главный и очень волновавший его вопрос: как используется установленная на заводе новая техника, самые совершенные механизмы, прекрасные и такие умные приборы?

Красноуральский медеплавильный завод был одной из ударных строек первой пятилетки. Его проектировали и помогали строить американские инженеры. И теперь Серго настойчиво допытывался, почему же этот, построенный по последнему слову американской техники, завод работает не в полную свою мощность? Почему уральские медеплавильщики, имея под руками такую чудо-технику, работают по старинке, на глазок?

Нарком не спешил с выводами. Ему важно было поставить правильный, точный диагноз. И как бы рассуждая вслух, Серго сказал:

— Наши корреспонденты любят писать: старый, седой, могучий Урал...

Серго при этих словах посмотрел в мою сторону и, подмигнув, улыбнулся. Еще совсем недавно в Перми он именно эти слова вычеркнул из моего репортажа.

— Но ничего романтического в этой седой старине я не нахожу,— продолжал свою мысль нарком.— Этот старый, древний, седой демидовский Урал нам очень мешает. В нем будто нарочно собрана вся техническая и производственная отсталость бывшей царской России. На месте богатейших залежей калийных солей веками дымились убогие солеварни еще екатерининских времен, принадлежащие графу Строганову. А старые уральские заводы? Они оставались такими же, какими сотню лет назад были построены знаменитым тульским кузнечных дел мастером Демидовым. Мы же все умиляемся и декламируем — старый, древний, седой! Каждое лето все заводы на Урале останавливались и рабочие расходились — кто сено косить, кто золото мыть. Намоют и тут же пропьют в грязных трактирах. Вот ваш седой Урал! Отвратительное, проклятое прошлое!

Резко обернувшись к директору Дуку, нарком как бы подвел черту:

— И грязь, в которой по самые уши увяз ваш завод,— это старая, демидовская грязь. Она-то и кладет вас на обе лопатки...

ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ

Было уже далеко за полдень. Совсем распогодилось. Ветер разогнал тучи и стих. На голубом, словно выстиранном небе светило солнце. Нарком наблюдал за выдачей новой плавки, заинтересовался разливкой меди. Только что бушевавший в печах металл вдруг присмирел и теперь лился тихим покорным ручейком. Медь застывала и на глазах становилась багрово-красной, как осенние листья клена.

Орджоникидзе направился к электроподстанции, где и намеревался закончить знакомство с заводом. По узкой, прогибавшейся доске мы все перебрались через глубокую, полную дождевой воды канаву и завернули за угол. Через несколько шагов, у самого входа в подстанцию Серго вдруг остановился. Он увидел перед собой небольшой, огороженный кусками красного кирпича, любовно ухоженный скверик и в нем — живые цветы. Обильно политые недавним дождем, пышно распустились и благоухали на солнце белые и фиолетовые, синие и желтые хризантемы, разноцветные анютины глазки, бледно-розовые ночные фиалки и пионы, доцветал резко пахнувший табак.

Серго обошел скверик со всех сторон, залюбовался им. Цветы показались ему чудом, они были дерзким вызовом грязи, мусору, хламу, заполнявшему завод.

Лицо Орджоникидзе сияло, он был счастлив.

— Кто это сделал? — спросил он.

— Наверно, электрики,— неуверенно ответил Дук.

— Молодцы! — похвалил нарком.— Ах, какие молодцы!

Тут я не выдержал и вмешался. Надо же было восстановить истину.

— Это сделала своими руками жена начальника подстанции,— промолвил я почти шепотом.

— Кто? Кто? — переспросил Орджоникидзе.

— Клавдия Григорьевна Суровцева,— уточнил я и рассказал, что, будучи здесь весной в командировке, я видел и слышал, как эта женщина выпрашивала у начальника лошадь с телегой, чтобы привезти сюда битый кирпич и чернозем, как она, без чьей-либо помощи, сама копала землю, сажала цветы, делала загородку.

— Позовите ее,— распорядился нарком. Директор засуетился, кого-то куда-то послал, но тут выяснилось, что начальник подстанции в отпуске, а жена его, с маленьким сынишкой Юркой, уехала к родным в Москву.

— Вот о ком надо писать в газетах! — сказал Серго, обращаясь к собравшимся корреспондентам.— А то вы только меня фотографируете...

Он обратился ко мне и распорядился:

— Чтобы завтра же в «ЗИ»[1] была подробная корреспонденция об этой женщине...

За этим, казалось бы, единичным и мелким фактом Серго, как всегда, сразу увидел что-то большое, важное, государственное.

— Жена инженера! — воскликнул Орджоникидзе.— Мы себе и представить не можем, какая это силища! Это же, в большинстве своем, культурные, образованные женщины, прекрасные люди... Но мы их еще не сумели увлечь нашим делом, подключить к нашей работе...

Серго стал припоминать множество печальных фактов и случаев, какие ему приходилось наблюдать. Женится молодой инженер, а его вскоре направляют куда-нибудь в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию, на Дальний Восток или в другие глухие места. Страна-то наша велика, развернуться есть где. Молодой инженер с головой уходит в работу, его теперь и дома не видать: утром уходит — семья еще спит, приходит поздно ночью — семья уже спит. Жена скучает, места себе не находит, жалуется — ведь не везде найдешь дело по душе, по специальности. Да и нужды нет уходить на службу, если муж и без того хорошо зарабатывает, семья обеспечена. Вот вам и причина многих драм и недоразумений...

— Эх, если бы знать, увлечь интересным общественным делом эту огромную армию жен инженеров и хозяйственников! — закончил свои рассуждения нарком.— И обществу большая польза будет, и сами женщины обретут какой-то новый смысл и достойное место в жизни...

Так у маленького, огороженного красным кирпичом, скверика, у живых цветов зародилось и распространилось по всей стране движение жен-общественниц. Крутой поворот сделала в тот день и судьба Клавдии Григорьевны Суровцевой. Окончив Промакадемию, она стала инженером-химиком, работала заместителем директора завода, затем была избрана депутатом Верховного Совета СССР и вышла на широкую дорогу государственной деятельности.

---

[1] «ЗИ» — так сокращенно в разговорах называлась газета «За индустриализацию».

ШАТКИЕ СТУПЕНИ

Как ни старался Серго придать своей поездке деловой, будничный характер, ему это никак не удавалось. Приезд наркома превращался в событие — для одних радостное и желанное, для других тревожное и неприятное. Кое-кто все же побаивался его...

В Нижней Салде, как и повсюду, его встречало множество хозяйственников и местных деятелей. Немало было и просто любопытных.

Серго вышел, поздоровался со всеми и, не задерживаясь, направился к машинам. В наступившей тишине только и слышно было, как поскрипывают на гаревой дорожке его хромовые сапоги.

...На металлургическом заводе нарком сперва заглянул на склад. Ему здесь понравилось: материалы хранились бережно, всюду было чисто подметено, соблюдался строгий порядок. Остановились возле весов. Отсюда крутая лестница вела на эстакаду, куда подаются вагоны и платформы с рудой, коксом, доломитом.

Нарком направился было к лестнице, но директор завода Мазит, высокий, широкоплечий, бывший матрос, опередил его.

— Давайте лучше кругом обойдем,— предложил он.

— Почему?

Нарком остановился и подозрительно посмотрел на директора.

— Перила на лестнице не в порядке...

— Но ведь рабочие ходят по ней?

— Ходят, конечно,— поспешил ответить кто-то.

Серго вскипел, он подозвал к себе директора и спросил:

— Как же вы смеете заставлять рабочих пользоваться лестницей, если сами боитесь по ней подняться?

— Я не боюсь,— пытался оправдаться бывший матрос, но тут же умолк.

— Охрана труда, где ты? — с усмешкой сказал нарком.— Есть тут председатель завкома?

— Я здесь, товарищ народный комиссар...

Вперед протиснулся высокий, худощавый мужчина. Он сам был рабочий и держался спокойно, уверенно.

— Вы здесь когда-нибудь бывали? — спросил его нарком.

— Я десять лет на эстакаде работал. Набегался...

— Признайтесь, когда вы здесь были последний раз?

Серго прямо, в упор посмотрел на председателя завкома. Тот не выдержал, опустил глаза.

— Давненько, товарищ народный комиссар,— признался он.

— Никак от канцелярии оторваться не можете...

Серго вышел вперед и стал быстро подыматься по лестнице. Гнулись шаткие ступени, подгнившие перила скрипели, расшатывались.

ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ РАПОРТА

В доменном цехе готовили к выдаче очередную плавку. Подправляли желоба, скалывали шлак, сбавляли дутье. Двое доменщиков в широкополых войлочных шляпах принялись пробивать ломами летку — так называется отверстие в самом низу доменной печи, через которое течет раскаленный, только что выплавленный чугун.

— Красиво работают! — говорит управляющий трестом «Востоксталь» Иванченко.

Орджоникидзе подошел к рабочим, поздоровался, попросил дать ему ломик. Надел брезентовые перчатки и в шутку предложил:

— А ну-ка, Иванченко, давай соревноваться...

Нарком размахнулся, ловко ударил по запекшейся глине.

Управляющий трестом вызов принял, он тоже попросил у рабочих лом, надел перчатки, раз-два поковырялся и бросил. С трудом перевел дыхание. Он был намного моложе наркома, краснощек, но рано располнел и страдал одышкой.

— Тяжело, очень тяжело, а ты говоришь — красиво! — Нарком снял перчатки.— Не ищите романтики в ручном труде, новую технику внедряйте! Пускай машины на нас работают...

Брызнули раскаленные добела куски шлака — и будто утренняя заря занялась над всем доменным цехом. По желобу полился горячий, как живая кровь, металл. Орджоникидзе смотрел, как сильной тяжелой струей чугун стекал в огромные, стоявшие на рельсах ковши. Лицо наркома было спокойным и задумчивым. Освещенный багровым заревом, резко выделялся большой лоб, черные крутые брови, нос, длинный, с горбинкой. Серго молчал и медленно подкручивал усы. Перед его глазами мельтешил мелкий, почти невесомый серебристый снежок. Это умирали, сверкнув, горячие искорки и серым графитом падали на

габардиновый плащ наркома, на фуражку полувоенного образца.

Саша Клементьев — секретарь заводского комитета комсомола — тоже следил за разливкой чугуна. Он очень волновался и нервничал: ему казалось, что раскаленный огненный поток иссякнет раньше времени. Он все время поглядывал на ковши, и их было больше, чем вчера, и все они уже полны до краев. Саша не переставал спрашивать:

— Не подведешь?

— Полный порядок! — весело отвечал Гоша, мастер четвертой комсомольской смены. Он как ни в чем не бывало лихо перепрыгивал через желоба, давал распоряжения горновым.

Когда выдача чугуна была окончена, Гоша Ромильцев подошел к Серго Орджоникидзе и, взяв рукой под козырек, четко доложил:

— Товарищ народный комиссар, четвертая комсомольская смена доменщиков в честь вашего приезда на завод установила новый рекорд...

— Обойдемся без рапорта,— сказал Серго.— А за чугун спасибо!

Нарком крепко пожал руку молодому мастеру. Только теперь наркому был представлен Саша Клементьев. Секретарь заводского комитета комсомола сообщил Серго, что печь, выдавшая сейчас чугун, объявлена на Урале комсомольской домной.

— Молодые доменщики борются за рекордные плавки, за то, чтобы дать Родине больше металла...

— Молодцы! — сказал Орджоникидзе.— Я непременно расскажу о ваших делах в Москве. Это большое счастье, когда дети умножают подвиги отцов...

ТОНКИЙ НАМЕК

Сталевары загружали мартеновскую печь. Она была особой конструкции, которую только начали осваивать.

Работали на ней самые опытные рабочие, мастера своего дела. Они бросали в печь магнезитовый песок лопатами, и движения их были удивительно быстрыми и красивыми.

— Здравствуйте, товарищи,— сказал Орджоникидзе и поздоровался с каждым за руку.

Сталевары, на минуту замешкавшись, вытирали о штаны ладони и лишь потом протягивали наркому свои пятерни.

— Как работается на новой печи? — спросил Серго у старшего сталевара.

— Печь работает отлично, товарищ нарком, только мы с ней неважно поступаем...

— Почему?

— Никак нормального питания не наладим. То одного, то другого не хватает. Она ведь несознательная, капризничает, не то, что наш брат. Мы и с пустым брюхом работаем, а она бунтует...

Орджоникидзе понял сталевара и спросил прямо, без обиняков:

— Это что же — тонкий намек на толстых основаниях? На снабжение жалуетесь?

— Не то чтобы жалуемся, а улучшить не мешало бы...

— Молоко получаете? — спрашивает нарком.

— Карточки получаем, а молоко не всегда достается. Простоит жена в очереди и с пустым бидоном домой уходит...

— Почему так получается? — спрашивает нарком у директора.

— Перебои бывают,— отвечает тот.

— А сталеварам какое дело до этого! — возмущается Орджоникидзе, и глаза его полны гнева.— Труд у них нелегкий, и государство это учитывает... Для них предусмотрено дополнительное питание, и они должны его получать.

Разговор зашел о подсобном хозяйстве, о снабженцах, и тут выяснилось, что рабочие, даже получая молоко, отдают его детям. Орджоникидзе задумался, потом сказал откровенно:

— Конечно, мы переживаем еще большие трудности, и рабочие понимают это... Но нельзя трудностями прикрывать равнодушие, из рук вон плохую работу снабженцев...

— А кое-кто и на руку не чист,— заметил старший сталевар.

— Послушайте,— обращается Серго к старшему сталевару.— А что, если мы выдадим вам ссуду на покупку коров? Вместо того, чтобы часами в очереди стоять, пусть ваша жена лучше с коровой повозится... И вам и детям молоко будет. Согласны?

Сталевары переглянулись... и старший из них сказал:

— Хорошо было бы... Толково!

Серго тут же дал распоряжение директору:

— Сегодня я подпишу приказ, и вы завтра же начинайте выдавать ссуду. А в правительстве я уже сам договорюсь.

ПРОСЬБА НАРКОМА

— Какое сегодня число? — спросил Серго, входя в прокатный цех.

— 22 августа,— ответил директор завода.

В цехе со звоном и грохотом шла прокатка рельсов. Толстые бруски раскаленной стали на глазах превращались в длинные горячие чудовища. Извиваясь, как змеи, они, казалось, дразнили вас, высунув язык.

— Позовите мне плановика,— попросил нарком.— Пусть захватит все данные о выполнении плана.

Воспользовавшись наступившей паузой, Семушкин зачитал свежую сводку о выплавке чугуна и стали по стране. Тогда за этим следили, как во время войны за сводками с фронта. Где бы ни находился Орджоникидзе, к нему отовсюду шли донесения о новых победах и достижениях, к нему обращались с просьбами и жалобами. Секретарь ровным, спокойным голосом читал телеграммы из Кузнецка и Магнитогорска, из Балхаша и Ново-Краматорска, со всех уголков страны.

— На пышминском заводе,— докладывает худощавый и бледный Семушкин,— анодная печь выдала первую плавку.

— Будем в Свердловске, обязательно заеду к ним... Еще в 1929 году там, где вырос теперь первоклассный завод, были картофельные поля. Я сам это видел...

Орджоникидзе оживился, эти воспоминания были ему приятны.

Пришел начальник планового отдела и с ним девушка, счетовод. Она с трудом удерживала под мышками толстые папки.

— Надорветесь! — сказал Серго и забрал у девушки тяжелый груз.— Что это?

— Бухгалтерские книги,— серьезно ответил плановик.— Было приказано явиться со всеми данными...

Нарком посмотрел на него с грустным сожалением, но ничего не сказал.

— Покажите сводку о выполнении плана,— распорядился директор завода.

Плановик, не заглядывая в книги, назвал нужные цифры.

— Все понятно! — сказал Серго.— Выпускаете тяжелые рельсы, а про мелочь забыли... А что будут делать строители железных дорог? Ведь рельсы надо скрепить

болтами, прибить костылями к шпалам... А вы их упорно не хотите делать! Безобразие!

Управляющий трестом и директор завода молчали.

— Где ваши комсомольцы?

Орджоникидзе оглянулся, увидел Сашу Клементьева. Он подозвал его к себе, обнял и сказал:

— Я вас прошу, возьмите под комсомольский контроль этот очень важный государственный заказ... Не допускайте, чтобы директор самодурствовал...

— Прикажите, и все будет сделано! — ответил секретарь заводского комитета комсомола.

— Приказать вам не имею права,— заметил нарком,— я вас прошу.

Саша был горд — шутка ли, такое доверие комсомолу!

Просьба наркома взбудоражила заводскую молодежь. Была создана молодежно-комсомольская сквозная бригада, взявшая на себя обязательство добиться выполнения плана не только по прокатке рельсов, но и по выпуску болтов, подкладок и других мелких изделий.

Обязательство свое бригада выполнила.

В январе 1935 г. комитет комсомола Нижне-Салдинского завода направил в Москву большую группу молодежи, наиболее отличившейся в соревновании, с рапортом товарищу Орджоникидзе. В марте Серго прислал комсомольцам Нижней Салды целый вагон с подарками — и чего тут только не было! Новенькие отечественные велосипеды, мотоцикл, десять патефонов, фотоаппараты «ФЭД», баяны и гармонии, девушкам отрезы на платья.

Саше Клементьеву досталась гармонь, а через год, когда он уже работал секретарем городского комитета в городе Серове, правительство наградило его медалью «За трудовое отличие». Номер его медали — тридцать девятый... Доброе дело Серго не забывал...

ДЕТСКИЕ КУБИКИ

Прямо напротив проходной находился детский сад завода. Серго не смог пройти мимо него.

Когда мы вошли туда, дети, только что вернувшиеся с прогулки, шумно играли в просторной светлой комнате. Увидев нежданных гостей, заведующая испугалась. Пожилая добрая женщина, она души не чаяла в детях, но боялась и недолюбливала начальство.

— Тише, вы, неугомонные! — закричала она на детей и бросилась усмирять драчунов.

— Шумите, ребята, шумите! — подзадоривает Орджоникидзе.— Это их законное право...

Нарком подал заведующей руку. Дети все же притихли, разбрелись по углам. Толстенький, белобрысый карапуз прижался к ногам воспитательницы, сказал чуть не плача:

— Сколько дядев! Чего они?

Серго попытался взять его на руки, тот вначале упирался, потом заплакал.

— Я тебя не обижу, маленький,— уговаривал мальчугана нарком.— Ну, не надо плакать, дружок, ты же мужчина!

Мальчик моментально умолк. Серго прижал его к себе, стал вытирать слезы, потом показал на пальцах какой-то замысловатый фокус. Белобрысый захохотал.

Серго был счастлив.

Вдруг он заметил кубик в руках ребенка. Кубик был старый и грязный. На нем даже следов картинок не видно было. Заведующая детским садом стала оправдываться.

— Денег на игрушки не дали...

— Сметой не предусмотрено,— сказал директор.

— А у тебя самого дети есть? — спросил его Серго Орджоникидзе.

— Сын и дочка.

— Они тоже такими кубиками играют?

Все молчали. Орджоникидзе держал на коленях мальчика, гладил его по голове, потом сказал, будто сказку рассказывая:

— Я пришлю тебе новые игрушки. Ты что хочешь — лошадь?

— Машину,— ответил белобрысый карапуз.

— Ох, ты какой! Будет у тебя автомобиль...

— И у меня, и у меня! — наперебой закричали, осмелев, остальные и бросились к Серго.

— У всех, у всех будут игрушки,— обещал нарком.— Нет большего счастья, нет большей радости для коммуниста, как видеть детей веселыми... А вы знаете такую песенку, ребята: «Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастия ключи!»?

— Знаем, знаем! — закричали дети и хором пытались подпевать.

Саша Клементьев посмотрел на сияющее лицо Орджоникидзе и, подойдя ко мне, тихо сказал:

— Мы кузнецы, а он старший среди нас, молотобоец!

Урал, 1966, № 10, с. 134—145.

И. С. ПЕШКИН

О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

РОЗА ВЕТРОВ

Только что кончилась смена. Из проходных завода валил рабочий люд. Трамваи подходили непрерывной чередой и моментально заполнялись. Особенно бурно атаковали трамвайные поезда, отправлявшиеся на правый берег. Мы едва втиснулись в вагон. В нем, как говорится, яблоку негде было упасть.

— И зачем только город отнесли на правый берег? — роптала молодая женщина в меховой жакетке.

— Вы, видать, недавно сюда прибыли? — заметил ей мой спутник, старожил Магнитогорска.

Переехали плотину, вагон стал разгружаться. На проспекте Металлургов вышли и мы.

Это действительно проспект — широкий, с многоэтажными красивыми домами, со светящимися неоновыми вывесками и сверкающими витринами.

— Ни дать ни взять улица Горького в Москве,— сказал мне мой спутник.— А вот с транспортом пока у нас плоховато. Не метро же здесь прокладывать.

— Слыхали,— продолжал он,— гражданка спрашивала, кому в голову пришла идея разместить город так далеко от завода? У нас ведь как получается: завод в Азии, а живем в Европе... Верно, сначала город начали строить поближе к заводу. Там и Дворец культуры. Приехал Орджоникидзе и крепко всыпал кому следует за то, что строили город в неподходящем месте. А попутала всех... роза ветров.

Разговор мы продолжали дома, за столом. Старый доменный мастер, приехавший на Магнитку еще тогда, когда кругом была ковыльная степь, рассказал историю возникновения правобережного города, которым магнитогорцы законно гордятся.

Летом 1933 г. Орджоникидзе совершил поездку по восточным районам, где тогда создавался Урало-Кузнецкий комбинат — вторая угольно-металлургическая база страны. Сначала нарком побывал на Кузнецком металлургическом комбинате, затем приехал в Магнитогорск. Как только его вагон остановился на заводских путях — стоял он тогда возле прокатных цехов,— Серго стал обходить цехи, службы. Он всегда появлялся там, где меньше всего его можно было ожидать. Осмотр электростанции начал с зольного

помещения, а руководители ее ожидали его у парадной и не знали, что Серго давно уже на станции. От него ничего нельзя было утаить, и пробирал он начальство при всем народе.

— Вам дали дорогое оборудование,— говорил он на слете ударников комбината,— платили за него золотом. Отдавали нужные стране продукты питания, а сами туго затягивали пояса. Вы же не дали себе труда взять мокрую тряпку, чтобы стереть с машин пыль.

— Пыли в Магнитогорске,— продолжал мой собеседник,—конечно, хватает. Ветры приносят ее из степи. И из наших домен, из коксовых батарей, из труб мартенов и электростанций ее выбрасывается изрядно. Куда бы ни направлялся Серго, всюду его преследовала пыль. Ночью он часто выходил из вагона подышать. Раскаленный ветер нес тучи пыли, и вся она падала на только что отстроенные жилые массивы. Это и был наш соцгород. Серго долго стоял, смотрел на феерическую картину завода, а потом повернулся лицом к городу и, рассказывали, так простоял очень долго, не промолвив ни слова.

Рано утром он отправился в соцгород, отправился один, не позавтракав даже. Хватились, когда в вагон явился начальник строительства.

Бросились искать наркома, а он по городу ходит. Как раз начальник строительства подъехал. Серго стоит у недавно построенного дома. Возле — маленькое, хилое деревце, все покрытое красновато-черной пылью. Вынув белый платок, провел им сначала по листку дерева, а затем по стеклу одного из окон в первом этаже, на платке остались густые черно-бурые полосы.

Орджоникидзе поднял голову, осматривая фасады домов. Несмотря на июльскую духоту — ни одного открытого окна.

Густая пелена застилала все кругом. Подул ветерок, и на тротуарах появились смерчи. Пыль набивалась в ноздри, рот, уши, глаза.

— И это вы называете соцгородом? — гневно спросил Серго Орджоникидзе подошедшего начальника строительства.

Начальник строительства пытался объяснять, что проект города был утвержден в надлежащих инстанциях, но Орджоникидзе сердито прерывал его.

— Может быть, вы слышали об утопистах, мечтавших построить город солнца? Когда я сидел в Шлиссельбурге, мне привелось проштудировать эту книгу. Мы не утопи-

сты, а большевики. Мы строим социализм. Кто же вам позволит построить город, на который ежеминутно обрушивается смерч пыли! И называть его еще соцгородом?! Нет, этого не будет.

Орджоникидзе должен был вечером того дня уехать, но он остался. Рассказывали, что далеко за полночь у него засиделся санитарный врач города. Тогда в разговоре и всплыла... роза ветров. Проект Магнитогорска создавался на скорую руку, не успели как следует изучить направление ветров. Проектировщики положились на данные по... соседнему Белорецку.

Санитарный врач — человек пожилой, работавший на заводах еще при капиталистах, говорил:

— Завод есть завод, от пыли спрятаться трудно.

Но Серго не удовлетворяли такие объяснения:

— Зачем вы мне это говорите? Здесь пренебрегли самым важным, самым дорогим для нас — здоровьем людей.

На столе лежал план местности и на нем — роза ветров.

— А эта «роза» уже настоящая, достоверная? Она не подведет? — спросил Серго.

— Нет.

— Стало быть, дома поставили прямо под лавину пыли?

— Так вышло.

— А если перенести город сюда? — спросил Серго, указывая на правобережье.

— Перенести?!

— Что построено, то построено, но больше здесь строить не будем! Проект города надо пересмотреть, все передумать.

Застройка правобережья началась еще при жизни Серго. Однако настоящий размах она получила в послевоенные годы. Сюда не долетает заводская пыль. Кругом зеленые посадки. Образовавшееся у плотины озеро увлажнило воздух, и это чувствуется, как только переезжаешь плотину.

Каждый раз, когда мне приходится бывать в Магнитогорске, я отправляюсь на правый берег, любуюсь его красивыми проспектами, его утопающими в чистой, свежей зелени домами, скверами и палисадниками. Но больше всего радуют широко открытые окна и балконы, все в цветах.

Экономическая газета,
1962, 12 февраля.

ПАТЕФОН

Заседание коллегии шло с утра. Большой зал то заполнялся людьми, то освобождался, чтобы принять новую смену хозяйственников, инженеров, ученых, новаторов производства.

Коллегия обсуждала вопрос о работе объединения «Котлотурбина». Это, собственно, был вопрос об освобождении страны от импорта котлов и турбин для электростанции.

Докладчик — председатель объединения «Котлотурбина» — пустился в долгие рассуждения о значении подведомственных ему заводов, он сравнивал выпускаемую заводами продукцию с выпуском старой России, хвастался достижениями.

Сначала Орджоникидзе терпеливо слушал, но вдруг оборвал его на полуслове, сказал:

— Это мы знаем сами. Не ту пластинку завели. Да и патефон хрипит и фальшивит. Кстати, вопрос о патефонах у нас стоит следующим в повестке дня. А вы рассказали бы лучше, как вы позорно просмотрели встречный план рабочих Металлического завода. Люди нашли пути, чтобы избавить нас от импорта стоимостью в миллионы рублей, а вы об этом даже не знали. За что же вам Советская страна жалованье платит?!

Председатель объединения сел, и Орджоникидзе предоставил слово представителю рабочих ленинградского Металлического завода.

Орджоникидзе весь подался вперед и с напряженным вниманием выслушал подробный рассказ о том, как составлялся встречный план.

— Выходит, программа была занижена вдвое. Мы, стало быть, точь-в-точь похожи были на того мужика, который искал рукавицы, а у него они были за поясом. Десятки раз мы пересоставляли импортные планы, отказывали себе в самом необходимом, а оказывается, мы сами можем сделать гораздо больше турбин и котлов и никакой валюты не требовать. Чего же стоят ваши планы! Придется вам поучиться планированию у них, у рабочих. И хорошо учиться, прилежно.

...Был объявлен десятиминутный перерыв. Следующий вопрос о ширпотребе. В зал ввезли несколько велосипедов разных моделей, принесли часы, патефоны, пластинки. Разложили их на столе, за которым сидел нарком.

Когда Орджоникидзе вернулся в зал, он бегло осмотрел выставку и сказал:

— На вид прилично. Для начала, по крайней мере, ничего. Посмотрим.

Коллегии предстояло заслушать сообщения нескольких руководителей хозяйственных организаций, ведающих производством этой новой в Советской стране продукции. В старой России не делали ведь ни велосипедов, ни часов, ни патефонов с пластинками, все это импортировалось.

Прошли первые доклады, наступила очередь директора треста «Граммпласт». Это был средних лет, элегантно одетый человек с довольно развязными манерами. Он присутствовал в зале, слышал, как Орджоникидзе остановил разглагольствования руководителя объединения «Котлотурбина», и решил на этом сыграть.

— Цифры выпуска продукции нашим трестом,— начал он,— видны из диаграмм, которые здесь развешаны. Кривая, как говорится, идет неизменно вверх.

— Вверх от нуля,— сказал Орджоникидзе.

— К сожалению, от нуля, товарищ Серго,— подхватил докладчик.— В этом и вся трудность. Опыта у нас никакого нет. А что касается качества, то лучше всего его продемонстрировать. Разрешите, товарищ Орджоникидзе, проиграть несколько пластинок?

Орджоникидзе широко улыбнулся и, обращаясь к членам коллегии, сказал:

— Разрешим? Думаю, следует разрешить. Какие же пластинки вы привезли?

По случаю неожиданного концерта в зале наступило оживление. Для начала поставили «Дубинушку» в исполнении Шаляпина, затем слушали музыку Чайковского. Все шло отлично, и руководитель «Граммпласта» чувствовал себя на седьмом небе.

— Наши патефоны не хрипят,— сказал он шутя, намекая на происшедший незадолго до этого инцидент.

Орджоникидзе остановил патефон.

— Говорите, ваши патефоны не хрипят? — переспросил он.

Наступило неловкое молчание.

— Верно, этот патефон неплох,— продолжал Серго.— А все ли такие? Вот что мы сделаем... Перейдем к следующему вопросу. А пока мы здесь будем заседать, пусть несколько товарищей отправятся по магазинам, купят патефоны и принесут их сюда.

Председатель треста подскочил от неожиданности.

— Зачем же в магазины? Я прикажу — и сюда привезут, десять, двадцать, сколько прикажете патефонов.

— А нам ваши патефоны сейчас не нужны. Люди покупают патефоны в магазинах. Посмотрим, как играют эти патефоны.

Через короткое время в зале заседаний началось второе отделение «концерта». Это была какая-то какофония. Патефоны хрипели, кашляли, дребезжали...

Руководитель треста хотел что-то сказать в свое оправдание, но Орджоникидзе не дал ему раскрыть рот.

— Ваша пластинка кончилась,— сказал он.

«ИСПОРЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Из Магнитогорска неожиданно отбыл оператор блюминга Василий Огурцов. Запаковал вещи и уехал вместе с женой, ребенком и тещей.

— Днем видим — Огурцов на машину грузит вещи,— рассказывали соседи.— Подумали, опять ему новую квартиру дали. Известное дело — знатный человек. Спрашиваем: «Вы, Василий Федорович, куда теперь переезжаете?» А он только огрызнулся: «Совсем отсюда уезжаю». Помолчал и добавил: «Не ценят здесь работников. Ну и не надо». Да его ли не ценили?! Чуть ли не на руках носили. Разве что птичьего молока ему не хватало.

И соседи ведь правы были, не от худого сердца они так говорили.

...Огурцов приехал в Магнитогорск сразу после службы в армии. Был он слесарем, да и то не очень важным. Слесаришко так себе, умел держать инструмент в руках — и то ладно. Тогда не очень-то разборчивы были: рабочие руки всюду требовались.

Огурцова послали на монтаж блюминга. Монтаж вели мастера, присланные германской фирмой, наших людей на подсобных работах держали.

Когда кончили монтаж, в высокую будку поднялся специалист, представитель фирмы. Сел на стул, за рычаги взялся, кнопки стал нажимать. И слиток побежал по рольгангам. В три минуты слиток прокатал. Следующий слиток — за две с половиной минуты.

— Вот вам,— говорит представитель фирмы,— полная проектная норма. Только когда ваши люди смогут ее достигнуть, сказать не могу.

Возник вопрос, кого же на главный пост блюминга по-

ставить оператором? Кому доверить эту высокую должность?

Желающих оказалось немало, среди них был и Василий Огурцов.

Скоро открылось, что у Огурцова к этому делу в самом деле способности есть. Рычаги и кнопки его слушались, слиток резво бежал по ручьям и кантовался. И вот уж и Огурцов за две с половиной минуты слиток прокатывал.

Никто этому верить не хотел. Как раз незадолго до того пришел из Германии журнал, издававшийся немецкими промышленниками, и в нем писалось, что советским рабочим раньше чем через двадцать пять лет проектную мощность блюминга не освоить.

Большое беспокойство было у капиталистов — не знали, как им быть: в капиталистических странах тогда кризис был, и советские заказы как раз кстати оказались. А с другой стороны, опасались, как бы не подрезать сук, на котором они сидят: «Продашь большевикам блюминги и разные другие машины, а они потом сами научатся все делать и ни в какой зависимости от капитализма больше не будут». Между прочим, Советская страна вовсе не скрывала, что хочет себе технико-экономическую независимость обеспечить.

Нашлись среди капиталистических прислужников мудрецы, которые как бы всех помирили и успокоили. «Чего вы волнуетесь? — говорили они.— Советскому Союзу смело можно продавать блюминги и любые другие машины. Раньше чем через двадцать пять лет им с ними не справиться. А за это время все машины устареют, и придется им снова идти к нам на поклон. Нет, не разорвать им цепи экономической зависимости». Так писали в буржуазных газетах. И вот, оказывается, ничем не замечательный человек, и образованием не очень-то обремененный, какой-то Василий Огурцов, дошел аккурат до проектной нормы, которую установила фирма. Дошел в полгода, а не в двадцать пять лет.

И другие операторы блюминга успехов больших добились, но до Огурцова им далеко было. Такой согласованности, как у Огурцова, никто достичь не мог, и его объявили виртуозом.

С этого все и началось. Известное дело: раз виртуоз, так ему и почет, и уважение, и, само собой разумеется, разные блага.

Жил Огурцов в стандартном доме, хорошую комнату занимал. На Магнитке тогда много рабочих было, которые

мечтали о таком жилье. Но то были обыкновенные рабочие, а это Огурцов, виртуоз — оператор блюминга. Дали ему другую квартиру — отдельную, с ванной и телефоном. Телефон ему, собственно, и ни к чему. Кому ему звонить? Но с телефоном будто почета больше. Поставили ему телефон, хотя телефонных точек мало было и иные цехи по двое сидели на одной точке. Для квартиры мебель нужна — в новую квартиру не потащишь ведь старый комод, привезенный тещей из Хацапетовки. Доложили директору: «Огурцова надо обеспечить мебелью». Директор покачал головой, но приказал: «Выписать из Москвы».

Прошло еще немало времени. Огурцову мотоцикл понадобился. Премировали его мотоциклом с коляской.

Еще и еще желания появлялись. И не было ему отказа.

Человек бы должен быть благодарным, но Огурцов заважничал — не подступись, и никто ему не объяснил, на какую дорогу он скатывается.

Что до мастерства, то оно у него не убавлялось и не прибавлялось. Двадцать четыре слитка в час — и ни одного больше! Проектная норма! О чем тут говорить?!

А между тем товарищи его стали подтягиваться и Огурцову на пятки наступать. И они уже по двадцать и по двадцать два слитка в час выдавали. Огурцову бы задуматься, а он — ни в какую.

Тут как раз прибыла телеграмма из Москвы.

— Командировать на совещание в наркомат людей, добившихся в своей профессии самых высоких результатов.

Стали думать — кого послать? Огурцов гоголем ходит: кому же еще в Москву ехать, как не ему? Кто дает самую высокую часовую производительность? Огурцов!

Однако же в цехе иначе на это дело посмотрели. Кто-то предложил, давайте подсчитаем, кто сколько за месяц прокатал. Тут вышла незадача. Часовые рекорды за Огурцовым, а в месячном разрезе его Мищенко обогнал. Да и другие совсем рядом с ним. Цеховые организации решили — Мищенко в Москву ехать.

Огурцов дома сидит, уже чемодан уложил. Ждет, когда ему позвонят, сообщат, что за ним директорская машина выехала. Привык он к такой чести. И представить себе не может, что дело иначе обернется.

Уложил чемодан, сидит ждет. А звонка все нет. Наконец звонок раздался. Какой-то «дружок», видимо хорошо знавший Огурцова, коротко сообщил:

— Можешь распаковывать чемодан. В Москву Мищенко едет.

Огурцов не успел и слова вымолвить, как телефон загудел: отбой дали. Сначала он подумал, что это ему причудилось, или кто-то над ним пошутил.

Еще минута — и он уже понял, что в последнее время на него косо смотрели. И парторг цеха не так был приветлив, как раньше. Тогда-то в нем гордость взыграла. Решил — не поддамся, тут же объявил решение: сегодня же отсюда уезжаем. Жена, теща отговаривают. Он — ни в какую. И на самом деле ведь отбыл. С женой, ребенком и тещей, с мебелью и мотоциклом.

...О внезапном исчезновении Огурцова узнал Орджоникидзе. Он вызвал к телефону директора комбината, спросил:

— Куда девался ваш лучший оператор блюминга Огурцов?

Директор только и мог ответить, что Огурцов уехал в неизвестном направлении, и добавил, что не жалеет о его отъезде — этот человек прямо-таки в печенках у него сидел, испорченный человек. Так и сказал товарищу Орджоникидзе.

— А кто его испортил? — спросил Орджоникидзе и отдал приказ разыскать Огурцова.

Начались поиски. Стало известно, что Огурцов взял билеты в Никитовку. Стало быть, на родину жены — в Хацапетовку поехал. Там его не застали. Жена, ребенок, теща — там, а сам он будто подался в Енакиево. Гонец следом за ним в Енакиево. Оказывается, в Енакиево он был и оттуда уехал, никак в Краматорск. Из Краматорска — в Макеевку.

В Макеевке его и обнаружили. На блюминге работает — за пультом сидит, нажимает вовсю, класс показывает. Уже тридцать слитков за час выдал. Народ кругом стоит — все ахают да охают: «Вот это виртуоз».

Кинооператор ленту крутит: Макеевка всесоюзный рекорд бьет. Во второй час тридцать три слитка прокатал.

В цехе полно корреспондентов, строчат телеграммы, очерки, добиваются интервью у знаменитого оператора.

Огурцов выходит из кабины, рубашка на нем мокрая, хоть выжимай.

Начальник цеха зовет его к себе в кабинет. Входят. Слышно, как изнутри ключ повернули. Короткий разговор. Дверь открывается. В кабинет хлынули корреспонденты. Их ошарашивают:

— О сегодняшних рекордах ни гу-гу.

— Почему? Как? Кто распорядился?

— Орджоникидзе!

...Утром следующего дня в приемной Орджоникидзе сидел Огурцов. Наркома ожидало много народу. Орджоникидзе вошел, осмотрел ожидавших, на ходу спросил:

— Огурцов здесь?

— Я Огурцов.

— Пройдемте ко мне.

Больше часа оставался Огурцов у наркома. О чем они говорили, никто не знает. На все вопросы корреспондентов Огурцов ответил кратко:

— Возвращаюсь в Магнитогорск вместе с семьей.

...Магнитогорский блюминг в очень короткий срок намного перекрыл проектную мощность. А теперь... А теперь слиток там прокатывают не за две с половиной минуты, а за пятьдесят две секунды. О фирменной норме забыли и думать.

НОВОЕ ИМЯ

Начальник мартеновского цеха Снегов решительным шагом направился в кабинет главинжа. Секретарша хорошо знала, что отношения между главинжем и начальником цеха крайне натянутые, и оберегала своего патрона от лишних встреч с этим непокладистым человеком.

— Аристарх Порфирьевич готовится к отъезду в Москву и велел к нему никого не пропускать,— сказала она.

— Знаю,— ответил Снегов и прошел в кабинет.

Аристарх Порфирьевич был невысокого роста и округлых форм. В своем глубоком кресле с высокой спинкой он совершенно тонул. Первое, что бросилось Снегову в глаза, это длинные холеные пальцы, перелистывавшие какой-то альбом. Рядом полусогнувшись стоял начальник отдела организации труда на заводе, а по другую сторону — какие-то неизвестные Снегову люди.

Увидев Снегова, Аристарх Порфирьевич нахмурился. Однако, моментально изменив выражение лица, сказал:

— Вот и хорошо, что вы зашли. Мы здесь готовим материалы для Москвы, для Орджоникидзе. Сегодня ночью выезжаю на совещание совета при народном комиссаре тяжелой промышленности. Знаете, замечательная это идея — приблизить крупных и опытных руководителей предприятий к руководству наркомата.

И главинж стал показывать Снегову альбом.

— Не правда ли, великолепно сделано?

Аристарх Порфирьевич с удовольствием перелистывал

альбом, любовался «накладными» диаграммами из целлофана.

— По вашей линии,— спрашивал он Снегова,— ничего существенного не пропустили?

Снегов никаких замечаний не сделал. Аристарх Порфирьевич понял, что ему не избежать неприятного разговора, и выпроводил творцов альбома.

Снегов начал разговор без предисловий:

— Надо решить вопрос о предложении Мазая.

Главинж поморщился, как будто принял горькое лекарство. Он снова взял альбом, раскрыл его на странице с показателями работы мартеновского цеха.

— Вы видите эти цифры? — почти заискивающе говорил главинж.— Вам-то они знакомы больше, чем мне. Ваши старые печи работают лучше, чем новейшие, построенные на прославленных гигантах. Чего же вам еще больше? Так имеем ли мы право поставить все это под удар?!

— Почему же под удар?!

— Потому что у вас очень мало шансов, что перегрузка печи, которую предлагает этот ваш Мазай, приведет к чему-либо хорошему. Скорее можно предположить...

— Но ведь это только догадки. Мы обязаны проверить эффективность предлагаемого метода, даже если это связано с риском.

Лицо Аристарха Порфирьевича налилось кровью. Он встал и не своим голосом заговорил, нет — закричал:

— Рисковать?! Ради чего я обязан рисковать?! Мне шестьдесят два года. И я не хочу сломя голову бросаться в пучину. Довольно! Я больше не хочу об этом говорить.

Он едва передохнул и уже упавшим голосом сказал:

— Не хочу и не могу сегодня об этом говорить. Мне надо готовиться в дорогу. Вернусь, тогда займемся этим делом. А пока нам краснеть в Москве не придется. Ваши показатели не самые худшие, совсем не самые худшие.

Снегов быстро вышел из кабинета. Вечером состоялся совет — в нем участвовали Снегов, его друг, умудренный житейским опытом инженер Чарный и энтузиаст нового метода — инженер Кириллов. Решили телеграфировать Орджоникидзе.

Долго составляли текст телеграммы. Чтобы на заводе не вызывать излишних разговоров, телеграмму отвезли в город. Как только Снегов сдал телеграмму в окошко, он стал раскаиваться: «Приедет туда главинж, и ему же передадут нашу телеграмму. И посмеется же он над нами!»

Всю ночь и следующий день Снегов был в тревоге. Он вспоминал прием у Орджоникидзе перед назначением на завод. Нарком тогда наказал ему, чтобы он в случае серьезных затруднений обращался лично к нему. А достаточно ли серьезный этот случай? Мало ли рационализаторских предложений застревает?! У Орджоникидзе большое хозяйство. Десятки тысяч инженеров заняты в промышленности. Если все начнут писать и телеграфировать лично наркому... Затем, какие у меня основания думать, что Орджоникидзе станет на мою сторону? Как-никак главинж пользуется авторитетом. А потом, его доводы ведь не столь неубедительны: надо дорожить достигнутым.

Прошло два часа. Вечером, когда Снегов лежал в своем маленьком кабинетике на узком и коротком для него клеенчатом диване и в сотый раз обдумывал создавшуюся обстановку, позвонил телефон. Говорил дежурный по заводу: Снегова срочно вызывали в дирекцию. Через пять минут он уже был там. Дежурный по заводу сообщил, что звонила «красная вертушка», предупредили, чтобы в 23.30 у аппарата был инженер Снегов.

До назначенного времени оставалось двадцать пять минут. Мучительные минуты! Звонок, несомненно, был ответом на телеграмму. Но кто его мог вызывать? Орджоникидзе? Телеграмма только-только могла попасть в Москву. И Орджоникидзе его уже требует к аппарату. Чушь! Самообман! Может быть, произошла ошибка? Или вызов к московскому телефону не имеет никакого отношения к его телеграмме?

Начались звонки. Звонила узловая Харькова, проверяла, на месте ли Снегов. Просили передать, чтобы он ждал. Орджоникидзе говорит с Днепропетровском.

Потянулись еще минуты. Снова резкий телефонный звонок. Москва! Требовали Снегова. С ним будет говорить нарком.

Снегов взял трубку и в то же мгновение услышал характерный голос Серго Орджоникидзе:

— Это вы, инженер Снегов? С вами говорит Орджоникидзе. Здравствуйте! Я получил вашу телеграмму. Когда вы можете заняться реконструкцией печи? Насколько вы уверены в успехе дела?

Снегов собрал всю свою волю, всю энергию, чтобы лаконично и четко изложить свой план. В несколько минут он должен был сказать все: объяснить теоретическую сторону вопроса, рассказать, что надо сделать. Снегов поймал себя на мысли, что в этом деле, собственно, весь

смысл его жизни, это его вклад в пятилетку, и, может быть, не только в эту.

Снегов слушает покашливание Орджоникидзе, и ему кажется, что тот его подбадривает: «Ну что ж, говорите». И Снегов излагает суть дела.

— Что требуется для того, чтобы осуществить предлагаемые вами мероприятия? — спрашивает нарком.

Снегов ждал этого вопроса.

— Печь останавливается на очередной ремонт. При перекладке печи мы изменяем глубину ванны... Важно обеспечить печь высококачественным огнеупором...

— Вам все дадут. А не можете ли вы ускорить это дело? Может быть, остановим печь раньше, до конца кампании?

— Но мы тогда потеряем несколько десятков плавок.

— Хорошо. Подождем. А насколько вы уверены в успехе?

— Мы идем на технический риск. Мы вступаем в конфликт с некоторыми положениями науки. Однако эти положения кажутся нам устарелыми.

— Действуйте смело! Наша поддержка вам обеспечена. Стране нужно много стали. А насчет науки помните: наука — не икона...

— Слушаю, товарищ Орджоникидзе. Сделаем все возможное.

— Уверен в вашем успехе. Больше, чаще советуйтесь с рабочими. Как фамилия сталевара?

— Мазай.

— Это как у Некрасова — дед Мазай и... Он что, тоже старый? Дед?

— Нет, он самый молодой сталевар в цехе, комсомолец.

— Отлично. Это хорошо, что вы, молодые, беретесь за дело. Еще раз желаю успеха. До свидания!

Стало тихо. Только на линии что-то гудело, будто вся страна заговорила уже о том, что намеревались сделать на своей печи два советских сталевара — инженер Снегов и рабочий Мазай.

Возможно, он еще долго держал бы трубку, но чей-то голос вывел его из оцепенения, напомнив, что разговор окончен.

...Еще в вагоне Аристарх Порфирьевич на все лады продумывал вопрос, выступить ли ему на совете. На второй день он все же записался для участия в прениях. Речь он написал заранее в номере гостиницы, у зеркала репетировал свое выступление. Получалось как будто неплохо.

И все же он был обрадован, когда закрыли список ораторов: «Так спокойнее. Трибуна не номер гостиницы. Орджоникидзе не дает никому спокойно выступать. При всем народе можно провалиться. Нет, лучше уж в кабинете обо всем доложить. Там если нарком и пожурит, то никто этого не услышит».

Аристарх Порфирьевич очень внимательно выслушал трехчасовую речь Орджоникидзе, в которой нарком нарисовал яркую картину завтрашнего дня тяжелой индустрии. В центре внимания стояли вопросы развития металлургии. Главинж понял, что он, кажется, зря оттолкнул от себя Снегова. Это была грубая оплошность. Внутреннее чутье, которым он всегда так гордился, ему на сей раз изменило. «Дело может принять нехороший оборот,— подумал он,— надо приблизить Снегова». Он вспомнил свой последний разговор с ним и, как только объявили перерыв, послал Снегову телеграмму.

Телеграмма была составлена не очень ясно. Важно было показать, что этот вопрос его интересует, он его не забыл.

Главинж рассказал директору, что он решил все-таки рискнуть и отправил на завод телеграмму, чтобы там начали готовиться к перестройке девятой печи по проекту Снегова и этого Мазая.

— Кто не рискует, тот никогда не выигрывает,— сказал он директору, когда тот ему напомнил все изложенные самим Аристархом Порфирьевичем доводы «против».

Директор пожал плечами — он давно уже тяготился своим главным инженером, но боялся остаться без него: «Какой еще другой попадется главинж!»

После окончания совещания Аристарха Порфирьевича и директора вызвали к Орджоникидзе.

В приемной они сидели молча. На коленях у Аристарха Порфирьевича лежал сверкавший золотом альбом. Он вызывал всеобщий интерес, но Аристарх Порфирьевич не снимал замочка, которым альбом был закрыт наподобие сундучка.

Наконец наступила их очередь. Аристарх Порфирьевич пропустил вперед директора, а сам скромно шел сзади него, неся альбом, который торжественно положил на стол Орджоникидзе.

— В этом альбоме,— сказал он, потупив глаза,— отражены некоторые достижения нашего завода.

Тут же он продемонстрировал секрет замка. Орджоникидзе записал в свой блокнот фамилию изобретателя. За-

тем Аристарх Порфирьевич стал листать альбом, манипулируя при этом целлофаном разных цветов. Получалось эффектно. Казалось, что Орджоникидзе заинтересован. Аристарх Порфирьевич решил, что все сойдет благополучно.

Но вот нарком отодвигает альбом, поднимается с места и говорит:

— Золотом ослепить решили, очки втереть.

Обращаясь к директору:

— Вы кто же — директор, коммунист или неизвестно что? Почему ничего не сообщили мне о предложении сталевара Мазая? На каком основании, по какому праву маринуете проект инженеров Снегова и Кириллова? Разве вы не понимаете, что это может открыть нам путь к новому подъему выплавки стали?

У Орджоникидзе перехватило дыхание. Воспользовавшись этой паузой, Аристарх Порфирьевич попытался спасти положение, он сказал, что послал на завод телеграмму и...

Но окончить свою фразу он не смог.

— Вы опоздали с вашей телеграммой. Я говорил со Снеговым и дал ему все указания. А руководителей, не умеющих или не желающих помогать новаторам, будем устранять из нашей социалистической индустрии как вышедших в тираж. Это относится и к вам, товарищ директор, и к вам, товарищ главинж... А золотом вы меня не ослепите.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Ночные часы в типографии летят быстро. Стрелка подходит к трем, наступают минуты, когда надо подписывать газету к печати. Через фанерную перегородку я слышу, как метранпажи командуют: «Третью под пресс, четвертую тискать».

В комнату входит выпускающий. Всегда угрюмый и брюзжащий, он сегодня настроен хорошо и готов на любые испытания. Он знает, что газета выполняет поручение Серго Орджоникидзе. В руках у него оттиск первой страницы. На ней большой аншлаг:

«Сегодня в... час. ... мин. задута вторая кузнецкая домна». Под аншлагом окошко для сообщения. Рядом статьи и другие материалы, посвященные этому крупному событию в истории индустриализации страны.

Но сообщения нет, и окошко пусто.

— А если не задуют? — спрашивает кто-то.

Вопрос остается висеть в воздухе.

Я снова поднимаю трубку и кричу:

— Междугородная? Как там Кузнецк?!

Телефонистка знает: во что бы то ни стало надо связаться с Кузнецком, получить информацию о делах на домне, ее должны задуть с минуты на минуту.

Телефонистка с горечью сообщает, что в Кузнецке никто не отвечает, словно все вымерли.

Слышно, как тикают часы. Четыре... Четыре пять... Четыре десять... Типография пустеет. Все газеты уже сдали свои полосы. В комнату входит начальник ночной смены типографии.

— Будем еще ждать?

— Подождем...

Он понимающе кивает головой.

Снова тишина и... резкий звонок. Беру трубку.

— Соединяю вас с домной.

Раздельные слова директора:

— В три часа пятьдесят восемь минут задули домну. Уже сообщили наркому. Чугун ожидаем к вечеру.

Комната заполнилась народом. Здесь все — метранпажи, наборщики, тискальщики, корректоры. Я едва успеваю сказать: три часа пятьдесят восемь минут — и комната опустела. Все бросились на свои места.

Телефонный звонок. Снимаю трубку. И сразу же слышу голос Серго Орджоникидзе:

— Новости из Кузнецка знаете?

— Задули! В три часа пятьдесят восемь минут.

— В газете будет?

— Будет.

— Хорошо! Спокойной ночи!

Новый мир, 1958, № 6, с. 224—231.

С. З. ГИНЗБУРГ

ШКОЛА СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Когда вспоминаешь годы руководства Серго Орджоникидзе тяжелой промышленностью, видишь годы поисков, воспитания и продвижения талантливых, пытливых, трудолюбивых, преданных социализму кадров. Он сам искал и находил таких людей, того же требовал от всех нас. Обычно, когда я возвращался из командировки и докла-

дывал Серго о состоянии дел на строительстве, он всегда интересовался, кого из деловых и подающих надежды строителей я отыскал для дальнейшей работы и продвижения.

Вспоминается возвращение из Свердловска в 1934 г. Г. К. Орджоникидзе, подробно ознакомившись с гигантом тяжелого машиностроения Уралмашем, вечером в вагоне говорил о том, что следовало бы подумать об укреплении руководства заводом. Тут он напомнил о молодом талантливом инженере Акопове, с которым познакомился незадолго до этого, во время нашего посещения Подольского машиностроительного завода под Москвой. Речь шла о Степане Акоповиче Акопове, который и был вскоре назначен директором Уралмаша. В последующие годы Степан Акопович стал начальником главка, заместителем наркома и министром автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

Серго постоянно уделял много внимания росту кадров, их своевременному продвижению, поднятию их культурного уровня, заботился о требовательности в отношениях с людьми и о человечности этих отношений... Не забывал он и опыта первых пятилеток по вводу в действие предприятий. Был сделан вывод о важной роли квалифицированного заказчика, ответственного за качество проекта, его технико-экономическое обоснование, за качество и достоверность разработки сметной документации, финансирование, подготовку квалифицированных кадров, подбор и назначение будущих начальников цехов, которые с самого начала строительства обстоятельно знакомились с подземным хозяйством цехов, с монтажом конструкций и оборудования и т. п.

Среди актуальных вопросов, которые не раз обсуждались с рабочими и инженерами, с научными кадрами промышленности, особенно часто говорилось о дисциплине, о единоличной ответственности руководителя, о партийности в хозяйственной деятельности, о честности, нетерпимости к фальши и малейшему обману. И, конечно, он не упускал из поля зрения уровень подготовки руководящих кадров.

Мне вспоминается и такой факт, связанный с пребыванием на Кузнецкстрое. Знакомясь с работой строителей, я обратил внимание на начальника железнодорожного и дорожного строительства Е. Ф. Кожевникова — толкового, грамотного инженера. В беседе с ним возникла тема о расчете железнодорожного моста, который он выполнял, еще

учась в путейском институте. Часто именно так, в непринужденных беседах на различные темы, нам приходилось знакомиться с кадрами, их знаниями, интересами. Уже после первой беседы у меня сложилось впечатление, что из этого инженера может в дальнейшем получиться крупный работник, о чем я и сказал Серго. Орджоникидзе согласился с моим мнением.

Через несколько лет, в 1936 г., Евгений Федорович Кожевников стал главным инженером строительного управления в Орске, затем управляющим треста «Южуралтяжстрой». В первые годы войны он руководил строительством оборонного завода... В 1943 г. Е. Ф. Кожевников был командирован мною с группой строителей в США для изучения американского опыта. По возвращении назначен начальником Главспецстроя Наркомстроя СССР. В дальнейшем Евгений Федорович был выдвинут на пост министра транспортного строительства СССР.

Таким был нормальный путь в продвижении способных специалистов.

В годы первых пятилеток росли, воспитывались и мужали люди, которым предстояло вынести на своих плечах тяжесть войны, перебазировать на Восток промышленность, быстро освоить и ввести в действие в невиданно короткие сроки новые мощности предприятий, ковать победу в тылу.

Встречи Орджоникидзе с хозяйственниками, беседы с ними — в Москве ли, в поездках ли — служили хорошей школой для каждого. А университетом я назвал бы заседания Президиума ВСНХ и коллегии Наркомтяжпрома.

Заседания коллегии проходили в большом зале на 100—120 человек. Серго сидел во главе большого Т-образного стола, вокруг — члены коллегии, а за длинным столом — начальники главных управлений, директора заводов, начальники строек. Присутствовать могли не только специально приглашенные, но и деятели промышленности с периферии, которые ко времени заседания коллегии находились в Москве. Серго хотел, чтобы люди знали о том, что делается в центре, знали не только, какие приняты постановления, но и слышали мнения, суждения, сомнения, которые высказывались на этих заседаниях, где принимались решения, порой меняющие облик и жизнь целой области. На заседаниях коллегии учили пониманию задач, вставших перед всей страной, учили тому, как нужно использовать в строительстве миллионы и миллиарды рублей, но одновременно экономить каждый рубль. Здесь познавались

экономические идеи социализма на практике, в жизни.

На коллегии могли возникать «перепалки». Серго поощрял их. Он увлекался спором, сам углублялся в вопросы технологии, искал истину, чтобы принять правильное решение.

Повестки заседаний коллегии были широкими по своей тематике. Запомнились интереснейший доклад академика Абрама Федоровича Иоффе о первых успехах в расщеплении атома, замечательный доклад академика Александра Евгеньевича Ферсмана о богатствах Хибин и Кольского полуострова. Члены коллегии слушали доклады начальников строек, директоров предприятий, проектных организаций. Затем вырабатывались указания о мерах по выполнению планов строительства промышленных объектов, гидростанций, шахт, жилья, по улучшению подготовки инженеров, техников, экономистов, рабочих.

Серго хорошо знал почти всех присутствовавших. Знал и замечал. Однажды он увидел на заседании известного стахановца кузнеца А. Х. Бусыгина с Горьковского автозавода. Причина его появления на коллегии была неясна. Серго спросил Бусыгина, что привело его в Москву. И получил ответ: его послали добиваться получения в «Стальсбыте» металла, выделенного Горьковскому заводу, но не полученного. Серго рассердился и резко высказался в адрес руководителей завода, которые оторвали знатного кузнеца от дела для использования в качестве снабженца-толкача.

Само собой разумеется, что этот инцидент был уроком не только для Горьковского завода, но и для всей периферии, так как такого рода замечания Серго всегда быстро становились достоянием всей тяжелой промышленности и из них извлекались соответствующие выводы.

Конечно, заседания коллегии могли бы проходить в узком кругу ее членов и нескольких товарищей, вызываемых по соответствующим вопросам, но широкое приглашение па заседания работников промышленности имело большое педагогическое значение. Заседания коллегии учили деловитости аудиторию, которая внимательно слушала, остро реагировала на все происходящее, смеялась в ответ на шутки, а в конечном счете это помогало объединению усилий всего коллектива тяжелой промышленности.

Серго замечательно вел заседания коллегии. Блестящий ум, строгость, развитое чувство юмора, простота, органически связанная с демократичностью, острое государственное чутье, высокая партийность, непосредственность и

человеческое обаяние — все это способствовало тому, что мы не только глубоко уважали наркома, но безгранично любили его и уходили с заседаний с полной уверенностью в правильности принятых решений, с желанием работать лучше, плодотворнее.

Гинзбург С. З.
О прошлом — для будущего.
М., 1983, с. 188—191.

А. Г. СТАХАНОВ

ВДОХНОВИТЕЛЬ НОВАТОРОВ

Те, кто лично знал Серго, никогда не забудут его чудесную улыбку, его открытый добрый взгляд, умение подходить к людям, его неистощимую энергию, энтузиазм и пламенную веру в победу социализма, его беспощадную ненависть к врагам.

Я впервые увидел Серго на Красной площади в день восемнадцатой годовщины Октября. Веселый и улыбающийся, стоял он на левом крыле Мавзолея. Он радостно приветствовал проходившие мимо колонны демонстрантов. Через несколько дней нам, делегатам Донбасса, передали приглашение от товарища Орджоникидзе приехать к нему в Наркомтяжпром.

Взволнованные предстоящей встречей с любимым наркомом, вошли мы к нему в кабинет. Серго видел нас впервые. Тем не менее он приветствовал каждого из нас, как своих старых знакомых.

Сердечно поздоровавшись со мной, Серго пошутил:

— Вот какой Стаханов. А я думал, он большой силач.

Товарищ Орджоникидзе сразу же покорил нас своей задушевностью и простотой.

— Ну, рассказывайте, как было дело,— обратился он к нам, донбассовцам.

Внимательно выслушав мой рассказ о том, как я добился своего рекорда, а также рассказы моих товарищей, Серго засыпал нас вопросами:

— А удвоенную добычу на шахте можно дать? А как с откаткой? Сколько у вас стахановцев?

Наши ответы он тут же записывал в блокнот и потом начал что-то подсчитывать.

— Ваша шахта уже сейчас может давать 1500 тонн,— сказал вдруг Серго.— Скажите, что этому мешает? И что

нужно сделать, чтобы Донбасс в целом удвоил свою добычу?

Я объяснил, чего недостает нашей шахте, и добавил, что такие же затруднения испытывают и другие шахты Донбасса.

«Ладно, помогу вам»,— сказал товарищ Орджоникидзе.

Мы пробыли в его кабинете несколько часов. После нас выступали стахановцы других городов, и Серго так же внимательно расспрашивал их обо всех наболевших вопросах и нуждах.

Через несколько дней я снова увидел Серго на Всесоюзном совещании стахановцев. Когда он взял слово, мы все встали и горячо приветствовали своего любимого наркома. Товарищу Орджоникидзе пришлось несколько раз обращаться в президиум с просьбой успокоить зал, но аплодисменты всякий раз возобновлялись с новой силой.

Серго произнес большую пламенную речь о значении стахановского движения, о бурном расцвете творческих сил в стране социализма.

В начале 1936 г. я снова приехал в Москву — для получения ордена.

В одном из залов Кремлевского Дворца я опять встретил Серго. Мы крепко пожали друг другу руки. Товарищ Орджоникидзе сразу же принялся меня расспрашивать о работе шахты «Центральная — Ирмино».

Узнав, что мы надеемся скоро дать удвоенную добычу, товарищ Серго очень обрадовался и выразил уверенность в том, что весь Донбасс в этом году выйдет в передовые ряды.

Когда закончилось вручение орденов, товарищ Серго опять подошел ко мне и, поздравив меня с высшей наградой Родины, сказал, что орден Ленина обязывает меня работать еще лучше.

После этого я встречал Серго еще несколько раз на совещаниях в Наркомтяжпроме в мае и июне 1936 г.

На этих совещаниях подробно разбирались разные вопросы, связанные с повышением угледобычи в Донбассе. Эта задача необычайно волновала Серго, он придавал большое значение рассказам приезжавших с мест шахтеров.

Во время моего выступления товарищ Серго задавал мне вопросы. Его особенно интересовало, как идет работа на шахте «Центральная — Ирмино», являющейся колыбелью стахановского движения.

— Товарищ Стаханов, а когда же будет удвоенная добыча на шахте? — спросил меня опять Серго.

— В августе,— ответил я. И действительно, мы свое слово сдержали. В августе выработка шахты увеличилась вдвое.

Рабочая Москва, 1938, 18 февраля.

М. Н. МАЗАЙ

ПОДДЕРЖКА СЕРГО

«...Я стал слушать. В трубке что-то гудело, свистело, а потом донесся голос:

— Это товарищ Мазай? Комсомолец? Комсомолец? Как у вас идет соревнование?

Слышимость была плохая, и я не сразу понял, что со мной говорит Орджоникидзе. Через минуту посторонние звуки устранили, и на этот раз я хорошо разобрал:

— Говорит Орджоникидзе. Вы Мазай? Комсомолец? Как соревнование, как ваша бригада? Помогает ли вам дирекция? Вы не стесняйтесь, говорите все как есть.

Я рассказал Серго о наших первых успехах, сообщил состав бригады, сказал, что мне помогают хорошо.

Нарком не удовлетворился последним ответом.

— Вы мне о дирекции скажите все как есть. Вы, наверное, стесняетесь говорить, потому что рядом с вами сидит директор. Не обращайте внимания, сталевар должен быть смелым. Говорите все!

В заключение Орджоникидзе попросил звонить ему ежедневно.

Следующую плавку я закончил под утро. Откуда ни возьмись — посыльный. «Бегом давай в контору». Удивился: зачем понадобился в такой необычный час?

В кабинете директора дежурный протянул мне трубку. Знакомый голос Серго спросил:

— Почему же ты не позвонил, Макар? Я здесь уже начал беспокоиться.

— Да ведь позднее время... Я думал, вы давно спите, товарищ нарком.

Серго засмеялся:

— Я ждал твоего звонка и потому не ложился спать.

Вскоре я доложил, что сварил по двенадцать тонн стали с квадратного метра.

— Поздравляю, сердечно поздравляю,— отозвался

Серго.— Только ты свои секреты не храни. Учи других сталеваров.

В конце ноября на завод пришла телеграмма:

«Комсомолец Макар Мазай дал невиданный до сих пор рекорд — двадцать дней подряд средний съем стали у него двенадцать с лишним тонн с квадратного метра площади пода мартеновской печи. Этим доказана осуществимость смелых предложений, которые были сделаны в металлургии.

Все это сделано на одном из старых металлургических заводов. Тем более это по силам новым прекрасно механизированным цехам. Отныне разговоры могут быть не о технических возможностях получения такого съема, а о подготовленности и организованности людей.

Крепко жму руку и желаю дальнейших успехов комсомольцу Мазаю.

Орджоникидзе».

...Серго пригласил меня к себе в Москву. Он встретил меня посередине комнаты. С минуту держал мою руку в своей, как-то по-родному смотрел на меня. Я почувствовал себя так, как должны, вероятно, себя чувствовать очень близкие люди, встретившиеся после долгой разлуки.

— От соревнования устал?

Я сказал, что, когда хорошо работается, никогда не устаешь, и добавил:

— Была бы помощь завода и ваша.

Серго насторожился:

— Моя помощь? Какая?

Тогда я рассказал о том, что мешает производству, о затруднениях с магнезитом, о плохом состоянии тыла.

Серго внимательно выслушал, сделал какие-то заметки, вызвал к себе некоторых работников главка. Тут же вернулся к тому, что его больше всего интересовало:

— Вы даете по двенадцать тонн. Значит, это вполне реально? Почему же в Америке снимают только по шесть тонн?!

Нарком сказал секретарю, чтобы тот пригласил директора нашего завода. Вошел директор. Серго поздоровался, сразу сказал:

— Вот что, вы с Мазаем из Москвы не уедете до тех пор, пока не напишете подробно, как вы обогнали американцев. Двенадцать тонн с квадратного метра! У американцев ведь этого нет, у немцев и англичан нет и у чехов нет! Ни у кого нет. Сталевары вы хорошие, будьте такими

же учителями. Учите, передавайте опыт через нашу газету. Книгу надо вам написать.

Затем Серго пригласил к себе одного из профессоров, заведующего кафедрой Института стали:

— Прошу познакомиться с Мазаем. Поезжайте с бригадой научных работников к нему на завод, а потом внесите поправки в ваши лекции и учебники... если найдете нужным.

Беседа продолжалась. Серго расспрашивал об отдыхе, о том, какие книги читают сталевары, как живут семьи.

— А почему бы не помочь Мазаю построить себе коттедж? — обратился нарком к директору.

— Не надо коттеджа,— сказал я.— Мне бы учиться поехать в Москву.

— Это совсем хорошо. Нам нужны ученые металлурги. Поступай осенью в Промакадемию. Борись, Макар, за науку, так же как борешься за сталь.

Осенью я стал студентом.

Дубинский-Мухадзе И. Орджоникидзе. М., 1963, с. 349—351.

А. Х. БУСЫГИН

СОВЕТЧИК И ДОБРЫЙ ДРУГ

Это было в сентябре 1935 г. На штамповке коленчатых валов наша бригада установила мировой рекорд производительности труда и оставила далеко позади выработку американских кузнецов. В то время мой сменщик Степан Фаустов отдыхал на берегу Черного моря. Вернувшись из отпуска, он занял место у парового молота и вскоре обошел нашу бригаду.

За трудовые успехи меня наградили орденом Ленина. Такой орден был вручен и Степану Фаустову.

Нас пригласили в Кремль на правительственный прием. Первым с высокой наградой поздравил Серго Орджоникидзе. Он пожелал нам доброго здоровья и дальнейших успехов в труде на благо Родины.

Много у нас было подобных встреч с незабвенным наркомом. И всегда мы получали от него добрый совет, хорошее настроение. Вспоминается первое Всесоюзное совещание стахановцев. Не силен я был тогда в грамоте. Написали мне на заводе гладкую речь: побольше о своем рекорде, вскользь о заводских неполадках, отстукали на машинке и сказали:

— Отправляйся в Москву.

— Будешь выступать? — спросил нарком, когда мы зашли к нему в кабинет перед совещанием.

— Если по этой бумажке, то не стану,— отвечаю ему.

Серго взял в руки листы с заготовленной речью, прочитал, сердито покрутил свои пышные усы и строго спросил:

— Вы твердо уверены, товарищ Бусыгин, что не стали бы так выступать? Здесь есть неправда?

— Да, товарищ нарком...

— Тогда выступай на совещании без бумажки. Расскажи все как есть.

Как и многие другие, пришел я на заводскую стройку деревенским пареньком. Здесь как бы родился заново. Сначала чернорабочий, потом плотник, кузнец. Одно тревожило — знаний явно не хватало. Но вот вечером в дверь постучался учитель:

— Приказано, Харитонович, у тебя, так сказать, домашний класс открыть.

— Это кто же распорядился?

— Серго Орджоникидзе.

В те годы неутомимый нарком тяжелой промышленности особую заботу проявлял о том, чтобы рабочие-передовики получили крепкие знания. Не обошла его забота и меня. После домашней школы направили в промышленную академию. Вернулся оттуда и стал работать начальником цеха. Горьковчане избрали меня депутатом Верховного Совета СССР. Довелось мне принимать участие в редактировании Основного Закона страны — Советской Конституции.

Автозаводец, 1976, 24 октября.

И. И. ГУДОВ

О ВСТРЕЧАХ С ОРДЖОНИКИДЗЕ

Нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе придавал большое значение подъему станкостроения в нашей стране. Он не только знал наперечет типы осваиваемых станков, но и директоров, главных инженеров, начальников цехов основных заводов. Убедившись в том, что руководство завода не справляется с делом, он его сменял. Сначала был назначен новый главный инженер, а спустя короткое время пришел и новый директор — Захар Григорьевич Сушков.

О директоре завода у нас было много разговоров. Будто на завод его послал сам Орджоникидзе, будто он каждый день докладывает наркому, как идут дела. «Почему же он не скажет наркому, что вот уж сколько дней заставляют «загорать»,— сердился я.

А тут подошел такой случай.

Руководство завода З. Г. Сушков и Л. М. Чарноцкий собрали совещание с участием рабочих, не выполняющих дневной и месячный планы выработки. Им в пример ставили рабочих, которые значительно перевыполняют нормы. Видно, потому на совещание пригласили и меня.

«Почему одни рабочие значительно перевыполняют нормы, а другие не могут их выполнить? В чем тут секрет?» — поставил вопрос директор.

— Есть у нас фрезеровщик Иван Гудов,— начал свое выступление мастер Поляков,— на завод он поступил с год назад, тачку гонял, учился, поставили его к станку. Всего с полгода он работает фрезеровщиком и не то что нормы выполняет, а намного перевыполняет. Почему? Потому, что у человека есть желание хорошо работать, и еще потому, что у него «шарики работают». Он своей работой интересуется, заранее знает, какие ему придется делать детали, и когда он приходит на смену, то у него уже план есть, как и что делать. Отовсюду наладку, приспособления тащит... Втихомолку стал работать двумя фрезами... Стал технологический процесс ломать, только уж очень напорист. Как что — на стенку лезет. Его было уволили за недисциплинированность, но он обещал исправиться, и мы его оставили...

Так говорил обо мне Семен Терентьевич Поляков, и к этим его словам со вниманием отнеслись и директор завода и главный инженер. Когда Поляков кончил, директор спросил:

— Здесь товарищ Гудов?

Я поднялся.

— Расскажите нам, товарищ Гудов, как вам удается нормы перевыполнять, какой секрет вы открыли?

— Мы научились работать хорошо и даже отлично. Но нам мешают, не дают работы. Из двадцати пяти дней я одиннадцать вовсе не работал. Так можно и разучиться что-нибудь делать. А зарплата? А наше социалистическое обязательство? Вот обо всем этом надо дирекции подумать. Я это за себя говорю. Выполнял я месячную норму на 200—250 процентов, могу и больше.

В президиуме совещания рядом с директором сидел ка-

кой-то мне незнакомый человек. Он все время что-то заносил в тетрадь. Оказалось, это был представитель Наркомтяжпрома.

После совещания он подошел ко мне, назвался и сказал, что он лично от Серго Орджоникидзе. Потом стал меня спрашивать о работе, на что жалуюсь, какие неполадки. К тому, что я говорил на совещании, я еще кое-что прибавил.

Прошло несколько дней, ко мне подходит мастер Поляков:

— После смены пойдешь к директору.

Так я и сделал. Секретарь директора мне говорит:

— Захар Григорьевич давно вас ждет.

Захар Григорьевич вышел из-за стола, поздоровался, предложил сесть.

Разговор начался со знакомства. Захар Григорьевич сказал, что он, как и я, на заводе человек новый. Не думал, что станет директором, да еще такого завода, от которого зависит, как быстро мы сможем догнать и перегнать капиталистические страны. И вот ему приходится овладевать новыми науками. Учился он в Институте красной профессуры. Там больше было политики, а тут техника. Бывал он в разных странах. Работал начальником иностранного отдела Наркомтяжпрома. А вот того, что будет когда-либо руководить заводом, не предполагал. Серго Орджоникидзе предложил ему директорский пост, и нельзя было не согласиться.

— Нарком дал мне установку,— сказал директор,— чтоб в ближайшее время перекрыть проектную мощность завода и выполнить пятилетний план в четыре года.

Я сидел в мягком кресле и думал: «С чего бы это директор рассказывает мне о своей жизни и о заданиях наркома?»

— А теперь я хочу, чтобы вы мне рассказали о себе. О вас, Иван Иванович, о вашей работе мне говорили. Ну а кто вы такой, не знаю. Пришел человек с улицы, гонял тачку, учился, поставили к станку. И все. И я хочу, чтобы вы мне рассказали о себе.

Меньше всего я ожидал, что мне придется рассказывать директору о своей жизни. Да что особенного рассказывать?!

Рассказал я коротко свою нехитрую биографию, а затем разговор пошел о недостатках в работе завода, как они чувствуются на рабочих местах. Захар Григорьевич интересовался всеми деталями подготовки производства, а также тем, как мы проводим время после работы.

А закончил он разговор так:

— Дверь моего кабинета всегда для вас открыта. Вот вам прямой номер телефона.

Вызов к директору резко изменил отношение ко мне со стороны администрации цеха.

Цех получил задание срочно изготовить детали — запорные крышки. Мастер Поляков мне сказал:

— Товарищ Гудов, это надо обязательно сделать. Поднатужься, поработай хоть три смены, но сделай.

Я почувствовал, что здесь, на этих деталях, я и могу себя показать.

В тот день, 13 сентября 1935 г., в цехе была вывешена «молния», в ней сообщалось о моем рекорде. Через неделю в заводской многотиражке «Большевик Станкозавода» напечатано было следующее:

«Рекорд отличника Гудова.

В цехе № 2 широко развернулась проработка опыта работы ударников Донбасса тт. Стаханова, Изотова...

В цехе быстрее начался рост отличничества, сами отличники стали работать еще лучше, добиваясь систематического перевыполнения программы по количеству и качеству.

Отличник — ударник т. Гудов — фрезеровщик — сменное задание 13 сентября в 43 штуки деталей выполнил на 400 с лишним процентов, сделав 177 деталей вместо 43. Все детали, сделанные т. Гудовым, приняты контролером на «отлично». Заработок т. Гудова в этот день составляет свыше 42 рублей. Сейчас в цехе № 2 развертывается обмен опытом работы между отличниками и отстающими рабочими».

День этот — 13 сентября 1935 г.— стал поворотным в моей жизни.

В один из этих дней, когда уже кончилась смена, ко мне подошел начальник цеха товарищ Червонный. Подошел и сразу сказал, как будто выстрелил:

— Иван, тебя нарком вызывает. Серго Орджоникидзе! И я с тобой поеду.

Такой чести никак не ожидал. Я слышал об Орджоникидзе немало. Знал, что он много лет просидел в тюрьмах, был на каторге, в ссылке, что его любил и ценил Ленин. И вот его поставили во главе армии, которая должна была создать нашу советскую индустрию. Армия эта насчитывает миллионы. И меня вызывают к главному этой армии. Для чего я ему понадобился, о чем буду с ним говорить?

— А вы не знаете,— опомнившись, спросил я Червонного,— для чего меня вызывают?

— Идем в заводоуправление, к директору,— только и ответил он.

Пришли. Там в полном сборе заводская администрация, какое-то смятение. Подтверждают: да, завтра мне надо быть у товарища Орджоникидзе. Меня инструктируют, как себя держать у наркома, что надо говорить и что не следует, чтобы не создавать превратного представления о заводе. Наставления эти показались мне странными: разве вправе я что-либо утаить от наркома?

Выйдя из кабинета, решил: к товарищу Орджоникидзе надо прийти с новыми успехами.

В этот день, 13 ноября 1935 г., я без специальной подготовки выработал 300 процентов и все детали сдал на «отлично».

На другой день директор Сушков и начальник цеха Червонный внимательно осмотрели меня, похлопали по плечу — не робей, дескать, Иван, все будет хорошо. И мы отправились в наркомат.

Нас ввели в большую комнату. На длинном столе в вазах лежали яблоки и апельсины. В высокие окна лился мягкий свет московского осеннего дня. Вокруг стола множество стульев. Те из них, что поближе к президиуму, были уже заняты. Вгляделся в одного из сидевших за столом и сразу узнал его. Не раз видел я на портретах этого худощавого парня с бледноватым лицом, большими серыми глазами под длинными ресницами.

Это был Алексей Стаханов. Почему-то думал, что он гораздо шире в плечах и мощнее.

А в это время за нами, сзади, совсем не там, где мы ждали, раскрылась дверь, и в зал вошел товарищ Орджоникидзе. Он шел вдоль длинного стола и со всеми здоровался за руку. Вот он подошел и ко мне. Тепло и крепко пожал руку.

— Откуда? — спросил он.

— Со Станкозавода вашего имени в Москве.

— Ты Гудов? Слышал, слышал! Хорошо, поговорим, как тебя с завода выгоняли.

Во все глаза смотрел я на него. Подумал, что он именно тот человек, который понимал и знал мою мечту и думы всех собравшихся здесь.

Орджоникидзе подошел к Стаханову, дружески потряс его за плечо.

— Так вот ты какой! — сказал он.— А я думал, ты великан.

Когда утихли аплодисменты, все немного успокоились и расселись, товарищ Орджоникидзе сказал:

— Ну, расскажите, какие вы чудеса творите.

По очереди стали выступать — Стаханов, Кривонос, Бусыгин, Виноградовы Дуся и Маруся. Дошла очередь и до меня. Нарком сказал:

— Гудов пусть расскажет в течение пяти минут, как его выгоняли с завода. Очень это интересно.

Я подошел к столу и стал рассказывать о достижениях нашего предприятия. Завод отличный, делает такие-то и такие-то станки, освобождает страну от иностранной зависимости. Но Орджоникидзе перебил меня.

— Нет, товарищ Гудов, подожди. Ты про это не говори. Это мы и без тебя знаем. Ты, во-первых, раскрой мне секрет, как ты добиваешься такой большой выработки, а затем расскажи, за что тебя выгоняли.

Я осмелел и говорю:

— Товарищ Серго, вы меня прервали и минуту отняли. Теперь дайте мне больше времени...

Он засмеялся:

— Хорошо, хорошо, набавим!

И пришлось мне все рассказать. Едва кончил, как товарищ Орджоникидзе встал и сказал директору завода Сушкову:

— Ты молодой директор, как же ты такое терпишь на заводе? Что собираешься делать с этими саботажниками? Нянчиться с ними нельзя. Ты же большевик! В Красной профессуре учился, должен знать это. Саботажников надо снимать! Кто стоит на нашем пути, тех сметем. Сметем беспощадно!

Из рядового случая товарищ Орджоникидзе сделал далеко идущие выводы.

А через несколько минут Орджоникидзе уже задушевно, просто, удивительно понятно объяснял нам значение стахановских рекордов.

— Если вы будете на тех же станках,— говорил он,— давать больше продукции, тогда у нас освободятся средства, и мы на них сможем построить больше заводов, клубов, санаториев, чтобы людям лучше жилось. За что же мы кровь проливали, революцию делали?

Это была мечта его прекрасной жизни, чтобы трудящимся людям хорошо жилось. Особенно запомнились заключительные слова товарища Орджоникидзе — они были обращены к моей спутнице по поездке в Ленинград:

— Вот Нина Славникова! Смотришь на нее, такую молодую, бесстрашную, и хочется сказать всем: вот дочь Октябрьской революции! Посмотрите на нее, что она делает, какие чудеса она творит!.. Так и хочется ее расцеловать!

Мы все так захохотали, что, казалось, вот-вот рухнет люстра.

А кончил он свои слова сообщением, что это наше заседание было предварительным, а на следующий день нас будут принимать в Центральном Комитете партии.

Заседание окончилось. Мы вышли в коридор, окружили товарища Орджоникидзе. Беседуя с собравшимися в наркомате передовиками, он улыбался мягкой отеческой улыбкой. Видно было, что душа его переполнена радостью.

От волнения я запутался и пошел не к выходу, а в направлении к кабинету наркома. Шел по широкому коридору, как во сне, и очнулся от прикосновения чьей-то руки.

Это был Орджоникидзе.

— Ты, Гудов, сегодня на сколько процентов выполнил норму? — спросил он меня.

Я ответил.

Он улыбнулся, чуть-чуть прищурил глаз и спросил:

— А завтра на сколько процентов выполнишь?

Я сказал, что хотя мне работать придется всего несколько часов — до заседания в ЦК, но меньше 300 процентов нормы не дам.

— Правильно,— сказал Серго, пожал мне руку и направился в свой кабинет.

14 ноября я встал раньше обыкновенного. Моросил дождь. Осень, а у меня на душе весна. Шел на завод быстро. В двенадцать мне нужно было успеть в Московский комитет партии, и уже оттуда — как было условлено — мы направимся в ЦК. Для работы оставалось мало времени. Но обещание, данное Серго, надо выполнить.

Не теряя ни минуты, включил станок. Дело спорилось. За два часа сделал обещанные 300 процентов.

Я пришел в ЦК. Поднялся на лифте, иду по коридору. Навстречу идет Орджоникидзе в длинной шинели, а с ним Климент Ефремович Ворошилов.

— А, товарищ Гудов, здравствуй!

Орджоникидзе меня представил Клименту Ефремовичу.

Климент Ефремович оглядел меня с любопытством, а я подумал: «Ворошилов — он ведь тоже металлист»...

Здесь, в зале заседаний ЦК ВКП(б), на Старой площади, началось первое Всесоюзное совещание стахановцев промышленности и транспорта. После того как выступили несколько человек, я заметил, что Сталин, наклонившись к Серго, что-то ему сказал. Орджоникидзе поднялся и объявил:

— На этом совещание здесь закрываем. Переходим в Кремль, в Андреевский зал.

9 декабря 1935 г. было опубликовано постановление ЦИК Союза ССР о награждении инициаторов стахановского движения. Меня наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Вручение орденов происходило в торжественной обстановке 27 января 1936 г. Наше настроение передал ленинградский стахановец — обувщик Н. С. Сметанин.

«Слова бессильны,— говорил он,— рассказать про ту радость, которую испытываешь, живя в нашей прекрасной социалистической стране. Мы все горим энтузиазмом...»

Закончился трудовой год. Итоги его были отражены в письме руководства завода на имя наркома С. Орджоникидзе. Коэффициент использования станков повысился с 0,64 до 0,82—0,85. Сказалась проделанная работа и на экономических показателях: вместо 2 миллионов рублей планового убытка завод дал 2585 тысяч рублей прибыли. Стало быть, страна получила от нас дополнительно продукции на 5 миллионов рублей, не считая того, что были сокращены затраты на покупку станков за границей.

Под письмом, отправленным товарищу Орджоникидзе, предложили подписаться и мне. Выходило, что и я в какой-то мере стал ответственным за ход дел на заводе.

— Не может быть,— сказал секретарь парткома Черных,— чтобы нарком не обратил внимания на это письмо и не сделал из него выводов.

— Какие же могут быть выводы? — спросил я.

— Достижения немалые. Людей каких вырастили. Это так кажется, что все само собой сделалось. Сделал это коллектив, друг друга тянут. Сначала Круглушина тебя, а потом ты Круглушину... Завод дал большую экономию, будем просить наркома разрешить строительство заводского Дворца культуры.

Недели полторы, кажется, прошло с того дня, когда мы подписали письмо наркому. Я был у директора по какому-то делу, и, когда уже стал уходить, он мне сказал:

— Товарищ Семушкин (это был помощник Орджоникидзе) звонил и сообщил, что нас примет нарком. Прошу далеко не отлучаться.

Уже к концу смены мне стало известно, что прием назначен на десять вечера.

Орджоникидзе не заставил нас долго ждать и сразу пригласил в кабинет. Первым пропустили почему-то меня, за мной прошел секретарь парткома Черных, а потом уж директор Сушков.

Товарищ Серго вышел из-за стола к нам навстречу, приветливо с каждым поздоровался.

— А, старый знакомый, Гудов, здравствуй!

Черных представился сам:

— Секретарь парткома завода.

Поздоровавшись с директором, Серго предложил нам сесть. Сам он сел в кресло за свой большой письменный стол.

— Ну как, товарищ Гудов, тебя больше не обижают? Обеспечивают тебя работой? — спросил Орджоникидзе.

— Нет, товарищ Серго, не обижают. Работой обеспечен. Меня теперь назначили инструктором по внедрению стахановских методов труда, а работы на заводе много.

— Да, я это знаю. Завод поработал хорошо. Много станков дал сверх плана. Но все равно станков не хватает. И беда наша в том, что мы просчитались. Построили в Москве один литейный завод, и этот строили второпях не так, как надо. А ведь станки делаются больше из чугуна. Вот его и не хватает. Станколит за вами не поспевает. Вот наш уважаемый начальник главка Евгений Альперович и живет за границей. Он вынужден шнырять по фирмам, искать, где бы купить станки подешевле, получше да побольше.

Я на днях был в Туле,— продолжал Серго,— на оружейном заводе. Там у них большой станкостроительный цех. Они делают фрезерные станки «Дзержинец». Я руководство цеха спрашиваю: «Почему вы делаете станков мало и неважного качества?» Пожурил их: «Ведь ваши предки — туляки, говорю, блоху подковали, а вы хороший фрезерный станок сделать не можете». А мне старый мастер отвечает: «Товарищ Серго, а ведь блоха-то в то время была одна, значит, штучная продукция, а мы теперь делаем станки серийные. А в большой серии второпях и при штурме могут попасться и плохие станки». Рассмешил меня мастер. А что поделаешь? Кадры еще не обучены. И материально-техническое снабжение не нала-

жено. То одного не хватает, то другого. Отсюда и штурмовщина. И у вас еще не все идет наилучшим образом. Верно я говорю, Захар?! — спросил Орджоникидзе, обращаясь к директору.

Я заметил, как озарилось лицо нашего директора. Ведь так вот, просто — «Захар» — Орджоникидзе называл его, когда им был доволен. В тот раз, когда разбирался вопрос о моем увольнении, Орджоникидзе его не назвал ни по имени и отчеству, ни по фамилии, а только «директор».

— Несомненно,— ответил Захар Григорьевич.— Предстоит большой путь... Путь в гору.

— Мы, большевики, и не такие горы штурмовали и брали. Возьмем и эту!.. Ну, давайте показывайте проект Дворца культуры.

Захар Григорьевич разложил проект на столе и стал объяснять.

Пока Серго задавал вопросы Сушкову, рассматривая проект, мне было удобно его разглядеть. По лицу видно было, что Серго проектом доволен.

— Ну, что же,— сказал он,— проект выполнен хорошо, с любовью. А самое главное, что инициатива идет снизу. Сами люди говорят: «Настала пора, нарком, давай, раскошеливайся!»

В разговор вступил Черных:

— Вы знаете, товарищ нарком, построить клуб просят люди, которые сами живут еще в бараках.

— Еще бы! Ведь это не только Дворец. У вас будет и театр, и кино, и библиотека, и шахматный клуб, и тир для стрельбы, готовить ворошиловских стрелков тоже надо. Плавательный бассейн, футбольное, волейбольные поля, беговые дорожки и все для занятий разными видами спорта. Хорошо! Теперь развертывайте стахановское движение. Соревнуйтесь за выдачу ста сверхплановых станков. А ты, Гудов, обучай новичков, как делать больше деталей, но таких, чтобы они не залеживались, а шли бы на сборку. Ну, а я посоветуюсь с товарищами в отношении средств на Дворец...

Серго вышел из-за стола, попрощался со мной и с Черных. Сушкова задержал у себя. Мы вышли в приемную и здесь его подождали.

«Выходит, и Орджоникидзе уже знает о моей злосчастной горке,— решил я,— раз он намекнул на залежавшиеся детали. Нарком знает, требует делать те детали, которые сегодня-завтра пойдут на сборку, а не на склад».

Перед началом работы я получил от товарища Орджоникидзе телефонограмму:

«Стахановцу — орденоносцу т. Гудову.

25 июня созывается совет при народном комиссаре тяжелой промышленности с вопросом о выполнении решений декабрьского Пленума ЦК ВКП(б) о стахановском движении. Вы приглашаетесь принять участие в работе совета. Народный комиссар тяжелой промышленности С. Орджоникидзе».

Я, конечно, был очень обрадован, что Орджоникидзе зовет меня на совет. В цехах во время обсуждения проекта Конституции товарищи упоминали и об этом факте: «Рядовой рабочий вместе с наркомом обсуждает вопросы организации хозяйства. Это ли не иллюстрация советского демократизма».

Заседания совета начинались ровно в девять часов. Нарком выходил к своему рабочему председательскому месту без одной минуты девять и открывал заседание. Строго-настрого было приказано не впускать в зал кого бы то ни было из опоздавших.

Орджоникидзе живо реагировал на выступления ораторов, задавал им вопросы, делал критические замечания. За выступлениями стахановцев он следил особенно внимательно. Известно, что Орджоникидзе не очень хорошо слышал (память о годах, проведенных в Шлиссельбургской крепости),— он садился ближе к трибуне и, наклонив ухо, старался не упустить ни одного слова. Мне запомнились речи Бусыгина и Фаустова. Они рассказывали о непорядках в кузнице Горьковского автозавода. И как гневно сейчас же после их выступления Серго «прочистил» руководителей завода и цеха!

Громко смеялся Серго во время речи стахановца с Ростсельмаша товарища Сироты. Тот пересыпал свою речь шутками-прибаутками, но говорил дело.

В перерыве ко мне подошел помощник Орджоникидзе Семушкин и сказал, что Серго советует мне выступить. «Если у тебя есть что сказать... » — добавил он.

Подал я записку, и скоро мне предоставили слово.

Рассказал, что одним моим рекордом я обеспечил сборку запорными крышками на целых десять месяцев, и они лежат на складе мертвым капиталом. Видя это, я обеспокоился, и у меня возникли сомнения — а нужны ли такие рекорды? И вот на днях, 22 июня, я поставил новый рекорд: выполнив норму на 650 процентов, я обрабатывал детали точно по программе, только те, что нужны цеху

сегодня, а не через восемь месяцев. Руководителям завода я сказал: дайте мне детали, какие сегодня дефицитны. Я сделал 650 процентов, несмотря на четыре переналадки. Выходит, что если работа хорошо спланирована, то можно и при четырех переналадках выполнять нормы с превышением. А путь к достижению этого один — надо думать над технологией, совершенствовать ее. Я привел такой пример. Мне дали обрабатывать деталь, и при запроектированном технологическом процессе на это ушло бы недели две. Полагалось фрезеровать по одной детали одним инструментом. Но если изготовить несложное приспособление, то можно обрабатывать 70 деталей, фрезеровать их двумя фрезами. Так я и поступил. В следующий раз намерен фрезеровать сразу 150 деталей тремя фрезами, запланированная производительность вырастет в 20 раз.

— А станок потянет?— спросил Орджоникидзе.

— Почему бы ему не потянуть? Инженеры говорят, потянет.

— Так ты же тогда обеспечишь производство этой деталью не на восемь месяцев, а на восемь лет...

— В этом и загвоздка. Надо отобрать такие детали, обработка которых таким способом была бы оправдана. Рабочий этого знать не может. На то и заводоуправление существует.

Орджоникидзе поднялся и сказал, уже не мне, а залу:

— Слышите вы — директора, главинжи?! Намотайте себе это на ус.

Запомнилась речь товарища Орджоникидзе.

Он призывал «заразиться хорошей привычкой» к критике. А то, говорит, у нас встречаются некоторые хозяйственники, которые поступают прямо как захудалые биржевики: «Ты меня не трогай с трибуны, я тебе то, что надо будет сделать, сделаю в 2—3 дня». Люди, которые так поступают,— не большевики. Очковтирателей нам не надо.

Серго Орджоникидзе особо остановился на вопросе об инженерах. «Ко времени декабрьского Пленума ЦК наши инженеры,— говорил он,— не разобрались в том, что происходит, теперь — иное дело». Серго сослался тут и на мое выступление: «Товарищ Гудов, выступая здесь, называл инженеров, которые ему помогали. Такие же инженеры имеются и в угольной промышленности и в машиностроении».

Слушая Серго, как он перебирал отдельные заводы и целые отрасли, как он называл десятки имен рабочих, ди-

ректоров, главных инженеров — и не по бумаге, а по памяти,— нельзя было не подивиться тому, как Орджоникидзе успевал за всем уследить, не упустить из поля зрения никого и ничего важного.

Участие в работе совета убедило меня в том, что путь, который я нащупал для новых стахановских достижений, может привести к удаче.

А через несколько дней после этого мне довелось вновь видеть и слышать Орджоникидзе. Он был неузнаваем: как будто перенес тяжелую болезнь. Он и в самом деле был болен — у него, как я потом узнал, была ведь одна почка.

Актив Главстанкоинструмента собрался на совещание. Оно проходило в старом здании клуба завода «Красный пролетарий» на Донской улице. Ожидали приезда Орджоникидзе. Его помощник позвонил и сообщил, что нарком задерживается, пусть начинают без него.

Заслушали обширный доклад главного инженера главка В. Лапина. Докладчик охарактеризовал каждый завод в отдельности, называя его мощности, способности, и каждому из них дал прозвище. Завод имени Орджоникидзе — младенец, он только-только вылезает из пеленок. «Красный пролетарий» — завод-зубр, завод «Самоточка» — завод-тигр. И так далее. Зал смеялся.

Я сидел в президиуме с краю, ближе к трибуне. Вдруг я заметил за сценой Серго и с ним Семушкина. Хотел было встать и зааплодировать, но увидел поднятый кулак Семушкина и как бы прирос к месту.

Выступал директор завода «Красный пролетарий» Жбаков. Он хвалился, что завод добился больших успехов и по станкостроению чуть ли не обогнал Америку. В момент, когда директор перечислял достигнутые заводом успехи, к трибуне неожиданно вышел Орджоникидзе. Зал встал, загремели аплодисменты. Нарком сердито махнул рукой, чтобы перестали, и сразу воцарилась мертвая тишина.

Трибуной завладел разгневанный Серго. Он внимательно осмотрел зал и обратился к участникам актива с вопросом:

— Почему на вашем активе нет начальника главка Альперовича? Почему, я вас спрашиваю? Молчите? Не знаете?! Так я вам скажу, где он. Альперович в Америке.

— Зачем он поехал в Америку?— продолжал Серго.— Я вас спрашиваю? Молчите? Может быть, он поехал затем, чтобы продавать ваши прекрасные станки? Не знаете?! Так я вам скажу, зачем он поехал. Альперович шны-

ряет по фирмам, ищет, у какой бы фирмы можно купить станки получше и подешевле. Вот где Альперович. А вы тут бахвальством занимаетесь.

Серго резко повернулся и покинул зал. Видимо, тяжело было у него на душе...

Запомнился мне на всю жизнь предпоследний день 1936 г.

В Колонном зале Дома союзов происходило торжественное заседание, посвященное пятнадцатилетию газеты «За индустриализацию», которая была органом Наркомтяжпрома. С самого начала стахановского движения эта газета вместе с «Правдой» стала его рупором и организатором, следила за всеми изгибами его и штурмовала возникавшие препятствия.

Придя заблаговременно в Дом союзов, я хотел было направиться в зал, отыскать место получше, но ко мне подошел сотрудник газеты и повел меня в комнату за эстрадой. Мне была оказана большая честь сидеть в президиуме собрания. Я нацелился на стул поближе к трибуне, так как знал, что будет выступать Серго Орджоникидзе.

Его речь была волнующей. Не буду передавать ее содержание, а тем, кто эту речь не читал или запамятовал, советую ее прочесть.

Яркими мазками Орджоникидзе нарисовал пройденный газетой за пятнадцать лет путь, ведь это был путь от 1921 г.— самой глубокой разрухи — до года, когда завершилось выполнение второй пятилетки, когда Советский Союз превратился в одну из наиболее индустриально развитых стран мира. Газета отражала свершившиеся исторические события, в результате которых страна превратилась из аграрной в индустриальную.

Но мысль Орджоникидзе, как всегда, была устремлена в будущее, и как первую задачу, за решение которой надо было взяться безотлагательно и со всей энергией, Орджоникидзе назвал подъем производительности труда. Он говорил о стахановском движении, при этом упомянул и меня.

— ...Такую производительность труда,— говорил он,— которую показывают наши стахановцы, ни один американец, ни один немец до сих пор не показывал и не покажет... Возьмем отдельных рабочих. Вот тут сидит товарищ Гудов. Он, безусловно, может по своей производительности у своего станка перекрыть и американца и германца. Но если взять рабочих завода, где он работает, они, по

сравнению с Гудовым,— все равно что китайская техника в сравнении с германской.

Серго Орджоникидзе говорил о достижениях инженера Первого государственного подшипникового завода Якова Юсима, шахтера Алексея Стаханова, мариупольского сталевара Макара Мазая... Все это было очень впечатляющим...

Менее чем через два месяца Серго Орджоникидзе не стало.

О его смерти мне сообщили по телефону. Известие это меня ошеломило, и я долго стоял у телефона, а по лицу текли слезы...

В течение целой недели газеты были заполнены материалами о Серго Орджоникидзе. Гроб с телом Орджоникидзе был установлен в Колонном зале, а мне была оказана честь стоять в почетном карауле. Караул сменялся каждые три минуты.

Но вот из газет исчезли траурные рамки. Все эти дни я не переставал думать о словах, сказанных обо мне в его последней речи. Не впервые Орджоникидзе говорил и мне, и всем новаторам производства: «Вот вы сумели... Научите же других!»

Печатается впервые.

С. А. ЛЯНДРЕС

ТОВАРИЩ СЕРГО

(Из воспоминаний)

О товарище Серго — Григории Константиновиче Орджоникидзе писали историки, вспоминали в мемуарах мои сверстники.

Я не историк, не засел еще и за мемуары. Если будет суждено — займусь и этим. А пока я хотел бы восстановить в памяти некоторые его черты, свойства характера. Высветить какие-то грани, не замеченные, быть может, другими.

Когда Григорий Константинович сидел за столом, казалось, что он высок ростом, грузен. Крупная голова с буйной шевелюрой, большой лоб, огромные озорные глаза, мощные усы, волевой подбородок, широкие плечи и грудь. На самом деле он был человеком сравнительно небольшого роста. Приятный, свежий цвет лица... Обычно он

носил рубашку кавказского покроя, со множеством пуговиц от стоячего воротника до пояса. Ремешок кавказский, украшенный червленым серебром. Темные шаровары, мягкие, из козьей кожи, кавказские сапоги почти без каблуков. В последующие годы он чаще всего ходил в кителе серовато-травянистого цвета. Верхнюю пуговицу кителя не застегивал, и из-под него виднелась рубашка неизменного голубого цвета.

Был у Серго характерный и очень приятный грузинский акцент. Неповторимая по интонациям речь состояла из коротких фраз, и не только каждая фраза, но и отдельное слово выражали массу тончайших оттенков: удивление, увлеченность, волнение, нежность, резкий протест. Это была речь человека экспансивного.

Кабинет Серго находился во втором этаже здания Наркомтяжпрома на площади Ногина. Оба окна выходили в проулочек против старинной церкви, выкрашенной в красный с белым цвет. Когда ему предложили кабинет в более спокойном месте на одном из верхних этажей, он спросил: «А зачем?» — «Меньше людей будет толкаться»,— ответили. Тогда он, как бы мимоходом: «А я именно для людей здесь и сижу. Вот придут ко мне старые люди, лифт остановится, каково им будет?»

Небольшой коридор, покрытый красной дорожкой. Слева — зал заседаний коллегии, дальше — комната помощников наркома товарища Шахназарова (по контролю исполнения) и товарища Маховера. Перед приемной — небольшая комната старшего помощника Анатолия Семушкина. С товарищем Серго его связывала долголетняя дружба и совместная работа еще со времен гражданской войны. Кабинет товарища Серго необычайно прост. У окна письменный стол. На нем три телефона, очиненные разноцветные карандаши в специальном стаканчике и стопка чистой бумаги или блокнот. Скупо, ничего лишнего. Служебных бумаг Григорий Константинович у себя не задерживал, как правило, не писал на них никаких резолюций, а тотчас переправлял соответствующему работнику, предварительно переговорив с ним лично или по телефону.

Ежедневно утром на столе лежала новая сводка по отраслям о ходе выполнения ранее принятых решений ЦК партии. Какой-нибудь «сбой» в ходе этих работ отражался на запланированном товарищем Серго рабочем дне. Он ломал все, отменял совещания и выезды и начинал заниматься только этим.

* * *

Придя в наркомат, Орджоникидзе работу начинал в приемной. Здесь его ожидало много посетителей, главным образом иногородних: директора заводов, рабочие, ученые, мастера участков.

Он подходил к каждому, пожимал руку. Незнакомым представлялся, для знакомых находил слова дружбы, участия. К примеру так:

— Здравствуй, дорогой! Зачем пришел в такую рань? Какое дело ко мне?

Или:

— Ну как, выписал жену из больницы?

Нередко тут же, в приемной, решались деловые вопросы, он обращался к Анатолию Семушкину:

— Позови, пожалуйста, товарища П. и скажи, что Серго согласен.

А о другом:

— Скажи товарищу М., что Серго в курсе дел, пусть решают, как договорились.

С третьим совсем иначе:

— Прошу подождать, буду иметь с вами разговор.

Этот бурный человек всегда привносил с собой юношеский задор, соединенный с пытливостью ученого и строгой дисциплиной революционера.

Окончив прием, Серго, если не было совещания коллегии или заседания в ЦК, как правило, отправлялся на заводы, в конструкторские бюро, затем заезжал домой поесть, отдохнуть и возвращался в наркомат. Здесь уже работал до поздней ночи, а иногда и до утра. Когда ему бывало худо, уходил в маленькую комнату отдыха за кабинетом.

* * *

Поражала непосредственность Серго. Он часто распалялся, потом сам же себя осуждал и искал способа смягчить свою резкость.

Был случай, когда «закозлилась» домна на одном из металлургических комбинатов и товарищ Серго задержался в кабинете дольше обычного. Он ждал известий о ликвидации «козла».

Вошел заместитель начальника технического управления товарищ А. В. Зискинд — по какому-то своему делу. Товарищ Серго, измученный ожиданием, сразу же обрушился на Зискинда с градом упреков. Все больше распаляясь, он еще долго обличал бы ни в чем не повинного ра-

ботника. И вдруг после самой гневной тирады тот расплакался. Серго разом остановился:

— Что с тобой?!

— Вы ругаете меня, а я не имею отношения к этому комбинату.

Серго подошел к Зискинду, обнял за плечи и виновато сказал:

— Не сердись, пожалуйста, надо выговорить душу. Завенягин далеко, а ты, свой человек, рядом. Так всегда бывает, но это нехорошо.

* * *

Он не выносил лжи, и человек, однажды совравший, переставал для него существовать.

Вспоминаю, на коллегии обсуждался вопрос о строительстве одного металлургического завода. Выяснилось, что пуск его задерживается сооружением электростанции. При этом директор будущего завода ссылается на то, что приказ товарища Серго о поставке энергооборудования не выполняется.

Начальник строительно-монтажного главка товарищ Ж. дал справку, что оборудование поставлено и электростанция здесь ни при чем. Директор завода продолжал настаивать на своем. Тогда Григорий Константинович спросил начальника Главэнерго Глеба Максимилиановича Кржижановского, который сообщил, что, по его сведениям, оборудование для электростанции еще не поступило.

Товарищ Серго тут же обратился к товарищу Ж. со словами:

— Пожалуйста, иди в ЦК и скажи, что Серго с обманщиками не работает. Ты не имеешь права быть начальником.— И тут же перешел на «вы».— А о вашей дальнейшей работе, если хотите, заходите, поговорим. Заодно имейте в виду, что выделенная вам квартира остается за вами.

Мелочность была противна натуре Серго...

Замечу, что товарищ Серго обращался на «вы» только к тем людям, с которыми по обстоятельству дела был строг, отчитывал. А к людям, которым верил, он относился с нежностью и говорил им всегда «ты», причем это могло случиться через 10—15 минут после знакомства, если устанавливался контакт и взаимопонимание.

* * *

Однажды начальник отдела труда и зарплаты попросил у Серго санкции на увольнение одного из работников.

— Почему? — удивился Серго.— Хорошо воевал, честный партиец...

— Бездеятелен,— отвечали ему,— приходит на службу аккуратно, но никакой отдачи.

— Может быть, не успел раскрыться, бывают такие натуры...

— Нечему раскрываться, товарищ Орджоникидзе! Ни одного самостоятельного задания выполнить не сумел. Мы уж не в первый раз ставим перед вами вопрос об его увольнении, и вы все сомневаетесь. Знаете что, Григорий Константинович, если вы так уж хотите сохранить его в штате, то разрешите, я буду два раза в месяц отправлять зарплату ему домой, пусть только не приходит в наркомат.

Такое предложение озадачило Серго. Потом он расхохотался и сказал:

— Ладно, уговорил... Я невысокого мнения о человеке, который сегодня не может быть умнее, чем был вчера... Но обязательно подумай, где он может быть полезен.

Серго не признавал никаких разговоров о невозможности выполнить план или решение ЦК. Он не выносил маловеров и нытиков, но совершенно преображался, когда начальник главка или директор завода говорили ему, что для выполнения плана нужна его помощь.

— Нет неразрешимых задач,— утверждал Орджоникидзе.— Есть безынициативные работники.

* * *

Серго чрезвычайно интересовала и личная жизнь работников тяжелой промышленности — условия быта, отдыха. Это в равной мере касалось и его ближайших помощников, и самых скромных работников учреждений, заводов. В подобных заботах ему очень помогала его жена и верный друг Зинаида Гавриловна, возглавлявшая движение Советов жен инженерно-технических работников.

Как я уже говорил, Серго работал допоздна. Раньше трех, четырех часов ночи он не покидал Наркомтяжпром.

Однажды, уходя домой, Григорий Константинович обнаружил, что в одной из комнат все еще работает сотрудница управления делами товарищ Г. Серго велел ей собрать бумаги, запереть стол, одеться, для надежности усадил ее в свою машину и отвез домой в Петровский парк, где Г. в деревянном ветхом домике жила со своей старенькой мамой.

Наутро, войдя в свою приемную, он прежде всего попросил вызвать к себе кого-либо из управления делами и приказал:

— Прошу, не оставляйте на ночные дежурства женщин — это можно делать только в крайнем случае...

* * *

В 1934 году отменили карточки. Но с питанием было довольно трудно. В цокольном светлом этаже Наркомтяжпрома устроили столовую. Поначалу в нее было не пробиться, но прошло несколько дней, и посетителей становилось все меньше и меньше. Причина была проста: в столовой готовили невкусно, порядка в ней не было.

Однажды товарищ Серго спустился в столовую, поел, а потом вызвал к себе в кабинет директора столовой и управляющего делами. Выяснилось, что директор выдвинут на эту работу вопреки своему желанию.

Было приказано: поставить на заведование опытного ресторатора, а бывшего заведующего направить на работу по специальности.

* * *

Товарищ Серго ничему не верил на слово. Перед заседанием коллегии он встречался с людьми, разносторонне изучал проблемы, поставленные на обсуждение, сопоставлял различные точки зрения. Только составив собственное мнение, он считал возможным принимать участие в дискуссии.

Ему были ненавистны поверхностные всезнайки и невежды.

— Не знаешь — спроси. Большевик — это в первую очередь интеллигент. Интеллигентность определяется не дипломом. Душа должна быть интеллигентная, честная, принципиальная, убежденная.

* * *

Он высоко ценил комсомол. Выезжая на стройки и на выбор новых площадок для строительства, он брал с собой не только специалистов, но и работников ЦК комсомола, часто товарища Косарева. Он приучал их к мысли, что нельзя руководить без крепких знаний, без общения с людьми, во имя которых и чьими руками все это делается.

Его повседневно занимали проблемы науки, причем не обязательно относящиеся к нуждам тяжелой промышлен-

ности. «Науку — к станку» — и на заводах появились студенческие аудитории, заводы-втузы, факультеты особого назначения (фоны), которые оперативно помогали молодым командирам производства без отрыва от него овладевать теоретическими знаниями. По инициативе товарища Серго создается целая сеть научно-исследовательских институтов, в том числе по атомной физике и низким температурам, физике твердого тела, электрофизике и физической химии. Именно в этот период наиболее плодотворно начинают работать А. Иоффе, Н. Семенов, И. Губкин, А. Бах, А. Туполев, И. Тамм, Н. Федоровский, А. Карпинский, С. Вавилов, С. Чаплыгин, Э. Брицке... В их институтах и лабораториях развернулись таланты, ставшие впоследствии украшением мировой науки — Л. Ландау, И. Курчатов, Я. Френкель, Ю. Харитон...

Товарищ Серго всячески поощряет развитие научно-технической печати. Перечитайте комплекты газет «За индустриализацию» — это школа для любого хозяйственника и журналиста. При нем же было создано ОНТИ — Объединение научно-технических издательств, журналы «Социалистическая реконструкция и наука» («СОРЕНА»), «Техническая пропаганда», десятки отраслевых журналов и т. д. и т. п.

Индустриальные гиганты строились тогда еще допотопными методами. О кранах, экскаваторах приходилось только мечтать. Даже бетон — и тот замешивали и утрамбовывали ногами. Работали в стужу и жару. Ели впроголодь, спали в землянках и бараках. Шли сложные и противоречивые процессы в деревне и в городе. Новое рождалось в муках. В ходе стройки готовились кадры рабочих. Курсы техминимума для рабочих приняли массовый характер... землекоп становился фрезеровщиком; кузнец или станочник, проявивший качества организатора, делался командиром производства; молодые инженеры — директорами комбинатов. Вчерашний журналист Завенягин, писавший острые статьи на технико-экономические темы в районной газете, стал директором крупнейшего металлургического комбината в Магнитогорске.

Старый большевик, художник по призванию, товарищ Франкфурт возглавил Кузнецкстрой. Коробов, Гвахария, Бутенко, Мазай, Джапаридзе, Злочевский, Манаенков — всех их не перечесть, выдвиженцев Серго. Крупнейшие стройки и заводы он вверял комсомольцам, и заводы эти назывались комсомольскими. Многие не верили в эти эксперименты, а Серго верил, и не зря. Но он не только

верил, он всегда готов был помочь. В случаях неудач не лишал доверия, не топтал достоинства людей, а подставлял свое плечо...

* * *

В 1933 году из Баку, где я участвовал в работе научно-технической конференции, меня вызвали в Москву, к товарищу Серго.

Мощный для того времени, но очень неуклюжий, на огромных колесах самолет «К» доставил меня в столицу. Первым делом я заехал домой. Мой маленький сын Юлиан, тяжело болевший воспалением легких, уснул у меня на руках после того, как в течение трех суток извелся сам и извел домашних. И вдруг раздался невероятный грохот, и, к великому ужасу, мы обнаружили, что в соседней комнате провалился пол. Дело в том, что под нашим домом по Каланчевской улице полузакрытым способом прокладывалось метро. Кое-как пристроив своих к соседям, я нанял извозчика и на «предельной скорости» поехал в наркомат. И, конечно, опоздал.

Анатолий Семушкин, человек высокой дисциплины, встретил меня строго, но смягчился, узнав о происшедшем. К товарищу Серго он меня пустил не сразу, а сперва дал свою бритву и белый подворотничок — Григорий Константинович не выносил неопрятных людей.

В этой части своих заметок мне неизбежно придется говорить о себе. Но дело ведь не во мне, а в товарище Серго. На моем месте мог оказаться другой молодой человек, которого он привлек бы к той работе, о которой пойдет речь.

Даже не поздоровавшись, товарищ Серго спросил строго:

— Где семья?

Видимо, ему обо всем рассказал Семушкин.

— У Столбовых,— отвечаю.

Товарищ Серго попросил вызвать кого-нибудь из управления делами. Пришел заместитель начальника.

— Есть у нас квартиры?

— Готовых нет. В Спасо-Наливковском переулке дом еще только строится.

— В каком он состоянии?

— Закончены штукатурные работы, настилается паркет, лестницы нет.

— Так вот, вместо ступеней пусть положат трап ко второму этажу. Выделите там одну квартиру. Прикажи перевезти семью этого товарища сегодня же. Малярные

работы сделают аккуратно, когда уже там будут жить. Постарайся поставить телефон.

— Но, Григорий Константинович, ведь сейчас двенадцать часов ночи...

— Да, а в семь часов утра семья должна быть на месте.— И с этакой усмешкой: — Ведь мы с тобой и не такие дела проворачивали... Имей в виду, если просьбу не выполнишь, то я тебе, товарищ Каинсон, поставлю где-нибудь Каин-сонову печать.— Засмеялся и мягко вытурил его из кабинета. А затем — ко мне:

— Позвони семье.

Я позвонил к соседям, попросил к аппарату жену. Товарищ Серго взял из моей руки трубку и сказал совершенно для меня незабываемое:

— Галина-джан, это говорит с вами товарищ Орджоникидзе. Извините меня, пожалуйста, я задержу вашего мужа у себя. За вами скоро приедут и перевезут на новую квартиру, и муж уже приедет по новому адресу. Все устроится хорошо.

Закончив разговор, Серго задал мне совершенно неожиданный вопрос:

— Фантазировать, мечтать любишь? Не стыдись признаться, что любишь.— Выдвинул один из ящиков своего стола, вытащил томик Ленина, постучал по нему пальцем.— Здесь напечатано «Что делать?». В нем, между прочим, сказано, что большевик должен быть мечтателем.— Вытащил еще несколько книг и среди них научно-фантастические: Жюля Верна, Уэллса и две книги Богданова «Инженер Мэни» и «Красная звезда».— Понимаешь, читаю, когда бывают свободные минуты. Люблю мечтать. У меня к тебе есть предложение помечтать и возглавить доброе дело. Видишь ли... Скоро Семнадцатый съезд партии. Надо отчитаться перед народом наглядно. Ты знаешь, в прошлом году была открыта выставка «Сто лет прогресса в Америке». А мы хотим показать, какие чудеса мы сделали за пять лет, каковы наши достижения. Тут два наших товарища уже полгода работают над выставкой. Потратили много денег. До съезда осталось всего тридцать дней, а еще никто палец о палец не ударил. Нет даже плана. Послушай, тебе дается партийное поручение организовать такую выставку.

— Григорий Константинович, вы, наверно, ошиблись, я не подготовлен для такого большого сверхударного дела. Не справлюсь, не могу, не сумею.

А он свое:

— Придумал с трубами для паровозов, придумаешь и выставку. Послушай, я верю в молодежь, в комсомольцев. Дай вам ассенизационный обоз, вы завтра же выкрасите его в голубой цвет и сделаете так, чтобы он пах сосновым экстрактом. Послушай, иди думай, давай свой самый фантастический план и считай меня своим помощником.

Совсем под утро меня отвезли домой. Моя семья уже расположилась в новой квартире. Конечно, все это было как в сказке, но удивляться происшедшему у меня не было сил, я был просто подавлен той задачей, которую поставил передо мной Серго. Дождавшись утра, я помчался в газету «За индустриализацию». Нужно было посоветоваться, полистать литературу, статьи, узнать хоть что-нибудь о том, как вообще готовятся выставки. А по дороге в редакцию думал: посетители выставки должны прежде всего ощутить тот ритм, которым живет наша страна, услышать грохот нашей стройки, увидеть наши достижения (кстати, именно так — «Наши достижения» и предложил мне Серго назвать выставку). Все это нужно показать на фактах. «Факты — упрямая вещь»,— говорил Ильич. Стало быть, ставить макеты предприятий нельзя. «Вранье,— скажут предубежденные или ничего о нас не знающие иностранцы,— можно соорудить какой угодно макет». Значит, не музей, не статичная экспозиция, все должно действовать, быть взаправдашним.

Приезжаю в «За индустриализацию». И, помнится, очень быстро была создана бригада по разработке плана экспозиции.

Пять дней работы — и вот я кладу на стол Серго объемистый план экспозиции выставки. Он взвесил его на ладони:

— Слушай, здесь же очень много.

— Около трехсот страниц.

— А если коротко?

— На нашей выставке все, что мы умеем делать, должно быть в движении.

Серго обладал способностью все схватывать на лету. Он вдруг обрадовался:

— Слушай, ведь на всех выставках пишут: «Руками не трогать!» Да? А мы напишем: «Все трогай руками! Все пробуй!» Можно так написать?

— Можно,— ответил я.

Серго встал из-за стола:

— Дорогой! Иди, работай! Ставь трактор! Настоящие станки! Приборы! Слушай! Сейчас новую машину выпус-

кают, делает пять тысяч пельменей в час. Поставь у себя. Пусть там их делают, варят и кормят, а? Подожди! А ты можешь поставить новый линотип? Его сейчас начал выпускать завод имени Гельца. Можешь! Так будешь выпускать газету и всем раздавать! Слушай! А еще мы освоили новую машину для папирос. Пусть делает папиросы, пусть там же курят.— И добавил: — Только не в залах!

С удовольствием потирая руки, он прошелся по кабинету:

— Все будет вертеться, все будет работать, все трогай руками... Хорошо! Пойди к Зангвилю, он поможет тебе составить смету, будет вас финансировать. Обо всем мне докладывай!

Взял меня за плечи, проводил к двери:

— До свидания!

И у дверей добавил:

— Будем формировать приемочную комиссию.

Я разволновался: подумать только! Уже формировалась правительственная приемочная комиссия, а еще никаких практических дел мы не сделали. С тем я и ушел.

О том, как мы готовили выставку, я могу или рассказывать очень много, или уж не рассказывать ничего. В этих воспоминаниях о Серго я скажу только, что в назначенный срок выставка была открыта, имела широкий резонанс, получила признание в советской и зарубежной прессе.

Серго не раз и не два наведывался к нам в Политехнический музей и следил за тем, как идут работы. Однажды он поманил меня пальцем:

— Слушай, мы думаем тебя наградить, а не похоронить. Ты почему мало спишь, почти не бываешь дома? На кого ты похож?

Я сказал что-то о том, что я не один здесь такой, нас здесь тысяча человек. В разговор вмешался мой помощник по административной части Александр Малов:

— Товарищ Орджоникидзе, у нас здесь работа идет круглосуточно, и он действительно не может отлучиться.

— А вы будьте хитрые,— возразил Орджоникидзе,— я старый конспиратор, научу вас. Вон, видите, стол стоит. Большой, для заседаний. (Когда он только успел все углядеть?) Перекройте его каким-нибудь полотном, а внизу положите матрасик. И кладите его спать под этот стол. Днем на часик да ночью на три. Силой укладывайте! Нужно уметь здорово работать, но нужно уметь и минимально

отдыхать. А почему такой худой?! Наверно, не кушаешь! (До сих пор не могу узнать, кто ему наябедничал.)

Осмелевший Александр Малов вдруг вздохнул:

— У нас тут с едой неважно. Мы еще подкармливаем представителей завода, которые налаживают оборудование.

Серго укоризненно сказал:

— Такое дело делаете и такого пустяка организовать не можете. Вот, возьмите записку в Наркомвоенмор, получите там полевую кухню. Будете в ней доставлять пищу из столовой Наркомтяжпрома и кормить всех работающих. Ничего, пусть столовая тоже поработает на нас...

* * *

Я вспомнил Орджоникидзе — мягкого и заботливого человека. Но однажды мне довелось увидеть Серго разгневанного.

Дело было так.

Один из московских заводов на три дня задержал поставку оборудования для нашей выставки. Несмотря на все усилия, предпринятые нами, его директора, товарища Т., мы обнаружить не могли. Пришлось докладывать Семушкину, а через него — Орджоникидзе. И вот среди ночи меня вызывают к Серго. Вхожу в кабинет как раз в тот момент, когда Серго спрашивает у человека, стоящего против его стола:

— Слушайте, товарищ Т., почему вас так долго не могут разыскать на работе?

— Григорий Константинович, вы же знаете, как я занят...

— Он занят! А как вы думаете, товарищ Т., я занят меньше вас? Так вот, должен вам сообщить, что даже тогда, когда мне удается вырваться на полчаса в Большой театр на «Князя Игоря», да и только на мои любимые «Половецкие пляски», я всегда сообщаю Семушкину, в какой ложе я буду сидеть, в каком ряду и на каком месте. Да и вообще, слушайте, товарищ Т., где вы могли быть заняты? На заводе? В Госплане? В райкоме? Парткоме? Дома? Мы звонили во все эти места, вас там нет!

Т. начал оправдываться, но Орджоникидзе резко перебил его:

— Послушайте, товарищ Т.! У вас хороши дела на заводе. Но почему? Коллектив золотой! Не нужно выезжать на плечах хорошего коллектива, нужно самому быть хорошим человеком, в том числе и в моральном отношении. Глупость, фанфаронство принимает инфекционный харак-

тер. Нам уже не один раз жаловались на то, что вы забываете семью и развлекаетесь на стороне.

Серго встал, несколько раз прошелся по кабинету и вдруг произнес громовым голосом:

— Товарищ Т. Не развлекайтесь так интенсивно!

Мы с Т. вышли в приемную. Он тихо спросил у меня:

— Когда вам будет нужно это оборудование?

— Вчера,— ответил я.

— Ладно, утром пришлю.

* * *

Все меньше остается нас, которым выпало счастье работать под руководством Г. К. Орджоникидзе. Если каждый из нас сделал что-то хорошее в своей жизни, то этим мы обязаны и ему — нашему товарищу Серго.

Москва, 1967, № 2, с. 140—148.

И. П. БАРДИН

ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

Его называли: «наш Серго».

О нем говорили восхищенно: «наш командарм».

Он и в самом деле был полководцем — сначала красноармейских легионов, а затем великой трудовой армии шахтеров и слесарей, химиков и металлургов.

Командира должны любить, не могут не любить. Бойцы должны стараться сделать все, что возможно, чтобы выполнить его приказ, а в боевой обстановке они должны быть готовыми отдать за командира и свою жизнь.

Командарм Серго был горячо любим своей армией.

Командир должен показывать пример, должен быть всегда впереди. Серго был великим примером несгибаемого борца, он был всегда в передовой шеренге вдохновителей социалистического строительства, и своей непобедимой верой в священное дело социализма он заражал других.

Великая армия строителей индустрии социализма постоянно ощущала обаяние и присутствие своего Серго и ни на минуту не колебалась в выполнении даже самых трудных задач, поставленных перед ней партией и советским народом.

Серго был человеком наступления. Отступать он не

мог. Выражаясь образно, это был танк прорыва. Нужно где-нибудь прорвать фронт, укрепить социалистические позиции — и партия посылала туда Орджоникидзе.

В тот момент, когда Серго был назначен руководителем Высшего совета народного хозяйства, металлургические заводы, и в особенности заводы южные, переживали затруднения. Они не вылезали из прорывов, руководство строительством и производством стояло на низком уровне. Страна требовала металла, но промышленность не удовлетворяла этого требования. Нужно было энергичное и авторитетное верховное командование, чтобы привести в порядок металлургическую промышленность.

Серго оказался этим волевым командармом. Благодаря его удивительному умению командовать, производить маневрирование людьми, рабочими и инженерно-техническим персоналом производство чугуна и стали начало резко повышаться, и уже к концу 1931 г. советская металлургия оставила далеко позади уровень довоенной России.

Серго любил людей. Сколько инженеров, мастеров, рабочих, безотносительно к тому, были ли они старые или молодые, партийные или беспартийные, чувствовали заботу и теплоту наркома! Сотни рабочих, инженеров, стахановцев, мастеров могут вспомнить, что Серго сделал для них лично: написал ли дружеское письмо, дал ли путевку, отправил ли учиться. Это было в натуре Серго. Внутреннее содержание, а не звание и чин, работа, желание беззаветно трудиться для счастья советского народа — вот что было главным критерием для оценки человека и работника со стороны Серго.

Близость его к работникам металлургии была исключительной. Он знал в лицо уйму людей, с бесчисленным количеством металлургов Серго переписывался, разговаривал. Серго был решителен и смел во всем новом, что касалось развития металлургии. Достаточно было какому-нибудь инженеру рассказать о новой идее, о каких-нибудь новых мероприятиях, способных увеличить производительность, и Серго немедленно принимался за дело, двигал это дело вперед, развивал.

...Для Серго не было таких вопросов, до которых, как говорят, не доходят руки. Руки Серго доходили до всего.

Серго был нашей совестью. Что бы мы ни делали, внутренний голос всегда спрашивал: «А что об этом скажет Серго?» Если что-нибудь у нас не ладилось, если надо было что-нибудь проверить, разрешить сомнения, мы

всегда стремились пойти к Серго, поговорить с ним и всегда получали нужный, ясный ответ.

Он не любил нытиков, не терпел очковтирателей. Приезжая на завод, он первым делом стремился узнать, насколько действительное положение соответствует тому, что ему рассказывают, и есть ли у данного работника активная струнка, является ли он борцом или это протоплазма, которая плывет туда, куда ее тянет волна.

Серго приехал в Донецк. Завод был загрязнен страшно, работал плохо, показывать наркому было нечего. Единственно, что выглядело прилично,— это будки с газированной водой для работающих в горячих цехах... Сопровождающий Серго руководящий работник завода решил отыграться на этих будках, отвлекая внимание наркома от основных зол производства.

Серго хмурился, хмурился и наконец спросил:

— Скажите, чем вы раньше занимались? Будки с содовой водой вы организовали неплохо. Вам, пожалуй, и нужно трудиться в этой области. Я об этом позабочусь.

Вспоминается зима 1933 г. И Магнитка, и Кузнецк работали отвратительно. У маловеров создавалось впечатление, что каждую зиму мы неизбежно будем стоять и только летом будем работать. Раздавался шепоток, что вот, мол, понастроили заводы, а работать они могут только незначительный отрезок времени, техника, мол, американская, а климат русский, сибирский. Об этих разговорах знал и Серго.

Почти каждую ночь мне приходилось докладывать ему по телефону о тяжелом положении завода. Несмотря на совершенно неутешительные сведения, которые он получал, Серго говорил не повышая голоса, не выходя из себя. Чувствовалось, что ему это очень тяжело и неприятно, но тем не менее, зная, что люди работают, он сдержанно ободрял нас.

— Смотрите только, чтобы не были погублены печи,— твердил он.— Надейтесь на молодежь, на энтузиазм советских людей, сделайте еще несколько усилий — и все пойдет хорошо. Развенчивайте недопустимые разговоры о невозможности работы зимой в Сибири.

Серго горячо интересовался новинками мировой техники, и большинство командированных за границу инженеров до и после поездки имели обязательную беседу с наркомом. Помню, когда в 1936 г. я приехал из Америки, Серго долго беседовал со мной у себя в кабинете, а потом попросил еще приехать к нему на дачу.

Приветливо улыбаясь, широко и гостеприимно протягивая обе руки, он встретил меня у себя. Он требовал подробного отчета о работе всех заводов, на которых мне удалось побывать в Америке. «Лучше или хуже, чем наши, оборудованы американские заводы? — спрашивал Серго.— Чище ли эти заводы? Какое количество людей работает на том или ином предприятии?.. Как расставлены люди у агрегатов, какова организация труда?.. Каково качество металла?» Его интересовало все.

Услышал, что наши заводы оборудованы не хуже американских. По блеску его глаз мы увидели, что ему это очень приятно. Но те же глаза выражали неудовольствие, загорались гневом, когда он узнавал, что некоторые наши заводы грязнее американских, завалены ненужным хламом.

У Серго было горячее желание, чтобы советские заводы были во всех отношениях не только не хуже, а лучше заграничных, чтобы все, что мы строим, было построено красивей, изящней, лучше.

Серго был человеком решительных действий и больших масштабов. При обсуждении проектов строительства того или иного завода Серго внимательно выслушивал самые противоположные точки зрения о том, как лучше, быстрее и рациональнее осуществить строительство. Но Серго всегда умел с большим тактом настаивать на своем.

Когда Серго приезжал на завод, он прежде всего любил поговорить с рабочими у станка, у печи, вслушиваясь и вникая в их рассуждения, детально расспрашивая обо всем том, что занимало их умы и волновало сердца. Он стоял бесконечно близко к массе рабочих, мастеров и инженеров.

Его горячая вера в неисчерпаемые творческие силы народа, в могущество нашего строя, в нашу счастливую действительность и еще более замечательное будущее заражала нас энтузиазмом, желанием много и страстно работать, сообщала нам молодость и силу. Он подымал нас своей особенной живостью. То была сверкающая живость глаз, живость большого, светлого ума, живость богатого языка. Всем своим внешним обликом Серго выражал неувядаемую молодость, свойственную людям, согреваемым великой идеей, которую они носят в своем сердце.

Серго был представителем той возвышенной, благородной идейности, перед силой и красотой которой, как однажды воскликнул Герцен, хотелось преклониться. Вели-

кие идеи человечества — идеи социализма, идеи коммунизма — всей силой своего убеждения Серго магнетически доводил до мозга и сердца беспартийных людей, работавших под его началом.

Рассказы об Орджоникидзе, М., 1968, с. 87—91.

А. Ф. ИОФФЕ

ВЕЛИКИЙ УМ

Всего несколько дней тому назад я вместе с руководителями Ленинградского индустриального института был на приеме у товарища Орджоникидзе. Обсуждался план развития и реконструкции института, как одного из главнейших институтов страны, на ближайшее десятилетие. На приеме товарищ Орджоникидзе поставил важный принципиальный вопрос — о роли втузов и научных институтов в разрешении задачи «догнать и перегнать».

Неоценима роль товарища Орджоникидзе в организации нашей промышленности и науки.

Несколько месяцев тому назад мы были свидетелями и участниками перелома, который товарищ Орджоникидзе произвел в научном деле. Исследовательская сеть Наркомтяжпрома — самая мощная научная армия Советского Союза. И перед ней встала задача — двигать нашу технику еще выше, и притом темпами, которые превзошли бы заграничные.

И вот товарищ Серго, который с величайшим вниманием проводил совещание директоров научных институтов, вникая в каждую деталь, оценивая каждое предложение, дал свое заключение, вылившееся в приказ по наркомату. Перед нами во весь свой рост встала фигура вождя промышленности...

Мне приходилось и раньше видеть, беседовать и слышать Серго, и я всегда был полон восхищения его исторической деятельностью. Но только здесь я получил возможность достойно его оценить. В вопросе организации научной работы, которому я посвятил всю свою жизнь, Серго оказался головой выше целого собрания крупнейших специалистов. Поразительное умение уловить в потоке слов движущую силу, за внешней оболочкой усмотреть сущность вопроса показало глубокий ум... Умение сделать четкие выводы из академических рассуждений и сформулировать действенные указания обнаружило бле-

стящего организатора. Острая критика псевдонаучных выступлений, анализ речей нескольких десятков ученых всех отраслей знаний охватывали такой диапазон вопросов, который доступен только великому уму.

Товарищ Орджоникидзе знал все существенное для промышленности, все успехи и недочеты. Незабываемое впечатление оставили его тонкий юмор, его глубокая заинтересованность во всем, что может обеспечить успех строительства, его революционный пафос и простота...

Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов, 1937, 20 февраля.

А. Я. КАПЛЕР

СТРОКА В СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКЕ

В начале тридцатых годов поиски новых сюжетов для сценариев привели меня в редакцию газеты «Постройка», и я стал ее сотрудником. То был орган Главстройпрома Народного комиссариата тяжелой промышленности.

По формату эта газета походила на нынешнюю заводскую многотиражку, но распространялась она по всей стране и влияние ее было велико. Разворачивалось гигантское индустриальное строительство, и Главстройпром, подчинявшийся наркому тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе, был одним из самых важных в стране учреждений. Редакционное удостоверение «Постройки» открывало мне все заводские проходные, все двери кабинетов, позволяло ехать на любое строительство, ходить на любые заседания.

Каких только не перевидел я за это время людей, какие характеры, столкновения, происшествия... все то, что сливалось в могучий процесс преобразования нашей аграрной страны в индустриальную державу.

Я встречал необыкновенных, ярких, талантливых людей — воспитанников Серго, решительных, смелых руководителей строек-гигантов, встречал героев и деляг, злопыхателей и самоотверженных трудяг. Встречал «хозяйственных» мужчин, которые берегли народную копейку и прозевывали народные миллионы, встречал и мальчиков-романтиков, которых не могли сбить с убеждений никакие испытания, встречал хватких собственников, греющих руки у большого дела... Кто только не попадался мне на пути... И все это вместе была великая стройка социализ-

ма. Никакие скверные свойства тех или иных людей не могли изменить главного — дело шло, в огромном котле все кипело и переваривалось.

Плохие работники наносили вред на том или ином участке, но остановить всенародный подъем никому было не под силу. Страна строилась, и над всем этим движением, возникшим во всех ее концах, стоял великий командир — большевик Серго Орджоникидзе.

Как-то, перелистывая старую записную книжку, я увидел странную запись: «Снять шубу ночью с прохожего, конечно, проще».

Кому, кроме меня, мог бы что-нибудь сказать этот отрывок фразы? А я вдруг очутился в большом светлом зале коллегии Наркомтяжпрома и увидел Серго, сидящего во главе стола, и множество людей, заполнивших зал. С мягким-мягким грузинским акцентом, который придавал особое очарование его русской речи, Серго обратился к толстому человеку, сидевшему среди вызванных на коллегию деятелей Наркомтяжпрома.

— Пожалуйста, товарищ Глинка,— сказал Серго,— пройдите сюда, вам слово, Василий Васильевич.

Глинка, директор Керченского металлургического завода имени Войкова, огромного, в целый город величиной хозяйства, прошел на место, предназначенное для докладчиков, место рядом с наркомом — между ним и его заместителем.

Мне, знавшему историю вопроса, стало жутковато смотреть на Глинку — такого уверенного обычно, такого веселого, милого человека, который вроде бы даже исхудал мгновенно, пройдя на такое для него опасное место докладчика. Дело в том, что Керченский металлургический завод, одно из самых крупных в те годы и необычайно важных для народного хозяйства предприятий, в течение целого ряда лет лихорадило, он испытывал ужасающие неудобства и затруднения из-за отсутствия хорошего внутризаводского транспорта. Это связывало могучий организм завода, и он часто не выполнял планы. Нужны были рельсы, чтобы протянуть пути от цеха к цеху и в самих цехах. А заявки завода на них не удовлетворялись.

И вот однажды сотрудник Глинки сообщил ему, что тут же в Крыму, невдалеке от станции Джанкой, сложено в штабеля великое количество рельсов, принадлежащих Наркомпути,— видимо, предполагалось переложить какие-то участки железнодорожного полотна в Крыму.

В ту же ночь грузовики Керченского завода соверши-

ли разбойный налет на чужие рельсы и перебросили их в хозяйство Василия Васильевича Глинки.

Их тут же уложили, эти рельсы, вагонетки весело побежали по территории завода, из цеха в цех, а к концу квартала войковцы впервые за последние годы перевыполнили государственный план.

Узнал ли Орджоникидзе об этой сомнительной операции? Вот что мучило директора Глинку, вот почему он, такой всегда веселый, уверенный в себе, сейчас робко докладывал внушительную цифру перевыполненного плана, то и дело искоса поглядывая на сидевшего рядом наркома.

Серго, однако, ничем не показывал какого-нибудь недовольства по отношению к Глинке. Он внимательно слушал короткий доклад директора — по регламенту полагалось десять минут.

Как Орджоникидзе вел заседания! Другого такого председателя я никогда не видел. Неотразимое обаяние, блестящий ум, строгость и шутливость. И все чувствовали масштаб личности Серго, неразделимо спаянной с естественной простотой, с его органической демократичностью. Мне кажется, решительно все (конечно, и я в том числе) были влюблены в Серго.

В сущности, заседания коллегии могли происходить в узком кругу ее членов да еще двух-трех вызванных по какому-нибудь вопросу работников с периферии.

Но Серго хотел, чтобы большой зал заседаний был полон. Он сидел во главе огромного Т-образного стола. Вокруг члены коллегии, а за их спинами, вдоль светлого зала, все директора заводов, начальники строек, главинжи, главмехи, начальники всяческих снабжений — все, кто к этому времени находился в командировке в Москве. Здесь принимались решения, изменявшие жизнь целых областей, здесь учились думать в масштабах страны, земного шара, учились экономить рубль и тратить миллиарды на строительство, здесь учились коллективизму, инициативности, взаимовыручке.

Здесь реально воплощались экономические идеи социализма. Своих помощников — начальников строек и директоров — Серго отлично знал и дорожил каждым. Имя Серго объединяло разбросанных по необъятным просторам людей. Это был единый коллектив. Какие сюжеты разыгрывались в этом зале, какие проявлялись могучие характеры!

Эта наполненность зала коллегии нужна была Орджо-

никидзе, чтобы до гигантской периферии Наркомтяжпрома, до его заводов и строек доносилось живое слово о том, что творится наверху, чтобы знали люди не только о принятых решениях, но и о высказанных мыслях, о спорах, сомнениях и трудностях. То была великая школа демократии и социализма. Думаю, что, кроме этих деловых, педагогических соображений, приглашение людей на коллегии вызывалось еще одной причиной.

Мне кажется, Серго приятна была сама атмосфера большой аудитории, внимательно слушающей, смеющейся в ответ на шутку, живо реагирующей на все происходящее на заседании,— ведь его окружали люди, живущие теми же интересами, что и коллегия Наркомтяжа: строители, создатели новой, социалистической индустрии.

Вернусь, однако, к истории директора Керченского завода.

Когда Глинка закончил доклад, Орджоникидзе сказал: «Спасибо, Василий Васильевич» — и тот прошел на свое место.

— Теперь вы, пожалуйста,— обратился Серго к человеку с седым ежиком, сидевшему в стороне.

Одернув френч, этот человек, оказавшийся ревизором Наркомтяжа, встал, отчетливо доложил все события, связанные с хищением рельсов.

Глинка при первых же словах ревизора встал и стоял руки по швам, слушал свой приговор.

— Ну, что вы теперь скажете?— спросил его Серго.— Почему вы так некрасиво поступили, Василий Васильевич?..

Глинка — один из любимцев наркома. Их было десятка два — крупнейших руководителей, людей, которым Серго не только безгранично доверял, но которых считал своими ближайшими друзьями.

— Почему вы так поступили, товарищ Глинка?— повторил вопрос нарком.

— Товарищ Серго,— произнес наконец Глинка, разведя руками,— получить фондовые рельсы очень трудно, и, признаюсь, я пошел по более легкому пути...

Орджоникидзе усмехнулся:

— Снять ночью шубу с прохожего, конечно, легче, товарищ Глинка, чем заработать себе на шубу. Но это совсем не одно и то же, Василий Васильевич. Глинка понял, что прощен. Он действительно отделался выговором, а соответственное количество рельсов возвратили Наркомпути.

В другой раз на коллегии стоял вопрос о Союзпластмассе. Дела треста Союзпластмасса шли невесело. Созданный года за два до того, он систематически не выполнял план. Не припомню цифр, но дела у треста шли плохо, и управляющего решили снять.

По просьбе докладчика — снимаемого управляющего — за его спиной заранее установили нечто вроде классной доски. Над ней надпись: «Пластмасса и автомобиль», а на доске укреплены детали машины, сделанные из пластических масс: рулевое колесо с кнопкой сигнала, головка рычага скоростей, несколько шестеренок и т. д.

Когда настала очередь треста и управляющий — он же докладчик,— став на место рядом с наркомом, поднял руку, произошло нечто неожиданное: распахнулись настежь стеклянные створки двери зала заседаний — и на его ковровую дорожку, держа над головами цветные пластмассовые подносы, ступили десять сотрудников треста Союзпластмасса. С изумлением смотрели присутствующие на яркие горы образцов продукции, лежащие на подносах.

В те дни ярко-красные пластмассовые чашки, желтенькие пластмассовые тарахтушки для младенцев или многоцветные кувшины были непривычной новинкой, не вошедшей еще в быт.

Два подноса поставили на стол президиума, остальные на длинный стол членов коллегии.

Пошло оживление — государственные мужи превратились в детей, мгновенно разобрали все, что лежало на подносах, и стали рассматривать.

Один испытывал тарахтушку и гремел ею на весь зал, другой открывал и звонко захлопывал пластмассовый портсигар, третий причесывался невиданной ярко-зеленой пластмассовой расческой, еще кто-то катал по столу маленький автомобиль...

Серго взял с подноса белоснежную флейту и, нажимая на хромированные клавиши, дул, пытаясь извлечь из флейты звук...

Я посмотрел на докладчика...

Он сиял: номер удался!

В зале стоял шум. Гости, подойдя к столу, перегибались через спины членов коллегии и тоже брали невиданные штуки.

На столе с адским грохотом крутился на пластмассовом мотоцикле пластмассовый гонщик. Ложился и вставал пластмассовый ванька-встанька. От нажима груши прыгала пластмассовая болонка.

Смешались голоса людей, смех.

Отчаявшись извлечь звук из флейты, Серго наконец отложил ее и оглянулся на разыгравшийся зал.

Постучав карандашом по графину, Серго сказал:

— Тише, товарищи, тише...

Но то был единственный в истории случай, когда наркома Орджоникидзе не только не послушались, но просто не услышали.

Еще и еще раз безуспешно стучал по графину, и тогда...

Тогда управляющий трестом Союзпластмасса, предвидевший этот момент, в соответствии с тщательно продуманным планом повернулся к доске экспонатов и нажал кнопку сигнала, расположенную в центре рулевого колеса, и в зале заседаний вдруг раздался оглушительный гудок. Оказывается, все заранее предусмотревший управляющий трестом установил именно на этот случай за доской экспонатов мощный «правительственный» сигнал с аккумулятором. Услыхав рев гудка, все замерли, затем расхохотались. А Серго, взглянув на управляющего, с удовольствием произнес:

— Ну, Мейерхольд... Ну, режиссер. Ладно, давайте докладывайте... И «Мейерхольд», получив взыскание, остался на своем посту! А в следующем году дела треста пошли круто вверх. Всякие бывали заседания коллегии, всякие решались вопросы, и далеко не всегда дело заканчивалось мягкими мерами. Но Серго неизменно бывал справедливым, мудрым и добрым.

Я неверно написал выше о всеобщей влюбленности в Серго,— нет, это не то слово,— его просто безгранично любили.

Каплер А. Я.
Загадка королевы экрана.
М., 1979, с. 14—20.

З. Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ

В конце сентября 1936 г. Серго приехал отдохнуть в Кисловодск. В это время в километре от центра города, между Ребровой и Буденновской балками на солнечном Георгиевском плато строился санаторий Наркомтяжпрома. Этот санаторий Серго заложил два года назад. Он сам выбрал это место: здесь воздух так же свеж и чист, как у

знаменитого «Храма воздуха», отсюда открывается чудесный вид на утопающий в зелени город, вдали возвышаются сверкающие на солнце горы, за которыми прячется в тумане красавец Кавказа — Эльбрус.

В 1934 г. Серго говорил: «Мы должны построить такой санаторий, где люди, уставшие после трудной и ответственной работы, нашли бы все. Мы должны обеспечить им не только целительный, но и красивый отдых...»

Теперь, приехав в Кисловодск, Серго раньше всего захотел посмотреть, как идет стройка. Немного отдохнув на скамейке в парке, он сразу же отправился в санаторий.

Очень часто Серго бывал на строительной площадке.

Задание, которое дал Серго, было выполнено. На Георгиевском плато выросли громадные корпуса санатория. Они еще более подчеркивают красоту окружающей природы.

Приближалось пятидесятилетие Серго. За неделю до этого дня приехал к нам старый знакомый Серго — Хизир Орцханов. Серго хорошо знал его: Орцханов был нашим проводником, когда мы перебирались в 1919 г. через Кавказский хребет в Грузию.

Орцханов попросил у Серго разрешения снять с него мерку, чтобы по ней сшить ему в подарок черкеску.

Серго весело рассмеялся: «Ну, ну, не выдумывай, пожалуйста!» — и перевел разговор на другую тему.

27 октября в Пятигорске проходило торжественное заседание, посвященное пятидесятилетию Серго. Он отказался присутствовать на нем, и я отправилась туда одна.

Вернувшись домой, я села у радиоприемника и до четырех часов утра слушала медленный голос диктора: он диктовал для газет всего Союза приветственные телеграммы, адресованные Серго.

В день юбилея с утра товарищи, отдыхавшие в соседних санаториях, стали присылать поздравительные письма и цветы.

В полдень Серго гулял по парку, когда на аллее показалась группа горцев. Это была делегация от Чечено-Ингушской республики.

Горцы преподнесли Серго подарок — огромную книгу, которая называлась: «Освободителю и другу, родному Серго Орджоникидзе от ингушского народа». В книге было напечатано письмо трудящихся Чечено-Ингушетии. Оно было заключено в прекрасный переплет с золотым тиснением; на рисунке был изображен древний ингушский аул, озаренный ярким светом солнца, подымающегося из-за гор. Это

письмо, эта огромная тяжелая книга обошла тысячи людей, перед тем как ее получил Серго, она была подписана 18 912 трудящимися Чечено-Ингушетии.

Серго долго рассматривал подарок. Некоторые ингуши были еще неграмотны; они вместо подписи приложили большой палец, предварительно смоченный в чернилах.

Серго вспомнил, что в годы гражданской войны по всей Ингушетии грамотных насчитывалось не больше 300 человек.

— А как сейчас? — спросил он. Ингуши наперебой стали рассказывать ему, что теперь уже $^4/_5$ населения грамотны. На всю Ингушетию раньше была только одна школа в Назрани, принимавшая на обучение в год 30 кулацких детей. Теперь в Ингушетии до сотни школ и 4 техникума, в которых обучается 12 тысяч детей, юношей и девушек.

Наступил вечер. В биллиардной (это была у нас самая большая комната) накрыли стол и подали обед. За едой ингуши вели с Серго нескончаемую беседу. Седобородые старики и безусые молодые джигиты поочередно поднимались из-за стола и рассказывали о своей счастливой жизни, они приносили свою горячую благодарность великой партии Ленина.

Беседа с горцами была душевной и сердечной. К концу обеда с теплой речью выступил товарищ Димитров (он отдыхал вместе с нами в Кисловодске). После него поднялся Серго. Речь его была яркая и взволнованная. Он с большим подъемом говорил о беспросветной нищете в прошлом и о радостном, лучезарном сегодня.

После обеда один из членов делегации ингушей прочел Серго текст приветственного письма. Это письмо было написано красочно, на основе богатого ингушского фольклора.

Оно заканчивалось следующими пожеланиями:

«Будь жив, покуда существует вселенная!».

«Будь жив, покуда наши горные реки не потекут вспять!».

«Будь жив, покуда у кошки рога не вырастут!»

Вечер прошел очень сердечно. Горцы танцевали лезгинку. Серго был весел, много смеялся и вместе с ингушами в такт танцующим хлопал в ладоши.

В полночь делегация выехала в город Орджоникидзе, а на следующий день я уже собирала вещи, чтобы ехать в Москву.

По приезде в Москву Серго сразу же взялся за наркоматовские дела...

В Наркомат Серго уходил к 10—12 часам дня, если только не было заседания в Центральном Комитете партии или Совнаркоме. Иногда по утрам Серго принимал товарищей на дому. Обедал нерегулярно: иногда в шесть-семь часов вечера, а иногда и в два часа ночи. Работал он с огромным напряжением.

30 декабря вечером Серго поехал в Дом союзов, где состоялось торжественное заседание, посвященное пятнадцатилетию газеты «За индустриализацию». Серго выступил с волнующей речью. С какой гордостью он говорил о великих победах нашей страны! С какой страстью призывал он к дальнейшей борьбе! И потрясающей силой прозвучали последние слова этой речи:

— Сегодня мы с гордостью можем заявить, что нет такой силы, которая могла бы хоть на секунду приостановить наше шествие вперед...

Передо мной — опись бумаг, прочитанных и подписанных Серго в последний день жизни, 17 февраля 1937 г. Телеграмма на завод имени Буденного — прекратить отставание с поставкой паровозных пружин НКПС. Телеграмма на завод имени Ленина и на Ижорский завод — обеспечить прокатку труб. Просьба летчика-наблюдателя Петрова об обмене легковой машины ГАЗ на М-1 и резолюция Серго: «Обменять». Телеграмма на Ворошиловградский завод — принять экстренные меры к выпуску запасных частей для паровозов. Телеграмма мастеру стана Надеждинского металлургического завода Малыгину: «Рад вашему успеху. Привет». Просьба Главоргхимпрома об отпуске 1,5 миллиона рублей на восстановление сгоревшего архива и резолюция Серго: «Если дубликаты сохранились, для чего же тогда 1,5 м. р.?» Доклад об объеме капитальных работ по Главредмету. Приветственное письмо дизельщикам Коломенского завода: «Перед работниками Коломенского завода имени Куйбышева стоит важнейшая задача построить в этом году дизелей 188 тыс. л. с. безукоризненного качества и тем самым усилить обороноспособность нашей страны». Серго выражает уверенность, что коломенцы по-большевистски возьмутся за выполнение программы, и шлет им привет...

В последние дни своей жизни Серго деятельно готовился к докладу на Пленуме ЦК ВКП(б), который должен был состояться 19 февраля. 15 и 16 февраля Серго много писал, он набрасывал тезисы на листочках и в блокноте.

Но делать доклад Серго не пришлось.

Правда, 1939, 18 февраля.

Н. В. КУЙБЫШЕВ

СОВСЕМ НЕДАВНО...

...Встречи с Серго, его обворожительная улыбка, разговоры с ним запоминаются на долгие годы.

Я имел честь получить из рук Серго орден Красного Знамени за руководство боями по взятию Тифлиса и ликвидацию меньшевистской грузинской армии. Товарищ Орджоникидзе был тогда членом Реввоенсовета Кавказского фронта. Я же командовал группой войск батумского направления. Серго приехал к нам в Батум, ознакомился с обстановкой и затем в присутствии работников штаба вручил мне орден Красного Знамени...

В последние годы мне приходилось часто встречаться с Серго. По роду своей деятельности мне приходилось постоянно выступать в роли критика того или иного участка работы оборонной промышленности. Часто мои выступления на заседаниях правительства или письменные доклады вносили остроту в обсуждаемый вопрос и вызывали со стороны Серго крепкие возражения. Ко всякому вопросу Серго относился с исключительным вниманием. Все он принимал близко к сердцу.

Но что характерно для замечательной натуры Серго — это его объективность в отношении к людям. В спорах при обсуждении вопроса он всегда был горяч, проявлял темперамент, крепко наседал на оппонента. Не пройдет и минуты после горячего спора, а Серго уже улыбается, говорит с тобой, как с близким товарищем, одобряет твою настойчивость в отстаивании своего мнения.

Это был обворожительный человек. Все мы его искренне любили.

Красная звезда, 1937, 20 февраля.

О. ОСИПОВ-ШМИДТ

ПОСЛЕДНИЕ УКАЗАНИЯ СЕРГО

Он живет и навсегда останется жить в победах нашей партии, в величии нашей социалистической Родины, в мощи нашей великой индустриальной державы, в крыльях наших самолетов, в броне наших танков, в славных делах нашей кипучей стройки и борьбы... О Серго можно говорить только как о живом.

Да и как можно воспринимать его по-иному, если лишь несколько дней назад мы говорили с ним, учились

у него, согревались его теплом, заряжались его бодростью, его неиссякаемой энергией. Вот перед нами его коренастая фигура, залитая солнцем. Оживленный, сильный, собранный, весь словно устремленный вперед, он сосредоточенно и внимательно слушает своего собеседника и в то же время безошибочно оценивает его, взвешивает его предложения. Удивительно умело, улавливая самую глубокую суть наиболее сложного вопроса, Серго сразу схватывает основное звено, решительно отметает всякие недомолвки и наносную шелуху, и проблема, как бы она ни была запутана, ставится просто, четко, освещается с новой стороны, приобретает новый смысл, иной размах, глубокое, принципиальное, государственное значение. Живые глаза железного командарма промышленности загораются блеском его замечательного ума, светятся огоньками его пламенного большевистского сердца, волевое лицо озаряется какой-то особенной неповторимой теплотой, какой-то особенно волнующей улыбкой. Собеседнику нередко приходится выслушивать горячую и крепкую критику, суровую оценку, но эта критика всегда мобилизует, зовет вперед на преодоление недостатков, требует дальнейшего роста и вселяет крепкую уверенность в том, что очередная победа непременно будет завоевана...

Мы — люди, на долю которых выпало счастье работать под непосредственным руководством товарища Орджоникидзе, и на нас лежит поэтому особое обязательство — рассказать стране о жизни и заветах нашего замечательного руководителя. Сейчас хочется передать хоть немного о последних распоряжениях, которыми Серго обогащал нас в последние 2—3 дня жизни.

Серго готовился к большому и ответственному докладу. Многих из своих помощников он разослал на заводы и в шахты, чтобы ближе присмотреться к жизни, проверить факты. Возвратившиеся с мест товарищи подробно докладывали наркому собранные материалы. Внимательно оценивая сообщения, Серго обобщал факты, делился своими мыслями.

— Основное и главное,— неустанно учил нас Серго,— это партийность в хозяйственной работе.

Партийность в хозяйственной работе в устах Серго обозначала прежде всего абсолютную преданность интересам партии, живую, неразрывную связь с массами, умение прислушиваться к голосу рабочих, умение учиться у стахановцев, умение развивать самокритику и извлекать из нее уроки.

Партийность в хозяйственной работе в устах Серго обозначала войну застою и зазнайству, умение и желание непрерывно учиться, овладевать техникой.

Нет большей опасности для большевика-хозяйственника, чем сползание в болото делячества; нет большего преступления, чем пренебрежение интересами партии и социалистического государства.

Он ненавидел застой, презирал тех, кто не смеет дерзать, кто под всякими предлогами обывательски цепляется за вчерашний день техники. На живых примерах до последнего дня он учил нас тому, как надо поддерживать всякие смелые начинания.

Директор Уралмашзавода товарищ Владимиров обращается к наркому с предложением строить новый блюминг с учетом нового американского опыта. Для этого надо отвергнуть старые чертежи. Ряд наших опытных металлургов противятся этому, опасаясь задержки в сроках изготовления блюминга. Однако Серго решительно поддерживает почин новаторов, и дело, получившее его авторитетную поддержку, сразу движется вперед по новым рельсам.

Особенно горячо выступал Серго против консерватизма в технике, проявляемого со стороны главков. Призванные быть технико-производственными штабами стахановского движения, главки, по мысли Серго, должны быть вдохновителями всего нового, передового. Отсталые настроения в главках он требовал выкорчевывать с особой непримиримостью. Этот вопрос тревожил его непрерывно, он неоднократно возвращался к нему и каждый раз связывал его решение с необходимостью решительного привлечения новых смелых людей.

— Я считаю,— говорил нам товарищ Серго 17 февраля около полуночи, перед своим последним уходом из здания Наркомата тяжелой промышленности,— что наша основная задача сегодня — суметь поднять людей на завоевание новых высот техники. Для этого надо смело выдвигать новые, молодые, окрепшие кадры. К сожалению, главки знают только незначительную часть тех замечательных, способных, прекрасных людей, которые выросли за последние годы. Они не умеют поднимать новых хозяйственников, специалистов, рабочих. А ведь новые высоты техники надо взять руками именно этой растущей молодежи. В этом гвоздь.

Новые кадры, овладевшие техникой,— это наш основной и лучший капитал. Беречь, растить, умножать его — вот центральная задача.

Помнится, читая на днях сводки о работе промышленности за январь, Серго выразил удовольствие по поводу того, что за последний месяц выпуск резиновых приводных ремней на заводе «Каучук» был сразу удвоен против декабря. История этого вопроса не лишена интереса. Ремни долгое время были дефицитны. Пробыв на заводе только два дня, мы без особого труда нащупали пути быстрого увеличения выпуска продукции. Прочтя январскую сводку, подтвердившую наши выводы фактами, Серго сказал:

— Дело наше исключительно быстро растет. Людям технически неграмотным или малограмотным теперь никак нельзя доверять вести его.

Больше всего Серго не выносил фальши. Он умел исключительно тонко улавливать ее проявление. У отдельных работников резиновой промышленности, добившихся после смены руководства первых успехов, в последние дни появились настроения самолюбования; 17 февраля Серго беседовал со мной на эту тему:

— Когда мне говорят о том, что резиновая промышленность уже работает хорошо, я в этом усматриваю желание окружающих помочь новому руководству. Но сам по себе этот факт пока еще не может быть подтвержден. Ведь резина, которую мы начали выпускать в последнее время, еще не проверена практикой.

Смело дерзать и идти вперед, знать дело, которое тебе доверено, знать людей, уметь их организовывать, проверять исполнение — этому искусству Серго не уставал учить всех нас.

Когда товарищ Брускин докладывал 16 февраля Серго о безобразной работе смежников, обслуживающих автомобильные заводы, товарищ Орджоникидзе подверг резкой критике работу Главного управления автотракторной промышленности, потребовал от нас умения глубже подходить к делу, умения распознавать подлинную подоплеку отсутствия дисциплины.

Нам пришлось недавно объехать по поручению товарища Серго ряд заводов Донбасса. И надо откровенно признать: после беседы с наркомом самые выводы нашей поездки получили совершенно иную оценку: он дал нам ключ к решению сложнейших вопросов.

— Вопросы химии должны разрешаться комплексно,— учил нас Серго.

Эту мысль он подтверждал на примере отдельных отраслей. Обращаясь к коксохимии, он говорил:

— Я убежден, что в коксохимии мы можем снять сотни тысяч тонн аммиака и бензола.

И здесь же он намечал пути к осуществлению этих задач.

Заслушав обстоятельный доклад о состоянии заводов содовой промышленности, нарком поставил перед нами вопрос:

— Нельзя ли мощность содовых заводов увеличить?

Он вникал в состояние оборудования, намечал во всех деталях, с чего нужно начать, смело выдвигал новых людей.

Общеизвестно громадное значение сернокислотной промышленности для производства сельскохозяйственных удобрений. Серго в последние дни своей жизни вникал и в это дело с исключительной глубиной, вносил в него замечательную инициативу. Узнав о возможности удвоения мощности Константиновского сернокислотного завода, нарком выдвигает перед нами задачу перехода на местное сырье взамен привозимого с Урала.

16 февраля нарком поручил проверить технический проект Блявинского комбината. Когда 17 февраля ему были доложены результаты проверки, товарищ Серго с замечательной чуткостью подхватил все технические новшества и предложил осуществить их на ряде других строящихся предприятий.

В последний день своей работы в наркомате товарищ Серго знакомился с выводами обследования треста «Артемуголь». Описание того, как стахановцы борются за уголь, было встречено Серго с большой радостью.

— Какие замечательные люди вырастают у нас! — говорил он с восхищением.— Мы еще плохо помогаем им. Вопросы механизации откатки не проработаны нами достаточно.

От этого частного случая Серго опять возвращается к работе Главного управления угольной промышленности, требует укрепления главка.

Так до самых последних минут этот человек громадного государственного ума и воли думал над разрешением новых крупнейших хозяйственных вопросов.

Если бы не настойчивая поддержка, которую Серго неизменно оказывал всему новому, трудно сказать, какие тяжелые удары могли бы быть нанесены нашему народному хозяйству. Мы позволим себе показать это на одном примере.

Долго и настойчиво мы бились за создание промышленности синтетического каучука. Когда были получены пер-

вые 25 тонн каучука, против нас начали открытый поход. Комиссия, состоявшая из 25 человек, доказывала, что каучук этот плох, что методы производства несовершенны, что у нас вообще ничего не получится. Угрожали прекращением финансирования строительства. Противники новой отрасли промышленности не пропускали случая выступить против строительства заводов синтетического каучука.

Но тут вмешался Серго. С незабываемой теплотой и чуткостью он ободрил и поддержал нас, дал нам средства, людей. Наши неудачи он оценил как временное явление. И он, конечно, не ошибся. Он отвел нависший над нами удар, и громадное государственное дело было спасено.

Правда, 1937, 21 февраля.

Э. Г. ОРДЖОНИКИДЗЕ

ИМЕНИ ОРДЖОНИКИДЗЕ

Среди многих дорогих документов, книг, фотографий хранится у меня памятная тетрадь. В нее мне доводится часто вписывать слова: «имени Орджоникидзе...»

У нас в стране принято называть город, улицу, колхоз, предприятие именем человека, чья память дорога народу. Имя Орджоникидзе звучит и сегодня в разных уголках страны, от севера до юга.

На Северном Кавказе я услышала легенду, как поспорили однажды старики: кем же был по национальности товарищ Серго?

— Осетином,— сказал один.— У нас в Осетии все его знают.

— Нет, ингушом,— сказал другой.— В ингушском ауле даже дом уцелел, где был его штаб. И мечом он владел, как истый ингуш.

— Азербайджанцем он был,— возразил третий.— Он сам называл своим учителем бакинский пролетариат.

Подошел к старикам молодой спорщик, засмеялся:

— Простите меня, уважаемые, но Серго Орджоникидзе — грузин. Хотя... потом он жил и работал в Москве. Может, он считается русским?

Но самый старый и самый мудрый из собеседников сурово прервал молодого спорщика:

— Он был и грузином, и русским, и азербайджанцем, и осетином, и ингушом... Он был советским, как и мы все. Каждый уголок советской земли был ему дорог.

Вспоминая эту легенду, я невольно думаю: не оттого ли и людям, живущим в разных концах страны, дорого имя Серго Орджоникидзе?

Город Орджоникидзе — столица Северо-Осетинской АССР. Старики еще помнят боевых красных командиров — Серго Орджоникидзе и Сергея Кирова.

Имя Серго Орджоникидзе носит Тбилисский машиностроительный завод. В Кривом Роге, на Украине, есть шахта имени Орджоникидзе. Его именем назван Московский авиационный институт, Московский станкостроительный и Харьковский тракторный заводы. Колхозы, районы, улицы, океанский и речной теплоходы.

В тетради моей десятки названий, а за ними — мощные заводские корпуса, машины, студенческие аудитории.

Я не перестаю удивляться, как много сумел сделать мой отец за пятьдесят лет жизни. Но никогда не забываю сказанных им однажды слов: все его планы и замыслы были великими планами и замыслами Коммунистической партии нашей страны, всего советского народа. Если бы не всеобщая поддержка, они остались бы неосуществимой мечтой. Отец умел воевать и умел работать. Умел дружить с людьми. Шутить и радоваться. Он очень верил в Человека. В его силы и могущество. В светлое будущее. В справедливость и незыблемость нашего строя.

Поэтому за словами «имени Орджоникидзе» мне слышится: «Мы тебя помним, товарищ Серго. Имя твое не будет забыто!»

Орджоникидзе Э. Товарищ Серго. М., 1977, с. 40—42.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВОСПОМИНАНИЙ

Амирханян Ш. М., член Коммунистической партии с 1912 г. Активный участник революционного движения в Закавказье. После установления Советской власти в Армении народный комиссар внутренних дел Армении, председатель ЦКК — нарком РКИ Армении.

Байдуков Г. Ф., член Коммунистической партии с 1936 г. Генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза.

Бардин И. П., действительный член Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР. Активный участник решения основных технических вопросов отечественной черной металлургии.

Бирман С. П. (Иштван Бирман), член Коммунистической партии с 1918 г. Один из создателей Венгерской коммунистической партии и член ее Центрального Комитета первого состава. Работал в правлении Главметалл, был председателем Югостали. В 1930—1932 гг.— член ЦИК СССР, Президиума ВСНХ, затем — директор Днепропетровского завода имени Петровского.

Богдатьева Е. М., участница Октябрьского вооруженного восстания и гражданской войны.

Бреслав Б. А., член Коммунистической партии с 1903 г. Участник Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде.

Бусыгин А. Х., член Коммунистической партии с 1938 г. Герой Социалистического Труда, один из зачинателей стахановского движения в автомобильной промышленности.

Бутенко К. И., член Коммунистической партии с 1931 г. Инженер-металлург. В 30-е годы — начальник доменного цеха, технический директор Енакиевского металлургического завода, директор Кузнецкого металлургического завода, зам. народного комиссара тяжелой промышленности.

Вайс Г. Л., член Коммунистической партии с 1942 г. В 1933 г.— корреспондент газеты «За индустриализацию».

Веденеев Б. Е., советский энергетик и гидротехник, академик. Принимал участие в составлении плана ГОЭЛРО, один из руководителей строительства Волховской и Днепровской ГЭС.

Воронский А. К., член КПСС с 1904 г., советский критик, писатель. Участник революции 1905—1907 гг. Делегат VI (Праж-

ской) конференции РСДРП и VIII съезда РКП(б), член ВЦИК четырех созывов. В 1921—1927 гг. редактировал журнал «Красная новь».

Гершберг С. Р., член Коммунистической партии с 1940 г. С 1931 по 1949 г. работал в «Правде», с 1949 г.— в издательстве «Советская энциклопедия».

Гинзбург С. З., член Коммунистической партии с 1917 г. В 30-е годы был членом Президиума ВСНХ, зам. наркома тяжелой промышленности, председателем Комитета по делам строительства при СНК, наркомом по строительству.

Гудов И. И., член Коммунистической партии с 1939 г. Герой Социалистического Труда. С 1934 г.— рабочий на заводе имени С. Орджоникидзе. Один из первых стахановцев в тяжелой промышленности.

Долидзе А. Г., член Коммунистической партии с 1905 г. Принимал активное участие в революционной борьбе за установление Советской власти в Грузии. Был наркомом РКИ Грузии и зам. наркома Закавказской РКИ.

Дьяконов С. С., член Коммунистической партии с 1920 г., директор института-комбината, начальник планового управления НКТП, директор Горьковского автомобильного завода.

Ефремов М. Г., член Коммунистической партии с 1919 г., генерал-лейтенант. Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

Завенягин А. П., член Коммунистической партии с 1917 г., дважды Герой Социалистического Труда. В 1941—1950 гг.— зам. наркома внутренних дел СССР, потом — зам. министра среднего машиностроения СССР, зам. Председателя Совета Министров СССР.

Зискинд А. В., член Коммунистической партии с 1917 г. В 1924—1933 гг.— зам. начальника Научно-технического управления ВСНХ СССР и Наркомтяжпрома, редактор газеты «Техника».

Ильинский Я. С., член Коммунистической партии с 1919 г. Участник гражданской войны, дипломат.

Иоффе А. Ф., член Коммунистической партии с 1942 г. Советский физик, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР. Организатор и первый директор Физико-технического института, Института полупроводников АН СССР и Физико-агрономического института.

Каплер А. Я., советский кинодраматург, заслуженный деятель искусств РСФСР.

Клочков А. У., член Коммунистической партии с 1926 г. Участник гражданской и Великой Отечественной войн.

Коробов П. И., член Коммунистической партии с 1934 г., Герой Социалистического Труда. Директор металлургических заводов в Днепропетровске, Магнитогорске. С 1939 г.— зам. наркома, позднее — зам. министра черной металлургии СССР. С 1955 г.— первый зам. председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по новой технике.

Куйбышев Н. В., член Коммунистической партии с 1918 г. Советский военачальник. Награжден тремя орденами Красного Знамени.

Левандовский М. К., член Коммунистической партии с 1920 г. Участник гражданской войны. В 1928—1929 гг.— уполномоченный Наркомвоена при СНК ЗСФСР, начальник Главного управления РККА, затем командующий войсками Сибирского и Закавказского военных округов, Приморской группой войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

Ляндрес С. А., член Коммунистической партии с 1930 г. В 30-е годы работал в аппарате Наркомата тяжелой промышленности, а затем был зам. директора издательства «Известия», зам. директора ОГИЗ РСФСР.

Мазай М. Н., член Коммунистической партии с 1938 г. Сталевар Ждановского металлургического завода им. Ильича. В 1936 г. выступил зачинателем соревнования за высокие съемы стали.

Медведев А. А., член Коммунистической партии с 1917 г. Штабс-капитан царской армии, член Военной организации РСДРП(б). С 28 октября 1917 г. работал в Смольном, затем начдив Особой Вятской, комиссар снабжения 13-й и 8-й армий, зам. командующего трудовыми частями республики.

Микоян А. И., член Коммунистической партии с 1915 г. Советский партийный и государственный деятель, Герой Социалистического Труда. В 1917—1918 гг.— на руководящей партийной работе в Закавказье. С 1926 г. — на ответственных государственных и партийных постах, в том числе Председатель Президиума Верховного Совета СССР и первый зам. Председателя Совета Министров СССР.

Мусабеков Г. М., член Коммунистической партии с 1918 г. Советский государственный и партийный деятель. В 1920—1922 гг.— член Ревкома Азербайджана, наркомпрод Азербайджанской ССР. С 1922—1928 гг.— председатель СНК, позднее — председатель ЦИК Азербайджанской ССР, председатель СНК ЗСФСР. С 1925 г.— один из председателей ЦИК СССР.

Назаретян А. М., член Коммунистической партии с 1905 г. Участник борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе и в Грузии. Член Ревкома Грузии, затем — ЦК КП(б) Грузии. В последующие годы — заведующий бюро Секретариата ЦК РКП(б), секретарь Закавказского крайкома ВКП(б).

Орджоникидзе З. Г., жена Г. К. Орджоникидзе. Окончила Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. Работала в детских дошкольных учреждениях. Автор книги о Серго — «Путь большевика».

Орджоникидзе Э. Г., дочь Г. К. Орджоникидзе. Директор дома-музея Г. К. Орджоникидзе в с. Гореша Орджоникидзевского района Грузинской ССР.

Осипов-Шмидт О. П., член КПСС с 1925 г. С декабря 1936 г.— зам. наркома тяжелой промышленности СССР.

Петров Ф. Н., член Коммунистической партии с 1896 г. Дважды Герой Социалистического Труда. Участник Октябрьской революции в Сибири и на Дальнем Востоке.

Пешкин И. С., член Союза журналистов СССР. Работал в газетах «За индустриализацию», «Известия», «Труд».

Полуян Я. В., член Коммунистической партии с 1912 г. Участник борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе.

Серафимович А. С., член Коммунистической партии с 1918 г., советский писатель.

Соловей Е. М., член Коммунистической партии с 1905 г. Участница Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны.

Стасова Е. Д., член Коммунистической партии с 1898 г. Профессиональная революционерка, активная участница Октябрьского вооруженного восстания. С февраля 1917 г. до марта 1920 г.— секретарь ЦК партии. В 1921 г. работала в Коминтерне, затем — зам. председателя Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и председатель ЦК МОПР СССР. В 1938—1946 гг.— редактор журнала «Интернациональная литература».

Стаханов А. Г., член Коммунистической партии с 1936 г. Герой Социалистического Труда. Новатор угольной промышленности.

Уборевич И. П., член Коммунистической партии с 1917 г. Участник гражданской войны. Советский военачальник. С декабря 1922 г.— член ВЦИК СССР.

Халепский И. А., член Коммунистической партии с 1918 г. Советский военный деятель. Участник гражданской войны.

Хомерики К. И., член Коммунистической партии с 1901 г. Участник борьбы за установление Советской власти в Грузии.

Цицкишвили В. Х.— первый учитель Серго Орджоникидзе.

Швейцер В. Л., член Коммунистической партии с 1905 г. Участница первой русской революции. С 1911 г. работала в Российской организационной комиссии. В июне 1912 г. арестована за принадлежность к тифлисской организации РСДРП и сослана в Сибирь.

Широкова-Диваева В. П., врач-гигиенист. В 1915 г. после окончания Петроградского медицинского института работала в Якутске. В первые годы Советской власти заведовала школьно-санитарной секцией Якутского губздравотдела. С 1923 г. работала в Ташкенте. Заслуженный врач Узбекской ССР.

Шнапир С. Д., член Коммунистической партии с 1927 г. Член Союза журналистов СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

Воспоминания, очерки, статьи современников

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редакторы *Г. П. Шкаренкова, Н. И. Коршикова*
Младший редактор *Л. Г. Еремина*
Художник *Ю. С. Муравьев*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Г. М. Короткова*

ИБ № 5243

Сдано в набор 17.09.85. Подписано в печать 27.01.86. А00017. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,91. Усл. кр.-отт. в тканевом переплете 18,27, в бумажном переплете 18,69. Уч.-изд. л. 17,95. Тираж 200 000 (1—100 000) экз. Заказ № 8249. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография издательства «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Пламенный К

чести, ~~гордост~~

нашей ~~навек~~

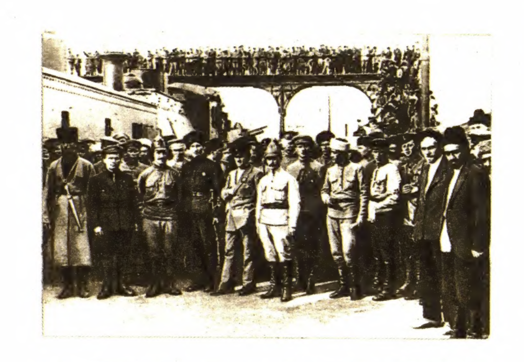
молодежи Ка

Друг ваш сер

[illegible]

...аилед нашей
нашей обезд...
...де красной
...икала.
будет ~~дома~~
...е

95 коп.



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

О СЕРГО
ОРДЖОНИКИДЗЕ
Воспоминания,
очерки,
статьи
современников